

Моя
Любовь

Сандра Браун

Скандальная
История

Сандра Браун

Скандальная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129505

Скандальная история: Эксмо; Москва; 2000

ISBN 5-04-006168-4, 5-04-006301-6

Оригинал: SandraBrown, "Breath of scandal"

Перевод:

Д. Злодоров

Аннотация

Дождливой южной ночью Джейд Сперри пришлось пережить самое страшное, что только может случиться с девушкой, оказавшейся в руках трех молодых подонков. Поруганная честь, грандиозный скандал, личная трагедия заставляют ее бежать из дома куда глаза глядят. Джейд выстояла, но никогда, ни на минуту, не забывала этот сонный заштатный американский городок, где все – мужчины, женщины, дети – зависят от весильной семьи Патчетт. Она так и не простила богатых негодяев, которые исковеркали ее жизнь. И однажды Джейд возвращается, чтобы отомстить. Чтобы освободится от зла, которое жжет ее сердце. Чтобы вернуть утраченную жажду любви.

Содержание

Пролог	5
I	8
II	29
III	67
IV	97
V	123
VI	154
VII	169
VIII	186
IX	205
X	235
XI	252
XII	263
XIII	281
XIV	304
XV	326
XVI	344
XVII	368
XVIII	396
XIX	409
XX	430
XXI	444
XXII	478

XXIII	512
XXIV	540
XXV	572
XXVI	591
XXVII	616
XXVIII	640
XXIX	665
XXX	684

Сандра Браун

Скандалная история

Пролог

Нью-Йорк, 1990

Она возвращается в Пальметто.

Джейд Сперри раздвинула шторы в своем офисе на двадцатом этаже и выглянула в окно. Далеко внизу, огибая Линкольн-Центр, медленно ползли автомобили. Порывы холодного ветра с силой вырывались из-за углов улиц, бились о городские автобусы, изрыгавшие ядовитый дым в и без того отравленный воздух. Такси, похожие на шустрых желтых жуков, перестраиваясь с одной полосы движения на другую, пытались выбраться из пробки. И ни на миг не прерывался поток пешеходов с портфелями и сумками в руках.

Когда Джейд приехала в Нью-Йорк, ей сначала было трудно заставить себя окунуться в это непрерывное движение. В первое время она ужасно боялась перекрестков. Ей было страшно стоять на переходе какой-нибудь авеню в центре Манхэттена, с замиранием сердца прикидывая в уме, кто первым раздавит тебя – юркое такси, неуклюжий авто-

бус или напираящая сзади толпа людей, раздраженных твоей неспешной провинциальной речью и неуверенной походкой. Каждый раз, словно принимая вызов, Джейд опускала голову и ныряла в этот поток. Она действительно не умела ходить так стремительно, соображать так быстро, говорить так живо, как местные. Но это ее не смущало: просто она была другой, не такой, как они. Джейд была воспитана не на суете. Она выросла там, где самой подвижной особью в летний день была стрекоза, скользкая над гладью болота.

Еще до приезда в Нью-Йорк Джейд привыкла много работать с полной самоотдачей. Она приспособилась и выжила благодаря упорству и гордости, которые, как и неспешная речь, сразу выдают уроженца Южной Каролины.

Теперь все это окупалось. Она вознаграждена. Тысячи часов, потраченных на замыслы и тяжелую работу, дали свои результаты. Никто и не догадается, сколькими годами и слезами пришлось заплатить ей за возвращение в родной город.

И вот она возвращается в Пальметто.

Кое-кому там придется заплатить за все, а уж Джейд постарается за этим проследить. Теперь она в силах восстановить справедливость, о которой так мечтала.

Джейд продолжала смотреть в окно, но почти не замечала происходившего на улицах. Мысленно она была далеко. Она видела высокую траву на прибрежных болотах, вдыхала крепкий соленый воздух океана и аромат цветущих магнолий, ощущала вкус простой тамошней кухни. Небоскребы

сменились высокими соснами, широкие авеню превратились в каналы с медленно текущей водой. Джейд вспомнила запах воздуха, такого густого и плотного, что не шевельнутся даже тонкие стебельки серого испанского мха на стволах древних виргинских дубов.

Да, она возвращается в Пальметто.

И когда она туда доберется, там начнется такое...

I

Пальметто, Южная Каролина, 1976

– Хорош!

– Честное слово!

– Хватит врать, Патчетт!

– Что скажешь, Ламар? Вру я или нет? Может хорошая шляха надеть тебе резинку только ртом?

Ламар Гриффит насмешливо глядел на своих лучших друзей – Хатча Джолли и Нила Патчетта.

– Я не знаю, Нил. А что, и правда может?

– А, нашел кого спрашивать, – ухмыльнулся Нил. – Ты же никогда не имел дела с проститутками.

– А ты имел? – расхохотался Хатч.

– Да, имел. Много раз.

Три старшеклассника сидели за пластмассовым столиком в отдельной кабинке местного молочного кафе «Дейри Барн». С одной стороны на виниловой скамейке расположились Хатч и Ламар, с другой стороны на такой же скамейке развалился Нил.

– Я не верю ни одному твоему слову, – сказал Хатч.

– Мой старик сводил меня к одной...

Ламар недоверчиво хмыкнул:

– Ты не смущался?

– Черта с два!

Хатч презрительно взглянул на Ламара.

– Он врет, дурачина.

Снова повернувшись к Нилу, Хатч спросил:

– И где же этот публичный дом?

Нил изучал свое отражение в оконном стекле: красивое лицо, густые пряди темно-русых волос, спадавших на брови над зелеными глазами, в которых читался вызов. Бордовая с белым школьная куртка была изрядно потрепанной и сидела на нем с небрежным изяществом.

– Я не говорил, что он сводил меня в публичный дом. Я сказал, что он отвел меня к проститутке.

Хатч Джолли выглядел куда менее привлекательно, чем его друг Нил: большой, неуклюжий малый с широкими костлявыми плечами и ярко-рыжими волосами. К тому же лопухий. Придвинувшись ближе, он облизал толстые губы. Его голос зазвучал мягко и вкрадчиво:

– Ты хочешь сказать, что в нашем городе есть проститутка? Кто она? Как ее зовут? Где живет?

Нил одарил друзей ленивой улыбкой.

– Вы полагаете, что я выдам вам этот секрет? Я знаю, что вы тут же начнете ломиться к ней как последние придурки. Мне будет стыдно признаться, что я знаком с вами.

Он подозвал официантку и заказал всем еще по порции

вишневого коктейля. Когда напиток появился на столе, Нил достал из внутреннего кармана куртки серебряную фляжку с бурбоном и щедро плеснул из нее в свой стакан. Потом предложил приятелям. Хатч тоже подлил себе виски.

Ламар отказался.

– Нет, спасибо. С меня хватит.

– Сопляк, – сказал Хатч, тыкнув его локтем в живот. Нил спрятал фляжку в карман.

– Мой старик говорит, что есть две вещи, которых мужику всегда мало: виски и бабы.

– Аминь. – Хатч всегда соглашался со всем, что изрекал Нил.

– Ты согласен, Ламар? – насмешливо спросил Нил. Темноволосый парень пожал плечами.

– Конечно...

Недовольно насупившись, Нил откинулся на спинку скамьи.

– Ты становишься слишком серьезным для нас, Ламар. Если ты не будешь поддерживать нас, мы обойдемся без тебя.

В темных глазах Ламара мелькнуло беспокойство.

– Что ты имеешь в виду, говоря «поддерживать»?

– Я имею в виду отрываться. Я имею в виду трахаться. Я имею в виду напиваться.

– Мамочке не нравится, когда он себя плохо ведет. – Хатч по-женски сложил свои большие руки под подбородком и заморгал часто-часто. Слова он произнес фальцетом, нарочи-

то издевательски, поэтому вышло очень смешно.

Но Ламар принял насмешку серьезно.

– В пятницу вечером я вывернул свои кишки, как все, – сказал он. – Разве я не воровал арбузы прошлым летом, как ты велел, Нил? И разве не я покупал баллончики с краской, которой мы расписали стены почты?

Хатч и Нил расхохотались в ответ на эту страстную тираду. Нил перегнулся через стол и потрепал Ламара по щеке.

– Ты все делал правильно, Ламар. Нормально.

Не в силах дальше сохранять серьезное лицо, он рассмеялся.

Костлявые плечи Хатча тоже содрогались от смеха.

– Ты наблевал больше, чем мы вдвоем, Ламар. А что твоя мамочка сказала о твоём похмелье вчера утром?

– Она не знала, что мне было плохо. Я весь день провалялся в постели.

Им было скучно. Воскресные вечера всегда были скучными. «Плохие» девочки приходили в себя после субботних вечерних вакханалий и не желали, чтобы их беспокоили. Хорошие девочки отправлялись в церковь. Спортивные соревнования по воскресеньям не проводились. Сегодня ребятам не хотелось ни рыбачить, ни ловить крабов.

Потому-то Нил, всегдашний лидер и стратег, и запихнул двоих приятелей в свой спортивный автомобиль. Они долго кружили по улицам Пальметто, выискивая, чем бы занять себя. Проехав по центру несколько раз, они так и не нашли

ничего подходящего.

– Может, махнем в Вальмарт и посмотрим там? – предложил Ламар. Приятели хором ответили:

– Нет!

– Придумал, – заявил Нил в порыве вдохновения. – Завалимся в одну из церквей для ниггеров, там всегда можно повеселиться.

– Ха. – Хатч мотнул своей огненной шевелюрой. – Папочка сказал, что сдерет с меня шкуру, если мы еще раз так сделаем. Когда мы повеселились у них в последний раз, там чуть не начались расовые волнения.

Отец Хатча, Фриц, был шерифом графства. Его именем ребятам не раз приходилось прикрываться, чтобы выйти из трудного положения.

Последним прибежищем, где они надеялись разрядиться, было молочное кафе. Пока они вели себя здесь пристойно и не нарушали порядка, никто не мог прогнать их отсюда. Разумеется, им бы крепко досталось, если бы Нила застукали с флягой виски в кармане.

Когда Нил выходил из дома, его отец Айвен запретил ему брать с собой пиво.

– Почему? – спросил Нил.

– Потому что вчера утром мне звонил Фриц. Он был просто вне себя. Сказал, что в пятницу вечером Хатч вернулся домой вонючим и пьяным и что это ты принес пиво. Он сказал, что сын шерифа не должен разъезжать по городу в пья-

ном виде и хулиганить. Дора Джолли тоже была в таком бешенстве, что ее чуть не связали. Я сказал ему, что разберусь.

– И что?

– А то... Я и разобрался, – загремел Айвен. – Сегодня никакого пива!

– Господи! – Нил вылетел из дома как пробка. Уже в машине он ухмыльнулся и похлопал ладонью по карману куртки, где была спрятана серебряная фляжка с дорогим бурбоном. Айвен не хватится ее.

Но теперь удовольствие от того, что он опять обвел отца вокруг пальца, как-то увяло. Хатч пожирал свой второй гамбургер. Его манера есть вызывала у Нила отвращение. Хатч не ел, а жрал, словно это было в последний раз в жизни. Он отхватывал огромные куски, чавкал и, пока ел, не утруждал себя разговором.

Ламар же был нудный, как больной зуб: от него всегда шло что-то нервное. Нил терпел его компанию только из-за беззащитности: приятно иметь при себе сосунка, над которым можно зло подшутить или просто подколоть. Ламар был приветлив и довольно привлекателен, но для Нила он был всего лишь мальчиком для битья.

Сегодня вечером Ламар как всегда выглядел угрюмым и нервным. Всякий раз, когда к нему кто-нибудь обращался, он вздрагивал. Нил считал, что его постоянное нервное возбуждение из-за матери: эта старая стерва могла заставить вздрагивать кого угодно.

Майраджейн Гриффит воображала себя Бог весть кем, потому что была урожденной Коуэн. Некогда Коуэны владели самыми крупными хлопковыми плантациями между Саванной и Чарлстоном. С той поры утекло много воды, и об этом помнили лишь старожилы. Для Коуэнов настали трудные времена, они разорились, большинство из них умерло. Старый дом плантаторов невдалеке от берега еще стоял, но был давно заколочен и заброшен.

Тем не менее Майраджейн держалась за свою девичью фамилию, как олененок за материнский сосок. Она работала на соевой фабрике Патчетта, как большинство жителей трех соседних графств, и вкалывала бок о бок с цветными и теми, в чью сторону в лучшие времена она бы даже не плюнула. Майраджейн пилила своего мужа до самой его смерти. Когда Айвен посмотрел на отца Ламара в гробу, он сказал, что бедняга впервые за долгие годы улыбается.

«Господи, – думал Нил, – ничего удивительного. С этой каргой станешь еще и не таким нервным».

Нил был рад, что его мать умерла, когда он был совсем ребенком. Череда нянек, в большинстве цветных женщин из окрестностей Пальметто, воспитывали мальчика до тех пор, пока он не подрос и не стал давать сдачи, когда его пытались отшлепать. Его мать, Ребекка Флори Патчетт, была бесцветной блондинкой и самой несексуальной женщиной из тех, с которыми Айвен имел дело. Так сам Айвен сказал Нилу, когда тот поинтересовался, какой была его мать:

– Ребекка была симпатичной крошкой, но трахать ее было все равно, что ледышку. Хотя она дала мне то, чего я хотел, – тут Айвен легонько стукнул его в челюсть, – сына.

Нил полагал, что ему не повезло, потому что за все приходится отвечать перед одним родителем, хотя Айвен обычно проявлял снисходительность, когда сынок шкодил. Отец платил все штрафы Нила за превышение скорости и стоимость вещей, которые тот портил или воровал в магазинах.

– Да ты знаешь, кто мой отец? – заорал Нил на продавца, поймавшего его недавно на краже в магазине скобяных изделий.

Шериф Фриц Джолли вынужден был вызвать Айвена на место происшествия, чтобы замять дело. Нил покинул магазин с украденным охотничьим ножом и с самодовольной ухмылкой, которая окончательно вывела из себя взбешенного продавца. Позднее тот обнаружил, что у его автомобиля проколоты все четыре шины...

В этот вечер Нилу особенно хотелось позабавиться.

– Церковь, значит, отпадает. – Наблюдение за Ламаром на время отвлекло Нила от этой мысли.

В молочную ввалилась группа молодых людей. Нил сразу оценил вошедших ребят как не стоящих его внимания. Зато горящим взглядом осмотрел с головы до пят каждую девушку. Такой взгляд дойдет до нутра любой и вызовет ночью сладкое воспоминание.

Кроме того, никогда не мешает заранее подготовить поч-

ву. Как знать, не надоест ли ему в один прекрасный день его компания и не захочет ли он встретиться с одной из этих девчонок? И тогда, если он позвонит, она вспомнит подаренный ей страстный взгляд. Нил однажды похвастался, что способен ровно за пять минут превратить девочку из церковного хора в шлюху. И это не была пустая похвальба.

– Привет, Нил. Привет, Ламар. Привет, Хатч.

Возле их кабинки остановилась Донна Ди Монро. Нил по привычке прошелся по ней взглядом снизу вверх и обратно.

– Привет, Донна Ди. Получила сегодня спасение души?

– Она уже и так спасена. Но уверена, что тебе, Нил Патчетт, гореть в аду.

Он засмеялся:

– Черт побери, ты права. И я жду не дождусь, когда попаду туда. Привет, Флорен!

Одна из пришедших с Донной Ди девочек была несколько недель назад в местном клубе на танцах в день святого Валентина. Выбор в тот вечер был не ахти, поэтому Нил стал флиртовать с Флорен, хотя обычно даже не замечал ее. Он танцевал с ней, пока она в буквальном смысле слова не начала таять. Нил вывел Флорен наружу и запустил руку ей под подол. Вскоре его пальцы стали влажными. Но в самый интересный момент заявился папочка Флорен... Сейчас Нил опустил глаза и томным голосом спросил:

– Покаялась ли во грехах, Флорен? Не имела ли нечистых помыслов?

Девушка покраснела до корней волос, пробормотала что-то невразумительное и бросилась догонять подружек, с которыми пришла сюда из церкви.

Донна Ди осталась. Это была щекастая девчонка с темными блестящими глазами, остроумная, но порой пошловатая. По части наружности она была слабовата. Свои прямые и тонкие волосы Донна Ди носила на пробор, потому что никак иначе причесать их было невозможно. В профиль ее верхняя губа почти касалась ноздрей. Если добавить к этому неправильный прикус и колючий, быстрый взгляд, то она походила на крысу. У нее были какие-то виды на Хатча, но тот, как всегда, игнорировал ее.

– Смотри, кто явился, – сказал Хатч, обращая внимание Нила на автостоянку за окном. – Сам мистер президент спортклуба «Красивое тело».

Они наблюдали, как Гэри Паркер ставил на свободное место свою машину. Рядом с ним сидела его постоянная подруга Джейд Сперри.

– И привез с собой самое лучшее из красивых тел...

Нил бросил на Ламара испепеляющий взгляд: уж не вздумал ли тот над ним издеваться? Вроде нет. Свой интерес к Джейд Сперри он скрывал от всех.

– Тачка у него дерьмовая, – заметил Хатч, ни к кому не обращаясь.

– Но, похоже, Джейд это несколько не волнует, – сказал Ламар.

– Конечно, не волнуется, ты, пресмыкающееся! – отрезала Донна Ди. – Она его любит, и ей нет дела, что он беден. Ну, я пойду, поздороваюсь с ними. Всем привет!

Нил мрачно смотрел в окно на Гэри и Джейд. Гэри, должно быть, сказал что-то смешное, потому что Джейд рассмеялась и, прижавшись к нему, потерлась виском о его подбородок.

– Черт, какая она классная, – простонал Хатч. – А он гребаный фермер. И что она в нем нашла?

– Мозги, – заметил Ламар.

– А может, он поразил ее своим большим плугом? – пошутил Хатч.

Ламар захихикал. Нил хранил молчание. Он застыл и не сводил глаз с Гэри, который нежно поцеловал Джейд в губы, прежде чем открыть дверцу и выйти из машины. Поцелуй был нежный и целомудренный. Нилу не в первый раз уже подумалось, а целовал ли ее кто-нибудь, кто, как он, знает в этом деле толк.

Джейд, безусловно, была самой красивой девушкой в средней школе Пальметто. А самая красивая девушка должна была принадлежать Нилу Патчетту, так же, как самая лучшая одежда и самый лучший автомобиль. Его папаша был самым богатым, самым могущественным человеком в округе. Уже одно это давало Нилу право на все, что он только желал. Но, видно, никто не поставил об этом в известность мисс Джейд Сперри.

Какая Нилу разница, насколько высок уровень интеллектуального развития у Гэри. Нил никогда не мог понять, как могла она предпочесть его этому паршивому фермеру. Она не только не проявляла к Нилу ни малейшего интереса, но у него даже сложилось впечатление, что Джейд испытывает к нему отвращение. С необъяснимым снобизмом она взирала на него как на убогое существо. Да, она всегда была вежлива – Джейд была обходительна со всеми, но за ее учтивостью Нил чувствовал презрительное отношение к себе, и это его бесило.

Может быть, Джейд не знает, чем пренебрегает? Может быть, не понимает, что сделала не лучший выбор? А не пора ли помочь ей понять ее ошибку?

– Пошли, – сказал вдруг Нил, вставая и устремляясь из кабинки.

Бросив на стол достаточно денег, чтобы расплатиться за их коктейли и гамбургеры Хатча, он двинулся к выходу.

Выйдя на улицу, Нил направился к окошку, где посетители с улицы могли заказать себе что-нибудь, не заходя в кафе. Он даже не позвал Хатча и Ламара: знал, что они и так пойдут за ним.

Донна Ди открыла дверцу машины Гэри Паркера и села рядом с Джейд.

– Я не знала, что ты сюда собираешься, – сказала Джейд. – Мы могли бы из церкви тебя сюда подвезти.

– Чтобы я была третьим лишним? Нет, спасибо.

В голосе Донны Ди не было обиды. Девушки уже давно были неразлучны, еще с детского сада. Любому было ясно, что Джейд затмевает Донну Ди, но та не держала зла на свою более красивую и более умную подружку.

– Что ты думаешь о сегодняшней вечерней проповеди? – спросила Донна Ди. Тема проповеди была неприятна Джейд. Но она все же спокойно ответила:

– Мне нечего стыдиться.

– А все-таки... – заметила Донна Ди. Джейд обеспокоенно вздохнула.

– Я не хотела тебе говорить, но мы с Гэри обсуждали эту тему. Я так и знала, что...

– Об этом можно говорить открыто, – объяснила Донна Ди. – Вы встречаетесь с ним три года. И все, конечно, уверены, что вы этим занимались уже миллион раз.

Джейд закусила нижнюю губу.

– И моя мать – первая. Мы с ней сцепились перед тем, как Гэри сегодня заехал за мной.

– И что? – Донна Ди взяла губную помаду из сумочки Джейд и стала красить губы. – У вас с мамочкой всегда ссоры и споры. Прости за резкость, Джейд, но твоя мамашка – настоящая сука.

– Она не хочет понять, что я люблю Гэри.

– В том-то и дело, что понимает. Она просто не хочет, чтобы ты любила его. Она считает, что ты можешь найти ко-

го-нибудь получше.

– Для меня лучше него никого нет.

– Ты, конечно, поняла, что я имею в виду. – Донна Ди продолжала рыться в сумочке Джейд. – Ей хочется, чтобы ты крутила с кем-нибудь богатыньким и влиятельным, с кем-нибудь вроде Нила.

Джейд передернуло.

– Черта с два...

– Думаешь, он действительно лапал Флорен на балу в день святого Валентина? Может, она просто треплется? За ней это водится.

– По-моему, нечем хвастаться, если тебя лапал Нил Патчетт.

– Ну, ты у нас исключение.

– И слава Богу.

– Нил неплохо смотрится, – заметила Донна Ди.

– Терпеть его не могу. Только посмотри на него сейчас.

Воображает себя таким крутым.

Девушки посмотрели на Гэри, ждущего своей очереди сделать заказ, и на окружавших его Нила с друзьями.

Нил пару раз стукнул Гэри по плечу, а когда тот сказал, чтобы от него отстали, принял боксерскую стойку.

– Он совершенно несносен, – произнесла Джейд с омерзением.

– Верно. Жалко, что Хатч с ним постоянно таскается.

То, что Донна Ди влюблена в Хатча Джолли, не было тай-

ной. Ее чувства были видны всем. Джейд считала, что Хатч Джолли и выглядит и ведет себя как неотесанный мужлан, но, щадя чувства Донны, Ди, никогда не высказывала своего мнения. Джейд не говорила Донне Ди и о том, что Хатч много раз звонил ей и пытался назначить свидание. Она отклоняла эти предложения из-за Гэри. Но даже если бы у нее не было постоянного парня, она никогда бы не пошла на свидание с Хатчем, из-за Донны Ди.

– Джейд, а тебе совсем не нравится Хатч? – спросила Донна Ди.

– Ну, почему же, нравится.

На самом деле Хатч вызывал у Джейд какое-то неприятное чувство. Они посещали вместе занятия по тригонометрии, и она часто ловила на себе его пристальный взгляд. Тогда он краснел под своими веснушками, а затем принимал надменный вид, чтобы скрыть смущение.

– Что в нем плохого? – в голосе Донны Ди звучала защитная интонация.

– Откровенно говоря, ничего. Кроме его компании.

– Как ты думаешь, он пригласит меня на выпускной вечер? Я умру, если он этого не сделает.

– Не умрешь, – устало сказала Джейд. Донна Ди так упала духом из-за недостатка сочувствия с ее стороны, что Джейд сменила тон.

– Прости, Донна Ди. Я надеюсь, что Хатч пригласит тебя. Правда.

Выпускной вечер старшекласников в мае проходил всегда тривиально: какой-то и не детский, и не взрослый. Для Джейд это лишь еще одна ступенька в осуществлении их с Гэри планах на дальнейшее. Она не придавала вечеру особого значения, потому что и так постоянно встречалась с Гэри. В отличие от Донны Ди она не беспокоилась, что будет на выпускном вечере без спутника.

– Я не могу и представить, что Хатч пригласит другую. А как ты думаешь? – с тревогой спросила Донна Ди.

– Нет, наверно. – Джейд взглянула на часы. – Чего он там так долго? Я должна быть дома к десяти, а то мама опять заведется.

– Вам еще нужно выгадать время, чтобы посидеть с ним в машине где-нибудь, да?

Донна Ди пристально посмотрела на подругу и шепнула:

– Когда вы там с Гэри, тебе не хочется умереть от возбуждения?

– Да, – слегка вздрогнув, призналась Джейд. – А еще хочется умереть, потому что приходится останавливаться.

– И вовсе не надо останавливаться. Джейд нахмурила густые, темные брови.

– Донна Ди, если я и Гэри любим друг друга, что в этом может быть плохого?

– Я этого и не говорила.

– Но так говорит проповедник. Так говорит моя мать, все говорят.

– Все говорят, что прелюбодеяние...

– Пожалуйста, не употребляй этого слова. Оно такое уродливое.

– А как ты называешь это?

– Заниматься любовью.

Донна Ди пожала плечами.

– Тоже мне разница. Во всяком случае, все говорят, что заниматься любовью вне брака – грех. Но разве кто-нибудь по-настоящему верит в это? – Донна Ди встряхнула своими прямыми темными волосами. – Я так не думаю. Все, кроме нас, грешат всюю и чертовски здорово проводят время. Подвернись случай, я бы тоже согрешила.

– Ты это серьезно? – спросила Джейд, ожидая подтверждения.

– Если Хатч меня попросит, клянусь твоей прелестной задницей – не откажусь.

Джейд смотрела на Гэри сквозь ветровое стекло и ощущала наплыв теплых чувств, усиленный смутным желанием.

– Может быть, это и не грех. Может быть, нам с Гэри пора перестать слушать проповедника и последовать своим инстинктам. Ох, не знаю, – простонала она. – Мы без конца обсуждаем эту тему и только расстаемся еще более расстроенными, чем раньше.

– Сожалею, – вздохнула Донна Ди. – Пойду обратно в кафе. Пока.

– Подожди, Донна Ди, – сказала Джейд, удерживая подру-

гу за рукав, – у тебя с головой все в порядке?

– Да.

– Не похоже.

– Ладно, пусть так. Мне бы твои проблемы, Джейд. А еще бы мне твои выющиеся черные волосы и чудесную кожу. Мне бы такие же большие синие глаза и ресницы в полметра длинной. И дружка, чтобы он страстно желал овладеть моим телом и в то же время уважал меня. И еще мозг как компьютер и полную стипендию¹ в колледж.

– Я еще не получила стипендию. – Джейд попыталась умерить двусмысленные комплименты Донны Ди.

– Но ты ее получишь. Это всего лишь вопрос времени. Все и всегда складывается у тебя хорошо, Джейд. Вот почему меня чертовски раздражает твое нытье. Ну, на что еще тебе жаловаться? Ты великолепна, и тебе это ничего не стоит. Ты умна, пользуешься успехом. Тебе, возможно, предоставят честь произнести прощальную речь от имени нашего класса. А если не тебе, то человеку, боготворящему землю, по которой ты ступаешь, и воздух, которым ты дышишь. Если ты хочешь заработать невроз, то пожалуйста. Если нет, так нет. Но тогда не болтай об этом. О'кей?

После такой тирады Донна Ди перевела дыхание. Уже мягче сказала:

¹ Американские колледжи и университеты предоставляют полные или частичные стипендии лучшим выпускникам близлежащих школ, не имеющим собственных средств для получения высшего образования.

– Ты должна мне приплачивать за то, что я твоя подруга, Джейд. Знаешь, какая это нелегкая работа.

Она взяла свою сумочку и вышла из машины, захлопнув дверцу.

– Привет, Гэри! – Нил был деланно дружелюбен. Хатч и Ламар, поддельываясь под его тон, тоже поздоровались.

– Привет всем! – улыбка Гэри была открытой и просто-душной. – Как дела?

– Да не очень, – ответил Нил. – Как там твоя стипендия?

– Пока никак. У Джейд тоже. Все решится со дня на день.

– Тебе положить орешки в мороженое, Гэри? – спросила официантка в окошке.

– Конечно, – протянул Нил. Он взглянул в сторону машины, в которой сидела девушка. – Джейд любит орехи. И очень крупные.

Хатч разразился хохотом. Ламар захихикал.

Улыбка исчезла с лица Гэри.

– Кончай, Нил, – сказал он сердито и взглянул через плечо на свою машину. Нил с невинным видом развел руками.

– Я пошутил. Или ты шуток не понимаешь? – вроде бы играя, он снова толкнул Гэри в плечо. Гэри недовольно уклонился.

– Только не тогда, когда они затрагивают Джейд.

– Получи, Гэри, – сказала официантка, протягивая в окошко две порции мороженого. – Одно карамельное и одно

шоколадное. С тебя доллар пятьдесят.

– Спасибо. – Гэри расплатился, взял из стопки две бумажные салфетки, обернул ими оба стаканчика и отошел от окошка. Нил преградил ему путь. Хатч и Ламар стояли по бокам своего жоака.

– Которое из них для Джейд?

– Карамельное.

Нил выдернул вишенку из холмика взбитых сливок, втянул ее в рот, потом театрально оторвал черенок. Покатав ягоду во рту, он выставил ее наружу, зажав зубами. Глядя прямо на Джейд, с похотливым удовольствием Нил разжевал вишенку.

Глядя прямо в лицо Гэри, Нил ухмыльнулся:

– Скажи своей подружке, что мне понравилась ее вишенка.

– Ты пожалеешь об этом, ублюдок. На, доедай!

И Гэри вмазал мороженым в самодовольное лицо Нила.

От неожиданности Нил отпрянул назад, давясь вязкой жижей, покрывшей всю его физиономию. Гэри использовал свое преимущество: подставив ногу, он с силой толкнул Нила. Патчетт навзничь растянулся на тротуаре.

Гэри встал над ним.

– И никогда больше не раскрывай своего грязного рта в сторону Джейд.

Он бросил вторую порцию Нилу на ноги и направился к машине.

Нил, выкрикивая угрозы, поднялся.

– Я убью тебя, Паркер! Еще никому такие штучки не сходили с рук!

Поняв, как он комично выглядит, Нил обрушил свою ярость на приятелей.

– Черт побери! – заорал он на остолебневших оттого, что кто-то взял над ним верх, Хатча и Ламара. – Вы так и будете стоять и ковырять у себя в заднице? Помогите же...

Хатч и Ламар бросились к нему с носовыми платками и бумажными салфетками. Вытерев лицо, Нил посмотрел вслед удаляющемуся автомобилю Гэри. Этот фермер может сколько угодно думать, что его взяла.

У Нила уже возникла другая мысль...

II

– Надо было его отделать хорошенько!

– Ты и так сделал, что надо, Гэри. – Джейд рассмеялась, вспомнив ошеломленное выражение лица Нила, когда липкая холодная жижа стекала с его носа.

– Почему я не выдал ему всего, что он заслуживает?

– Потому что ты не такой неандерталец, как он. Кулачный бой ниже твоего достоинства. Кроме того, ты был в меньшинстве. Тебе пришлось бы драться с Хатчем и Ламаром.

– Я не боюсь их.

Джейд подумала, что расходовать так много энергии для утверждения мужской гордости смешно, но постаралась польстить его самолюбию.

– Пожалуйста, перестань волноваться по этому поводу. Нил того не стоит. – После минутного молчания она спросила: – Что такого он сказал, что ты взбесился?

– Нечто очень для него характерное, – ответил он, успокаиваясь. – Свои обычные мерзости. У него в голове помойка. Он оскорбил тебя.

Гэри стукнул кулаком правой руки по ладони левой.

– Господи, какой же он сукин сын. Мне наплевать, что он богат. Он подонок.

– Зная это, зачем ты тратишь на него наше с тобой время? Мне уже скоро надо быть дома.

У Гэри были шелковистые каштановые волосы и нежные, янтарного цвета глаза. Мягкость в лице была более присуща его лицу, нежели гнев. Он провел пальцами по шее Джейд.

– Ты права. Нил только порадуетя, если узнает, что испортил нам вечер. Я не могу слышать, как он произносит твое имя своим грязным ртом.

Джейд взъерошила его волосы.

– Я люблю тебя, Гэри Паркер.

– Я тоже люблю тебя.

Целуя Джейд с пылом и страстью, он взял ее за талию и привлек к себе, как только позволяли размеры сиденья. Гэри припарковался в уединенном месте, недалеко от дороги, огибавшей одно из прибрежных болот.

Февральский вечер был холодным и сырым. Внутри же машины было тепло, потом стало еще теплее. За несколько минут окна запотели. Джейд и Гэри тяжело дышали, их молодые тела сжигало то самое пламя, которое сегодня осуждал проповедник. Гэри запустил пальцы в густые черные волосы Джейд, другая его рука скользнула ей под свитер.

– Джейд? – Она глядела на него глазами, излучающими желание. – Ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

Она взяла его руку и положила себе на грудь.

– Я знаю.

Они начали встречаться в старших классах. До этого Джейд ходила на школьные танцы и вечеринки с мальчиками, которых бдительно опекали их родители. Она встреча-

лась с мальчиками в кино по пятницам, но при этом ее всегда сопровождала Донна Ди. Кроме легких прикосновений рук и редких целомудренных поцелуев на прощанье до встречи с Гэри у Джейд не было ничего такого с представителями противоположного пола. Да ее и не тянуло к этому.

При их втором свидании Гэри раздвинул языком ее губы и поцеловал «по-французски». Некоторые девочки говорили, что им нравится так целоваться, другие заявляли, что им неприятен такой способ. После этого вечера Джейд убедилась, что последняя группа состояла из девочек, которых никогда не целовали «по-французски». Ощущение языка Гэри у нее во рту было ни с чем не сравнимо.

Несколько месяцев эти глубокие, упоительные поцелуи были вершиной ласк между Джейд и Гэри. Их близость развивалась постепенно, так же как первоначальное взаимное влечение перерастало в нечто более сильное. Джейд начала испытывать желание ощутить его руку на своей груди задолго до того, как он отважился это сделать. Вначале Гэри гладил ее только через одежду, со временем стал ласкать обнаженную кожу. Сейчас ее грудь наполнялась под его нежной, сжимающей рукой. Они умерили пыл своих поцелуев так, чтобы полностью чувствовать наслаждение от ласк. Его губы щекотали ее губы, в то время как Джейд обнимала Гэри под курткой и расстегивала пуговицы рубашки. Ее руки скользили по его гладкому, сильному телу. Гэри расстегнул ее лифчик с умением, уже приобретенным практикой. Потом

он коснулся сосков, и они тут же напряглись под его ласковыми пальцами.

Джейд что-то бормотала. Когда Гэри накрыл один из сосков ртом и коснулся его кончиком языка, она испустила тихий стон желания.

– Гэри, я хочу, чтобы мы занялись любовью...

– Я знаю, знаю.

Джейд облегали плотные колготки, но он просунул ладонь под эластичную ткань и погрузил пальцы в густые завитки, прижатые колготками. Заходить в ласках так далеко они позволили себе лишь в последние недели. Для Джейд было так ново, так странно и чудесно ощущать пальцы Гэри, ласкающие самую потаенную часть ее тела.

Джейд прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать стоны. Ее груди поднялись двумя чувствительными холмами, которых он нежно касался языком. Джейд хотела плакать от восторга, и от того, что она может отдать ему свое тело.

Она решила сегодня вечером вернуть Гэри то наслаждение, которое он самозабвенно давал ей. Она любила его большое, крепкое, спортивное тело и хотела лучше познать его. Просунув руку между его ног, она неловко прижала ладонь к ширинке его брюк.

Голова Гэри откинулась назад. Он задыхался от волнения. Его ласковая рука замерла у нее под колготками.

– Джейд...

Она смутилась, но не отдернула руку.

– Да?

– Можешь этого не делать. Понимаешь, я не хочу, чтобы ты думала, что я этого жду от тебя.

– Я знаю. Но я этого хочу.

Ее рука надавила сильнее.

Непрерывно шепча ее имя, Гэри стал возиться с пряжкой ремня, застежкой, молнией, а затем неуверенно направил руку Джейд к себе в брюки. Его кожа под нижним бельем оказалась горячей, а древко – твердым. Джейд поразило, каким большим он оказался. Она, конечно, имела об этом некоторое представление, но невнятное ощущение от прикосновения выступающего сквозь брюки бугра к ее животу через одежду имело мало общего с ощущением его восставшей плоти в собственной руке.

Гэри неистово целовал ее, а Джейд застенчиво изучала его эрекцию. Ее рука двигалась по члену вверх и вниз, и от этого у Гэри захватывало дух. Со стоном он прошептал имя девушки и ввел палец между горячих губ ее потайной плоти.

Это вызвало у Джейд новое, ни с чем не сравнимое ощущение. Она двинула бедра вперед за этим ускользающим ощущением восторга. Его палец снова пошел вперед. Это было как фейерверк в праздничный день, как салют. По всей нижней части живота словно пробежали искры.

– Гэри...

Это было восхитительное открытие. Она хотела сказать ему об этом, поделиться с ним.

– Гэри... – Ее рука еще сильнее сжала его пенис.

С низким, мучительным стоном Гэри оторвался от нее и выпрямился. Потом снял ее руку со своих колен.

– Остановись... Если этого не сделаешь ты, то я могу перестать себя контролировать.

– Меня это не тревожит, – прошептала Джейд.

– Но меня тревожит.

Гэри скрестил руки на рулевом колесе и опустил голову на побелевшие костяшки пальцев.

– Джейд, я страдаю от всего этого. Мне невыносимо хочется тебя.

Волшебные искры, пробежавшие только что по телу Джейд, сверкнули в последний раз и погасли. Они захватывали дух, ошеломляли, немного пугали, но Джейд хотелось знать, к чему бы это все привело.

К оргазму?

И все же первой ее заботой был Гэри. Ведь он наверняка был расстроен больше, чем она. Джейд прижалась к нему и погладила его по голове.

– Я не знаю, что хуже, – хриплым голосом произнес Гэри, – не дотрагиваться до тебя вообще или ласкать до тех пор, пока я не захочу тебя так сильно, что уже не справлюсь с собой.

– Я думаю, что не трогать вообще будет много хуже. Во всяком случае, для меня.

– Для меня тоже хуже. Но так больше продолжаться не

может.

– Тогда давай не будем.

Гэри поднял голову и пристально взглянул на нее своими карими глазами. Потом опустил взгляд и с горечью произнес:

– Но мы и этого не можем, Джейд. Ты самое дорогое, что есть у меня. Я не имею права разрушить свое счастье собственными руками.

– Но почему физическая близость разрушит любовь?

– А вдруг ты забеременеешь?

– Это не случится, если мы будем предохраняться.

– И все же такое может произойти. Тогда наши шансы выбраться отсюда, – Гэри мотнул подбородком в сторону ветрового стекла, – полетят ко всем чертям. Я буду выращивать соевые бобы для Айвена Патчетта, а ты вынуждена будешь работать на его проклятой фабрике. Тогда любой, кто скажет, что у меня не больше мозгов, чем у моего отца, будет прав.

Из-за все увеличивающегося числа маленьких Паркеров в городе ходила шутка, что отец Гэри, Отис, не знает, когда кончить. То было одно из заклятий, от которых решительно хотел избавиться Гэри.

Он прижал девушку к своей груди и коснулся подбородком ее макушки.

– Мы не должны упустить шанс сделать нашу жизнь лучше.

– Если мы будем заниматься любовью, это вовсе не зна-

чит, что мы обречем себя на тяжелую жизнь в будущем.

– Мне страшно испытывать судьбу. Я чувствую себя хорошо только тогда, когда ты со мной, Джейд. Все остальное время я так одинок. Странно, да? Как я могу быть одинок, когда в доме шесть сестер и братьев? Но это правда. Иногда мне кажется, что я подкидыш, что я чужой, что мои родители вовсе не мои. Мой отец во власти этих заливаемых водой полей, урожая, который наполовину сгнивает, и того, что нигде нельзя продать свой товар, кроме нашего забытого Богом феодального городишка Пальметто. Он ненавидит себя за то, что беден и невежественен, но не делает ничего, чтобы помочь себе. Он не гнушается любым дерьмом, которое ему отваливает Айвен Патчетт, и рад ему. Ладно, я беден, но я не невежда. И, черт побери, уверен, что меня Патчетты не запугают. Я не собираюсь, как мой отец, принимать вещи такими, каковы они есть, лишь потому, что так уж заведено. Я намерен стать большим человеком. Я знаю, что способен на это, Джейд, если ты сдержишь себя для меня. – Гэри взял ее за руку и, поцеловав ладонь, закончил: – Но сейчас я так боюсь разочаровать тебя.

– Ты никогда не разочаруешь меня.

– Вдруг ты решишь, что бороться не стоит. Ты можешь решить, что тебе нужен парень, которому не надо начинать с нуля, которому ничего не нужно доказывать другим. Парень вроде Нила.

Джейд вырвала свою ладонь из его руки, глаза ее гневно

сверкнули.

– Никогда больше не говори мне ничего подобного. Это похоже на то, что могла бы сказать моя мать. Ты же знаешь, как я злюсь, когда она строит планы за меня.

– Но может быть, Джейд, она права в некоторых вещах. Девушка с такой внешностью, как у тебя, может рассчитывать на кого-нибудь с деньгами и общественным положением, на кого-нибудь, кто возложит мир к твоим ногам. Я мечтаю сделать это сам. А что, если ты потеряешь терпение раньше, чем я смогу добиться этого?

– Послушай меня, Гэри Паркер. Я и пальцем не пошевелю ради общественного положения. Я не тоскую по роскошной жизни. У меня есть собственные планы, которые не зависят от того, люблю я тебя или нет. Стипендия – лишь первый шаг на этом пути. Как и ты, я испытываю отвращение к тому, как живет моя семья. Единственный мир, который я хочу видеть у своих ног, это тот, который я сама построю.

Голос Джейд стал мягче, она обняла Гэри за шею.

– Ты и в самом деле чудо, тебе это известно?

Он зажмурил глаза и прошептал пылко:

– Господи, я так рад, что ты выбрала меня!

Дом, в котором жили Джейд с матерью, был построен после второй мировой войны для военнослужащих, размещавшихся в этом районе судоходных каналов. За прошедшие тридцать лет квартал прежде привлекательных светлых па-

нельных домиков как-то поблек, пастельные стены стали обшарпанными, все выглядело теперь дешевым.

От других домов на улице дом Сперри отличался опрятностью, хотя и был маленьким: всего лишь две спальни, одна ванная и прямоугольная гостиная с узкими окнами, закрытыми тяжелыми шторами. Это была единственная комната в доме, где на полу лежал палас. Мебель недорогая, но без единого пятнышка: Велта Сперри не выносила никакой грязи. В комнатах не было видно никаких растений, потому что Велте было неприятно держать в доме горшки с землей. Единственным украшением гостиной был цветной телевизор, купленный в кредит.

Когда пришла Джейд, она как раз смотрела передачу, уютно устроившись в легком кресле. Велта окинула дочь критическим взглядом, пытаясь обнаружить признаки «плохого» поведения во время встречи с этим ее Паркером. Мать не заметила ничего подозрительного, так как у дочери хватило ума привести себя в порядок. Вместо приветствия Велта бросила:

- Ты едва успела к своему комендантскому часу.
- Но успела же... Сейчас только десять.
- Служба в церкви закончилась несколько часов назад.
- Мы зашли в молочное кафе. Там все были.
- Должно быть, он очень гнал, чтобы привезти тебя домой вовремя.

Велта не выносила постоянного дружка Джейд и старалась

по возможности не называть его по имени.

– Он не гнал. Гэри очень осторожно водит, ты это знаешь, мама.

– Перестань спорить со мной, – сказала Велта, повышая голос.

– А ты перестань критиковать Гэри.

Велта обижалась на Гэри за то, что, как она утверждала, дочь уделяет ему слишком много времени. Времени, которое она и Джейд могли бы проводить вместе. На самом деле Гэри вызывал у нее неприязнь из-за своего происхождения. Он был сыном фермера, выращивающего сою. У Паркеров было слишком много детей, а они продолжали раз в девять месяцев производить на свет нового ребенка. Именно это вызывало у Велты отвращение.

Отис Паркер был вечно в долгах у кредитного отдела компании Патчетта. Велта это знала, потому что сама работала в кредитной конторе машинисткой-делопроизводителем. Она не уважала людей, не имеющих денег.

Джейд запросто могла забеременеть от этого Паркера. Она надеялась, что дочь достаточно умна, чтобы не допустить этого. Но, к несчастью, Джейд унаследовала от отца не только броскую внешность, но и его страстный, романтический характер.

Велта взглянула на фотографию в рамке на столе: на нее в упор глядели смеющиеся синие глаза Рональда Сперри. Такие же были у Джейд. Армейская пилотка лихо сидит на тем-

ных кудрях. С шеи свешивается Медаль Почета Конгресса.² К нагрудному карману его военной формы приколоты другие награды за доблесть и мужество во время войны в Корее.

Велте было шестнадцать, когда романтический герой Пальметто вернулся домой. В их маленьком городишке еще никто не удостоивался столь высокой награды. Все население высыпало встречать его на станцию, где был расстелен красный ковер для любимого сына города. Он прибыл прямо из Вашингтона, где в его честь был дан обед, ему пожал руку сам президент.

С Велтой его познакомили на городском балу, данном в его честь в самом большом зале города. В тот самый вечер, когда они танцевали под мотивы Патти Пэйдж и Фрэнка Синатры, она решила, что выйдет замуж за Рональда Сперри. В течение двух лет она бесстыдно преследовала его, пока он не сдался. Чтобы Рональд куда-нибудь не улизнул, Велта настояла, чтобы они поженились через неделю после того, как он сделал предложение.

К сожалению, в Пальметто не было северокорейских коммунистов. И спустя годы после своего триумфального возвращения домой Рональд так и не смог найти для себя занятия.

Он не обладал честолюбием, хотя и был чрезвычайно при-

² Медаль Почета Конгресса – высшая награда США за героизм, проявленный на войне. Присуждается очень редко и приносит ее обладателю национальную славу.

влекателен. У него не возникло желания использовать Медаль Почета, чтобы стать кинозвездой.

Сирота, без цента за душой, он пошел в армию только для того, чтобы иметь чистую постель и сытную еду.

Он был идеальным солдатом, потому что всегда находился кто-нибудь, кто указывал ему, что и когда делать. Офицеры приказывали ему хорошо стрелять и убивать туземцев-комми,³ а так как он был исключительно метким стрелком, то делал это успешно. В тот день, когда Рональд убил двадцать два корейца, ему и в голову не пришло, что он заслуживает Медаль Почета.

Люди его любили. От него исходили обаяние и магнетизм, что всегда притягивает людей. Рон Сперри нравился всем. Однако, болтаясь повсюду с разными парнями и рассказывая забавные истории, денег не заработаешь. Он переходил с одной безнадежной работы на другую.

Каждый раз, когда он находил новое место, у Велты поднималось настроение. Вот теперь-то уж они выбьются в люди. Медаль Конгресса обеспечивала им уважение, но не богатство и положение, чего жаждала Велта. На юге даже Медаль Почета не давала права войти в высшее общество, если у вас нет знаменитого дедушки и большого фамильного состояния.

Велта была четвертой из девятерых детей в семье. Ее отец был издольщиком, пока не упал мертвым рядом с плугом и

³ Презрительное прозвище коммунистов.

тащившим его мулом. Он оставил без средств к существованию жену и всех отпрысков, тех, кто еще не был женат. Семья могла рассчитывать лишь на милость тех, кто мог дать ей пищу и кров.

Но больше бедности и голода Велта боялась презрения окружающих. Когда лавровый венок на челе Рона начал засыхать, она догадалась, что люди смеются за их спинами. Она ругала его за то, что он упустил их единственный шанс на известность и удачу, угрожала ему и льстила. Но у Рона просто не хватало инициативы, чтобы строить свою жизнь. Велта не позволила ему снова вступить в армию. Это слишком уронит его достоинство, сказала она, станет признанием поражения.

В конце концов она решилась было оставить его, но после шести лет бесплодия забеременела. Тогда Велта уцепилась за надежду, что ребенок подтолкнет мужа к тому, чтобы добиться чего-нибудь более стоящего, нежели его успех на солдатском поприще. Но после появления на свет Джейд именно ей, Велте, пришлось пойти работать на фабрику Айвена Патчетта.

Последние десять лет жизни Рона стали чередой устройств на работу и потерь мест, пустых иллюзий и обещаний, которые размывались все возрастающим количеством спиртного.

Однажды – Джейд тогда была в школе, а Велта – на работе – он погиб, когда чистил свою винтовку. Из милосер-

дия шериф Джолли квалифицировал его смерть как результат несчастного случая. Велте и Джейд общество ветеранов пожертвовало деньги для поездки на Арлингтонское национальное кладбище, где Рональда Сперри похоронили как героя.

Глядя сейчас на фотографию, Велта не чувствовала и капли тоски по нему. Рон был красивый, ласковый и страстный до самого дня своей смерти, но что хорошего он сделал для нее?

Джейд же скучала по нему до сих пор. Велту задевала нежная верность дочери его памяти точно так, как она испытывала ревность к их взаимной привязанности, пока он был жив.

Рон часто усаживал Джейд к себе на колени и говорил:

– У тебя все будет, как надо, моя куколка. У тебя моя внешность и характер твоей мамочки. Никогда ничего не бойся, и все будет в порядке.

Джейд должна добиться большего, чем «как надо». Если Велта и желала чего-нибудь, так это чтобы Джейд вышла замуж удачнее ее.

– Нил Патчетт недавно звонил, – сказала она, впервые улыбнувшись с тех пор, как Джейд вошла в дом. – А он симпатичный парень.

– Он омерзителен.

Велта была ошарашена неприязнью Джейд.

– Не говори гадостей!

– Нил и есть гадость.

– Гадость? Но почему?! Половина девочек в школе отдали бы правую руку, только бы он позвонил им.

– Значит, он для этой половины.

– Я уверена, что тебе еще не поздно позвонить ему.

Джейд покачала головой.

– Мне нужно еще прочитать параграф по истории к завтрашнему дню.

– Джейд, – окликнула Велта, когда дочь направилась в свою комнату, – это невежливо – не ответить на звонок, особенно такому парню, как Нил.

– Я не хочу разговаривать с Нилом, мама.

– Но ты часами болтаешь по телефону с этим Паркером.

Джейд прикусила губу, потом сказала:

– Я пойду заниматься. Спокойной ночи.

Велта выключила телевизор и пошла за Джейд в спальню, не дав закрыть ей дверь.

– Ты слишком много занимаешься. Это неестественно.

Джейд сняла юбку и свитер и аккуратно повесила их в узком шкафу.

– Мне нужны высокие оценки, чтобы получить стипендию.

– Стипендия! – прошипела Велта. – Ты только об этом и думаешь!

– Потому что это единственная возможность поступить в колледж.

– Это, по моему мнению, лишь пустая трата времени для такой красивой девочки, как ты.

Джейд повернулась от шкафа и взглянула в лицо матери.

– Мама, я не хочу снова вступать в спор по этому поводу. Я собираюсь поступить в колледж независимо от того, одобряешь ты это или нет.

– Дело не в одобрении. Просто я не считаю, что это так необходимо.

– Это необходимо, раз я хочу чего-то добиться.

– Ты потратишь деньги и время впустую, а потом все равно выйдешь замуж.

– Сегодня женщины успешно совмещают эти две вещи.

Велта пересекла комнату, взяла Джейд пальцами за подбородок и откинула ее голову назад: стал виден красноватый след поцелуя на шее. Выражая свое презрение и к этой отметине, и к дочери, сказала:

– Какие у тебя будут шансы прилично выйти замуж за кого-нибудь, если ты забеременеешь от этого твоего Паркера?

– Гэри не делает ничего такого, от чего можно забеременеть. И он самый приличный из моих знакомых. Именно за Гэри я и намерена выйти замуж, мама.

– Джейд, парни всегда уговаривают девушек делать то, чего делать нельзя, потому что якобы любят их. Если ты позволишь себе отдаться этому парню, никто стоящий не захочет жениться на тебе.

Джейд присела на угол кровати и, глядя на мать, печально

покачала головой.

– Никому я не отдавалась, мама. А если решусь на это, то только с Гэри. И это будет потому, что мы любим друг друга.

Велта фыркнула.

– Ты слишком молода и не понимаешь, что такое любовь.

Синие глаза Джейд потемнели – то был признак нарастающего гнева.

– Ты бы не говорила так, если бы я заявила, что влюблена в Нила Патчетта. Ты бы убеждала меня удержать его любым путем, даже если бы для этого потребовалось переспать с ним!

– По крайней мере, если бы ты вышла за него замуж, то представляла собой что-нибудь в этом городе.

– Я и так представляю собой что-то!

Велта уперла руки в бока.

– Ты точь-в-точь как твой отец, идеалистка, витаешь в облаках.

– А что плохого в том, что у человека есть цель?

– Цель? – Велта глумливо ухмыльнулась. – Самое смешное слово для разговора о твоём папочке. Он всю жизнь не имел перед собой ни одной цели. За все годы, что мы были женаты, он не сделал ни одной стоящей вещи.

– Он любил меня, – отпарировала Джейд, – или ты считаешь, что это ничего не стоит?

Велта повернулась и на негнущихся ногах направилась к двери. Прежде чем выйти, она сказала:

– Когда я была в твоём возрасте, я вышла замуж за первого человека в городе. Сейчас на него чем-то похож Гэри. У него красивая внешность, и он звезда в спорте, староста класса. Это все, чего только может пожелать девушка. – Велта усмехнулась. – Поверь мне, герои недолговечны, Джейд. Они линяют, как дешёвые занавески. Не имеет значения, сколько наград завоевал этот твой Паркер. Он всегда был и остаётся первенцем неудачника Отиса Паркера. Я хотела бы для тебя чего-нибудь получше.

– Но, мама, – мягко возразила Джейд, – ты хочешь этого не для меня, а для себя.

Велта хлопнула дверью.

Отщипывая кусочки песочного печенья, Джейд сидела на высоком табурете, зацепившись каблучками туфель за хромированную трубку, опоясывающую ножки табурета. На коленях лежал раскрытый учебник химии. Каждый день после школы и полдня по субботам Джейд работала в универсальном магазине братьев Джонс. На неделе она приходила сюда к четырем и работала, пока около шести за ней, по пути домой с фабрики, не заезжала Велта.

Рабочий день Джейд длился недолго, но это давало возможность Питу, последнему из братьев оставшемуся в живых, посещать в лечебнице свою больную жену, а Джейд эта работа давала небольшую сумму денег на личные расходы.

Магазин был захудалый. За долгие годы паркет из твердо-

го дерева покрылся пленкой из лимонного масла, которым пользовались при уборке. Зимой, когда после полудня холодало, в задней комнате вокруг пузатой печки собирались старики и, жуя табак, обсуждали за игрой в домино мировые события.

С ввинченных в потолок крюков свисали, зубьями вниз, вилы. Покупатель мог найти здесь все необходимое и для своей лошади, и для новорожденного. Он мог купить колоду карт, пару игральные кости или Библию. Разнообразие товаров и покупателей делало работу интересной.

Джейд пыталась сосредоточиться на том, что читала, но ее мысли то и дело перескакивали на личные проблемы: на отношения с матерью, которая отказывалась принимать и ее любовь к Гэри, и мечту добиться в жизни чего-то большего, чем обычное – муж, дети, дом.

Конечно, семья – это важно. Джейд хотела иметь семью, но ей хотелось большего. Почти все девочки в классе уже смирились с тем, что будут работать на фабрике Айвена Патчетта до тех пор, пока не выйдут замуж и не обзаведутся детьми, которым, со временем, предстоит работать уже на Нила. Гэри и она в равной мере были полны страстного желания разорвать этот тоскливый круг.

Намеренно или нет, но Рон Сперри дал своей дочери то мужество, которого ему самому недоставало, внушив ей желание устроить свою жизнь куда лучше, чем та, которую прожили ее родители. Хотя бы в этом она и ее мать были соглас-

ны. Но у них разные цели... и средства достижения. Джейд боялась, что они так и будут смотреть в разные стороны, особенно когда это касается Гэри.

Гэри был еще одной причиной ее волнений в этот пасмурный день. Никто из них до сих пор так и не знал, какое решение приняла комиссия по распределению стипендий. Волнение по этому поводу, все возрастающая чувственная неудовлетворенность и то, что Нил превратил для них жизнь в школе в настоящий ад после инцидента в молочной, сделало их раздражительными и вспыльчивыми по отношению друг к другу.

Они нуждались в разрядке. Возможно, если бы в этот уик-энд было теплее, они устроили бы пикник на берегу или поехали бы куда-нибудь далеко, словом, придумали бы что-нибудь, чтобы расслабиться и вернуть способность трезво смотреть в будущее.

Джейд все еще размышляла об этом, когда зазвенел колокольчик над входной дверью. Джейд оторвалась от учебника и увидела, как в магазин влетела Донна Ди. Щеки ее пылали, грудь вздымалась, она никак не могла отдышаться.

Джейд вскочила на ноги, учебник химии с шумом шлепнулся на пол.

– Что стряслось?

Донна Ди замахала руками перед лицом и наконец смогла перевести дыхание.

– Я только что из школы. Мистер Паттерсон попросил ме-

ня остаться, чтобы помочь ему разобрать бумаги.

– И что?

– Тебе дали! Стипендия!

Сердце Джейд едва не выскочило из груди. Она не поверила своим ушам и поэтому переспросила:

– Дали? Мне?

Донна Ди быстро закивала головой.

– В университет штата.

– Откуда ты знаешь? Ты в этом уверена?

– Я видела письмо на столе мистера Паттерсона. Знаешь, оно выглядит очень официально, с золотыми печатями, завитушками и прочей чепухой. Смотрю, там твоя фамилия. Я будто бы за папкой потянулась, а сама письмо ненароком уронила на пол и...

– Донна Ди!

– В общем, я прочитала письмо. Декан, или кто-то там, поздравлял нашего директора с тем, что средняя школа Пальметто выпускает двух таких прекрасных учеников.

У Джейд расширились глаза.

– Двух?

Донна Ди развела в стороны руки и завопила:

– И Гэри тоже дали!

Теперь они уже вопили обе. Хлопая в ладоши, они подпрыгивали так, что на прилавке начинали дребезжать стеклянные банки с бобами в желе.

– Господи, я не могу этому поверить! А какую? Там было

какую?

– Там было написано «стипендия на полный курс обучения». Разве это не все?

– Я не знаю, надеюсь, что так. Как бы то ни было, я так им благодарна, – едва выдохнула Джейд. – Я должна сообщить об этом Гэри. Он еще был в школе? Ты его не видела на стадионе?

Команда Гэри, готовясь к сезону, каждый день тренировалась после окончания занятий.

– Нет. Я сказала мистеру Паттерсону, что плохо себя чувствую и должна уйти. Я побежала на стадион и поискала Гэри. Мне хотелось, чтобы мы вместе с ним пришли к тебе и обо всем рассказали.

– Может быть, он был в раздевалке?

Донна Ди покачала головой.

– Я спрашивала. Мэрви Гибс сказал, что видел, как Гэри уходил.

Джейд взглянула на часы с маятником, висевшие на стене в окружении нескольких часов-кукушек. Все они показывали пять тридцать.

– Иногда мистер Джонс возвращается раньше шести. Сегодня он обязательно отпустит меня пораньше.

– Зачем?

– Чтобы сообщить Гэри.

– Почему ты просто не позвонишь ему?

– Я хочу сказать ему об этом лично. Ты меня подвезешь

к его дому? Пожалуйста, Донна Ди.

– Возможно, он уже знает, – сказала Донна Ди. – Я уверена, что декан послал письма и вам тоже. Возможно, твое уже поджидает тебя дома.

– Это так. Но Паркеров обслуживает сельская почта. Иногда они получают почту днем позже. Кроме того, я должна видеть его сегодня. Сейчас. Пожалуйста, Донна Ди.

– О'кей. Но как быть с твоей мамочкой? Что будет, когда она заявится сюда за тобой?

– Мистер Джонс скажет ей, куда я пошла.

– Она останется с носом, если ты скажешь об этом Гэри раньше, чем ей.

– Значит, останется. Гэри должен узнать первым.

Старый мистер Джонс не знал, что и подумать, когда через несколько минут вошел в свой магазин и Джейд Сперри кинулась к нему с распростертыми объятиями. Она крепко обняла его и поцеловала в морщинистую щеку.

– Мистер Джонс, произошло нечто очень важное. Я знаю, что еще рано, но, может быть, вы позволите мне уйти сейчас? Я отработаю это время в следующий раз. Пожалуйста! – Она говорила быстро, слова почти сливались.

– Ладно, я вижу, что тебя распирает от радости. Не возражаю.

– Спасибо! Спасибо!

Джейд снова поцеловала его в щеку и кинулась в заднюю комнату взять учебники, пальто и сумку. Она была так воз-

буждена, что не чувствовала холода, поэтому просто набросила пальто на плечи, подхватила с пола учебник химии и поспешила к выходу. Донна Ди в этот момент отвлеклась, разглядывая перламутровые тени для век в витрине. Джейд подтолкнула ее к двери.

– До завтра, мистер Джонс. Когда моя мать заедет, пожалуйста, скажите, что я уехала с Донной Ди и буду дома примерно через час. И еще передайте, что у меня есть очень хорошие новости.

– Непременно передам.

– Еще раз спасибо. До свидания.

– И поосторожнее, девочки, слышите?

Толкая друг друга, подружки выскочили на тротуар к машине Донны Ди. Джейд забросила свои вещи на заднее сиденье и села рядом с Донной Ди.

Они миновали улицы города и увеличили скорость на автотрассе. Стоял тоскливый, туманный вечер, но они не опускали стекла и не выключали радио.

Чем дальше от города, тем менее привлекательным становился вид вдоль дороги. Они проезжали мимо убогих строений, настолько обветшалых, что их вряд ли можно было бы даже назвать домами: крыши и веранды просели, окна заклеены бумагой, ветхие ставни требовали ремонта.

Во дворах ржавели пришедшие в негодность сельскохозяйственные орудия и автомобили, бродила тощая домашняя живность.

Эта картина наблюдалась на протяжении нескольких миль до самого побережья. Там начиналась Атлантика, с выступавшими на ее поверхности пятнами островов.

Здесь отдаленные селения отстали от двадцатого века. Бедность была удручающей, часто люди даже не знали водопровода. Между островками и побережьем была болотистая низина, затопляемая в прилив. Это было царство и рассадник болезнетворных насекомых – еще одной напасти беднейшего населения Юга. Здесь еще встречались уже исчезнувшие в большинстве цивилизованных стран болезни, вызываемые неполноценным питанием и антисанитарией.

Джейд ужасало экономическое положение в этой части штата. Гэри тоже переживал из-за социального неравенства. Паркеры были бедняками, но даже они, по сравнению со многими из соседей, жили сносно.

Промышленность, которая процветала в Пьемонте, на северо-западе Южной Каролины, здесь едва теплилась. Главной отраслью на побережье был туризм, но некоторые магнаты от туризма нередко сопротивлялись индустриализации, опасаясь, что загрязнение среды погубит места для отдыха богачей. В то время как фермеры, подобные Отису Паркеру, пытались хоть что-то наскрести на жизнь, работая на истощенной и постоянно затопляемой земле, пауки, вроде Айвена Патчетта, жирели, высасывая из остальных все соки.

С этим нужно и можно бороться. Возможно, она и Гэри станут предвестниками, первым поколением нового Юга,

пионерами...

– Ах, черт!

Ругательство пробудило Джейд от раздумий:

– В чем дело?

– Бензин кончился.

– Что? – она с недоверием взглянула на указатель горячего.

– Я невнятно сказала? Бензин кончился!

Донна Ди дала машине своим ходом скатиться с шоссе на обочину проселочной дороги и там ее остановила. Джейд недоверчиво смотрела на подругу.

– Как ты могла остаться без бензина?

– Из-за всех этих волнений я забыла посмотреть на указатель, когда мы выезжала из города.

– Что же теперь нам делать?

– Полагаю, ждать, когда кто-нибудь появится.

– Ох, чудесно. – Джейд откинулась на спинку сиденья и ущипнула себя за нос. После недолгого молчания Донна Ди сказала:

– Послушай. Да, я сделала глупость. Каждый человек на свете, кроме тебя, имеет право иногда делать ошибки. Я знаю, что ты рвешься увидеть Гэри, и понимаю почему. Прости меня.

От ее извинений Джейд стало стыдно. Если бы не Донна Ди, она даже не знала бы еще о своей стипендии.

– Нет, это я должна извиниться. Она легонько подталки-

вала локтем Донну Ди до тех пор, пока она не повернулась к ней.

– Прости, пожалуйста.

Рот Донны Ди, слишком маленький для ее зубов, растянулся в улыбке:

– Ладно, все нормально. И обе стали хохотать.

– Вот так вляпались! – воскликнула Донна Ди. Высунув голову в окошко, она театрально завопила:

– Помогите! Помогите! Две прекрасные девицы попали в беду!

– Ты, идиотка, не высовывай голову, волосы намочишь.

Чтобы не посадить аккумулятор, Донна Ди выключила фары, и они стали ждать первой машины. Солнце зашло еще до того, как они выехали из города, и здесь, на сельской дороге, было уже совсем темно. За пятнадцать минут не появился ни один автомобиль. Джейд забеспокоилась.

– Не так уж холодно, и дождь перестал моросить. Может быть, мы пойдем обратно в город?

Донна Ди взглянула на нее как на сумасшедшую.

– Это несколько миль!

– Мы можем, по крайней мере, зайти в первый же дом, где есть телефон.

Донна Ди обернулась с испуганным лицом.

– Ты хочешь постучать в окно лачуги нигтера? Ни за что. После этого скорее всего нас уже никто никогда не увидит.

– То, что они черные, вовсе не означает, что они опасны.

Не опаснее, чем ловить попутную машину. Никогда не знаешь, кто остановится.

– Лучше я буду ждать.

Они продолжали препираться, пока Донна Ди не воскликнула, выглянув в окошко:

– Фары!

Она рывком отворила дверцу, выскочила на середину дороги, замахала руками над головой и закричала:

– Эй! Эй! Остановитесь!

Водитель спортивной машины умышленно прибавил скорость. Донна Ди расставила ноги и не сдвинулась с места. Автомобиль затормозил в нескольких дюймах перед ней.

– Нил Патчетт, сукин сын! – завопила она. – Ты мог меня убить!

Нил отпустил тормоз, и его автомобиль покатился вперед, пока не коснулся бампером ног Донны Ди. Ругаясь, она отступила на несколько шагов. Хатч и Ламар в машине покачивались со смеху.

Нил углядел Джейд в раскрытом окошке машины Донны Ди.

– Куда это вы направляетесь, юные дамы?

– Мы ехали к Гэри, но в моей машине кончился бензин, – объяснила Донна Ди. – У тебя не найдется немного бензина?

Хатч рыгнул громко, словно выстрелил из пушки.

– Уже нет.

Донна Ди чуть не испепелила его взглядом.

– Тогда, может быть, вы подбросите нас в город и высадите на заправочной станции? Я позвоню оттуда своему отцу, и он нас заберет.

Хатч открыл дверцу и вышел наружу, расправив свое туловище во всю длину после откидного сиденья.

– А «пожалуйста» где? – произнес он насмешливо.

Ламар, сидевший, как всегда, сзади, перегнулся вперед.

– Мы не катаем бесплатно, ты знаешь.

– Вы все такие милые, – с глубоким сарказмом произнесла Донна Ди. – Я еле сдерживаюсь.

Джейд со страхом глядела, как Нил вышел из своего автомобиля и с важным видом обошел спереди машину Донны Ди. Не обращая внимания на грязь на обочине, он приблизился к дверце и распахнул ее.

– Выходи!

– От тебя несет, как из пивной бочки, – заметила она.

– Мы выпили пивка после школы. На рыбалку ездили.

– Поймали что-нибудь?

– Только сейчас.

Джейд не понравились его слова, но она решила не обращать на них внимания. Стараясь не коснуться Нила, она обошла его и направилась к остальным. После того вечера в молочной Нил приставал к ней назойливее обычного, чаще звонил ей домой и постоянно оказывался на ее пути в школьных коридорах. Джейд, как могла, старалась избегать его. Все в нем вызывало в ней омерзение, а после того, что

произошло в то воскресенье несколько недель назад, она уже и не пыталась скрывать свою неприязнь.

Нил Патчетт от рождения обладал возможностями, которые он считал чем-то само собой разумеющимся и вечным. Джейд не нравилось такое необузданное расточительство, особенно тогда, когда такие добросовестные ребята, как Гэри, должны были вырывать у судьбы любую малость. Нил был ленив и нагл в школе, но учителя не смели призвать его к порядку или провалить на экзаменах. Он знал, что они этого не сделают. У большинства из них жена, муж или родственники в той или иной степени зависели от Айвена.

Джейд догадывалась, что мотивами дурных поступков Нила было нечто большее, чем юношеская склонность к нигилизму и дерзости. Некоторые его проделки выходили за рамки просто дурного поведения и граничили с жестокостью. Во всем, что он говорил или делал, чувствовалась врожденная жестокость, бездуховность. Джейд думала, что он гораздо более опасен, чем кажется. Неприязнь, которую она ощущала к нему, коренилась в ее инстинктивном страхе.

– А как мы здесь разместимся? – спросила Донна Ди, с сомнением заглядывая внутрь спортивной машины сквозь ветровое стекло.

– Я все рассчитал, – заявил Нил, протискиваясь на сиденье водителя. – Садись сзади рядом с Ламаром, – сказал он Джейд.

В кабине не было заднего сиденья, просто пространство

под наклонным стеклом. Джейд колебалась.

– Может быть, мне лучше остаться в машине Донны Ди?

– Остаться здесь одной? – взвизгнула Донна Ди.

– Это не так уж надолго, – сказала Джейд. – Тридцать минут самое большее. Это же не навсегда.

– Залезай!

– Нил прав, Джейд, – настаивала Донна Ди. – Тебе нельзя оставаться здесь в темноте одной. Садись сзади с Ламаром, а я устроюсь на коленях у Хатча.

Джейд не разделяла энтузиазма своей подруги. Она отчетливо ощущала какое-то беспокойство, но потом рассудила, что это глупости. Нил выскочил из темноты на бешеной скорости, возможно, она будет в большей безопасности вместе со всеми, чем если останется одна на пустынной дороге в дождливый вечер.

Она перебралась через сиденье и втиснулась в крохотное пространство рядом с любезно потеснившимся Ламаром.

– Привет, Джейд!

– Привет! – Она улыбнулась Ламару. Он всегда казался таким виноватым и вежливым, что ей стало его жалко. Для нее оставалось загадкой, почему он сшивается вокруг Нила.

Патчетт занял свое место за рулем и захлопнул дверцу.

– Садись, Хатч.

Хатч подчинился.

Донна Ди направилась к пассажирской стороне машины. Но раньше, чем она успела подойти, Нил сказал Хатчу:

– Захлопни дверь.

Хатч закрыл дверцу и с любопытством уставился на Нила.

– А как насчет Донны Ди?

Нил включил двигатель.

– Она остается.

Донна Ди ухватила за ручку дверцы, но Нил, перегнувшись через Хатча, надавил на кнопку замка.

– Пусти меня, ничтожество! – отчаянно стучала в окошко Донна Ди.

– Нил, мы не должны оставлять ее, – осторожно сказал Хатч.

– Заткнись.

– Впусти ее! – Джейд протиснулась между двумя откидными сиденьями и перегнулась через колени Хатча, стараясь дотянуться до ручки дверцы.

– Открывай дверь, Донна Ди! Быстро! – Она надавила на кнопку замка, но раньше, чем Донна Ди успела распахнуть дверь, Нил отпустил педаль сцепления и бросил машину вперед.

– Если она не поедет с нами, я тоже никуда не поеду! – закричала Джейд.

Она снова попыталась достать ручку дверцы, теперь уже больше для того, чтобы самой выбраться из машины, чем впустить Донну Ди.

– Держи ее руки, Хатч!

Хотя в этот момент Нил совершил опасный разворот в об-

ратную сторону на скользкой от дождя и машинного масла дороге, он не повысил голоса. Его ледяное спокойствие привело Джейд в ужас.

– Нет! – Она начала отбиваться от Хатча. Джейд колотила кулаками по его рукам, извивалась между откидными сиденьями, пытаясь дотянуться до ручки дверцы.

Локтем она заехала Нилу в ухо.

– Господи! Ламар, неужели ты не можешь придержать ее? Мне же надо вести машину.

Ламар обхватил ее за талию. Джейд закричала, ударила каблуком по заднему стеклу и бросила тело вперед, чтобы ухватить рычаг переключения скоростей. Но Нил ударил ее по кисти ребром ладони, и рука сразу онемела.

На мгновенье Джейд увидела освещенную фарами Донну Ди, стоявшую на дороге с зажмуренными глазами.

– Донна Ди, помоги мне!

Хатч сжал кисти Джейд, руки Ламара обхватили ее вокруг талии. Машина рванула вперед, в темноту.

– Выпустите меня отсюда!

– Что мы делаем, Нил? – спросил Хатч.

– Всего лишь немного развлекаемся. – Нил включил пятую скорость.

– Это не развлечение, ты, ничтожество! – вскричала Джейд. – Отвезите меня назад к Донне Ди. Ее нельзя там оставлять, там страшно.

– Там в самом деле совершенно темно, Нил, – с беспокой-

ством заметил Ламар.

– Ты хочешь выйти?

– Нет, я только...

– Тогда заткнись.

Друзья Нила послушно умолкли. Джейд попыталась успокоиться и побороть страх. Ведь это не были незнакомые ребята, она знала их всю свою жизнь. Ламар и Хатч были туповатыми, но в основном нормальными. Нил, однако, мог быть злобным.

– Мы едем не в сторону города, Нил, – сказал Хатч, оглядевшись. – Куда мы везем ее?

– Она ехала к Гэри, не так ли?

– Значит, мы направляемся к его дому? – неуверенно спросил Ламар.

– Хатч, не будешь ли ты так любезен отпустить мои руки, – спокойно сказала Джейд. – Ты делаешь мне больно.

– Извини. – Он отпустил ее. Ламар последовал его примеру.

– Мы всего лишь подвезем тебя к дому Гэри, Джейд, – произнес он с коротким смешком. – Потом он сможет отвезти тебя к машине Донны Ди. У отца Гэри, возможно, найдется канистра бензина для трактора.

Джейд взглянула на Ламара, но не ответила на его жалкую улыбку. Все молчали. Если бы это была обычная прогулка, они бы разыгрывали друг друга, отпускали шуточки, обсуждали завтрашнюю контрольную по химии. От их натянутого

молчания Джейд почувствовала себя еще неуютнее. Если уж не по себе двум лучшим приятелям Нила, то у нее и подавно есть основания для беспокойства.

– Но сейчас будет поворот, – сказал Хатч. Нил не снизил скорость. – Ярдов через пятьдесят и направо, Нил.

Машина проскочила поворот на проселочную дорогу, заканчивающуюся у фермы Паркеров.

– Что ты делаешь? – сказала Джейд, вглядываясь в красивый профиль Нила. – Выпусти меня, я сама дойду от перекрестка.

– Нил, какого черта? – спросил Хатч.

– Сделаем небольшую остановку сначала.

Сердце Джейд учащенно забилося от страха. Всего лишь час назад она радовалась хорошему известию о своей стипендии; сейчас ее ладони покрылись холодным потом от смутной догадки.

На следующем перекрестке Нил свернул налево на дорогу, которая не очень-то и походила на дорогу. Засохшие высокие стебли сорных трав обступали колею, незамощенную и совсем разбитую. Лучи света от фар взлетали вверх и опускались, словно огни на морских бакенах.

– Мы возвращаемся на канал? – поинтересовался Ламар.

– Ага.

– Зачем?

– Я забыл кое-что, – ответил Нил.

Хатч недоверчиво взглянул на своего друга, но ничего не

сказал. Ближе к воде почва под колесами стала болотистой. Нил поставил машину на тормоз, заглушил двигатель, но оставил включенными фары.

– Все выходим.

Он открыл дверцу и шагнул на вязкую землю. Хатч заколебался. Потом вышел за ним. Джейд слышала, как он спросил:

– Почему мы вернулись сюда, Нил? Что ты забыл?

Ламар подтолкнул ее.

– Надо выйти. Если Нил вобьет себе что-нибудь в голову, лучше ему не перечить, иначе он взбесится.

Нил подошел сзади к машине, открыл багажную дверцу и поднял ее.

– Я сказал, выходите.

– Пошел к черту.

– Ламар, дай мне руку.

Нил схватил Джейд за руку. Джейд не ожидала этого и вскрикнула от боли, когда он рванул ее на себя. Ламар подтолкнул ее снизу. Если бы она не успела встать ногами на землю, то упала бы лицом в грязь.

Джейд выпрямилась и вырвала свою кисть.

– Убери от меня свои лапы!

– Или что? Твой дружок опять влепит в меня две порции мороженого?

Он насмешливо хмыкнул, затем повернулся к ней спиной и направился к ящику со льдом, прикрытому жухлой травой.

– Хочешь пива?

– Нет.

– Хатч? Ламар?

Нил открыл ящик, достал оттуда три банки пива и, не дожидаясь ответа от друзей, сунул каждому по банке. Потом откупорил свою и сделал большой глоток. Словно обезьяны, Хатч и Ламар проделали то же.

Джейд прислонилась к заднему бамперу, старательно не обращая на них внимания, и потерла руки, пытаясь избавиться от влажного озноба. Она не догадалась забрать свое пальто и книги из машины Донны Ди.

Ночь была абсолютно темной. Низкие дождевые облака заволокли луну. Джейд слышала тихий плеск текущей невдалеке воды, но ничего не видела за границей лучей, отбрасываемых фарами. Ветер был не сильный, но пронизывал до костей.

Нил прикончил свое пиво. Он смял рукой банку и швырнул ее в подлесок на берегу узкого канала. На земле вокруг уже валялось множество таких банок.

– Теперь мы можем ехать? – спросила Джейд, стараясь скрыть охватившую ее дрожь. Нил шагнул к ней.

– Пока еще нет.

– Почему?

– Потому что прежде чем поедem, – медленно протянул он, – мы все трое трахнем тебя.

III

Донна Ди Монро была в затруднении. Ей было как-то не по себе сидеть дома в безопасности, не зная, где сейчас Джейд. Конечно, она бы позвонила, если бы уже была дома.

Донне Ди пришлось подождать в своей машине лишь несколько минут, как возле нее остановился «универсал», и сидевшие в нем фермер с женой предложили подвезти ее до города. Отец встретил ее у станции обслуживания, наполнил канистру и довез до оставленного автомобиля. Она вернулась в Пальметто всего лишь через полчаса после того, как эта тройца уехала вместе с Джейдом.

Мысль о том, что ее бросили, продолжала мучить Донну Ди. Как они посмели уехать и оставить ее одну на дороге? И почему они не выпустили Джейда из машины, когда та абсолютно ясно дала им понять, что не хочет ехать с ними одна? Нил Патчетт заслуживает того, чтобы его поставили к стенке и всадили пулю между глаз.

Как всегда Хатч исполнял все распоряжения Нила беспрекословно. Донне Ди было обидно, что Хатч настолько мало интересуется ею, что смог бросить ее одну на пустынном шоссе, где она могла бы стать жертвой любого подонка. Мысль о том, что Хатч Джолли похитил бы ее и увез в ночь, казалась безумно романтической, в общем-то, она не раз мысленно представляла себе это. Конечно, совершенно

ни к чему, чтобы в момент похищения там же болтались Нил и Ламар. Донна Ди завидовала Джейд, что приключение с «похищением» досталось на ее долю.

Сейчас, лежа в своей спальне, Донна Ди думала о том, что ей следует предпринять относительно Джейд. Вернул ли ее Нил на то же место, откуда захватил, или же привез ее обратно в город? А может быть, доставил прямо в дом Гэри? Есть только один способ выяснить это. Донна Ди сняла трубку и стала набирать номер Паркеров. А что, если Джейд там нет? Учитывая недавнюю стычку с Нилом в молочной «Дейри Барн», Гэри просто войдет в штопор, когда узнает, что сделал Нил.

Донна Ди не хотела, чтобы из-за нее Джейд имела неприятности с Гэри или матерью. Она не хотела, чтобы кто-нибудь злился на нее, но и не могла успокоиться. Наконец она решилась и позвонила.

– Уехала?

– Ну да, Велта, – сказал Пит Джонс. – Я вернулся из лечебницы где-то около шести. Джейд и эта Монро-младшая прыгали как сумасшедшие. Когда я согласился отпустить Джейд пораньше, они умчались быстрее молнии. Она велела передать тебе, что будет дома через час и что у нее хорошие новости.

Велта не любила сюрпризов, даже приятных. Особенно сегодня вечером. Она устала. От постоянного сидения за

письменным столом ломило поясницу. Она проголодалась и мечтала об ужине. Ей хотелось домой, поесть, долго-долго лежать в ванне, а затем лечь спать.

Велте было ровно сорок, и выглядела она именно на этот возраст, а иногда и старше, как, например, сейчас, когда недовольно поджала, губы.

– Что-то не похоже на Джейд – уйти без моего разрешения.

Пит Джонс усмехнулся.

– Там что-то серьезное. Она просто летала.

– Она сказала, что это за новости?

– Нет.

– Ну, скоро вернется, – сказала Велта, стараясь казаться равнодушной. Нет смысла давать повод для сплетен.

– Спасибо, мистер Джонс. До свидания.

По дороге домой Велта смотрела по сторонам, пытаясь увидеть машину Донны Ди. Эта выходка скорее всего была ее затеей. С тех пор как родители Донны Ди подарили ей этот драндулет, девчонки стали чересчур независимыми. Поэтому Велта никогда не позволяла Джейд брать машину без подробнейшего объяснения, куда она собирается и надолго ли. На девушек, пользующихся слишком большой свободой, обычно смотрят неодобрительно.

Когда Велта добралась до дома, она была уже на пределе. Почтовый ящик был забит, но она слишком устала и была раздражена, чтобы разобрать корреспонденцию. Бросив ее

на кухонный стол не глядя, Велта разогрела немного супа. Как только она вышла из ванной, зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Здравствуйте, миссис Сперри. Это Донна Ди. Можно поговорить с Джейд?

– Мистер Джонс сказал мне, что она уехала с тобой!

– Да, конечно, мы были вместе. Она еще не вернулась?

– Донна Ди, пожалуйста, объясни мне все немедленно. Джейд ушла из магазина, когда не было и шести, а сейчас уже девять. Где она?

– Мы поехали к Гэри, и по дороге у нас кончился бензин.

– Почему вы ехали к дому Паркеров в такое время?

– Ей нужно было что-то сказать Гэри.

– И это нельзя было сказать по телефону?

– Миссис Сперри, пожалуйста, не давите на меня, ладно? – заскулила Донна Ди. – Пусть Джейд сама вам это скажет. Ну так вот, где-то на полпути у нас кончился бензин. Мимо проезжал Нил Патчетт. С ним были Хатч и Ламар. И они взяли с собой Джейд.

– Взяли куда?

– Я не знаю. Они укатили и оставили меня на дороге. Очевидно, они решили так пошутить, только, по-моему, со стороны Нила это очень подло.

– Ты сейчас дома?

– Да, недавно приехала. – Она объяснила, каким образом вернулась в город. – Я подумала, что к этому времени Джейд

уже-дома, понимаете, я думала, что Нил или Гэри привезли ее. Они уехали в сторону фермы Паркера.

– Да, но ее нет. И я ничего не знаю.

– Вы думаете, с ней все в порядке? – с некоторым смущением спросила Донна Ди.

– Если Нил довез ее до дома Гэри, то она, по всей вероятности, забыла о времени. Придется сделать ей внушение, чтобы не нарушала свой комендантский час.

– Почему же она не вернулась домой?

– Ты там долго пробыла одна?

– Нет, не очень долго.

– Может быть, к тому времени, как она приехала, ты уже была на пути в город.

– Да, наверное. Но может, стоит мне или вам позвонить Гэри, чтобы убедиться, что она там. Я еще не звонила, потому что Гэри и Нил терпеть друг друга не могут. Гэри не понравится, если он узнает, что Джейд ездила с Нилом.

– Да, но если она у них, то он уже знает, ведь так?

– Да, конечно, – медленно произнесла Донна Ди. – Может быть, он разозлился, и Джейд пытается его успокоить.

– Не волнуйся, Донна Ди. Я позвоню Паркерам сама. Спокойной ночи.

Велта подумала, стоит ли звонить Паркерам, затем решила этого не делать. Если Джейд с Гэри, то она в безопасности, если же она с Нилом, то зачем расстраивать Гэри? Меньше знаешь, меньше беспокойства.

На губах Велты появилась улыбка, а в глазах заблестели искорки, что с ней случалось нечасто. Если Джейд была с Нилом, тем лучше. Вечер, проведенный в его компании, может заставить девочку по-другому посмотреть на некоторые вещи. Может быть, она поймет, как важно общаться с нужными людьми и насколько приятнее любить богатого, чем бедного.

Если это так, то, может быть, произошло лучшее из того, что могло произойти.

Если бы это зависело только от Джейд, то она, наверно, так бы и лежала на топком берегу канала, пока не умерла от голода, жажды или холода. Однако инстинкт самосохранения был слишком силен. Она не знала, как долго пролежала здесь в темноте, свернувшись клубочком, раздавленная тем насилием, которое ей пришлось пережить.

Небо оплакивало ее. Мелкая изморось, в течение всего дня окутывающая землю, превратилась в нудный дождь. Замерзшая, напуганная и обессиленная, Джейд наконец выпрямилась. Затем с трудом встала на четвереньки.

Она проползла несколько метров и нашла туфлю, которая слетела с ноги во время борьбы. Она попыталась ошупью найти вторую, но не смогла. Это уже не имело значения, ничто не имело значения. Ей было все равно, умрет она или останется жить.

Нет, это не совсем так. Потому что ее стремление уви-

деть, как будут наказаны Хатч Джалли, Ламар Гриффит и Нил Патчетт за то, что сделали с ней, было намного сильнее, чем желание жить.

С жаждой возмездия, горевшей в ней как факел, она с трудом поднялась на ноги и попыталась застегнуть блузку. Но все пуговицы были оторваны. Она смогла только застегнуть бюстгальтер. Грудь болела.

Тучи закрыли луну. В темноте ничего нельзя было разоб-
раться. Протянув вперед руки, как слепая, Джейд пыталась найти дорогу и, только споткнувшись о глубокую колею, оставленную машиной Нила в вязкой почве, смогла немного сориентироваться.

Опять встав на четвереньки, Джейд поползла вдоль колеи, зная, что в конце концов она выведет ее на шоссе. Откуда-то выскочил неведомый ночной зверек и перебежал дорогу. Отдернув руки, она сжалась от страха и затаила дыхание, прислушиваясь. Прошло несколько минут. Кроме отдающегося в ушах стука сердца, Джейд не слышала больше никаких звуков, не чувствовала в траве никакого движения. Она продолжала свой путь по автомобильной колее, ставя на холодную липкую землю сначала одну ладонь, затем другую. Она двигалась так до тех пор, пока колени не распухли и не стали ныть, как и все ее тело. Дождь лился за воротник, стекая по спине, промокшие волосы прилипли к голове.

Иногда ей хотелось лечь и умереть, потому что за эти последние часы жизнь стала для нее отвратительной и мрач-

ной. Ей не хотелось думать о том, что с ней случилось, она не могла уже терпеть болезненные последствия случившегося.

Но если она сдастся, ее насильники останутся безнаказанными!

И она продолжала свой путь. Рука, колено, рука, колено, рука, колено...

Спустя некоторое время, которое показалось ей вечностью, Джейд добралась до канавы, идущей вдоль шоссе. Продвинувшись вперед еще немного, она нащупала асфальт. С радостным хрипом она проползла вперед и в изнеможении легла на шоссе, как будто желая обнять его, как паломник, добравшийся до святыни. Дорожное покрытие было жестким и царапало щеку, но она прижалась к нему лицом, чтобы отдохнуть.

Если она смогла добраться сюда, то сможет проделать и весь путь до города, до больницы, до приемной шерифа. Слава Богу, она выжила и теперь сможет сообщить о преступлении. Найти Хатча, Ламара и Нила будет нетрудно. Они окажутся за решеткой через несколько часов после того, как она доберется до города.

Немного отдохнув, но еще не готовая встать и пойти, она с трудом поднялась. Движимая одним желанием наказать насильников, она доковыляла до середины шоссе. Идти вдоль белой прерывистой полосы будет менее рискованным, чем пробираться ошупью по обочине.

Двигаясь вперед, она постаралась прикинуть, сколько вре-

мени у нее может занять дорога в Пальметто. А может быть, лучше постараться дойти до какого-нибудь дома? Оттуда она смогла бы позвонить и получить там помощь.

Мама, наверно, сходит с ума от беспокойства. Велта требовала у нее отчета за каждую минуту. Наверняка Донна Ди сообщила кому-нибудь о ее похищении, если только ее тоже не изнасиловали.

– О Боже, только не это, – подумала Джейд.

Она вообразила, что группа добровольцев уже вызвалась прочесать местность в поисках ее и Донны Ди. Возможно, к тому времени, как она доберется до города, эти трое уже будут арестованы.

Автомобиль она заметила только тогда, когда он чуть не наехал на нее. Она была так погружена в свои мысли, что не различила приближающийся неяркий свет фар.

Нил! Он вернулся за ней. Его еще не арестовали. Он вернулся, чтобы опять мучить ее, может быть, даже убить, чтобы она не могла обвинить его.

Джейд с трудом пересекла шоссе и спряталась в канаве. На дне ее была протухшая вода, доходившая до колен. Пахло гнилью. Пальцы босых ног погружались во что-то холодное и скользкое. Однако страх был сильнее отвращения.

Скуля от страха, Джейд продиралась сквозь осоку и водоросли, которые цеплялись за край ее юбки. Добравшись до ограды из колючей проволоки, она сжалась у столбика, стараясь быть невидимой.

Машина замедлила ход и тихо поехала вдоль обочины. Когда свет фар упал на Джейд, она остановилась.

– Нет, нет! – Джейд поднятым плечом заслонила лицо и прикрыла грудь руками, вконец исцарапанными о колючки в канаве.

– Мисси, мисси, чево-то вы здесь в это время? – Похоже было, что говорит чернокожий. Руки, протянувшиеся к ней, были тоже черные. – Мисси, чево с вами?

Человек дотронулся до ее плеча. Джейд отпрянула. Он отдернул руки.

– Я ничего плохого вам не сделаю, мисси. Случилось чево?

В свете фар виден был лишь его силуэт. Джейд смогла только разглядеть комбинезон и широкополую фетровую шляпу. Человек опять протянул руку. На этот раз она не пошевелилась. Он осторожно поднял ее под мышки и потянул из канавы.

Поддерживая Джейд под руку, он открыл дверцу старого пикапа и помог ей усесться. Дверь захлопнулась с резким неприятным звуком. Внутри было сухо, но обогреватель не работал. Джейд стала бить дрожь.

– Вы куда направлялись, мисси? – спросил он, усаживаясь за руль. – Вы с этих мест?

– Отвезите меня, пожалуйста, в больницу. – Ее охрипший голос показался ей чужим. Джейд потеряла голос, когда кричала. Нил ударил ее за то, что она кричала. Хатч закрыл ей

рот своей лапищей. Ее крики очень нервировали Ламара.

– В больницу? Конечно, мисси. А сейчас вам отдых надо. Все будет в порядке.

Джейд последовала его совету. Она откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Теперь она в безопасности. Горячие слезы струились из-под закрытых век и стекали по щекам. Джейд тихо плакала, пока старенький пикап трясся по дороге.

То ли она заснула на некоторое время, то ли ненадолго потеряла сознание, потому что фургончик остановился почти сразу же. Человек вышел и открыл для нее дверь.

– Спасибо, – прошептала Джейд, выходя с его помощью из машины. Когда она ступила на землю, всю нижнюю часть тела пронизала пульсирующая боль.

Она покачнулась и ухватилась за столбик ограды. Закрыв глаза, Джейд прижалась щекой к холодному металлу и подождала, пока пройдет дурнота.

– Спасибо, – повторила она. Джейд повернулась к человеку, который спас ее, но его фургончик уже отъезжал.

– Нет, подождите. – Она прикрыла глаза руками, чтобы фары не слепили ее, но так и не могла рассмотреть ни своего спасителя, ни его машину. На передней части не было номера. Когда пикап выбрался на шоссе, водитель включил переднюю передачу. Фургончик затарахтел по дороге в дождливую темень. Джейд подумала, что столь поспешный отъезд был его единственным способом уклониться от обвинений

в изнасиловании белой девушки. К сожалению, в Пальметто было немало таких, кто сначала действовал, а потом задавал вопросы.

Неуверенной походкой Джейд прошла сквозь раздвижную стеклянную дверь, над которой светилась неоновая надпись: «Неотложная помощь». За дверями горел резкий бело-голубой свет. Она боялась его и остановилась перед входом в надежде, что кто-нибудь заметит ее. Две медсестры и молодой человек, очевидно, дежурный вахтер, сидели за столом и весело болтали.

До этого Джейд казалось, что она легко сможет сообщить о насилии, однако теперь, когда это стало неизбежным, она испугалась. Это был только первый шаг из многих, которые ей предстоит сделать, чтобы добиться справедливости. Но чтобы достичь этой цели, она была готова пройти через трудности и унижения.

Наконец она собралась с духом и поплелась к столу, оставляя за собой грязные следы.

– Простите, – сказала она. Три пары глаз уставились на нее. – Мне нужна помощь.

При ее появлении в течение нескольких мгновений их лица выражали крайнее удивление. Затем дежурный вахтер отошел в сторону, одна из сестер сняла телефонную трубку, а другая обошла стол и поддержала Джейд.

– Что произошло, милая? Сбила машина?

– Меня изнасиловали.

Сестра резко повернулась к ней.

– Изнасиловали? Здесь, в Пальметто?

– Рядом с каналом, недалеко от приморского шоссе.

– О Боже!

Джейд чувствовала, что молодой парень ловит каждое ее слово. Она видела, что он не сводит глаз с ее разорванной блузки, сквозь которую виднелась грудь. Другая медсестра говорила по телефону.

– Доктор Харви, вы нужны в «неотложке». Тут пришла девушка. Она говорит, что ее изнасиловали.

– Меня действительно изнасиловали, – сказала Джейд. Ее голос осекся: она готова была расплакаться. Ей хотелось, чтобы этот парень перестал наконец глазеть на нее.

– Пошли, милая, приляг вон там, пока не пришел доктор. Позвонить кому-нибудь насчет тебя?

– Нет, пока я не буду в порядке.

Сестра отвела ее в небольшую смотровую комнату, задернула тонкие и пышные, похожие на желтый парашют, занавески.

– Боже мой, ну и вид у тебя. Разденься. Все с себя снимай. Ты понимаешь, тебя должен осмотреть гинеколог. Надень вот это. – Она протянула Джейд больничный халат в сине-белую полоску.

– А вы не можете это сделать? – спросила она робко.

– Что сделать, милая? – спросила сестра, раскладывая на столике инструменты из блестящего металла. У них был

устрашающий и отталкивающий вид.

– Осмотреть меня? – Джейд не хотела, чтобы около нее был мужчина, чтобы он прикасался к ней. Ей казалось, что она просто не переживет, если ей придется раздвинуть ноги перед мужчиной.

– Нет, к сожалению. Это он так расцарапал тебе руки?

– Они. Их было трое.

Медсестра с ужасом посмотрела на нее и спросила шепотом:

– Черные?

– Нет, белые.

Она вздохнула с облегчением.

– Я позвоню в приемную шерифа. Доктор сейчас будет.

Сестра вышла, задернув за собой занавеску. Медленно, с трудом преодолевая боль, Джейд разделась. Она сложила свои промокшие и разорванные блузку, юбку и бюстгальтер в кучу на пол. Ее трусики и колготки остались там, вместе с туфлями.

При ярком свете Джейд осмотрела свое тело и зажала рукой рот, чтобы не закричать. Она была вся в грязи. Ноги, начиная от колен, были покрыты слоем грязи, запястья болели и кровоточили под толстым слоем глины.

Хуже всего было то, что ее живот и бедра были выпачканы какой-то липкой дрянью, смешанной с ее собственной кровью. Джейд стало тошнить от отвращения, вырвало в металлический таз, который она успела пододвинуть к себе.

– Мисс... э-э-е... Сперри?

За занавеской послышался мужской голос. Она видела его силуэт сквозь тонкую ткань. Джейд чуть не захлебнулась желчью, откашлялась, горло у нее горело.

– Мисс Сперри, мне надо осмотреть вас.

– Да, сейчас, одну минуточку. – Она запуталась в халате и наконец надела его через голову. Он едва прикрывал ее ягодицы. Джейд вскарабкалась на смотровой столик и прикрыла себя какой-то простынкой, стараясь, чтобы ее было видно как можно меньше. – Да, пожалуйста.

Ей пришлось пережить еще один шок. Доктор был очень молод. У него было свежее лицо, которое, казалось, не знало еще бритвы. Глаза светились неподдельным интересом. Она надеялась, что доктор будет пожилым, седовласым джентльменом с симпатичным брюшком и в очках, похожим на добродушного семейного врача с картин Нормана Рокуэлла.

Очевидно доктор почувствовал, что вызывает у нее неприязнь. Изю всех сил он старался выказать ей свое сочувствие, возможно, потому, что боялся, что с ней может быть истерика.

– Вам придется пережить еще несколько неприятных минут, мисс Сперри. Мне нужно осмотреть вас, сфотографировать и задать вам несколько вопросов. Некоторые из этих вопросов могут показаться вам нескромными, но ничего не поделаешь. Давайте с них и начнем, ладно?

Приступая к делу, он взял бланк медицинской карты и вы-

нул ручку из нагрудного кармана своего белого халата.

– Ваше полное имя?

– Джейд Элизабет Сперри.

– Возраст?

– Восемнадцать лет.

– Дата рождения?

Доктор записывал ее ответы в соответствующих графах карточки, затем, как он и предупреждал, вопросы стали более нескромными.

– Когда у вас последний раз были месячные?

– Я не помню.

– Мне нужно знать. Хотя бы примерно.

Джейд потеряла виски и постаралась вспомнить. Затем назвала число, которое показалось ей наиболее вероятным. Он записал его.

– Какие-нибудь венерические заболевания?

Вопрос ошеломил ее.

– Что?

– У вас есть какое-нибудь венерическое заболевание или, может быть, был половой контакт с кем-нибудь, у кого такая болезнь?

Внутри у Джейд что-то перевернулось, и она выкрикнула с яростью:

– До сегодняшнего вечера я была девушкой! – В эту минуту Джейд осознала, что в эту ночь она потеряла невинность не только физически.

– Понятно. Хорошо. – Доктор отметил что-то в карточке. – Этот мужчина...

– Мужчины. Я уже говорила сестре, что их было трое. Она разве вам не сказала?

– К сожалению, нет. Значит, трое?

– Да, трое.

– Все трое вводили член во влагалище?

Джейд закусила задрожавшую нижнюю губу.

– Да.

– Вы уверены?

– Да!

– И у всех было семяизвержение?

Она опять почувствовала приступ тошноты. Сглотнув горькую желчь, она с трудом выдавила:

– Да.

– Вы уверены, мисс Сперри? – Врач скептически посмотрел на нее. – Я хочу сказать, что если вы были девственницей, то вам трудно было бы определить.

Джейд сверкнула глазами, но у нее было очень мало сил для ярости. Она сгорбилась, подчиняясь.

– Да, они все трое... это самое.

Врач захлопнул карточку и положил ручку обратно в карман. Он просунул голову между занавесками и попросил сестру помочь ему. Та помогла Джейд лечь на кресло, устроив ее ноги на металлических подпорках. Доктор надел резиновые перчатки, затем сел на невысокую табуретку напротив

кресла и зажег яркую лампу. Затем дотронулся до ее бедер и развел ее ноги пошире. Она издала слабый звук протеста.

– Я предупреждал вас, что вам будет неприятно, мисс Сперри. Я постараюсь не причинить вам боли.

Джейд не смогла смотреть в его лицо, находящееся где-то между ее ног, и закрыла глаза, чувствуя, как что-то холодное и твердое проникает в нее. Она вцепилась в край кресла.

– Постарайтесь расслабиться. Знаете, вы поступили очень правильно, что не побежали домой и не приняли душ, прежде чем пойти сюда.

Она не могла поддерживать разговор с ним и сестрой в таком жалком виде. Кожа у нее была холодная и слегка влажная, однако чувство смущения и стыда несколько увеличило приток крови: она чувствовала, что краснеет. Голова гудела, и каждый удар сердца отдавался в ушах.

– Вы смогли бы узнать этих людей?

– Да, конечно.

– Ну что ж, хоть это хорошо. Они поплатятся за это. Если, конечно, вы не струсите и не откажетесь от своих обвинений до того, как дело пойдет в суд.

– Нет, я не струшу, – поклялась она, сжав зубы.

– Так, я закончил осмотр. Кроме лобковых волос. Не все они принадлежат вам. Я сейчас их соберу и тоже отдам в лабораторию.

Джейд съежилась и крепко зажмурила глаза, наконец сестра сняла с подпорок ее ноги и помогла ей сесть. Доктор

деревянной палочкой вычистил грязь из-под ее ногтей, затем снял перчатки и бросил их в бак с мусором.

– Теперь встаньте вот здесь, перед занавеской, – сказал он Джейд и взял фотоаппарат «поляроид», объясняя сестре, как должен быть накинута халат.

Несколько минут он фотографировал Джейд со всех сторон. Ей не нужно было раздеваться полностью, однако она чувствовала себя обнаженной. Он сделал снимки ее лица, плеч, груди, живота, бедер, ягодиц, всех тех мест, где были царапины или синяки. Их было не так уж много. Нил старался действовать аккуратно.

– А вот эти царапины – на руках и коленях?

Она покачала головой.

– Это позже, когда я ползла по шоссе.

– Ну вот и все. Я напишу отчет и отнесу это в лабораторию. Сейчас там никого нет, но они сделают анализ завтра прямо с утра. Сестра отведет вас в душ. Мы дадим вам принадлежности и одежду. Вашу одежду мы тоже отдадим в лабораторию.

Джейд кивнула.

– Спасибо.

Он удалился, взяв с собой материал для лабораторного исследования.

– Пошли со мной, милая. – Сестра отдернула занавеску и пошла к двери. Джейд замялась, одергивая короткий халатик.

– Прямо так? Но он мне даже бедра не прикрывает.

– Это же больница. Никто на это не смотрит.

Джейд подумала, что вахтер-то уж посмотрит. Однако выбора у нее не было. Она пошла за сестрой по коридору, стараясь идти очень осторожно, чтобы халатик не развеялся.

– Вам повезло. Док Харви раньше работал в больнице в большом городе. Он знает, что делать, – заметила сестра.

Они прошли сквозь дверь, на которой было написано «Только для персонала», и вошли в комнату отдыха, где несколько сестер пили кофе и что-то ели. Они с любопытством смотрели на Джейд, пока она проходила через комнату за медсестрой.

– Вот здесь, – сказала та, открывая дверь в женский душ. – Полотенце и все остальное вон там, в шкафчике, около душевой кабины. Там также есть одноразовая спринцовка.

Джейд хотелось, чтобы та говорила потише. Казалось, все в этой комнате уставились на нее.

– Я никогда не спринцевалась, – прошептала она.

– Ничего страшного. Инструкция написана на коробке.

Джейд проскользнула в дверь. Как и сказала сестра, все необходимое было в шкафчике. Она сняла больничный халат и шагнула в кабинку. Слава Богу, вода была горячей. Джейд сделала ее погорячей, насколько можно было терпеть, и с наслаждением подставила тело под тугие обжигающие струи. Они очищали, отмывали ее. Джейд хотелось смыть с себя эти мерзкие выделения. Она сама поражалась, как толь-

ко могла так долго иметь это на своей коже и не потерять рассудок.

Трижды намылившись, Джейд поставила ногу на барьер и стала мыть между ног. Боль была настолько сильной, что на глазах выступили слезы, но она терла и терла, пока кожа не стала багровой. Довольно неумело она воспользовалась спринцовкой и была рада этому. Наконец она промыла волосы и несколько раз прополоскала рот горячей водой.

После душа Джейд почувствовала себя лучше, хотя и знала, что уже больше никогда не почувствует себя опять по-настоящему чистой. Она чувствовала себя выпачканной – морально, физически, эмоционально. Она больше никогда не станет прежней. Эта мысль приводила в отчаяние и злила.

Она вытерлась и обмотала голову махровым полотенцем. На верхней полке лежало несколько пар фирменных зеленых костюмов. Она приложила к себе, и вторая пара подошла. На полочке она нашла и бумажные тапочки, предназначенные для того, чтобы надевать их на обувь. Однако Джейд надела их прямо на босые ноги.

Она осторожно открыла дверь и заглянула в когнату отдыха. Знакомая ей медсестра сидела одна на диване и смотрела телевизор. Увидев Джейд, она встала.

– Может быть, хотите чего-нибудь? Кофе? Кока-колу?

– Нет, спасибо.

– Они звонили из приемной. Сюда приехал помощник шерифа, он хочет поговорить с вами.

– Я готова.

Джейд шла по коридору, хлопая тапочками. Помощник шерифа трепался с привратником и доктором Харви, когда они с сестрой подошли к столику. Представитель закона сдвинул на затылок шляпу, принял официальный вид и с подозрением посмотрел на нее.

– Мисс Сперри?

– Да.

– Пожалуйста, сядьте сюда.

Джейд осторожно присела на край диванчика, обитого лиловым пластиком. Помощник шерифа опустил на стул напротив нее. Доктор Харви остался стоять у края кушетки. Помощник, который был не старше доктора, вытащил из внутреннего кармана форменной куртки блокнот.

– Доктор Харви говорит, что вы заявили о том, что вас изнасиловали сегодня ночью.

Она с недоверием посмотрела на одного, затем на другого.

– Почему все здесь говорят, что я «заявила» или «сказала» что-то. Меня действительно изнасиловали. Вы думаете, я вру?

– Ну-ну. Никто не обвиняет вас во лжи. Я просто хочу выяснить, что произошло. Успокойтесь, хорошо?

Джейд успокоилась. Это было не так-то просто. Ей пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не закричать. Вахтер и медсестры опять собрались у столика неподалеку. Не нужно страдать манией преследования, что-

бы понять, что они шепчутся о ней. Время от времени кто-нибудь из них или вся компания смотрели в ее сторону, затем отворачивались и продолжали свой разговор вполголоса.

– Фамилия, имя полностью? – спросил помощник.

Его лицо начало расплываться. Она поняла, что вот-вот расплачется.

– Меня изнасиловали, – сказала она громко. – Мои насильники на свободе, а вы подвергаете меня здесь унижениям и оскорблениям. – Она судорожно вздохнула. – Я уже сообщила доктору фамилию, имя, адрес, дату рождения и все остальное. Может быть, вам лучше всего спросить меня о том, что случилось сегодня ночью и кто совершил преступление?

– Всему свое время, – ответил он, ничуть не тронутый ее слезным обращением. – Это обычная полицейская процедура при подобных заявлениях. Если дело будет передано в суд, то вам бы, наверное, не хотелось, чтобы преступники избежали наказания из-за технических неточностей, правда, барышня?

– Почему бы вам просто не ответить на вопросы, мисс Сперри? – деликатно вмешался доктор. – В конце концов, так будет быстрее. Может, принести вам чего-нибудь попить?

– Нет, спасибо.

– Если хотите, я дам вам успокоительного.

Она решительно замотала головой. Затем, обратившись к

помощнику шерифа, она бесстрастным тоном ответила на все обязательные вопросы.

– Ну, а теперь о сегодняшней ночи, – сказал он, откашлявшись. – Вы сказали доктору Харви, что на вас напали трое мужчин и силой овладели вами.

– Да, это так.

– Они были вооружены?

– Нет.

– Нет? То есть они не угрожали вам пистолетом или чем-либо еще в атом роде?

– Они просто схватили меня и повалили на землю.

– Члены во влагалище вводили?

– Это все есть в моем отчете, помощник, – постарался помочь доктор Харви.

– Спасибо, доктор, но допрос провожу я. Ответьте, мисс Сперри.

– Да, – ответила Джейд. – Они все... проникли и... завершили акт.

– Насиловали ли они вас каким-нибудь извращенным способом?

– Нет, этого не было, – опять на выручку пришел доктор, поскольку Джейд была слишком поражена вопросом и не знала, что сказать.

– Вас принуждали к половому сношению оральным путем?

Опустив глаза, она покачала головой.

– Нет.

– И где именно имело место так называемое нападение на вас?

Так называемое? Эта фраза резанула ее, однако она ответила на вопрос.

– Около канала, рядом с приморским шоссе. По-моему, у этого проселка нет названия. Это обычная немощеная дорога. Я могла бы показать вам это место. Если они не забрали с собой мои вещи, то они еще там.

– Не могли бы вы дать описание лиц, по вашим словам, совершивших насилие?

– Больше того, помощник, я знаю их имена.

– Вы знаете их имена?

– Ну да.

– Значит, нам повезло. Так, слушаю вас? – Он с нетерпением постукивал карандашом по блокноту.

– Ламар Гриффит.

Карандаш заскрипел по бумаге. Затем, с удивлением наклонив голову набок, помощник шерифа прочитал имя, которое только что записал. Он взглянул на Джейд.

– Сын Майраджейн Гриффит?

– Ламар Гриффит, – уверенно повторила Джейд. – Нил Патчетт.

Кровь отхлынула от лица полицейского. Он нервно облизнул губы.

– И Хатч Джолли.

Несколько секунд он смотрел на нее не отрывая глаз. Затем, наклонившись вперед, почти касаясь своим носом ее лица, он прошептал:

– Разыгрываете меня, да?

Она выхватила его блокнот и карандаш и печатными буквами написала три имени на мелованной бумаге. Тыча кончиком карандаша в свою запись, она воскликнула:

– Вот фамилии трех парней, которые меня изнасиловали. И ваш долг проследить за тем, чтобы их арестовали и посадили за решетку.

Он нервно сглотнул и взглянул на доктора, как бы ища у него поддержки.

– Мисс... а... у...

– Сперри, – крикнула она.

– Мисс Сперри, вы, наверное, имели в виду не это.

– Нет, именно это.

– Вы что-то напутали.

– Нил, Хатч и Ламар вытащили меня из машины моей подруги, завезли меня в пустынное место и все трое изнасиловали меня. После этого они бросили меня там. – Она вскочила на ноги. – Почему вы смотрите на меня с таким тупым видом? Спросите у Донны Ди! Арестуйте этих парней! Наденьте на них наручники! Посадите их в тюрьму!

– Мисс Сперри. – Доктор взял ее за руку. Он усадил ее на диван и сделал знак медсестре. – Будьте добры, принесите валиум.

– Не надо мне лекарств, – огрызнулась Джейд, отталкивая его руку. И обращаясь к полицейскому, она произнесла: – Если вы не в состоянии задержать трех преступников, найдите того, кто сможет это сделать.

– Черт побери, мисс Вы только что назвали сына моего начальника насильником.

– Да, это так. Хатч был вторым. Он был самым грубым и самым большим. Он чуть не задушил меня. – Она не чувствовала, как ее ногти впились в ладонь, – так сильно она сжала кулаки. Она почувствовала боль и взглянула на полукруглые следы на своих расцарапанных ладонях.

– Пожалуй, будет лучше сообщить обо всем шерифу, – сказал доктор.

– Боже всемогущий, – произнес помощник шерифа, поднимаясь с явной неохотой со стула. – Задача не из приятных, – сказал он, проводя ладонью по своему пухлому, совсем еще юному лицу. – Ну и заваруха будет, когда я сообщу шерифу Джолли, что его парень и сын Айвена Патчетта обвиняются в изнасиловании.

Спустя час Джейд сидела в комнате для допросов. Здесь пахло застарелым табаком и потом. Помощник шерифа привез ее прямо из больницы в здание суда и оставил в этой комнатенке, похожей на кабинку, как бы отстраняясь от всей этой грязной истории.

Джейд была уверена, что, пока все это не закончится, по-

ложение будет ухудшаться с каждой минутой. Конечно, результаты судебного разбирательства доставят ей колоссальное удовлетворение. Однако ей предстоят серьезные переживания в личном плане. Как, например, она посмотрит в лицо Гэри?

Она просто и не могла об этом думать сейчас, или она просто сойдет с ума. Ей необходимо было сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас, например, подумать о Донне Ди. Джейд очень волновалась о ней. Вполне можно было допустить, что после того, как парни ее бросили, они вернулись к Донне Ди и сделали с ней то же самое. Может быть, в этом и был план Нила – разлучить их и оставить фактически беспомощных. Может быть, Донна Ди лежит где-нибудь на обочине шоссе истерзанная, без сознания, а может быть, и мертвая...

Ее тревожные мысли были прерваны, когда шериф Фриц Джолли вошел в комнату. Вместо формы на нем были синие джинсы, а под пятнистой охотничьей курткой виднелась пижамная рубашка. Было видно, что его подняли с постели. На щеках и подбородке виднелась рыжеватая щетина.

– Здравствуй, Джейд.

– Здравствуйте, шериф Джолли.

Ей частенько приходилось продавать ему в магазине жевательный табак. Они хорошо относились друг к другу. Сейчас этот большой представительный человек опустился на стул напротив нее и положил скрещенные руки на обшарпанный

стол, разделяющий их.

– Как я понял, у тебя были неприятности сегодня ночью.

– У меня не было неприятностей, шериф Джолли.

– Расскажи мне обо всем.

– Могу я подождать, пока придет моя мать? – Ей не хотелось повторять свой рассказ несколько раз. Доктор в больнице обещал, что позвонит ей, чтобы она приехала сюда. Помощник шерифа не дал ей времени позвонить самой.

– Велта уже здесь, в дежурке, рвет и мечет, – сказал он. – Но мне бы хотелось, чтобы ты все рассказала мне до того, как она войдет сюда.

– Почему меня привели в комнату для допросов?

– Здесь удобно, и никто не мешает.

Она посмотрела на него с подозрением.

– Я не сделала ничего плохого.

– Никто этого и не говорит. Так что же произошло?

Она не выдержала его взгляда и опустила глаза на свои сжатые кулаки. Затем, вздохнув, произнесла:

– Нил, Ламар и Хатч подъехали к нам с Донной Ди, когда у нас кончился бензин. Они посадили меня в машину Нила, хотя я сопротивлялась. Затем они привезли меня на то место, где они пили пиво и ловили рыбу за несколько часов до этого, и они... – Джейд подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, – они один за другим изнасиловали меня.

Джолли очень-очень долго смотрел на нее, ничего не говоря.

Джейд добавила:

– Я боюсь, что Донна Ди тоже пострадала.

– Мой помощник говорил мне, что ты спрашивала о ней.

Я звонил ей домой. Она там, с ней все в порядке.

Джейд вздохнула с облегчением.

Когда он снова заговорил, голос его звучал глубоко и проникновенно.

– Джейд, обвинения против этих трех мальчиков очень серьезны.

– Изнасилование – это серьезное преступление.

– Мне трудно поверить, что они могли совершить подобное.

– Мне тоже было трудно в это поверить. Еще вчера в это время я бы и подумать о таком не могла.

– Хорошо, – произнес шериф. – Почему бы тебе не рассказать мне, что же произошло на самом деле?

IV

В комнате Нила было еще темно, когда его отец с силой распахнул дверь и ворвался к нему. Айвен сразу же подошел к кровати, сдернул простыни и с силой ударил Нила по голому заду.

– Ах ты дрянь!

Нил откатился на другую сторону кровати и вскочил: отец и сын смотрели друг на друга: Нил абсолютно голый, на Айвене были спортивные трусы и старомодная белая футболка. Его темные с сильной проседью волосы торчали во все стороны. Но даже в таком виде он не выглядел смешным. В глазах была бешеная ярость.

– Что на тебя наехало? – с вызовом поинтересовался Нил, упираясь руками в тощие бедра. Он был взъерошенный, сонный и недовольный. Его стройное поджарое тело было таким скорее от природы, чем от тренировки. Неплохой спортсмен, он, однако, занимался спортом постольку поскольку, и свою стройность и подтянутость он воспринимал как должное.

– Мне только что звонил Фриц, – сказал ему Айвен.

– Ну и что? Сейчас глубокая ночь. Я спать хочу.

– Черта с два ты у меня поспишь!

Голова Нила совсем уж было коснулась подушки, как Айвен дернул его за волосы, а затем с силой дал ему ногой под зад. Нил отлетел к стене, резко развернулся и сжал кулаки,

готовый к отпору.

– Вчера вечером ты изнасиловал девушку, так? Нил опустил кулаки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о Джейд Сперри, которая сейчас в суде обвиняет тебя в том, что ты ее изнасиловал. – Айвен ткнул Нилу в грудь пальцем. – Лучше расскажи мне правду, парень, – его рык мог поднять и мертвого.

Глаза Нила забегали по комнате, выхватывая отдельные предметы, затем его взгляд остановился на грозной фигуре отца, – Если она утверждает, что это было изнасилование, то она врет.

– Ага! Так ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Ты, сукин сын!

– Я говорю правду! – заорал Нил. – Хатч, Ламар и я прихватили ее и поехали все вместе на рыбалку. Выпили немного пива. Повеселились немного. Она была с нами очень мила – то есть очень-очень мила, папа. Она этого хотела, и она это получила.

Айвен смотрел на Нила не отрываясь; в глазах его, как в осколках зеркала, отражался зарождающийся утренний свет.

– Врешь! Эта девчонка не какая-нибудь дешевка. Она неразлучна со своим мальчишкой Паркером. Зачем же ей ехать с тремя оболтусами?

Нил выругался про себя и провел рукой по всклокоченным волосам.

– Я же сказал тебе, папа, она сама этого хотела. Она делала вид, что, кроме Паркера, ее никто не интересует. Но при каждом удобном случае крутит хвостом, как только меня видит. А когда ее парень опять появляется на горизонте, она снова задирает нос и обращается со мной, как с собачьим дерьмом, в которое случайно вляпалась. Ты же не думаешь, что я позволю девчонке так со мной обращаться? Черта с два! Вчера вечером я решил показать ей, что значит настоящий мужчина. Если она называет это изнасилованием, то это ее проблема.

– Черта лысого! – Айвен с неожиданным терпением выслушал Нила. Но теперь он заскрипел зубами. – Это не только ее проблема. Теперь это проблема шерифа, да и моя тоже.

Нил машинально почесал низ живота.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Ничего! Даже и не подумаю!

– Да? – самоуверенность Нила улетучилась.

– Я не собираюсь ничего делать, пока ты откровенно не скажешь мне, что там произошло. Было насилие или нет?

Нил как-то неловко пожал плечами.

– Были некоторые сложности. – Затем быстро добавил: – Но я знаю, что она сама этого хотела.

– А Хатч и Ламар?

– Ну, им тоже немного досталось, – он фыркнул, – я не жадный.

Айвен чуть было не вlepил сыну затрещину за наглость,

затем решил не тратить попусту свою энергию и опустил уже поднятую руку.

– Ну, с Хатчем все ясно. Но я не могу себе представить, как этот мышонок, сын Майраджейн, мог силой полезть девчонке под юбку.

– Ну, Ламара надо было только немного подбодрить, однако он справился, как надо.

В дверь постучали. Они повернули голову и увидели на пороге комнаты экономку Юлу.

– Вы будете пить свой утренний кофе сейчас, мистер Патчетт?

– Нет! – рявкнул Айвен. – Я скажу, когда захочу выпить кофе!

– Конечно, сэр. Я просто спросила.

Она удалилась. Айвен в течение нескольких секунд смотрел на закрывшуюся дверь, затем повернулся к Нилу.

– Почему вы не поехали в «черный» район и не подцепили там какую-нибудь девчонку, которая бы помалкивала? Какого черта вы связались с этой Сперри?

– Потому что она сама этого хотела, вот почему.

– О Боже, ну и история!

Нил с беззаботным видом натянул на себя джинсы, которые накануне ночью он сбросил на пол.

– Ну и что ты собираешься делать, папа?

– Еще не знаю. Дай мне подумать. – Айвен растянулся на кровати. – Они могут посадить тебя на приличный срок по

обвинению в изнасиловании. Ты хоть это понимаешь?

– Ерунда, – ошеломленно пробормотал Нил. – Чушь собачья. Нельзя отправить человека в тюрьму только за то, что он трахнул девчонку, которая сама на это напрашивалась.

Айвен сказал:

– Я это понимаю, и ты это понимаешь. Нам надо только, чтобы и все остальные это поняли.

– Но я не пойду в тюрьму, ни за что! В тюрьге ниггеры трахают белых в задницу. Пап, сделай что-нибудь!

– Заткнись и дай мне подумать! – заорал на него Айвен. Затем вlepил Нилу крепкую пощечину. – Ублюдок, ты мне весь день испортил.

Джейд положила голову на скрещенные на столе руки в комнате для допросов. Глаза у нее болели и горели огнем, как будто в них попал песок. Ее продержали в здании суда всю ночь. Лишь однажды ей разрешили выйти в туалет, но туда и обратно ее сопровождал помощник шерифа. Было похоже на то, что под арестом находится она, а не ее обидчики. Рассказывая во второй раз, Джейд слово в слово повторила то, что говорила раньше. Великолепная память не раз выручала ее в школе. Память сохранила подробности группового изнасилования. И хотя они были отвратительны, Джейд не пыталась их приукрасить.

Шериф пытался сбить ее с толку, стараясь, однако, не обидеть ее.

– Джейд, когда я уходил из дома, Хатч был в своей комнате.

– Я не знаю, где он сейчас. Знаю только, что он делал и где он был в семь часов вечера.

– Так, по твоим словам, это случилось тогда?

– Это действительно случилось тогда. Хатча в это время ведь не было дома, правда?

– Он пришел около девяти и сказал, что был с Нилом и Ламаром.

– Совершенно правильно. Они меня насильовали.

Фриц провел большой ладонью по своему румянному лицу, разглаживая обвисшую кожу.

– Ну и что ты делала в промежуток времени между семью часами, когда произошло так называемое изнасилование, и временем, когда ты появилась в больнице? То есть... – он посмотрел в записи своего помощника, – ты пришла в больницу в одиннадцать тридцать четыре.

– После того как они бросили меня, я долго лежала. Затем я доползла до шоссе. Когда сзади подъехала машина...

– Ты говорила, что это пикап.

– Да, пикай. Но сначала я подумала, что это машина Нила. Я испугалась и попыталась спрятаться в канаве. Негр из машины уговорил меня выбраться из канавы и посадил в свой фургончик, а затем довез меня до больницы.

– Он не сказал тебе своего имени?

– Нет.

– И ты не можешь его описать?

– Было темно. Я помню только, что на нем были комбинезон и шляпа.

– Так пол-Юга одевается. Интересно, если он был с тобой так любезен, почему же он не пошел вместе с тобой в больницу? Почему он просто растворился в воздухе?

– Если бы вы были темнокожим в наших краях и привезли в неотложку белую девушку, жертву насилия, вы бы болтались там поблизости, шериф Джолли?

Он изобразил огорчение. Затем сказал:

– Некоторые белые девушки скорее умрут, чем допустят, чтобы их изнасиловал чернокожий.

Джейд встала со своего стула, обошла его сзади и, ухватившись за спинку, с вызовом посмотрела на Джолли.

– Значит, вы думаете, что меня схватил чернокожий, изнасиловал, а я все свалила на вашего сына и его двух товарищей? Такова ваша версия?

– Я должен предусмотреть все варианты, Джейд. Именно потому, что мой сын обвиняется в преступлении.

– Может быть, вместо того, чтобы здесь терзать меня, вам лучше задать несколько вопросов Хатчу?

– Я и собираюсь это сделать.

Вскоре после этого разговора он разрешил ей встретиться с матерью. Велта всегда очень следила за собой, и Джейд была поражена, увидев ее измученное лицо, растрепанные волосы. Та ворвалась в комнату, чуть не сбив с ног шерифа

Джолли.

– Джейд! Что случилось? Мне никто ничего не говорит. Где ты была?

Меньше всего на свете Джейд хотелось опять отвечать на вопросы. Ей было необходимо, чтобы кто-то обнял ее, прижал к себе и успокоил. Чтобы не было никаких разговоров, а просто тепло и понимание. Вместо этого мать начала требовать отчета. Джейд понимала, что на ее месте она, возможно, действовала бы так же. Однако ей от этого было не легче.

Лицо Велты не выражало никаких чувств, пока она слушала рассказ Джейд. После нескольких секунд молчания она переспросила, как бы не понимая:

– Изнасиловали?

– Да, мама.

С некоторой неловкостью она протянула руку и убрала с лица дочери пряди уже высохших и в беспорядке торчащих волос.

– Кто сделал это?

Когда Джейд сказала ей, Велта отдернула руку, как будто от волос Джейд било током.

– Это... это невозможно, Джейд. Ты знаешь этих мальчиков всю жизнь. Они никогда бы не сделали ничего подобного.

– Сделали, мама, сделали. – Глаза ее наполнились слезами. – Мама, ты мне не веришь?

– Конечно же, Джейд, конечно, я верю тебе Джейд была не

очень в этом уверена, однако у нее не было ни сил, ни желания что-то доказывать. По просьбе шерифа она еще раз рассказала о своем приключении матери. Когда она закончила, тот вышел из комнаты, пообещав скоро вернуться.

Оставшись одни, Джейд и ее мать ни о чем серьезном не говорили. Велта спросила ее, как она себя чувствует. Джейд, понимая нелепость вопроса, просто ответила, что все в порядке. Велта больше к ней не прикасалась, если не считать той неуклюжей ласки, когда она пригладила ее волосы.

На рассвете появился помощник шерифа и предложил Велте чашку кофе. Джейд попросила чашку, чтобы прополоскать саднящее горло. Ей было трудно глотать, наверное, еще и из-за непролитых слез, которые комом стояли у нее в горле.

Внезапно дверь в комнату открылась. Джейд подняла, голову, осознавая, что, очевидно, из-за крайнего утомления немного задремала. Она громко закричала от страха, увидев, что в комнату входит Нил Патчетт.

У нее перехватило дыхание, как будто от долгого бега.

– Что он здесь делает?

За ним в комнату вошли Айвен Патчетт и шериф Джолли.

– Мисс, вы здесь выдвинули довольно серьезные обвинения, – сказал ей Айвен. – Когда Фриц сказал мне, что здесь происходит, я потребовал, чтобы вы повторили свои обвинения в присутствии моего сына. Привет, Велта.

Велта отреагировала на появления Айвена примерно так

же, как и Джейд отреагировала на Нила.

– Привет, Айвен.

– Ну, эти двое и наделали же тут дел, а?

– Да.

– Я ничего не наделала! – закричала Джейд, возмущенная тем, что Айвен пытается перетянуть ее мать на свою сторону в осуждении нашкодивших детей. – Это сделали со мной. Я ни в чем не виновата.

– Кончай, Джейд, – вмешался Нил, впервые открывший рот. – Ты что, всерьез думаешь, что кто-нибудь поверит, что тебя изнасиловали?

– Никто и не должен мне верить на слово. Пусть посмотрят на снимки, сделанные в больнице. И лабораторные исследования подтвердят, что я говорю правду.

Нил уселся на край стола.

– Я и не говорю, что этого не было, – сказал он спокойно. – Я только говорю, что ты преувеличиваешь, все было не совсем так.

– Ничего я не преувеличиваю! – Если бы не спинка стула, она бы отпрянула от него еще дальше. Он вызывал у нее чувство глубокого отвращения, несмотря на смазливую физиономию.

– Ладно, давайте разберемся, – вмешался шериф Джолли, беря инициативу в свои руки.

– Нил, слезь со стола, пожалуйста. – Он указал на стул у стены. – Айвен, садись сюда. Айвен сел, затем взглянул на

Велту.

– Сегодня у тебя оплачиваемый выходной.

– Спасибо.

Джейд посмотрела на мать, разозленная тем почтительным тоном, которым та разговаривала с Айвенгом Патчеттом.

– Хорошо, Джейд, – произнес Фриц, переключив ее внимание на себя. – Пожалуйста, расскажи нам еще раз обо всем, чтобы и Айвен с Нилом слышали.

Слова шерифа прозвучали достаточно требовательно. Джейд не знала, нужно ли ей в присутствии Нила и его отца вдаваться в деликатные подробности того, как ее насильвовали. Однако, если дело дойдет до суда, ей придется обо всем рассказывать и при большей аудитории.

Айвен, казалось, смотрел на нее с пониманием, однако она чувствовала в его взгляде доброжелательном взгляде искорки злобы. Нил встал у противоположной стены, скрестив руки на груди. На лице его была самодовольная ухмылка.

– Ну, Джейд, интересно послушать, как я тебя насильвовал.

Его наглый тон разъярил ее. Нет, ему не удастся выпутаться, даже если ей придется повторить свою историю тысячу раз.

Отхлебнув немного теплого содового раствора, который ей принес помощник шерифа, она начала с рассказа о том, как в машине Донны Ди, на которой они ехали, кончился бензин, и закончила своим прибытием в больницу.

– Ну и нашли вы этого загадочного ниггера? – спросил Айвен у Фрица.

Шериф покачал головой. – Она не сообщила ни одной приметы, по которой мы бы смогли его обнаружить.

– Х-м. – На губах Айвена появилась довольная улыбка.

– Он действительно был, – настаивала Джейд. – В том состоянии, в котором я находилась, я не смогла бы сама добраться до города.

– Папа тоже так говорит, – произнес Нил. – Твое так называемое «состояние» было не таким уж плохим, как ты пытаешься изобразить. У тебя было полно времени дойти до города, и ты это и сделала. Но пока шла, ты испугалась. Ты вспомнила о Паркере и о том, что он подумает, когда узнает о нашем небольшом междусобойчике.

Джейд вскочила.

– Не смей произносить его имени! Ты недостойн этого. Лучше еще раз изнасилуй меня, только не впутывай сюда Гэри.

– Пожалуйста, Джейд, сядь. – Велта схватила ее за руку и опять усадила на стул.

Айвен закурил сигарету и долго махал спичкой, чтобы загасить ее. Потом бросил на пол.

Шеф Джолли сказал:

– Нил, тебе не обязательно отвечать на какие-либо обвинения.

– Да пусть ее. Она все врет.

– Айвен, ты уверен, что не надо вызывать сюда твоего адвоката?

– Пренебрежем этим нашим правом. Зачем беспокоить его в такую рань? Нам нечего скрывать. Мо-жт, спросишь мальчика о чем хочешь?

Фриц обратился к Нилу:

– Что произошло, когда вы подъехали к Донне Ди и Джейд?

– Все было так, как говорила Джейд, – ответил он. – Мы предложили ей поехать с нами. Она сама залезла в мою машину. Она даже перебралась на заднее сиденье и села рядом с Ламаром...

– Так вы не затаскивали ее насильно в свою машину?

– Конечно нет.

– Потому что я думала, что Донна Ди тоже поедет, – быстро вмешалась Джейд. – Когда я увидела, что они собираются бросить ее одну, я попыталась выйти. Они не дали мне. Они не впускали ее и не выпускали меня.

Нил рассмеялся.

– Мы просто шутили. Разыграли похищение. Просто ребячились.

Он стал продолжать с этого места и рассказал о том, что они приехали на то место, около канала.

– Джейд вышла и сидела там, пока мы пили пиво.

– А что мне оставалось? – объяснила она. – Когда ты сказал, что вы собираетесь делать, я побежала. Скажи им, Нил.

Ты знаешь, что это так. Я хотела от вас убежать.

– Нил, что ты на это скажешь? – спросил Фриц.

– Я сказал ей, что мы собираемся трахнуть ее.

Велта прижала руку к сердцу и положила ногу на ногу. Айвен затянулся сигарой. Фриц потер висок.

– Это подтверждает рассказ Джейд.

– Тогда я повернулась и побежала в сторону дороги, – сказала она. – Но я не успела далеко убежать. Нил схватил меня за волосы и бросил на землю.

Нил беспokoйно пожал плечами.

– Она сказала что-то вроде «ничего у вас не выйдет», но она при этом смеялась.

– Ничего подобного я не говорила и уж конечно не смеялась. Я испугалась до смерти.

– Испугалась трех своих друзей? – недоверчиво фыркнул Айвен.

– Она действительно побежала, – сказал Нил, – но не в полную силу, было видно, что она хотела, чтобы ее поймали. Я действительно схватил ее за волосы. Мы немного поборолись. Она делала вид, что сопротивлялась, – так, в шутку.

– Это ложь, – прошептала Джейд, качая головой. – Это ложь. Он сделал мне больно, он содрал с меня... – Вдруг ее осенило. Она посмотрела на заляпанные грязью джинсы Нила – те самые, которые были на нем вчера вечером. – Он содрал с меня колготки, затем трусики и положил их в карман джинсов. Проверьте его карман.

– Нил? – Фриц знаком потребовал, чтобы парень подчинился. Айвен повернул голову и через плечо смотрел, как Нил полез в карман и вытащил из него узенькие желтые трусики. Велта узнала их и прикрыла рот рукой от удивления.

Нил с видом сожаления посмотрел на Джейд и тихо сказал:

– Ты же сама оставила их мне на память, лапочка. Ты что, не помнишь?

– Он лжет! – Джейд вскочила со стула, обежала вокруг стола, нацелившись ногтями в его наглую физиономию. Фриц схватил ее за руку и усадил на место.

Дверь отворилась, и в комнату заглянул помощник шерифа.

– Все в порядке, шериф?

– Все нормально, – успокоил он помощника.

– Шериф, я насчет отчета из лаборатории.

– Да, мне хотелось бы прочитать официальный отчет, как только он будет готов.

– Так вот в этом-то и проблема, шериф Джолли. – Он нервно дернулся. – Я как раз пришел вам сказать. Все мазки и все остальное они по ошибке выбросили. Сегодня утром они сожгли все, что относилось к мисс Сперри, в больничном мусоросжигателе.

Силы покинули Джейд, когда она услышала это. Она повисла на руке Фрица и позволила ему отвести себя на свой стул. С криком отчаяния она опустила голову. Все реальные

улики изнасилования уничтожены. Даже если врач из «Неотложной помощи» будет свидетельствовать в ее пользу, все, что он сможет сказать, это то, что у нее был половой контакт и что, по всей вероятности, он происходил довольно грубым образом. При перекрестном допросе его показания окажутся бесполезными. Кроме того, он не сможет сказать, кто были насильники.

Все, что было сказано в этой комнате, никогда не сможет стать полноценными показаниями в суде – даже признание Нила, что у него была с ней интимная связь. Он в любую минуту может изменить свой рассказ и полностью отрицать свое участие во всей этой истории. С этого момента им всем противостоит только показание самой Джейд.

Но даже сейчас, под гнетом мрачного отчаяния, душившего ее, мелькнул луч новой надежды. Она резко подняла голову:

– Донна Ди.

– Что? – шериф Джолли повернулся к ней.

– Вызовите Донну Ди. Она скажет вам, что я сопротивлялась. Она видела, как я пыталась выбраться из машины Нила. Она подтвердит, что я не по своей воле поехала с ними.

Фриц посмотрел на часы, затем сказал своему помощнику:

– Позвони Джо Монро. Постарайся поймать девчонку, пока она не ушла в школу. Скажи ей, что я хочу, чтобы она заглянула сюда, но не говори зачем.

Помощник натянул шляпу и нырнул в дверь. Они стали ждать. Велта забрала трусики Джейд со стола и спрятала их в свою сумочку. Айвен попросил кофе, которое было ему подано угодливой секретаршей. Нил вышел, чтобы купить кока-колу в автомате в вестибюле. Чтобы не видеть его, Джейд закрыла глаза.

Ей ужасно хотелось спать; хотелось сбросить с себя больничную одежду и эти дурацкие тапочки; хотелось расчесать волосы и почистить зубы; хотелось поплакать в одиночестве над тем, что было безвозвратно утрачено, – над своей невинностью.

«Гэри, Гэри», – стонала Джейд про себя. Он не осудит ее за то, что случилось, но она не настолько наивна, чтобы не понимать, что все это отразится на их отношениях. Сознвая, насколько это разобьет его сердце, она решила наконец не думать обо всем этом и сконцентрироваться на чем-нибудь другом.

Джейд слышала, как Айвен спросил у ее матери:

– Сколько ты у меня работаешь, Велта? – Он все еще пыхтел своей мерзкой сигарой. Запах дыма вызывал у Джейд тошноту.

– Долго.

– Было бы непростительно расставаться из-за этого недо-разумения.

Джейд подняла голову.

– Не старайтесь меня запугать, мистер Патчетт. Надеюсь,

мама больше ни одного дня не будет работать на вашей воюющей фабрике. Я не хочу тех денег, которые она там зарабатывает. Не хочу, чтобы они шли на мою еду и на мои вещи.

Обычно Джейд никогда не разговаривала так со старшими. Но она стала жертвой жестокого насилия и, как всякое раненое животное, старалась дать отпор.

Айвен стряхнул пепел на пол и неодобрительно нахмурился.

– Ты бы, Велта, надела намордник своей девчонке. А то в выражениях она не стесняется.

Велта повернулась к Джейд и прошептала:

– Ну зачем? Ты все еще больше испортишь!

В эту минуту шериф Джолли ввел в комнату Донну Ди. Она робко остановилась на пороге, ее темные глаза перебежали с одного лица на другое. Наконец они остановились на Джейд.

– Что происходит? Что случилось? Почему ты в таком наряде?

– Проходи сюда, Донна Ди. – Шериф слегка подтолкнул ее вперед и выдвинул единственный оставшийся стул. – Садись. Мы хотим задать тебе несколько вопросов.

– О чем? – Голос ее дрожал от страха и непонимания того, что происходит. – В чем дело? Кого-нибудь убили или что?

– Ничего такого, – ответил Фриц, стараясь успокоить нервничающую девушку. – Вчера вечером случилась одна неприятность. Ты можешь помочь нам кое в чем разобраться-

ся.

– Я? Какая неприятность?

– После того как в твоей машине кончился бензин, что-то произошло, – сказал он.

– Я все же добралась до дома, все в порядке.

– А Джейд?

Донна Ди повернулась к Джейду.

– Что случилось? У тебя ужасный вид.

– Меня изнасиловали.

Донна Ди громко ахнула. Ее маленькие глазки буквально вылезли из орбит.

– Изнасиловали? О Боже. Джейд, неужели это правда? Изнасиловали?

– Она это утверждает, – протянул Нил. Донна Ди резко повернула голову в его сторону.

– Она же была с вами. Как же ее могли изнасиловать?

– Он это и сделал! Он, Хатч и Ламар изнасиловали меня.

В течение нескольких секунд Донна Ди не могла оправиться от шока.

– Хатч тебя насиловал? – прохрипела она.

– Она все врет, – произнес Нил.

– Заткнитесь! – Голос шерифа Джолли прозвучал как удар кнута. – Все! Это мой кабинет. Я здесь начальник, и я задаю вопросы! – Он помолчал немного, чтобы дать возможность Джейду и Нилу как следует успокоиться, потом обратился к Донне Ди, которая быстро-быстро моргала глазами.

Джейд видела, как черные глаза подружки скользят по ее растрепанным волосам, царапинам на руках, больничной одежде.

– Изнасиловали? – она произнесла это слово одними губами, но вслух не издала ни звука, то ли опасаясь гнева шерифа, то ли не веря тому, что услышала. Эмоции захлестывали Джейд, однако, сдавшись, она кивнула.

– Донна Ди? – Шериф подождал, пока внимание девушки опять не вернется к нему. – Джейд утверждает, что эти ребята подъехали к вам, когда вы застряли на приморском шоссе. Она говорит, что они затащили ее в машину Нила, затем не выпускали ее, когда стало очевидным, что они тебя с собой не берут. Джейд уверяет, что она чуть ли не драку устроила, чтобы выбраться из машины. Она говорит, что кричала и стучала в заднее стекло. Нил же утверждает, что все это было в шутку и что Джейд прекрасно знала, что все это розыгрыш. Я понимаю, что ты не можешь давать показания относительно того, что произошло потом. Однако мы бы хотели, чтобы ты рассказала о том, какое настроение было у всех вас, когда мальчики уехали с Джейд на машине.

Айвен наклонился к ней и положил ладонь ей на руку:

– Мы не отрицаем, что ребята немного с ней поразвлекались, понимаешь?

Донна Ди перевела взгляд на Джейд. Та посмотрела ей прямо в глаза.

– Они действовали по очереди. Нил это признал. А те-

перь Джейд резко передумала и решила обвинить этих ребят в том, что они действовали силой. Ты думаешь, это справедливо?

– Айвен, – резко вмешался Фриц. – Дальше разговор поведу я.

С растущим беспокойством Джейд видела, как меняется выражение лица Донны Ди. Когда она только вошла в комнату, то была испугана и озадачена. Затем, узнав, что Джейд подверглась насилию, Донна Ди смотрела на нее с жалостью. Теперь же она смотрела на нее с выражением зарождающегося подозрения. Айвен Патчетт намеренно вызвал у нее это, придавая всей истории оттенок сексуального приключения и смягчив мотив насилия. Он, как и все остальные, знал о том, как она относится к Хатчу, и успешно разжег в ней огонек ревности.

– Донна Ди, я ни в чем не виновата, – серьезно сказала Джейд. Голос ее дрожал. – Я ничего не делала, чтобы спровоцировать их на это. Я даже не хотела ехать с ними. Ты была там. Ты это знаешь. Они заставили меня.

– Донна Ди?

Та по-прежнему не сводила глаз с умоляющего лица Джейд, даже когда повернула голову в сторону шерифа.

– По-моему, они были немного нетрезвые.

– Нил тоже признал это. Они действовали грубо? Оскорбляли? Как-нибудь угрожали? Донна Ди нервно облизнула губы.

– Нет. Они были как всегда. Дурачились. Ну вы знаете. Как обычно.

– Расскажи им, что произошло, когда я оказалась у них в машине, – подсказала Джейд. – Ты же видела, как я вырывалась, Донна Ди.

Та бросила на нее нетерпеливый взгляд, прежде чем произнести:

– Это правда.

Джейд издала вздох облегчения: наконец хоть кто-то принял ее сторону и поддержал ее.

– Когда Джейд оказалась в их машине, она начала стучать в окна.

– Ну, конечно. Я же говорила вам, помните?

– Ты можешь сказать, что она пыталась выбраться? – спросил шериф, не обращая внимания на Джейд.

– Ага. Ламар удерживал ее на заднем сиденье. Она пыталась пролезть между сиденьями и ухватиться за ручку или за ключ зажигания. Нил стукнул ее по рукам. Мне показалось, что Нил держал ее за запястья.

– Ну да. Посмотри. – Джейд протянула вперед руки, вокруг запястий были видны темные круги синяков.

Увидев ее запястья, шериф Джолли нахмурился. Он устоял на пол у себя под ногами, с силой кусая нижнюю губу. Затем взглянул на Айвена.

– Значит, они увезли ее насильно.

– Ну да! – воскликнула Джейд.

– Я этого не говорила.

На фоне радостного восклицания Джейд слова Донны Ди прозвучали глухо.

– Что? – Джейд с испугом посмотрела на Донну Ди.

– В машине была возня, – торопливо продолжала та, – но ребята просто баловались, понимаете? Они дразнили Джейд. Меня ведь тоже оставили одну на дороге.

Джейд встала со своего стула.

– Что ты говоришь, Донна Ди?

– Сядь, Джейд.

– Кончай, ладно, – со скучающим видом произнес Нил.

– Джейд, ты ведешь себя неразумно, – сказала Велта.

– Она говорит неправду и прекрасно это понимает! – сказала Джейд, вне себя от отчаяния, обвинительным жестом указывая на Донну Ди.

Поскольку материальные улики были уничтожены – а она была убеждена, что это не было случайностью, – ее единственной надеждой было добиться наказания обидчиков с помощью свидетельницы. Конечно, Донна Ди не присутствовала при непосредственном нападении на нее, однако она могла подтвердить слова Джейд о том, что в машине ее удерживали насильно. В сочетании со свидетельскими показаниями доктора это могло бы подействовать на решение присяжных в ее пользу.

Джейд ударила своими разбитыми ладонями по столу и наклонилась к Донне Ди.

– Я знаю, что ты стараешься выгородить Хатча, но он насильник. Он меня изнасиловал, – сказала она, четко выговаривая каждое слово.

– Хатч никогда бы этого не сделал.

– Но он сделал.

Донна Ди отвернулась от Джейд и устало посмотрела на шерифа Джолли.

– Это все, что я знаю. Могу я теперь идти?

– Донна Ди, не делай этого, – умоляюще обратилась к ней Джейд, но шериф отодвинул девушку в сторону и помог Донне Ди подняться со стула. Джейд протянула к ней руку, но Донна Ди отпрянула.

– Хатч не заслуживает твоей защиты, – закричала Джейд. – Взял меня силой. Ради Бога, Донна Ди, скажи им правду!

Донна Ди резко обернулась, глаза ее блеснули.

– Правду? Хорошо, я скажу им правду. – Она обратилась к остальным. – Неделю тому назад Джейд сказала мне, что ей надоело ждать до замужества и ей хочется секса. Она сказала, что хочет уговорить Гари Паркера заняться сексом. – Она злобно посмотрела на Джейд. – Думаю, вчера вечером ты получила такую возможность, правда? Целых три раза! Один раз с Нилом. Один – с Дакаром. И еще один... с Хатчем.

Джейд открыла рот для ответа, но не смогла издать ни звука. Донна Ди бросила на нее прощальный взгляд, полный

ненависти, затем открыла дверь и вышла.

После того как дверь за ней захлопнулась, в комнате воцарилась гробовая тишина.

Нил заговорил первым:

– Я же сказал вам, что ей этого хотелось.

Шериф неприязненно взглянул на него, но Джейд была так ошарашена, что не заметила этого.

– Нил, – сказал Фриц, – можешь идти. Айвен, подожди меня на улице, я хочу поговорить с тобой, пока ты не ушел.

Поднимаясь, Айвен успокаивающе положил Велте руку на плечо.

– Просто ужасно, как наши деточки позорят нас, правда? – и вышел за Нилом.

– Джейд, так ты будешь подавать официальную жалобу?

Она не сразу поняла, что шериф имеет в виду. Она все еще не оправилась от предательства Донны Ди.

– Что?

– Ты хочешь официально обвинить ребят в изнасиловании?

– Да.

Фриц быстро взглянул на Велту, затем опять на Джейд.

– Подумай об этом как следует и не торопись подписывать бумаги.

– Я не хочу ни о чем думать, – сказала она. – Они изнасиловали меня и пусть так же помучаются, как мучалась я. – Подлость Донны Ди ранила ее так же больно, как и само на-

силе. И говоря «Они поплатятся за все, что мне сделали», она имела в виду и Донну Ди тоже.

Фриц устало вздохнул и пошел к двери.

– Хорошо. Иди домой. Я пришлю тебе все бумаги попозже, когда их напечатают.

V

Шериф Джолли прошел через дежурную часть, которая была полна народу, так как дневная смена уже приступила к работе. Чувствуя плохое настроение шефа, все старались избежать встречи с ним и отводили глаза, пока он шел к своему кабинету, где его ждал Айвен Патчетт.

Фриц вошел и закрыл за собой дверь. Айвен с наслаждением поедал пончики: макал пончик в кофе и откусывал за раз треть.

– Чертовски хорошие пончики, Фриц.

– Это все, что у тебя сегодня в мыслях, Айвен? Пончики?

Фриц плюхнулся на стул. Опершись локтями о стол, он запустил пальцы в густую курчавую шевелюру. В младших классах школы какой-то наглец попробовал дразнить Фрица, криком: «Эй, рыжий!» Он едва выжил, а то бы некому было рассказать об этом. Больше никто и никогда не осмеливался обзывать Фрица этим прозвищем.

Айвена Патчетта никогда не пугали ни мускулы Фрица, ни его положение в обществе. Он мог, подчиняясь всего лишь своему капризу, выбрать или забаллотировать Фрица. Оба это прекрасно понимали. Внешне Айвен был гораздо менее привлекательным. Его седые волосы стали редеть, правда, пока не очень сильно. Среднего роста и среднего телосложения, не особенно крепкий, он не выглядел и рыхлым. Оде-

вался он ни строго консервативно, ни вызывающе щегольски – просто и удобно.

Однако его глаза явно не соответствовали внешнему впечатлению заурядности: они выдавали высокомерие человека, осознающего свое богатство и влияние на территории тех округов, которыми он мог при желании управлять как король. Его глаза с ледяным блеском тем не менее жгли как огонь. Это было пламя ненасытной жадности, снедавшей Айвена.

Айвену Патчетгу нравилось быть таким, каков он есть. Он был готов на все, чтобы сохранить свою тиранию над всем, чем он владел. Патчетт обожал, когда его боялись. Это он любил больше, чем секс или игру в рулетку, и даже больше, чем деньги. И своего сына воспитал точной копией самого себя.

Айвен облизал сахаристую глазурь с пальцев, на которых не было колец. Он считал, что только гомики носят украшения.

– Хочу сказать тебе, Фриц, что мне не нравится то, что я вижу.

– Что именно?

– Твои брови подергиваются. Когда ты бываешь чем-то озабочен, твои брови подергиваются.

– Ладно, я очень сожалею об этом, Айвен, – сказал Фриц осторожно. – Но у меня есть основания беспокоиться, если моего парня обвиняют в изнасиловании девушки. Это меня

здорово беспокоит.

– Это обвинение не продержится и минуты.

– Кто это знает. Она меня почти заставила поверить. Джейд не какая-то белая шлюха, которая пытается возвести напраслину на трех известных всем ребят. Зачем ей нужно было придумывать такую историю? Она симпатична и умна и уже на пути к успеху. Какая ей выгода поднимать шум, если там нет ни доли правды?

– Откуда мне знать? – сказал Айвен, впервые проявляя признаки гнева. – Может быть, привлечь внимание? Может быть, ее парень наплевал на нее и она решила ему отомстить таким образом?

– Ты не веришь в это так же, как и я, Айвен. Ты, черт возьми, прекрасно знаешь, что здесь не просто баловство, которое слегка вышло за рамки. – Фриц внимательно посмотрел на него. – У тебя в больнице должник, да? И сегодня утром ты позвонил ему с напоминанием об уплате.

Айвен даже не моргнул глазом.

– Ты уверен, что тебе это надо знать, шериф? Уверен, что желаешь получить ответ?

– Меня бесит мысль о том, что кто-то намеренно уничтожил улики. Это мне противно.

Айвен наклонился вперед. Его глаза горели.

– Ты хочешь, чтобы имя Хатча фигурировало в обвинении в изнасиловании?

– Черт возьми, нет, конечно.

– Тогда расслабься, – сказал Айвен. Произнеся это, он откинулся на спинку стула и вновь отпил немного кофе. – Этим занимаются. Через день или два все лопнет как мыльный пузырь.

Фриц обеспокоенно посмотрел на дверь.

– Девушка собирается выдвинуть официальное обвинение против них.

– Она раздумает.

– А что, если нет?

– Она раздумает.

– Что, если нет? – повторил Фриц, почти крича. Айвен слегка хмыкнул.

– Если она не откажется от этого, мы сделаем из нее лживую шлюху. Тошнота подкатила к горлу Фрица.

– Кто поверит в такое о Джейд?

– Я еще не закончу этим заниматься, – сказал Айвен с опасной злобой во взгляде, – как мужчины округа будут говорить, что она перетрахалась со всеми ними, и все будут рады поверить любой мерзости о ней.

Фриц почувствовал, что его мутит. Надо бы на воздух.

– Извини, Айвен. Я здесь уже всю ночь. Пойду домой, приму душ и поем.

Айвен тоже встал.

– Знаешь, во что я никак не могу поверить? Что у этого вонючего слизняка Ламара встал. Я бы многое дал, чтобы увидеть это. – Смеясь, он похлопал Фрица по спине. Фриц

едва сдержался, чтобы не сбросить его руку. – Нил сказал, что Хатч набросился на нее, как кабан. Что твой парень говорит?

– Я еще не разговаривал с ним. Я позвонил Доре, чтобы она не пускала его в школу. Это основная причина, почему я хочу попасть домой. Я хочу, чтобы Хатч сказал мне, что он ее не принуждал.

Айвен схватил его за руку и развернул к себе, хотя Фриц был куда крупнее.

– Послушай меня, шериф, – прошипел он. – Мне плевать, что скажет тебе Хатч, но не будет никаких публичных покаяний ни в суде, ни в церкви – нигде. Ты слышишь меня? Хорошо уразумей это.

– Айвен, если они виноваты...

– Виновата задница моей прабабушки. Виноваты в чем? В том, что перепихнулись разок? С каких это пор стало преступлением для молодого резвого самца потрахаться? Потом девица немного испугалась... – Он пожал плечами. – Я думаю, все понятно? Наши мальчишки, возможно, были не особенно обходительны. Но она не пострадала, переживет. А вот если наши парни попадут в тюрьму, их жизни будут погублены. Он близко придвинул свое лицо к лицу Фрица. – Мой парень не проведет в тюрьме ни одного дня из-за какой-то поганой юбки. Мне плевать и на жуткие угрызения совести, которые испытывает Хатч, и на твои этические принципы... Ты замнешь дело сейчас же, Фриц! Сейчас же!

Айвен отпустил Фрица и отошел. Проведя рукой по волосам, которые лоснились от геля для укладки, он подвигал плечами, чтобы расслабиться. Затем, приклеив к лицу широкую и сердечную улыбку, Айвен открыл дверь и медленно вышел в дежурную часть. Фриц смотрел ему вслед, ненавидя его за самоуверенность, презирая за отсутствие моральных принципов и завидуя вызывающей наглости. Фриц выкрикнул фамилию. Через секунду перед ним появился один из подчиненных.

– Да, сэр?

– После того, как ты отпечатаешь жалобу, отнеси ее домой к Сперри и оставь там. – С самым свирепым видом Фриц поглядел прямо в глаза своему служащему. – И затем ты об этом забудешь. Если я узнаю, что ты хоть словом обмолвился об этой жалобе, то здорово пожалеешь об этом. Я говорю о всей твоей жизни.

Служащий тяжело сглотнул.

– Да, сэр.

Фриц кивнул головой, зная, что его прекрасно поняли.

– Если кто-то будет спрашивать, я вернусь через час.

Через пять минут Фриц был уже дома. Он жил в нескольких кварталах от центра Пальметто, недалеко от небоскреба банка «Ситизенс Ферст Нешнл» – целых шесть этажей в высоту. Население городка составляло всего десять тысяч, хотя в сельских районах округа людей проживало в десять раз больше.

Квартал, где жили Джолли, был старым и удобным. Фриц и Дора купили этот дом сразу после женитьбы, мечтая разместить всех своих детей во многих комнатах. Но сразу после рождения Хатча у Доры появилась опухоль на яичниках, и ей пришлось удалить не только их... Одну из свободных спален она превратила в комнату для шитья, в другой Фриц и Хатч хранили снаряжение для охоты и рыбалки.

Дора мыла на кухне посуду, когда Фриц вошел в дом через заднюю дверь и снял куртку.

– Привет. Остался еще кофе?

Дора Джолли была высокой стройной женщиной, чья жизнерадостность сменилась теперь мрачным смирением из-за ранней стерилизации. Она прекрасно вела дом, но это была уже не та любящая, веселая девушка, на которой женился Фриц.

Дора вытерла мокрые руки о полотенце.

– Что происходит, Фриц? Почему тебя вызвали в участок среди ночи? Почему я не должна была пускать Хатча в школу?

Фриц налил себе кофе.

– Где он?

– Наверху, у себя в комнате. Он ведет себя так же странно, как и ты. Я приготовила ему завтрак, но он почти ничего не ел. Что-то случилось с вами обоими. Я хочу знать что?

– Нет, тебе не нужно знать, Дора. Поверь мне, не нужно. Оставь это как есть.

Поставив недопитый кофе на сушку для посуды, он вышел из кухни. Дверь в комнату Хатча на втором этаже была закрыта. Фриц громко постучал один раз, затем открыл дверь и вошел.

Хатч был одет, но босиком. Он сидел на небранной постели, прислонившись к задней стенке и мрачно уставившись в пустоту. Кожа на фоне веснушек казалась бледнее обычного. Вчера вечером он сказал, что его оцарапало веткой. Сейчас Фриц все понял. Вид этой царапины вызвал у него тошноту.

Хатч настороженно смотрел, как отец подошел к кровати и сел на ее край.

– Мама сказала, что ты ничего не ел за завтраком.

– Нет, сэр.

– Ты болен?

Хатч тербил бахрому на покрывале и только пожал плечами. У Фрица был большой опыт допрашивать, и теперь он не мог не видеть признаков виновности. Тошнота вновь стала подступать к горлу.

– Ну, парень, что с тобой случилось?

– Ничего.

– Может быть, прекратим ходить вокруг да около? – сказал Фриц твердо. – Рассказывай все!

– Рассказывать что?

Терпение Фрица лопнуло.

– Я едва сдерживаюсь, чтобы не отделать тебя как Бог че-

репаху. Одумайся и начинай рассказывать. Избавь себя от порки, которую ты чертовски заслуживаешь.

Хатч больше не мог сдерживаться. Он начал судорожно сглатывать, тело стало содрогаться, широкие плечи затряслись. Казалось, что сейчас он либо расплачется, либо его вырвет. Наконец он выдавил из себя:

– Ты уже, наверно, знаешь насчет Джейд?

– Я знаю, что она попала в больницу вчера около половины двенадцатого ночи.

– Половины двенадцатого! – воскликнул Хатч.

– Она сказала, что какой-то негр нашел ее в канаве на прибрежном шоссе и привез в больницу. Она заявляет, что ты, Нил и Ламар втроем изнасиловали ее.

Хатч поднял колени и, поставив на них локти, сильно надавил на глаза нижней частью ладони.

– Я не знаю, что случилось со мной, папа. Клянусь богом, я не понял, что произошло, пока все не кончилось.

Вдруг Фриц почувствовал себя так, как будто на его грудь положили мешок с цементом. Последняя, слабая искра надежды, что девушка лжет, промелькнула и исчезла. Он устало потер лицо.

– Ты насиловал ее?

– Я не хотел этого, – всхлипнул Хатч. – На меня что-то нашло, на всех нас. Казалось, будто я стоял рядом и смотрел со стороны на то, что делаю. Я не мог поверить, что я это делаю, но и не мог остановить себя.

Фриц слушал несвязный рассказ сына о происшедшем. Каждое изобличающее слово, как шип, вонзалось в голову. Рассказ Хатча почти дословно совпадал с рассказом Джейда.

– Так вы ее там и бросили? – спросил Фриц, когда Хатч закончил.

– Что нам оставалось еще делать? Нил сказал...

– Нил сказал! – закричал Фриц. – Ты всегда делаешь то, что сказал Нил? Сам ты можешь подумать? Нил сказал: «Давай изнасилуем Джейд Сперри», – и ты сразу вытаскиваешь свой инструмент. Если бы Нил сказал: «А сейчас отрежь себе яйца и съешь их, Хатч», ты бы тоже это сделал?

– А разве у тебя с Айвенгом по-другому?

Фриц был уже готов дать ему пощечину. Он даже поднял руку, но потом отвел ее. Жгучая правда слов Хатча не позволила ему ударить. За что он его бьет? Хатча ли он хочет наказать или самого себя и свою нечистую совесть? Он опустил руку и мрачно склонил голову.

Через некоторое время Хатч сказал:

– Прости, папа. Я не хотел.

– Все нормально, сын. Сегодня не тот день, чтобы уходить от правды, какой бы страшной она ни была.

– Ты рассказал маме о... Джейде? – Фриц покачал головой. – Меня заберут в тюрьму?

– Нет, если я смогу спасти тебя от этого. Я не хочу, чтобы какой-то другой заключенный сделал с тобой то, что ты с твоими друзьями сделал с этой девушкой прошлой ночью.

Большое мужественное лицо Хатча съежилось, как у младенца. Он громко и хрипло зарыдал. Фриц неловко обнял его и похлопал по спине.

– Я не хотел этого, папа. Клянусь. Прости.

Фриц поверил ему. Он даже подозревал, что Хатч был не равнодушен к девушке и меньше всего хотел причинить ей боль. У его сына никогда не было ни капли этого умысла. Если бы он был один, то никогда бы не совершил насилия. Но он был вместе с Нилом. Зачинщиком был Нил, он всегда им был. Фриц давно ожидал несчастья, только не знал какого. Даже самые мрачные предположения не предвещали такой трагедии.

Душа Нила изуродована. Айвен вбил ему в голову, что он особенный, и парень уверовал в это. Для него уже нет никаких преград и запретов. Он брал, что хотел, и никогда не отчитывался в своих поступках. Постепенно Нил поверил, что законы, которым подчиняются другие, писаны не для него. И было неудивительно, что он выбрал в друзья Ламара и Хатча. Они были единственными ребятами в классе, кто мог его терпеть. Податливые, они никогда не бунтовали, всегда делали то, что хотел Нил и боялись его больше, чем любого взрослого, включая родителей. Нил хитро обработал их, используя их самолюбие и неуверенность в себе, полностью подчинил, привив им слепую преданность.

Фриц знал, что Айвен сможет замять дело. Он много раз видел, как ему удавалось проворачивать самые грязные ма-

хинации, и не сомневался в его силе. Даже если дело дойдет до суда – что было маловероятно, – ребят в округе Пальметто никогда не осудят. По крайней мере половина членов суда присяжных служащие Патчетта, а остальных Айвен подкупит. Репутация Джейд Сперри в глазах общественности будет погублена.

Нет, Хатч в тюрьму не попадет. Но подобное деяние нельзя так просто стереть, как мел с доски. Фриц верил в существование ада, но не был уверен, что туда можно попасть только после смерти. Грешник может оказаться в аду и на земле.

– Я думаю, что ты еще больше будешь об этом сожалеть, когда все образуется. Мне страшно за тебя.

Фриц знал: то, что он делает, в конечном счете, плохо для парня и страшный грех по отношению к девушке. Его единственным оправданием было желание не допустить, чтобы жизнь его сына была погублена из-за одной глупой ошибки. Можно ли ожидать от отца иного? Это было бы слишком. Единственное, на что Фриц надеялся, что он не доживет до того дня, когда Хатч должен будет искупить свою вину.

– Просто помалкивай, – сказал он сыну. – Не разговаривай ни с кем об этом. Чем меньше об этом знают, тем лучше. Мы с Айвеном займемся этим.

Несмотря на неяркие лучи солнца, проникавшие сквозь высокие тонкие облака, в доме было сумрачно и прохладно,

когда Джейд и Велта вернулись домой. Джейд включила обогреватель. Теплый воздух, который начал проникать сквозь отверстия в потолке, пах пылью.

Она прошла через прихожую к своей спальне. С порога оглядела знакомую комнату. За двадцать четыре часа, пока ее не было дома, здесь ничего не изменилось. Но безвозвратно изменилась она сама. Чудовищность случившегося обрушилась на нее вновь, словно штормовая волна. Эти приступы отчаяния становились уже привычными, но еще были так остры и новы, что каждый из них выматывал ее, отнимая последние силы. Ей еще предстояло научиться держаться в таких случаях.

– Джейд, хочешь, я приготовлю для тебя что-нибудь? Какао? Или что-нибудь поесть?

Она повернулась и посмотрела на мать. Выражение лица Велты было сдержанное, но в глазах была пустота. Она проявляла доброту по необходимости. Джейд почувствовала острую тоску по отцу, который, бывало, сажал ее себе на колени и раскачивал, сидя в старом скрипучем кресле: «Никогда ничего не бойся, Джейд».

– Нет, спасибо, мама. Я съем что-нибудь потом, сначала искупаюсь и переоденусь.

– Я думаю, нам следует поговорить.

– Да?

– Не груби мне, Джейд, – сказала Велта раздраженно, с негодованием выпрямившись. – Я буду на кухне. – Она по-

вернулась на каблуках и направилась в другую сторону прихожей.

Джейд закрыла дверь спальни и разделась. Увидев свое отражение в зеркале, пряча обнаженное тело от собственных глаз, она достала халат из шкафа и завернулась в него.

Наполнив ванну горячей водой, она погрузилась в нее до самого подбородка, затем с головой. Как бы ей хотелось сделать глубокий вдох, наполнить легкие обжигающей водой и покончить с жизнью.

Но она не могла этого сделать. И не потому, что ей не хватало смелости. Смерть означала мир. Для нее же не будет мира, пока она не добьется справедливости. Осознав это, Джейд поняла, в каком направлении нужно действовать.

Велта слов на ветер не бросала. Когда Джейд вышла из ванной, она нашла мать на кухне. Сидя за маленьким квадратным столиком, та помешивала сахар в чашке с растворимым кофе. Джейд присоединилась к ней, налив себе стакан молока.

– Помощник шерифа принес вот это. Сказал, чтобы ты прочитала это перед тем, как снова идти в суд.

Джейд долго смотрела на длинный белый конверт, лежащий на столе между ними, но ничего не сказала.

– Я не понимаю, как ты могла попасть в такую переделку, Джейд, – начала Велта. – Право же, не понимаю.

Джейд отпила немного молока.

– Не следует еще больше обострять положение официаль-

ным обвинением против ребят. – Велта выдернула бумажную салфетку из пластиковой коробки, стоящей в середине стола, и промокнула кофе, выплеснувшийся на блюдечко.

Джейд сосредоточила внимание на стакане молока и позволила словам матери обтекать ее, словно потоку воды по гладким камням. Единственный способ выжить – это мысленно перенестись из настоящего в какой-то момент в будущем, когда все будет по-другому.

– Ты можешь представить себе последствия суда по делу об изнасиловании? – Велта потерла руки, словно ей стало холодно от этой мысли. – Тебя будут помнить в связи с этим процессом всю твою жизнь. Люди забудут, что твой отец получил Медаль Почета. Каждый раз, когда будут упоминать твое имя, это будет в связи с твоим позором.

Унизительные слова матери прорвались сквозь сосредоточенность Джейд. Она закрыла глаза и позволила голове опуститься. Усилием воли она сдерживала горькие слова, которые переполняли ее и рвались наружу.

– Во многом шериф был прав, Джейд. Я уверена, он действовал в конечном счете в твоих интересах. Я действительно уверена в этом. Если вынести все это на публику, всем будет только хуже. Айвен наверняка меня уволит. Он не позволит мне работать у него, если наши дети окажутся по разные стороны в суде. Если я потеряю работу, что мы тогда будем делать?

Велта замолчала, чтобы вздохнуть и глотнуть кофе.

– Только вы четверо знаете, что действительно случилось там. Эти ребята будут рассказывать совершенно другую историю, Джейд. И их вариант будет отличаться от твоего. Трое против одной. Кому, ты думаешь, поверят люди? Люди будут говорить, что ты сама напророчилась на это, хотя бы потому, что села с ними в машину Нила.

Велта постучала по столу ногтем указательного пальца.

– Всегда винят жертву изнасилования. Это, может быть, неправильно, но это так. Люди будут говорить, что ты симпатичная и что ты это знаешь... Они скажут, что ты нарочно выставлялась перед этими ребятами и они не удержались. Люди, которые хвалили тебя, как идеальную ученицу и хорошую христианку, будут видеть тебя совсем в другом свете. Некоторые даже начнут распространять всякие небылицы о тебе, только чтобы стать важными источниками сплетен. Очень скоро мы и головы не сможем поднять.

Велта вздохнула.

– После этого ты можешь распрощаться со своими надеждами выйти замуж за какого-нибудь важного человека. Как жаль, что ты не подумала обо всем этом, перед тем как начать болтать.

Джейд встала, подошла к раковине и вылила остатки молока из стакана. Затем она повернулась лицом к матери.

– Я передумала, мама. Я не собираюсь настаивать на своих обвинениях.

Велта раскрыла рот, а затем закрыла его, но не совсем

плотно, а так, как она обычно делала, улыбаясь.

– Ах, Джейд, я...

– Подожди, мама, перед тем как ты продолжишь, я хочу, чтобы ты узнала, почему я не собираюсь этого делать. Я передумала не потому, что следую вашему с Джолли совету. И мне все равно, уволит ли тебя Айвен Патчетт. На самом деле, если у тебя не хватает смелости выступить против него и самой уйти, лучше было бы, чтобы он тебя поскорее уволил. Мне ненавистна сама мысль быть зависимой от него в чем-то. Мне также глубоко наплевать на то, что будет означать суд для твоей и моей репутации. Мне все равно, что кто-то что-то подумает. Мнение того человека, который поверит в такую гнусную ложь обо мне, автоматически перестанет для меня иметь какое-либо значение. Единственная причина, почему я не хочу суда, в Гэри. Тогда наши отношения окажутся в центре всеобщего внимания. Незнакомые люди будут обсуждать это, вывешивая белье. Я не смогу вынести, что наша любовь, такая чистая и возвышенная, превратится во что-то грязное и позорное, то, над чем будут насмехаться. Я люблю его слишком сильно, чтобы подвергнуть такой низости. Ты можешь представить, что он почувствует, когда узнает, что трое ребят... опустошились в меня. – Слезы покатались по ее щекам. Казалось, что что-то лопнуло в ее груди, как будто по земле пошла трещина, и она застонала. – Нет, мама, ты не можешь представить, что это будет значить для Гэри, а я могу. Он захочет их убить, он, возможно, даже

попытается сделать это и тем самым поставит под угрозу свое будущее. Опытный адвокат – а Айвен сможет нанять самого лучшего – может вызвать Гэри в суд для дачи показаний о моей репутации против меня. Он должен будет либо рассказывать о наших интимных отношениях, либо лжесвидетельствовать, чтобы избежать этого. Я не могу допустить такое. – Полная решимости, она вытерла слезы с лица. – Кроме того, я поняла, что суд только отсрочит неизбежное.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Велта.

– Именно я сделаю так, чтобы они заплатили за это. Не знаю, как и когда, но я с ними рассчитаюсь. – Мгновенно слезы высохли. – Зачем идти законным путем, если им все равно обеспечено оправдание? Зачем причинять Гэри такие страдания? Ему и так будет больно, когда я порву с ним. И чтобы защитить его, я должна с ним порвать, – сказала она мрачно.

– Между прочим, мама, мы получили стипендию. Письмо пришло вчера. Я ехала рассказывать ему эту новость, когда кончился бензин в машине Донны Ди. – Несправедливость этого была потрясающей и нестерпимой. Джейд опустилась на пол рядом с сушкой. Велта поднялась со стула и быстро вытерла руки.

– Прекрасно. Какими бы причинами ты ни руководствовалась, я рада слышать, что ты собираешься продолжать жить. Самое лучшее для тебя – забыть, что с тобой это случилось.

Джейд резко вскинула голову. Неукротимый огонь горел

в глубине ее голубых глаз. Хотя она сидела спокойно, ее тело было напряжено до дрожи. Когда она заговорила, ее голос был спокоен и холоден.

– Я никогда не забуду этого.

Ко второму уроку под мышками на рубашке Ламара появились мокрые круги. Он нервничал. Ему было страшно, и он не знал, что делать.

Нил и Хатч в школу не пришли. От этого Ламар чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Он тоже хотел остаться дома, но для этого был необходим какой-то предлог для матери. По мере возможности он старался избегать контактов с ней, особенно если надо было что-то скрывать. Она чувствовала ложь на расстоянии пятидесяти шагов.

Во время перемены директор школы господин Паттерсон объявил всем учащимся, что старшекласники Гэри Паркер и Джейд Сперри получили полную стипендию для продолжения учебы в колледже. Все зааплодировали.

– Я знаю, что вы захотите поздравить этих двух отличных учащихся, – объявил директор по школьному радио. – К сожалению, Джейд сегодня не пришла в школу, но не забудьте обязательно поздравить ее, когда она придет.

Услышав, что Джейд отсутствует, Ламар весь покрылся потом. Между уроками он встретил в коридоре Гэри Паркера, но сделал вид, что не заметил его, чтобы тот не заговорил с ним. Сможет ли он когда-нибудь посмотреть Гэри в глаза по-

сле того, что сделал с его девушкой? Вчера ночью он втайне гордился своими сексуальными достижениями. Однако в холодном утреннем свете он осознал, что его успех был за счет Джейд.

Увидев, как Гэри благодарно принимает поздравления от своих одноклассников, Ламар сильнее почувствовал свою вину. Охваченный стыдом и ужасом, он нырнул в ближайший туалет. Там его вырвало.

На четвертом уроке Ламар занимался вместе с Донной Ди Монро. Войдя в класс, он почувствовал облегчение, увидев ее сидящей за своей партой, но это длилось недолго. В животе что-то опять противно зашевелилось, когда он встретился с ней глазами.

Донна Ди знала: он понял это по ее изучающему взгляду. Она каким-то образом узнала о том, что произошло после того, как они оставили ее на шоссе. Под ее взглядом Ламар почувствовал себя еще хуже, чем под взглядом матери, когда выслушивал тирады о своих многочисленных недостатках. Он казался себе голым и уязвимым. Ему захотелось уползти куда-нибудь и спрятаться. Вместо этого он должен был вынести пятьдесят пять минут английского. Минуты тянулись мучительно медленно.

Кто рассказал Донне Ди? Он полагал, что сама Джейд. Но когда? Как? Последний раз, когда он видел Джейд, она лежала на земле, подтянув колени к груди. Он вспомнил, что подумал тогда, что лучше бы она просто умерла. Тогда неко-

му будет рассказать о том, что он сделал. Его мать никогда этого не узнает. Конечно, он быстро выбросил эту мысль из головы, пока Господь не услышал его и не поразил.

Вероятно, Джейд пострадала не так сильно, как это показалось тогда. Но как она вернулась в город? Рассказала ли она кому-нибудь о том, что произошло у канала? Очевидно, да, так как Донна Ди знает. О Господи!.. Если Донна Ди знает, тогда и другие узнают. В конце концов и его мать услышит об этом. Будет наказание. Что бы ни говорил Нил.

Сейчас, вероятно, шериф Джолли уже знает все. Хотя его сын тоже участвовал в этом, шериф был человеком правильным. Он будет делать то, что следует. В любую минуту здоровенный помощник шерифа может вломиться в класс, размахивая пистолетом, и предъявить ордер на арест Ламара Гриффита.

Кровь отлила от головы так быстро, что ему пришлось положить ее на парту, чтобы не упасть в обморок. Его кожа стала липкой. Он вновь почувствовал приступ тошноты.

Ламар серьезно задумался: не убежать ли ему из класса в город и не отдать ли себя на милость окружного прокурора. Лучше предать своих друзей и дать официальные показания, лучше иметь Айвена Патчетта врагом на всю жизнь, лучше оказаться в тюрьме с ворами, сутенерами и убийцами-рецидивистами, чем испытать на себе гнев своей матери.

Но случилось так, что Ламар упустил возможность броситься к двери. Пока ученики были заняты чтением Алек-

сандра Поупа, Донна Ди подошла к столу учительницы и шепотом попросила разрешения пойти к медсестре.

– Что случилось? – спросила учительница.

– Я не очень хорошо себя чувствую. Вы понимаете? – Она взглянула на учительницу тем многозначительным взглядом, которым обмениваются женщины, когда у них месячные.

– Конечно, дорогая. Иди домой и полежи с грелкой.

Ламар украдкой следил за Донной Ди. Закрывая дверь класса, она взглянула прямо на него, но он не смог понять, что означало ее молчаливое послание. Казалось, она призвала его держать язык за зубами.

Когда учеников отпустили по домам, ноги едва держали его, пока он бежал к своей машине. Так как он не знал, что ему делать и куда идти за ответом, он поехал к Нилу домой.

Дом стоял на первоклассном участке земли. От шоссе, петляя в густом лесу, к нему вела дорога, покрытая гравием. Вокруг дома была ухоженная лужайка величиной с футбольное поле, три старых дуба закрывали его куполом из ветвей. Корни проступали на земле и извивались, как ручьи лавы.

Двухэтажный кирпичный дом выглядел очень респектабельно, но Майраджейн не признавала этого.

«У старого Руфуса Патчетта не было ни капли вкуса. Он захотел, чтобы в доме вдоль веранды было восемь колонн, когда шесть колонн было бы намного лучше. Руфус хотел разозлить папу, построив более величественное здание, чем

наше. Такое тщеславие говорит об отсутствии породы», – часто повторяла она.

Но совсем недавно она стала противоречить себе, говоря: «Это позор, что Айвен допускает, чтобы такой красивый дом развалился и разрушился. Ему нужна женская рука. Ему следовало бы давно еще раз жениться. Эта Юла, которая работает у него, очень неряшливая хозяйка. Она ленивая и наглая».

Ламару хватило ума держать язык за зубами и не спрашивать, откуда у его матери такая информация. Насколько он знал, она и не совалась в дом Патчетта. Она неоднократно подвозила его, но ее никогда не приглашали войти в дом.

Отец Айвена, Руфус, сколотил состояние на хлопке. Пот сборщиков, издольщиков и рабочих на хлопкоочистительной машине смешался с цементом, который скреплял светлые кирпичи. Руфус был умен. Пока его соседи спорили с брокерами, чтобы выжать лишний цент из тюка хлопка при ухудшающемся положении на рынке, он переключился на соевые бобы. Большинство хлопковых плантаторов, так же как и семья Майраджейн, потеряли все. Они за гроши продали Руфусу свои участки, чтобы только не платить налог на землю, которую больше не могли обрабатывать.

Руфус был жаден до земли и захватывал все, что только мог. Не обращая внимания на насмешки соседей, он продолжал выращивать сою. Когда появилась возможность, он построил фабрику по производству продуктов из сои. После

смерти Руфуса Айвен унаследовал все земли, фабрику и ту власть, которую они давали. Наступит день, и Нил сделает то же самое. За ним и его сын.

Ламар не особенно завидовал другу. Ему было легче от мысли, что на нем самом не будет такой ответственности в будущем. С детства он видел непреклонную гордость семьи Коуэн и искренне считал ее разрушительной и глупой. Что она принесла семье Коуэн? Остались всего один или два дальних родственника и Майраджейн, которая была жадной, агрессивной и скупой. Она превратила в ад жизнь отца Ламара, который уже умер, но которого очень не хватало сыну. Может быть, если бы она с детства была бедной, они бы все были более счастливыми.

Подходя к дому, Ламар заметил, что он был не единственным гостем Нила. Машина Хатча стояла на круглой дорожке перед домом.

Юла открыла дверь. Ламар старательно вытер ноги о коврик, прежде чем ступить на мраморный пол вестибюля.

– Привет, Юла. Нил здесь?

– Он наверху с Хатчем, в своей спальне.

Ламар в несколько прыжков поднялся по винтовой лестнице и открыл дверь. Нил сидел на полу, опершись спиной на кровать. Хатч скорчился на кресле. Удивительно, но Нил выглядел как обычно. Веснушки Хатча, казалось, стали за ночь еще темнее. Или кожа вокруг них стала неестественно бледной? Царапина на щеке выделялась ярким контрастом.

– Привет, – сказал Нил. – Заходи. Хочешь пива?

– Нет, спасибо.

Хатч ничего не сказал. Они быстро переглянулись, но Ламару было трудно прямо смотреть на друзей теперь, когда на них висел общий грех. Вероятно, Хатч чувствовал то же самое.

Нил казался абсолютно спокойным.

– Как дела сегодня в школе, Ламар?

– Нормально, вообще-то.

– Случилось что-нибудь важное? – Он глотнул еще пива.

– Нет. – После короткой паузы Ламар сказал: – Господин Паттерсон сообщил, что Гэри и... и Джейд получили стипендии для учебы в колледже. – Он украдкой бросил взгляд на Хатча.

Хатч побледнел еще больше.

– Да ну? – протянул Нил. – Неужели? Тем лучше для них.

Хатч вскочил с кресла и подошел к окну. От возбуждения он разразился потоком ругательств.

Глядя на Хатча, Нил глотнул еще пива.

– Какая муха тебя укусила? Ты разве не рад за них, что они получили стипендии? – В словах его звучала насмешка.

Хатч сердито повернулся кругом.

– Мы что, не собираемся поговорить об этом? Мы что, собираемся делать вид, что ничего не произошло?

Теперь, когда Хатч завел этот разговор, Ламар почувствовал облегчение: наконец-то он сможет с кем-то об этом по-

говорить.

– Господи, я весь день боюсь.

– Боишься? Чего? – спросил Нил презрительно.

– Залететь боюсь. А ты – нет?

Нил сел попрямее, покачивая головой, как будто был удивлен беспокойством Ламара.

– Я же вам сказал вчера вечером, что ничего с нами не случится. Почему вы не слушаете меня, когда я вам говорю дело? Ламар? Мы не сделали ничего дурного.

Ламар взглянул на Хатча. Хатч не был так спокоен, как Нил; но он не хотел высказываться, чтобы не показаться трусом и не рассердить Нила. Ламар остался в одиночестве.

Ламар удержал свою ускользящую смелость и продолжил:

– Некоторые могут посмотреть на это иначе, Нил.

– Кто это некоторые?

– Те, кто об это узнает.

– Кто же им расскажет? Джейд? – Он хмыкнул. – Вряд ли.

Хатч сказал:

– Она рассказала моему отцу.

– Она рассказала твоему отцу? – переспросил Ламар высоким визгливым голосом. Колени подогнулись, и он упал на пол с грохотом. – Что он делает?

– Ни черта! – Нил, явно выйдя из себя, встал и схватил еще одну банку с пивом. Когда он открыл ее, пена выплеснулась ему на руку. Стряхнув ее, он сказал:

– Вы оба меня достали, поняли? Если вы будете ходить с таким виноватым лицом, все в это поверят.

– Может быть, мы и виноваты. – Взгляд Нила пронзил Ламара. Тот почувствовал себя, как букашка, наколотая на булавку, но он должен был выговориться, или это его dokonает. – Что бы ты ни говорил, Нил, я не думаю, чтобы Джейд хотела, чтобы мы... ну, ты знаешь.

– Вы что, больные? – Слова вырывались изо рта Хатча как будто под давлением. – Конечно, она не хотела нас, идиот. Она сопротивлялась, как дикая кошка. Мы изнасиловали ее без всяких.

– О Господи. – Ламар повалился на бок. Он почувствовал резь в кишках. Он боялся, что не удержится и его сейчас опять вырвет. Да, он сейчас опозорится, ну и что из этого? Он и так умрет, как только его мать узнает о преступлении.

– Заткнись, – прошипел Нил. – Вы оба, заткнитесь! – Были видны его белые, ровные, крепко стиснутые зубы. – Послушайте, вы, безмозглые ослы! Девицы всегда вешают лапшу на уши. Она оказала заметное сопротивление, ясное дело. Ты что, думаешь, она хочет, чтобы мы всем рассказывали, что она с радостью согласилась, чтобы ее изнасиловали труппой? Чтобы дать всем понять, что она доступна, она должна нести такую чепуху, чтобы измазать нас. Вы что, этого не понимаете?

Хатч был в таком отчаянии, что готов был ухватиться за любую соломинку, как бы тонка она ни была. Ламар тоже

хотел бы верить Нилу. Но каждый раз, когда Нил, казалось, говорил логично, Ламар вспоминал, с какой силой боролась Джейд и в каком ужасе она была, когда он и Хатч удерживали ее для Нила.

Хатч вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Кожа его приобрела цвет замазки с точками ржавых пятен.

– Нам, наверно, не следовало бы оставлять ее там.

– Но она же как-то добралась до города?

– Как она добралась? – спросил Ламар. Нил рассказал ему все, что знал, и все, что просочилось из полицейского участка сегодня утром.

– Мне показалось, что Донна Ди знает, – заметил Ламар, когда закончил Нил.

– Донна Ди поручилась за нас, – сказал Нил. – Она прекрасно знала, что Джейд понимала, на что она идет, садясь в машину с тремя полупьяными хамами. Возможно, нам бы следовало пригласить еще и Донну Ди на нашу небольшую вечеринку. – Он ухмыльнулся и облизал губы. – Хотя я не думаю, что она была бы такой же милой, как наша подружка Джейд. У меня никогда не было такой сладкой кошечки.

Ламар опустил глаза на свои руки, которые безвольно лежали на коленях. У него было сильное желание пойти и вымыться.

– Донна Ди в ярости на Джейд за то, что та трахалась с тобой, – сказал Нил Хатчу. – Она чуть не дымилась, ты бы видел!.. Она по тебе сохнет. Почему бы тебе не быть с ней

поласковой, Хатч? Покажи ей, что ты делал с Джейд.

Огромные руки Хатча сжались в кулаки. Его лицо стало свекольно-красным. Хатч обычно тут же выходил из себя со всеми, кроме Нила, но когда-то все бывает впервые. Ламар затаил дыхание в страхе ожидания.

Очевидно, Хатч передумал и решил не идти против Нила. Краска спала с лица, и он разжал кулаки.

– Я пошел домой. – Он пересек комнату, но не успел дойти до двери, как Нил оказался у него на пути.

– Я буду очень разочарован, если два моих лучших друга окажутся жалким трусливым дерьмом. – Он угрожающе взглянул на обоих. – Сегодня утром Джейд потревожила осиное гнездо, но все уже прошло. Недавно звонил отец и сказал, что она сообщила Фрицу, что передумала подавать в суд. Это равносильно признанию того, что она сама напрашивалась на это. – Когда ни один из них не ответил, Нил сказал: – Ну, разве не так?

Они посмотрели друг на друга в нерешительности. Наконец Ламар пробормотал:

– Как скажешь, Нил.

– Тогда все о'кей, дыши ровно.

Хатч сказал:

– Отец ввел для меня комендантский час на ближайшие две недели. Пока.

После его ухода Нил поднял руки высоко над головой и потянулся, широко зевнув.

– Отец поднял меня сегодня с кровати до восхода солнца. Весь день такая лень. – Он поднял банку с пивом и одним глотком допил остаток. – Хочешь побросать мяч в корзину или что?

– Нет, я тоже должен идти домой. – Ламар поднялся на ноги. Долго возился с молнией на куртке, затем сунул руки в карманы, потом опять вынул их. – Моя мама узнает об этом, Нил?

– А что? – Нил ослабился, как крокодил, – Боишься?

– Чертовски, – признался Ламар со смешком. Нил похлопал его по спине.

– Она не узнает. Даже если узнает, что из того? Ты потрагался, тоже мне событие. Никакого умысла.

Вдруг он схватил Ламара за ягодицы и тихо прошептал:

– Ты выпустил в нее хороший заряд, мужик. Я был за тебя чертовски рад. – Он ущипнул его, прежде чем отпустить, смеясь своим характерным беспечным смехом.

Ламар попрощался и направился к лестнице. Высокие потолки в доме вызывали у него ощущение ничтожности и загнанности в клетку. На секунду он остановился, чтобы перевести дыхание, а когда облокотился на перила, вдруг понял, что его прошиб пот. Над верхней губой выступили капли, а ладони были липкие и холодные.

И Ламар почувствовал, что его член встал. Стал очень твердым. К этому привели разговоры о его сексуальной доблести прошлой ночью. Он не знал, что делать: радоваться

или огорчаться?

VI

Гэри Паркер поймал Донну Ди у машины на стоянке для машин учеников сразу после звонка в три тридцать. Подозрение, что она избегает его, подтвердилось. Увидев Гэри, она почти выронила книги из рук.

– Гэри! По-почему ты сейчас не на тренировке?

– Я хочу поговорить с тобой, Донна Ди.

– О чем? – Она бросила книги на заднее сиденье и скользнула за руль, желая как можно быстрее уехать. Гэри протянул руку в дверь и выдернул ключи зажигания.

– Эй, послушай...

– Я хочу знать, что происходит с Джейд.

– Джейд? – повторила Донна Ди.

– Джейд. Ну Джейд Сперри, твоя лучшая подруга.

– Да, – произнесла она, выражение ее лица мгновенно стало враждебным. – Что с ней?

– Почему она не ходит в школу? И уже давно? Что с ней случилось? Когда бы я ни позвонил, ее мать отвечает мне, что она больна. Джейд не хочет со мной разговаривать – совсем. Она действительно так больна? Ты ее видела?

– Только на прошлой неделе, – ответила Донна Ди уклончиво. – Если ее мама говорит, что она больна, значит, она действительно больна.

– Ты тоже не разговаривала с Джейд?

– Нет.

– Я не могу этому поверить, Донна Ди. Ты ее лучшая подруга.

– Ну, а ты ее парень. Если она с тобой не хочет разговаривать, почему ты считаешь, что она будет разговаривать со мной? Пожалуйста, отдай ключи. Мне надо домой. – Она протянула открытую ладонь, но Гэри на это не отреагировал.

– Ты хочешь сказать, что пыталась поговорить с Джейд и она не стала?

Лицо Донны Ди нахмурилось от нерешительности и раздражения.

– Послушай, Гэри, я могу тебе сказать: мы поругались и больше не разговариваем.

Он посмотрел на нее с явным недоверием.

– Ты что, серьезно?

– Абсолютно.

– По какому же поводу ссора?

– Я не вправе тебе это сказать. А теперь, пожалуйста... – Она потянулась за ключами, но юноша отвел руку, чтобы она не смогла их достать. – Гэри, отдай мне ключи!

– Только после того, как ты мне скажешь, что, черт возьми, происходит!

Гэри редко выходил из себя. Сейчас его гнев был вызван разочарованием и страхом. Уже несколько дней он чувствовал, что что-то не так. Одноклассники поглядывали на него искоса. Иногда, когда он приближался, замолкали. У Джейд

какая-то таинственная болезнь. Все было не так, как прежде, с того дня, как он узнал о получении стипендии. Хотя не было ничего конкретного, но он чувствовал, что что-то произошло.

– Что случилось с Джейд? – потребовал Гэри.

– Если хочешь узнать, спроси ее сам. – Донна Ди выхватила ключи, и он не успел ее остановить.

Протянув руку сквозь открытое окно, он схватил ее за запястье.

– Это как-то связано с Нилом?

Донна Ди так резко повернула голову, что шея хрустнула.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что он стал особенно мерзким. Ни с того ни с сего стал относиться ко мне, как к своему приятелю. Только все это наигранное, это ясно. Ведет себя так, словно знает что-то такое, чего я не знаю.

Донна Ди нервно облизала губы. Ее глаза бегали, она выглядела загнанной в угол. У Гэри больно кольнуло в душе: значит, он прав.

– Неожиданное дружелюбие Нила ко мне имеет какое-то отношение к Джейд?

– Я должна ехать.

– Донна Ди!

– Мне надо ехать. – Она завела машину и стремительно сорвалась со стоянки.

– Черт!

Гэри побежал к своей машине. Он не собирался в этот день пропускать тренировку, просто ему захотелось немедленно увидеть Джейд. Он увидит ее, даже если придется выбить дверь в их доме.

Джейд узнала звук его машины. Из окна гостиной она наблюдала, как Гэри пробежал по дорожке и дважды постучал в дверь. Она невольно застонала, затем собралась с духом и распахнула дверь.

– Джейд!

– Привет, Гэри.

Его лицо расплылось в широкой улыбке. Было очевидно, что Гэри в восторге и, видя ее, испытывает облегчение.

– За исключением того, что ты выглядишь бледной и худой, в остальном все как обычно.

– А чего ты ожидал?

– Не знаю, – сказал Гэри с досадой. – Открытые кровоточащие раны, может быть.

Он взял ее за плечи и притянул к себе, крепко обняв. Кажется, он не заметил, что Джейд не прильнула к нему, как обычно.

– Я страшно беспокоился за тебя, – прошептал Гэри, уткнувшись ей в шею. – Я рад, что ты в порядке.

Джейд высвободилась из его объятий, пригласила войти. Он виновато глянул ей в лицо.

– Ты уверена, что все в порядке? Твоей мамы нет дома?

– Все в порядке. – То, того, что произошло нарушение одного из железных правил Велты, теперь меньше всего волновало Джейд.

Как только она закрыла дверь, Гэри вновь притянул ее к себе и жадно оглядел всю.

– Что с тобой случилось, Джейд? Ты, должно быть, действительно серьезно болела. Твоя мама отвечала, что ты слишком плохо себя чувствуешь и не можешь подойти к телефону.

– Именно так я велела ей говорить тебе. – Он посмотрел на нее вопросительно. – Сядь, Гэри. – Повернувшись к нему спиной, Джейд подошла к стулу и тоже села.

Он не мог понять, почему она не реагирует ни на что. А Джейд с трудом справлялась с собой. Ласковое прикосновение Гэри напомнило ей далеко не нежные прикосновения других. Хотя умом она и понимала эту огромную разницу, но ее тело, казалось, потеряло способность различать ласки Гэри и терзания, которым подвергли ее насильники. «Я должна быть благодарной им, – с горечью подумала Джейд, – утратив физическое влечение, с которым нужно было бы бороться, теперь легче будет справиться с задачей».

Он подошел к ней, опустился на колени перед стулом и крепко сжал ее руки в своих.

– Джейд, я не понимаю. Что происходит?

– Чего ты не понимаешь?

– Ничего. Почему ты не ходишь в школу? Почему ты не

разговариваешь со мной?

– Я болела.

– Так тяжело, что не могла подойти к телефону и сказать:

«Привет!»

Джейд постаралась оставаться спокойной:

– Мне надо кое-что сказать тебе, Гэри.

– О Господи, нет, – прошептал он хрипло. Наклонившись, он уткнулся в ее колени, стал теревить стеганный халат. – Ты больна неизлечимо? Ты скоро умрешь?

Сердце Джейд не выдержало: она невольно запустила руку в его русые кудри. Волосы, как живые, обвилились вокруг пальцев. Джейд нежно погладила его голову. Рыдание вырвалось из горла Гэри, словно эхо того, которое она подавила в себе.

Чтобы не поддаваться влечению сердца, она подняла голову.

– Дело не в этом. Я не собираюсь умирать. – Он дотронулся до ее лица, касаясь кончиками пальцев каждой черточки. – Дело в том, что... – Она сделала несколько попыток начать, затем сказала: – Я была больна морально.

Гэри повторил ее слова, как будто они были на другом языке.

– Из-за чего?

– Слишком сильное напряжение.

– В школе? – Гэри дотронулся до ее волос, отводя прядь с лица. Джейд с трудом справилась с желанием удержать его ладонь на своей щеке.

– Теперь все пройдет. Мы ведь получили стипендии. Эй!

Мы не виделись с тех пор, как пришло это сообщение. Поздравляю.

– Я тебя тоже.

– Как мы это отпразднуем? – Глаза Гэри затуманились, когда его рука коснулась ее груди. – Я знаю, как бы я хотел...

– Нет! – пронзительно закричала Джейд и резко отшатнулась. Он был так ошеломлен, что она без труда оттолкнула его и встала.

– Джейд?

Она повернулась к нему лицом. Гэри глядел на нее с удивлением.

– Разве ты не понимаешь, что я тебе сказала? Я сильно перенервничала из-за стипендии. И по другим причинам тоже. В первую очередь, из-за нас.

– Черт возьми, о чем ты?

Джейд поняла, тянуть с этим дальше значило бы еще больше все усложнить. Невозможно было закончить разговор, не нанеся никому ран.

– Ты умный парень, – сказала Джейд, специально придавая своему голосу оттенок нетерпения. – Ты что, не умеешь читать между строк? Я должна сказать все открытым текстом? Ты что, не понимаешь, о чем я хочу тебе сказать?

Гэри поднялся с колен. Он положил руки на свои узкие бедра и наклонил голову.

– Ты решила порвать со мной?

– Я... я думаю, мы должны отдохнуть друг от друга. Да!

Мы зашли слишком далеко, мы не можем себя контролировать и должны остановиться.

Руки Гэри повисли вдоль тела.

– Я не могу в это поверить, Джейд! – Он подошел к ней, пытаясь обнять. Она уклонилась.

– Я не могу больше испытывать сексуального давления с твоей стороны, Гэри.

– Как будто ты не давила на меня! – выкрикнул он.

– Конечно! Знаю, что и я... О том и речь. Это плохо для нас обоих – разжигать пламя, которое мы не можем погасить.

– Лишь несколько недель тому назад ты сама предложила разжигать это пламя.

– Я передумала. Нам надо подождать, чтобы принять правильное решение. – Она нервно облизнула губы. – Но даже и это еще не все. У нас должно быть больше друзей. Мы проводим время вдвоем с тобой с тех пор, как стали достаточно взрослыми, чтобы ходить на свидания. Я хочу, чтобы ты... начал встречаться с другими девушками.

Какое-то время Гэри молча смотрел на нее, словно потеряв дар речи. Затем его глаза сузились от подозрения.

– Это как-то связано с Нилом Патчеттом, да?

Джейд почувствовала, что земля словно уходит из-под ее ног, что она проваливается в черную бездну.

– Нет, – возразила она хрипло.

Гэри, наверное, принял ее ужас за признание вины.

– Черта с два, – съязвил он. – Этот подонок подлизывает-

ся ко мне последние две недели. С того момента, как ты «заболела». Он ведет себя так, словно знает что-то пикантное и просто сгорает от нетерпения поделиться этим со мной. Теперь я понял, в чем дело. Он хотел утереть мне нос. Ты гуляешь теперь с ним, не так ли?

– Нет.

– Не ври. Донна Ди выглядела такой же виноватой, когда я упомянул его имя. Ты из-за этого с ней поссорилась?

– С Донной Ди? – переспросила Джейд.

– Я поймал ее сегодня после школы. Она избегала меня так же старательно, как и ты.

– Что она сказала?

– Не волнуйся. Она тебя не выдала. – Гэри покачал головой. – Итак, ты все-таки клюнула на неотразимые чары Нила. Твоя мать будет счастлива.

Темные волосы Джейд метнулись вокруг головы, когда она с силой отрицательно покачала головой.

– Нет. Я его презираю. Ты знаешь это, Гэри.

– Это на словах. – Он раскачивался взад и вперед, едва сдерживая ярость. – Может быть, мне спросить его самого? – Он повернулся и пошел к двери. Но не успел сделать и нескольких шагов, как Джейд бросилась за ним и обхватила за плечи.

– Нет, Гэри, нет! Держись от него подальше!

Он повернулся и сердито оторвал ее от себя.

– Если ты решила мне изменить, то почему с Патчеттом?

– Ты не прав, Гэри. Пожалуйста, не думай так...

– Ну почему Патчетт?! – Он так резко высвободился из ее рук, что она даже пошатнулась. Гэри толкнул дверь и вышел.

– Гэри!

Он не обернулся, хотя Джейд знала, что он слышал ее крик, пока машина не проехала полквартиры.

Спотыкаясь, Джейд вошла в дом и рухнула рядом с дверью. Долго сдерживаемые слезы хлынули потоком. Она выплакала их все и тогда забилась в сухих, раздражающих рыданиях.

Сначала Гэри подумал о том, чтобы направиться прямо в имение Патчеттов и встретиться с Нилом лицом к лицу. Он мог бы вызвать его на честный бой, но не хотел доставлять этому ублюдку удовольствие, дав понять, что тот спровоцировал его. Пусть раздувается от самодовольства и ходит со своей гнусной ухмылкой. Гэри Паркер не собирается опускаться до его уровня.

Когда Гэри доехал до дома, его гнев сменился отчаянием. Когда он въехал во двор, их жилище показалось ему еще уродливее. Он ненавидел старый дом с облупившейся краской и покосившееся крыльцо. Ненавидел кур, которые бродили в пыли, и вонь от свинарника. Ему был неприятен смех и болтовня его младших братьев и сестер, цеплявшихся за него и мешавших пройти по чистому месту среди этой грязи.

– Гэри, мама сказала, что ты должен помочь мне сегодня

по арифметике.

– Гэри, скажи, чтобы Стиви перестал ко мне приставать.

– Гэри, можешь взять меня с собой в город?

– Заткнитесь!

Шесть пар удивленных глаз уставились на него. Он оглядел их, окруживших его, и почувствовал ненависть к этим доверчивым, любящим лицам. Они думают, что он и на самом деле святой?

Расталкивая их, распугивая кур, Гэри побежал через двор в амбар. Там он забился в темный угол, зарылся в сено и закрыл голову руками. Желание, ненависть, любовь боролись в нем.

Он жаждал уехать отсюда. Ему невыносимы бедность, убожество, грязь и невозможность побыть одному. Тем не менее он любил свою семью. В своих мечтах он уже видел, как возвращается из колледжа, раздавая подарки родным, как щедрый Сайта Клаус. Но превратить эти мечты в реальность было невероятно трудно. Часто он думал о том, чтобы вообще исчезнуть.

Он, конечно же, никогда этого не сделает. Не потому, что им владело чувство ответственности, а из-за Джейд. Благодаря ей он терпел все уродства жизни, так как она несла в себе надежду на то, что все это не вечно. Она занимала центральное место в его планах.

– Господи, – простонал он. Как он сможет вынести все без нее? «Джейд, – подумал он в отчаянии, – что случилось с то-

бой, с нами, с нашим общим будущим?» Они собирались получить образование, затем вернуться в Пальметто и добиться равноправия для всех. Сейчас, она, похоже, перешла на другую сторону – к Патчеттам. Как она могла?

– Гэри?

В широкие двери амбара вошел отец. Отису Паркеру не было еще и пятидесяти, но выглядел он, как минимум, на десять лет старше. Худой, жилистый, невысокий человек с постоянно опущенными плечами. Рабочая одежда висела мешком на его костлявой фигуре. Он нашел сына в темном углу, сидящим на копне остро пахнущего сена.

– Гэри? Дети сказали, что ты был с ними груб.

– Могу я хоть на минуту остаться один?

– Что-то случилось в школе?

– Нет! Я просто хочу побыть один. – Гэри хотелось отвести душу на ком-нибудь, и отец оказался подходящей мишенью. – Хоть раз можете вы оставить меня в покое? – закричал он.

– Ладненько. – Отис повернулся, чтобы уйти. – Не забудь накормить свинью.

Гэри вскочил на ноги, его руки сжались в кулаки.

– Послушай, батя, я в последний раз накормлю эту чертову свинью. Мне до смерти надоело ее кормить. Надоело, что меня окружают орущие дети, которых у вас не хватает мозгов не плодить. Осточертел этот дом и омерзительный запах нищеты. Мне осточертела школа, учителя и все разговоры о

стипендии, когда никому ни до чего нет дела. Быть пай-мальчиком невыносимо. Ничего этим не добьешься! Ничего!

Когда гнев обессилил его, Гэри опустил на грязную солому и разрыдался. Через несколько минут он почувствовал, как грубоватая рука отца трясет его за плечо.

– Похоже, сейчас тебе надо глотануть этого.

Отис держал закрытую крышкой банку, в которой была видна прозрачная жидкость. Гэри неуверенно взял банку, открыл ее и понюхал. Затем сделал глоток. Самогон, обжигая, дошел до желудка. Кашляя и задыхаясь, он отдал банку Отису, который сделал большой глоток.

– Не говори маме об этом.

– Где ты это достал?

– Пора тебе знать о Джорджии. Эта негритянка гонит самогон уже много лет. Она берет недорого. Все равно я не могу позволить себе ничего другого. Я прячу это вон там, под старым седлом, если тебе понадобится, когда меня не будет поблизости. – Отис аккуратно закрыл банку крышкой. – У тебя неприятности из-за женщины?

Гэри уклончиво пожал плечами, хотя напоминание о предательстве Джейд жгло его гораздо сильнее, чем самогон.

– Они единственные из созданий Господних, которые могут довести мужчину до сумасшествия и заставить его сказать то, что сейчас сказал ты. – Отис сурово посмотрел на сына. – Мне не нравится, как ты говорил о своих братьях и сестрах, потому что это означает, что ты плохо отзываешься

о своей маме.

– Прости. Я не хотел этого.

– Да, но ты это имел в виду. Я хочу, чтобы ты знал, что каждый из наших детей был зачат по любви. Мы гордимся каждым из вас. – Глаза Отиса затуманились. – А особенно гордимся тобой. Не могу взять в толк, откуда ты у нас такой смысленый и все такое. Ты нас стыдишься, наверно.

– Нет, папа.

Вздыхая, Отис сказал:

– Я не так глуп, чтобы не понять, почему ты никогда не приводишь своих друзей сюда, Гэри. Ясно почему. Послушай, мы с мамой хотим, чтобы ты получил образование не для того, чтобы потом заботиться о нас и других детях. Мы хотим, чтобы ты уехал отсюда, только по одной причине – потому что ты об этом мечтаешь. Ты не хочешь быть таким же неудачником, как я. У меня был жалкий клочок земли, а этого ужас как мало. И даже не я купил его, а мой отец. Чтобы сохранить его, я выбивался из сил.

Гэри мучили угрызения совести из-за того, что он так сорвался. Отис почувствовал это и, прощая, похлопал сына по колену. Затем, опершись на него, поднялся.

– Вы повздорили с Джейд? – Гэри кивнул. – Ну, это пройдет. У женщины время от времени должно меняться настроение, иначе она не женщина. Когда у них слезливое настроение, надо просто оставлять их в покое. – Дав этот мудрый совет, Отис заковылял к двери. – Время к ужину. Постарай-

ся закончить все домашние дела.

Гэри посмотрел отцу вслед. Покачивающейся, неуклюжей походкой тот прошел через унылый двор, замусоренный старыми сломанными игрушками и куриным пометом. Гэри закрыл лицо руками. Хорошо бы, открыв глаза, оказаться за тысячи километров отсюда, не имея никаких проблем.

Все, в том числе и его семья, ждут от него слишком много. Он обречен на неудачу еще до того, как начнет. И каких бы высот он ни достиг, все равно не сможет оправдать ожидания их всех. Он никогда не сможет стать достаточно хорошим, достаточно богатым. Он никогда не сможет стать таким, как Нил Патчетт.

Боже мой, неужели Джейд ушла к нему? Что из того, что Нил самый богатый парень в городе? Джейд знает, что он ничтожество. Как она могла позволить ему дотронуться до себя? Оглядываясь вокруг, Гэри неожиданно нашел ответ: Нил Патчетт никогда не приходил в школу со следами куриного помета на ботинках.

Чувство обиды жгло его, как самогон в желудке. Джейд еще пожалеет. Она скоро приползет к нему на коленях. Она втрескалась в Нила, вот и все. Это долго не продлится. Она по-настоящему любит только его, Гэри. Их чувство было слишком сильным и глубоким, чтобы так легко забыть его. Рано или поздно она придет в себя. А пока, он будет... что?

Привычное чувство долга напомнило о себе и заставило его подняться. Он пошел кормить свинью.

VII

– Привет, Джейд. Джейд отвернулась от своего шкафчика, прижимая книжки к груди. Теперь с ней разговаривали единицы из класса, поэтому она была удивлена и обрадована тем, что кто-то, все равно кто, подошел к ней.

Никто ничего толком не знал, но по старшим классам школы Пальметто гуляли сплетни, что Джейд изменила Гэри Паркеру с Нилом Патчеттом. Говорили, что из-за этой неверности Гэри бросил ее. За два с половиной месяца из самой популярной девушки в выпускном классе она стала как бы отверженной. Одноклассники перед выпуском были заняты праздничной суетой, Джейд оставалась в одиночестве.

Сплетни вышли за пределы школы, стали достоянием всего города. Когда они докатились до магазина Питера Джонса, он уволил Джейд под тем предлогом, что предпочел бы молодого парня.

И дома дела были не лучше. Велта жаловалась, что на работе с ней обращаются холодно.

– Я слышала, как мои сослуживцы шептались о тебе. Я же говорила, что во всем, что случилось, будут винить только тебя? Нужно было, чтобы этот черный привез тебя прямо домой. Было ошибкой идти в больницу. Из-за того, что ты это сделала, на твоей и моей судьбе будет клеймо.

Джейд не с кем было поговорить о своих проблемах. Она

никогда не простит Донне Ди предательства. Очевидно, и Донна Ди тоже не простила ее за соблазнение Хатча. Они теперь по разные стороны. Но так как не было никого, кто бы мог заменить Донну Ди, потеря лучшей подруги была равносильна потере руки или ноги.

Но каждую ночь Джейд горько оплакивала главную потерю – Гэри. По его поведению было ясно, что он поверил той лжи, которая гуляла вокруг нее. Его гнев и смущение были благодатной почвой для грязных подозрений, которые посеял и взрастил Нил Патчетт. Коварно, как библейский змий, Нил продолжал мучить Гэри намеками. Он преследовал Джейд как ищейка, его горящие взгляды подтверждали, что у них есть общая постыдная тайна. Эта наигранная многозначительность больно ранила ее. Но еще больше Джейд ненавидела злорадство Нила из-за Гэри. Его гордость и самоуважение пострадали так же, как и тело Джейд.

– Привет, Патрис, – сказала она девушке, у которой хватило смелости заговорить с ней.

Патрис Уатли была полненькая, обесцвеченная и неукротимая. Джейд не могла вспомнить, когда она последний раз разговаривала с ней: в старших классах была уже четкая грань между хорошими и плохими девочками. До последнего времени они находились по разные стороны этой черты.

Мать Патрис недавно получила свой четвертый развод и находилась в интенсивных поисках мужа номер пять. Она всегда была слишком занята своей активной личной жизнью,

Патрис оставалась предоставленной сама себе. В восемнадцать лет она уже имела опыт довольно бурной жизни.

– Ты знаешь, я не хочу вмешиваться, – прошептала она, пододвигаясь поближе к Джейд. – Ты подзалетела?

Костяшки пальцев Джейд побелели на фоне корешков ее учебников.

– Нет. Почему ты задаешь такой вопрос?

Патрис почмокала губами от нетерпения и некоторого сочувствия.

– Послушай, Джейд. Я сказала, что не хочу вмешиваться, задавая этот вопрос. Но я очень хорошо знаю признаки. Я сама была в таком положении два раза.

Джейд опустила голову, бессознательно засунув большой палец в металлическую пружинку, соединяющую страницы тетради.

– Я просто не очень хорошо себя чувствую, вот и все.

– И давно у тебя задержка?

Джейд почувствовала, как вся сжалась внутри.

– Два месяца.

– Боже мой! А еще говорят, что ты умная. Подруга, у тебя не так много времени. Ты должна быстро что-то делать.

Джейд отказывалась признать, что задержка менструации может иметь значение. Она даже не подумала, что будет делать, если случится худшее.

– Ты собираешься от него избавиться, да?

– Я... я не думала...

– Если решишься, я могу помочь, – предложила Патрис.

– Почему?

– Это ребенок Нила Патчетта? – Патрис слышала сплетни.

Джейд пожала плечами, показывая, что она не уверена, чьего ребенка носит.

– Ну, если это ребенок Нила, я хочу тебе помочь. – Патрис вынула пачку сигарет и закурила, хотя курить в школьном здании было запрещено. Откинув назад голову, она выпустила струйку дыма к потолку. – Эта сволочь сделала со мной то же самое летом после восьмого класса. Я тогда первый раз подзалетела. Мать чуть не обделалась. Мой тогдашний отчим отказался платить за аборт, поэтому мать пошла к папаше Нила за деньгами. Не хочешь сигарету? Ты выглядишь совершенно зеленой.

Джейд отмахнулась от дыма.

– Нет, спасибо.

– На чем я остановилась? Ах, да. Итак, старый Айвен дал нам пятьсот долларов. Я пошла к Джорджии там, в негритянском квартале. Она берет только пятьдесят, таким образом мы на этом заработали. Ты разве не знаешь, – сказала она с явным раздражением. – Моя мать удавится из-за гроша. Я буду только рада замолвить Джорджии словечко о тебе. Она довольно осторожна и не берет со стороны тех, о которых ей не говорили, ты понимаешь? Она все держит в тайне, потому что не хочет, чтобы пострадало ее основное занятие.

– Какое основное занятие?

Патрис заговорила тише.

– Кроме абортон она занимается еще другими делами, хотя считается швеей. Если у тебя мало денег и ты не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал об этом, Джорджия как раз тот самый человек. – Патрис еще раз затянулась. – Послушай, я знаю, что многое нужно обдумать. Ты можешь мне сказать «отвались!», и я отвалю. Меня не убудет.

– Спасибо за предложение, Патрис, но я должна подумать. Я еще не уверена, что я... что это потребуется.

Патрис посмотрела на живот Джейд и пожала плечами.

– Конечно, я понимаю, малышка. У меня тоже первый раз поджилки тряслись. Моя старуха сказала, что только через ее труп в доме появится кричащий ублюдок. Кроме того, Нил Патчетт такой подонок, что вряд ли кто в здравом уме захочет иметь его отродье.

Все внутри Джейд восставало от такой мысли.

– Я скажу тебе, когда я решу, Патрис. Спасибо. – Она бросилась в ближайший туалет и вышла из кабинки несколько минут спустя. Согнувшись без сил над раковиной, она подставила руки под холодную воду, затем плеснула ее на лицо.

– Это не ребенок, – прошептала она своему бледному отражению в зеркале. – Это ничего. Это слизь.

Теперь всякий раз, встречая Джейд в коридоре, Патрис поднимала бровь в немом вопросе. Джейд делала вид, что не замечает, хотя Патрис обратила ее внимание на такое тяжкое последствие изнасилования, о котором Джейд раньше не за-

думывалась.

Она была беременна, но все еще отказывалась воспринимать зародившуюся в ней жизнь как ребенка, как будущего человека. Ей хотелось отложить принятие решения хотя бы до получения аттестата. До этого оставалось несколько недель. Но жизнь внутри нее тем временем развивалась.

Джейд одевалась теперь с большой осмотрительностью. Но если догадалась Патрис, то и для других это только вопрос времени. Больше всего она опасалась, что кто-то поделится своими подозрениями с Гэри. Он никогда не должен об этом узнать. Беременность была неоспоримым доказательством, что она была с кем-то еще, кроме него. Сможет ли она закончить школу и получить аттестат до того, как он узнает? Удастся ли ей?

Несмотря ни на что, ее назначили выступать с приветственной речью от своего класса. Гэри должен был произнести прощальную речь. Она так гордилась им, хотя и не осмелилась поздравить его. Он начал встречаться с другой девушкой, и если Джейд случайно сталкивалась с ним в коридоре, он всегда отворачивался.

Честь быть признанной второй в классе утешила ее гордость. Она добилась этого годами упорной работы. Она сама заработала эту честь без чьей-либо особой поддержки. Черт возьми, если Нил и его дружки смогут отнять у нее и это тоже!..

Когда она будет стоять перед микрофоном, обращаясь к

аудитории на выпускном акте, она хотела бы посмотреть на сильникам прямо в глаза. Они не увидят ее испуганной. Они испоганили ее тело и испортили репутацию, но она уйдет с незапятнанным достоинством.

Но что, если люди, спрятав лица программками, будут насмехаться над ее беременностью, которую она так неудачно пытается скрыть?

Всю неделю перед выпускным балом, пока ее одноклассники строили грандиозные планы на этот важный уик-энд, Джейд мучилась над своей проблемой. Во время перемены одна из преподавательниц подошла к ней.

– С кем ты идешь на выпускной бал, Джейд?

– Я не иду, миссис Трентон.

– Не идешь? Тебя никто не пригласил?

– Нет. – Нил пригласил, но Джейд повесила трубку, даже не ответив на его ироническое приглашение. Оно заключалось в предложении прийти на бал вчетвером: с Хатчем и Донной Ди, как две пары.

Миссис Трентон внимательно оглядела Джейд.

– Я хочу, чтобы ты зашла ко мне в кабинет как-нибудь на этой неделе, Джейд. Я полагаю, нам надо поговорить.

Она тоже знает.

Пока Джейд шла по школьному коридору, она вдруг поняла, что лишилась выбора: действовать сейчас или подождать. Это почти принесло ей облегчение. Ей не придется больше размышлять над дилеммой или взвешивать все ва-

рианты. Она просто должна действовать. Сделать, что необходимо, и покончить с этим как можно быстрее. Когда занятия в этот день закончились, она нашла Патрис Уатли.

Джейд редко бывала в этой части города и никогда не ходила сюда одна. Для того, чтобы добраться сюда, нужно было перейти через железнодорожные пути, проехать мимо заброшенного депо и неработающей хлопкоочистительной фабрики. И тогда только окажешься в негритянском квартале.

Несколько лет тому назад Велта наняла чернокожую женщину гладить белье. Когда они ездили к ней домой, Велта приказывала Джейд оставаться в машине и ни с кем не разговаривать. Через несколько месяцев Велта решила, что отдавать гладить белье очень дорого. «Кроме того, – Джейд слышала, как она говорила подруге, – мне до смерти страшно ездить в тот район города. Никогда не знаешь, что у них на уме».

Будучи еще ребенком, Джейд не поняла, что с ними могло произойти, если они осмелятся пересечь железную дорогу. Никто никогда не подходил к машине, не разговаривал с ними, не проявлял ни малейшего интереса, ничем не угрожал. Напротив, женщина, которая гладила их белье, всегда посылала для Джейд несколько кексов к чаю, завернутых в бумажную салфетку. Слоеные, маслянистые, золотистые, посыпанные сахарной пудрой кружки выглядели и пахли так аппетитно. Но у нее никогда не было возможности прове-

ритель, какие они на вкус. Велта не позволяла их пробовать и выбрасывала сразу же, как только они возвращались домой.

Джейд оставила машину матери под пушистым миртовым деревом за квартал от того дома, номер которого ей записала Патрис. Всовывая этот клочок бумаги в руку Джейд, Патрис прошептала: «Я позвоню Джорджии и скажу, чтобы она ждала тебя. Возьми наличные».

Деньги, большую часть которых она сэкономила, работая в магазине Питера Джонса, лежали в записной книжке. Джейд держала ее под мышкой, идя по разбитой и неровной мостовой. Девушка со стыдом призналась себе, что некая навязчивая предвзятость к чернокожим перешла к ней от Велты. Она шла с опущенными глазами, не глядя по сторонам, мимо маленьких домиков, стоящих вплотную друг к другу на низких участках земли.

Дом Джорджии выглядел так же, как и все остальные. Несмотря на мертвящий холодок в животе и уколы совести, Джейд было любопытно знать, что здесь происходит. Дом в две комнаты, длинный, так что заднее крыльцо почти доходило до улицы позади дома. Когда-то он был хорошо покрашен, но сейчас от той белой краски осталось одно воспоминание. Зеленая крыша, покрытая толем, была вся залатанна. Металлическая труба проржавела, и от нее по стене шел ржавый подтек.

– Смотри, чтобы внешний вид не обманул тебя, – сказала Патрис. – Эта Джорджия негритянка не из бедных. Она

может шантажировать половину населения округа, если ей понадобится.

С улицы казалось, что в доме никого нет. Окна были закрыты тяжелыми ставнями. Собравшись с духом, Джейд пошла по дорожке к дому, ступила на крыльцо и постучала.

Ей казалось, что десятки глаз смотрят ей в спину из разных укромных мест, но она успокоила себя, что это только ее воображение. Но обернуться, чтобы либо развеять, либо подтвердить свои опасения, она не осмеливалась.

Вдруг ее поразило, что на улице совершенно пусто, никого, кроме нее: ни проезжающих мимо машин, ни детей, играющих перед домами, ни молодых матерей, катающих детей в коляске вдоль улицы. Соседи Джорджии так же опасались белых пришельцев, как белые – появляться в этом районе. Это неприятное расовое отчуждение было одной из проблем, с которой они с Гэри собирались бороться.

Входная дверь слегка приоткрылась, и Джейд увидела Джорджию через сетку. Она была намного моложе, чем представляла Джейд. Возможно, она только выглядела молодой благодаря своему гладкому, без морщин лицу. На полных губах ярко-красная помада, а глаза словно два круга из черного дерева. Высокая, стройная, тонкие руки и ноги. Коротко стриженные волосы выглядели как шапочка, натянутая на голову. Лиловая футболка из хлопка, безусловно чистая. И это несколько успокоило Джейд.

Она с трудом глотнула.

– Меня зовут Джейд. Я надеюсь, Патрис звонила вам обо мне.

Джорджия открыла дверь с сеткой, и Джейд шагнула в дом. В доме пахло совсем не неприятно, чего она очень опасалась. Было любопытно, что это у Джорджии во всех этих банках? Прихожая была заставлена ящиками с банками.

Женщина жестом пригласила пройти вперед. Джейд шла по коридору, который разделял дом на две половины, соединяя по прямой линии переднюю и заднюю двери.

Тиканье настенных часов в тишине казалось необычно громким. Из кухни раздавался тонкий свист кипящего чайника.

Джорджия провела Джейд в комнату налево. В ней, кроме стола, закрытого белой клеенкой, стоял только старомодный эмалированный медицинский шкаф. Джейд остановилась на пороге.

– Ты зачем ко мне пришла?

Джейд вздрогнула от тихого голоса Джорджии, хотя не так боялась самой женщины, как стола с белой клеенкой и медицинского шкафа со стальными инструментами. Ими можно покалечить или убить.

– Мне нужно избавиться от кое-чего, – сказала Джейд хрипло.

Джорджия протянула руку. Сперва этот жест удивил Джейд. Когда же она поняла, что он означает, она порылась в своей сумочке в поисках бумажника, вынула пять десяти-

долларовых купюр и сунула их в розовую ладонь Джорджии. Та была достаточно профессиональна, чтобы получить свои деньги вперед, но достаточно воспитана, чтобы не просить их открыто. Они исчезли в кармане юбки. Она не стала благодарить Джейд.

– Сними трусы и ложись на стол.

Джейд застучала зубами. Теперь, когда пришло время, ее охватил ужас. Она неловко положила сумочку на край стола. Сунув руки под юбку, стянула трусики и перешагнула через них. Наклоняясь, чтобы поднять их, она спросила:

– Мне совсем раздеться?

– Нет, пока я не осмотрю тебя. Может быть, я ничего не буду делать.

– Почему? – Джейд боялась быть отвергнутой почти так же, как боялась самого аборта. – Вы должны это сделать. Вы уже взяли деньги.

– Ложись, пожалуйста, – сказала женщина совсем несурово.

Джейд легла. Джорджия подняла ее юбку, сложила у нее на груди, обнажив ее от талии. Джейд отвернулась и уткнулась на голую стену.

– Некоторые девушки приходят ко мне слишком поздно, – объяснила Джорджия. Положив руки на низ живота Джейд, она начала его массировать. – Я не могу им помочь, если они приходят слишком поздно.

– Мне еще не поздно. Я спросила Патрис.

– Посмотрим. – Джорджия продолжала массировать живот Джейд. Глаза ее были закрыты. Она как бы слушала свои руки, двигавшиеся от пупка Джейд до треугольника лобка. Наконец, удовлетворенная, она сделала ей знак рукой подняться и опустила ее юбку.

Джейд села на край стола, ноги неуклюже болтались. Кленка была холодной, больничной, и неприятно было ее чувствовать голым задом. Она старалась не замечать этого.

– Вы сможете?

– Это ребенок Патчетта-младшего?

– Это не ребенок, – запротестовала Джейд. – Это... это ничто.

– Это дело Нила Патчетта?

– Я не уверена. Их было трое. Нил был одним из них. Двое других его друзья. – Она встретилась глазами с Джорджи-ей. – Они меня изнасиловали.

Женщина долго смотрела на нее, затем тихо сказала:

– Я думала, что он насилует только черных девушек. Раз-девайся. Я помогу тебе.

Джейд шла вдоль улицы очень медленно, маленькими, осторожными шагами. Руки были холодные и липкие. Ее то знобило, то бросало в пот. Джорджия пыталась уговорить ее не уходить так быстро, но она настояла. Спускались сумерки. Ей нужно будет придумать какое-нибудь оправдание, потому что она задержалась и не приехала вовремя на фабрику

за Велтой. Но сейчас ей не хотелось думать об этом.

Дрожащими руками Джейд отперла дверь машины. Долго сидела в ней, уставившись сквозь ветровое стекло на малиновые бутоны на миртовом дереве. Наконец, почувствовав себя намного лучше, завела машину и выехала на улицу. Она поехала очень быстро, пока дом Джорджии не оказался далеко позади.

Она должна видеть Гэри.

Джейд сказала себе, что самое худшее, что он мог сделать, это отвергнуть ее. Он уже это сделал. Но если рассказать ему о той ночи, все подробности, которых он не знает, может быть, Гэри примет ее назад.

Мысль о его руках, обнимающих ее с любовью и нежностью, заставляла ее сильнее нажимать на акселератор. Почему, спрашивала себя Джейд, она так медлила, чтобы рассказать ему всю правду? Гэри знал ее лучше, чем кто-либо на свете. Если она откроет ему душу, он обязательно поймет, что она стала жертвой. Она объяснит ему, что ее молчание было попыткой уберечь его от всеобщего презрения. Так как его все же унизили, молчание уже не имело больше никакого смысла.

Зачем позволять Нилу, Хатчу и Ламару так распоряжаться их жизнями? Она и Гэри – сильные, молодые, умные. Вместе, спокойные и уверенные в своей любви, они оставят этот ужас в прошлом, навсегда уедут из Пальметто строить свое будущее.

Мысль о физической любви пугала. Но Гэри был нежным. Он будет терпелив, пока все ее страхи и отвращение не исчезнут.

Джейд не питала иллюзий, что с этого момента жизнь станет легкой. Она многого хочет от Гэри. Ему придется принять то, что принять невозможно. И он это сделает, если любит ее достаточно сильно, – она должна верить в это. Он встречался с другой, но каждый раз, когда они с Джейд вдруг сталкивались, прежде чем Гэри успевал надеть маску равнодушия, она успевала прочитать в его глазах боль и тоску, которые были сродни ее собственным.

Эти мысли придавали ей смелости, пока она неслась сквозь сумерки.

Дом Паркеров со светящимися изнутри окнами выглядел, как фонарь из тыквы с прорезанными глазами и кривым ртом. Джейд увидела, что миссис Паркер посмотрела в окно кухни, услышав, что к дому подъехала машина. Вечер был теплый, и младшие братья и сестры Гэри все еще играли во дворе. Отис ехал к дому с поля на тракторе.

Джейд вышла из машины, с удивлением обнаружив, что ноги ее едва держат. Глупо так нервничать из-за встречи с Гэри. Он так же, как и она, переживал их разрыв. Она цеплялась за надежду, что он захочет помириться. Миссис Паркер помахала ей из-за сетки окна.

– Джейд, где ты так долго скрывалась? Я не видела тебя целую вечность.

– Я знаю, – сказала она, улыбаясь впервые за последние несколько месяцев и обнимая младших сестер Гэри. Хоть его семья была рада ее возвращению. – Я так соскучилась по всем.

– Представь, Джейд, Джой наконец-то научился ходить в горшок.

– Как здорово!

– Но ему еще приходится носить непромокаемые трусы!

– Я научилась кататься на коньках, Джейд.

Джейд реагировала на каждую новость, придавая большое значение каждой маленькой подробности, которые были так важны для детей.

– Где ваш старший брат? – Его машина была здесь, поэтому она знала, что он где-то рядом.

– Он в амбаре.

– Мама велела ему накормить свинью перед ужином.

– Я бы хотела поговорить с ним сейчас. – Джейд нежно отодвинула детей в сторону.

– Ты останешься на ужин?

– Не знаю. Посмотрим.

– Мама, – крикнул один из мальчиков в сторону дома. – Может Джейд остаться на ужин?

Джейд помахала Отису, пока шла через двор, осторожно выбирая место, куда ступить. Отис снял шляпу и высоко помахал ею над головой в знак приветствия. Ее подбодрил теплый прием семьи Гэри. Они либо не слышали сплетен о ней,

либо отказывались верить им.

– Гэри? Гэри? – Она вошла в широкие двери. Глаза пытались привыкнуть к темноте, когда она оглядывала похожий на пещеру амбар. Сильно пахло сеном. – Гэри, отзовись, – сказала Джейд, нервно рассмеявшись. – Где ты? Что ты здесь делаешь в темноте?

Он ничего не делал, просто тихо висел на стропилах.

VIII

Атланта, Джорджия, 1981

Диллон Берк лежал в брюках от смокинга на постели в номере гостиницы и от нечего делать выщипывал волосы на груди. Он поглядывал на дверь ванной, ожидая, когда выйдет его молодая жена. Диллон чувствовал приятное опьянение, хотя выпил только один бокал шампанского, которое лилось рекой на свадебном приеме, устроенном родителями Дебры. Семья Ньюберри была из пьющих баптистов. Они делали щедрые пожертвования в свою церковь, и священник закрывал глаза, когда хлопали пробки от бутылок.

Диллон был пьян не от вина, а от любви и счастья. Он улыбнулся, вспоминая, как Дебра плеснула шампанским ему на руку, когда они, взявшись за руки, пили за здоровье друг друга. Забыв о присутствующих, она игриво слизала вино.

Его бабушка советовала выбрать девушку из баптистов. «Большинство из них добродетельны, – говорила она, – и не отягчены чувством вины, как католические девушки».

В случае с Деброй бабушка Берк была права. Моральные устои Дебры были такими же прочными, как и закаленная сталь. Но она была чрезвычайно эмоциональным создани-

ем. В своей большой, шумной семье она привыкла выражать свои чувства открыто, без стыда и застенчивости.

Диллону не терпелось вкусить эту пылкую, самоотверженную любовь. Мысль о ней возбуждала. Брюки, взятые напрокат, вдруг стали неудобно узкими. Он встал с кровати и прошел по плюшевому ковру к окну, из которого открывалась панорама центральной части Атланты. Смеркалось, по всему городу мерцали огни. Диллон глубоко вздохнул, наполнив воздухом широкую грудь. Господи, жизнь может быть действительно великолепной! Его – была. У него было трудное начало, но затем судьба улыбнулась ему.

Услышав, что открылась дверь ванной, он повернулся и увидел Дебру, стоящую в потоке золотого света. Ее светлые волосы прозрачным ореолом лежали вокруг головы. Когда она направилась к нему, ее груди с плавным очарованием покачивались под шелковой ночной рубашкой цвета слоновой кости. При каждом ее шаге легкая ткань на мгновение складывалась и задерживалась в углублении между ногами.

Он притянул ее к себе и поцеловал с нерыцарским жаром, просовывая язык между раздвинутых губ, и почувствовал вкус зубного эликсира.

– Что такое? – спросила Дебра тихо, когда почувствовала его улыбку на своих губах.

– Ты полоскала рот?

– Честно говоря, да. После того как приняла ванну и почистила зубы.

– Ты приняла ванну? – спросил он, тыкаясь носом в ее теплую душистую шею.

– Я думаю, что для новобрачной обязательно выкупаться перед тем, как предстать перед мужем.

– Ты хочешь, чтобы я принял душ?

– Нет. – Она вздохнула и наклонила голову в сторону, чтобы ему было удобнее целовать ее шею. – Я не хочу ничего другого, кроме того, что делаешь.

Он хмыкнул.

– Держу пари, что да.

Он положил руки ей на грудь и водил костяшками пальцев по ней взад и вперед, пока она не напряглась.

– Видишь? Я был прав. – Обхватив ее руками, он прижал к себе и страстно поцеловал. Подняв наконец голову, он сказал: – Я люблю тебя, Дебра.

Он полюбил ее почти с того момента, как впервые увидел. Они встретились в первый день осеннего семестра в Техническом колледже Джорджии. На выпускном курсе они были определены в продвинутую группу по английскому. У Диллона это был факультатив. Для Дебры, которая специализировалась в языке, этот курс по истории языка был обязательным.

После первых слов профессора Диллон понял, что ему предстоят сложности, чтобы изменить график занятий. Он не думал, что сможет в течение всего семестра выносить по три часа в неделю гнусавые интонации профессора.

Затем, опоздав на пять минут, влетела Дебра. Ее светлые волосы были спутаны ветром, щеки горели от смущения. Она извинялась, что не могла найти аудиторию, и запыхалась, потому что бегом поднялась на два этажа.

Диллон мгновенно почувствовал любовь и влечение.

После лекции, расталкивая других студентов, он помчался за той, которая заставила его забыть об изменении графика посещения занятий.

– Привет, – сказал он, догнав Дебру Ньюберри. Диллон запомнил ее имя, когда она назвала себя преподавателю, рассерженному ее опозданием.

Она посмотрела на Диллона глазами цвета Карибского моря.

– Привет.

– Чья ты?

Они подошли к лестнице. Дебра остановилась и повернулась лицом к нему.

– Не понимаю.

Отведя ее в сторону, чтобы не мешать другим, Диллон повторил свой вопрос.

– Я ничья, – ответила Дебра с такой интонацией, которая сделала бы честь хорошей актрисе.

– Никакого постоянного парня, мужа или кого-нибудь другого?

– Нет. Хотя я не понимаю, какое тебе до этого дело?

– Сейчас скажу. Хочешь спать со мной?

– Не знаю. Стоит ли?

Она могла бы просто проигнорировать его и спуститься вниз по лестнице. Могла бы разозлиться и дать ему пощечину. Могла бы оскорбиться и прочитать ему лекцию о сексе. Вместо этого ее реакция была как раз такой, на которую он и рассчитывал, кроме полной капитуляции, конечно: она превратила все в шутку. Он задал вопрос с такой подкупающей улыбкой, что она никак не могла обидеться.

За редким исключением, он нравился женщинам. Диллон скромно признавал это, потому что, в конце концов, ничего не мог поделать со своим красивым лицом. В этом виноваты гены. Он воспринимал свои карие глаза, как нечто само собой разумеющееся. Но женщины думали, что золотистые пятнышки в них были необыкновенными и интригующими. Они говорили, что завидуют его длинным темным ресницам и тому, как его русые волосы выгорают летом.

Когда Дебра быстро оглядела его, в первый раз за все время, Диллону было по-настоящему не все равно, что она думает о его внешности. Возможно, она нашла его приятным и подходящим для флирта. Вместо того, чтобы лечь в постель, они остановились на том, чтобы вместе выпить кофе, и только после второй чашки она наконец спросила, как его зовут. Сначала это не имело значения.

В постель они легли только в День Благодарения. Они проводили время только друг с другом, каждое их свидание заканчивалось жаркими поцелуями и объятиями. С огром-

ным самообладанием Диллон удерживал себя, чтобы не попросить большего.

В тот день после большого пиршества в доме у Ньюберри в честь праздника они убрали на кухне, когда Дебра вдруг сказала:

– Давай займемся любовью.

Не теряя времени, он увел ее из дома, полного многочисленными родственниками, и увез в ближайший мотель.

– Ты должна была сказать мне, что ты девушка, – прошептал Диллон потом.

Видя растерянность на его лице, она прижалась к нему.

– Я не хотела, чтобы ты думал, что у меня что-то не так.

– Ты знаешь, что это значит?

– Что ты не будешь уважать меня завтра утром? – спросила она озорно.

– Нет. Это означает, что мы должны пожениться.

– Я надеялась, что ты скажешь это.

Они откладывали это семь месяцев, чтобы сначала закончить колледж, и потому, что Дебра всегда мечтала о свадьбе, как положено, по традиции, в июне. А потом столько времени ушло на подготовку свадебных торжеств с пятьюстами приглашенными.

Теперь, когда закончилась пышная церемония, Диллон поднял свою новобрачную на руки, отнес ее на кровать и аккуратно положил.

– Хочешь, чтобы я сняла ее? – спросила Дебра, дотраги-

ваясь до ночной рубашки.

– Не сейчас. Ты, возможно, заплатила за нее целое состояние. И должна поносить ее немного дольше сорока пяти секунд. Кроме того, – добавил он, – она мне нравится на ощупь.

Он поглаживал ее живот, одновременно целуя восприимчивый рот. Под его большими руками она чувствовала себя, как кукла с подвижными частями тела, которые всегда желали, чтобы их ставили в такое положение. Диллон никогда не пользовался ее готовностью доставить удовольствие и всегда был очень осторожен, чтобы не сделать больно. Он помнил, что не должен сжимать ее слишком сильно, когда его руки обнимали ее тонкие ребра, и потянулся лицом к ее животу. Он поцеловал его через шелковистую ткань.

– Ой, – простонала Дебра, когда он положил ее на подушки. – Возьми меня, Диллон.

– Я этим и занят. – Кровь переполняла его член так, что было даже больно, но он не хотел, чтобы их первая физическая близость как мужа и жены была поспешной и незапоминающейся. Он всю жизнь ждал, чтобы почувствовать полное слияние с другим человеком. Дебра была таким человеком. Событие должно быть по-настоящему торжественным.

Положив ладони вдоль ребер, Диллон начал большими пальцами гладить снизу под каждой грудью, затем перешел к их маленьким центрам. Шелковистая прослойка между его и ее кожей только усиливала то удовольствие, которое он по-

лучал от ласк, и степень ее ответной реакции.

В ответ на тихую мольбу Дебры он положил руку на ее грудь, которая виднелась в широком вырезе рубашки, и взял губами сосок. Он стал ритмично сосать, затем сделал эротические движения языком.

– Диллон, пожалуйста...

Его рука спускалась в ложбинку между ногами. Она подняла бедра вверх и потерлась об основание его ладони. Диллон, возможно, сдержался бы, если бы она не расстегнула его брюки и не высвободила его.

– Господи, – прошептал он, когда она большим пальцем дотронулась до чувствительного кончика.

Из-за этого все произошло, когда он все еще был в брюках, а она в ночной сорочке. Разделись они позже. Потом они лежали переплетаясь, их желание только на мгновение было удовлетворено.

– У меня самый прекрасный муж на всем свете. – Дебра распласталась на его груди и губами ласкала его, тыкаясь носом в его курчавые волосы.

– Прекрасный? – переспросил он скептически. – Вряд ли. Она упрямо покачала головой.

– Прекрасный. – Дебра поцеловала один из его сосков и рассмеялась, когда он хмыкнул от удовольствия.

– Я тебя развратил. Ты была хорошей девушкой, до того как встретила меня, – поддразнивал он.

– Это было до того, как я узнала, что теряю.

Лишь когда Дебра согласилась выйти за него замуж, Диллон позволил себе поверить в то, что она, возможно, действительно любит его, хотя и заверяла его в этом много раз. Было трудно поверить в счастье, которое свалилось на него. Он не заслужил такой красивой и неиспорченной жены, как Дебра Ньюберри. Он не достоин безоговорочного признания ее семьи. Его отчаяние по этому поводу в конце концов вызвало ссору.

В середине ссоры Дебра потребовала:

– Скажи, что это за страшная тайна, о которой ты боишься, что я узнаю, и которая заставит меня разлюбить тебя?

– Я был судим, – выпалил он. – Ты думаешь, твои родители захотят такого зятя, который отсидел срок в тюрьме?

– Я не знаю, что думать, пока ты не расскажешь об этом, Диллон.

Его родители погибли, когда ему было восемь лет.

– Они ехали на машине, чтобы забрать меня из летнего лагеря. Обычная нелепая авария на дороге. Грузовик с трейлером занесло. Их машина попала под него.

Так как не было больше никого, кто мог бы его взять, его отдали на попечение матери его отца.

– Бабушка Берк делала все, что могла, но я был злым ребенком.

Все было прекрасно до тех пор, пока его родители не погибли. Отец хорошо зарабатывал, мама была заботливая и любящая. Было так несправедливо по отношению к ним и к

нему, что они должны были погибнуть.

– У меня были плохие дела в школе. Оценки становились все хуже и хуже. Я сердился на бабушку за то, что она старается занять место моих родителей. Хотя теперь я понимаю, какой огромной обузой был я для нее в то время. Наконец я понял, что такая мне выпала судьба и что я должен распорядиться ею наилучшим образом. В течение нескольких лет все шло хорошо. Когда мне исполнилось четырнадцать, бабушка заболела. Ее положили в больницу. На мои вопросы, насколько серьезна ее болезнь, врачи говорили мне какую-то чушь, что я должен полагаться на волю Господа. Именно тогда я понял, что моя бабушка умирает. К ее чести, она сказала мне об этом прямо.

«Мне жаль, что я оставляю тебя одного, Диллон, – сказала она, – но не в моей власти это изменить».

После того как она умерла, меня отдали на воспитание в чужую семью. Кроме меня там было еще пятеро детей. Я часто слышал о войне в стране под названием Вьетнам, но и там, наверное, не было таких сражений, какие происходили в этом доме, особенно между мужем и женой. Я неоднократно видел, как он ее бил.

В тот день, когда мне исполнилось шестнадцать, я ушел. Подумал, что жить самостоятельно будет лучше, чем оставаться в этом доме. Предполагалось, что меня ждет денежный счет из фонда по опеке. Но я все время наталкивался на какие-то отговорки, пока не понял, что кто-то, возможно,

мои приемные родители, прибрали все к рукам. Я воспринял это только как небольшую неудачу и был уверен, что смогу прожить самостоятельно. Но, конечно, не смог – не воруя, чтобы не умереть с голоду.

В конце концов я остался без копейки и попал в «колонию для трудных детей», что, в общем, другое название тюрьмы. С первого же дня я думал о побеге. Я пытался сделать это дважды. Во второй раз один из воспитателей избил меня до полусмерти.

– Как это ужасно, – сочувствующе проговорила Дебра. Диллон улыбнулся мрачной, кривой улыбкой.

– Сначала я тоже так думал. Позднее он объяснил мне, что ему надо добиться от меня безраздельного внимания, когда он говорит о важных вещах. Он сказал, что мне выпали дерьмовые карты, но то, как играть, зависит только от меня. Либо я буду продолжать в том же духе, пока не схлопочу пожизненное заключение, либо надо изменить все и заставить обстоятельства работать на меня.

– Видимо, ты послушался его совета.

– Там я закончил среднюю школу. Когда вышел оттуда, он устроил меня на работу чертежником в компанию по коммунальному обслуживанию. Это дало мне возможность оплатить учебу в колледже и жилье. Остальное ты знаешь сама.

Дебра посмотрела на него с мягким осуждением.

– И это все? Это все твое ужасное, таинственное прошлое?

– А что, этого мало?

– Диллон, ты был ребенком. Ты совершил несколько ошибок.

Он упрямо покачал головой.

– Я уже не был ребенком с тех пор, как мне исполнилось восемь лет и я узнал, что мои родители погибли. С того времени я всегда сам отвечал за все, что делал.

– Допустим, некоторые из твоих ошибок были более серьезными, чем обычно. И последствия их оказались более суровыми. Но не будь так строг к себе. Ты поднялся над ошибками своей юности. Я бы хотела встретиться с твоим воспитателем и лично поблагодарить его за то, что он наставил тебя на путь истинный.

– К сожалению, этого нельзя сделать. Вскоре после моего ухода какой-то мальчишка во время воспитательной беседы пырнул его ножом, а потом стоял и смотрел, как он истекает кровью... Потому мне некого пригласить на шикарную свадьбу, которую планирует твоя мама.

– Там будешь ты, – сказала Дебра, обнимая его. – А раз я с тобой счастлива, то моих больше ничего не волнует.

Семья Дебры Ньюберри давно жила в богатом районе Ее родители сами происходили из больших семей. У нее было трое братьев и две сестры. Все, за исключением одной сестры, были замужем или женаты, поэтому на каждом семейном торжестве собиралась целая армия тетушек, дядюшек и двоюродных братьев и сестер.

Все члены этой большой семьи приняли Диллона с радо-

стью. Сначала он держался несколько в стороне. Это была защитная реакция: он боялся, что если обнаружит свое истинное отношение, то все сглазит, так же, как боялся принять безоговорочную любовь Дебры.

Теперь, когда они безмятежно лежали рядом, испытав первую после свадьбы физическую близость, Диллон позволил себе роскошь насладиться своей счастливой судьбой. Он трудом заработал диплом колледжа, который открывал перед ним широкие перспективы. Стал частью большой и любящей семьи, чего у него никогда не было. Его молодая жена была умна и нежна, весела и притягательна.

Он захватил руками несколько прядей ее волос и приподнял голову от своей груди, поворачивая лицом к себе.

– Лучше прекрати это пощипывание.

– Разве тебе это не нравится?

– Слишком нравится, поэтому ты можешь поплатиться.

– Это невозможно. – Смеясь, Дебра опустила губы к его животу и поцеловала его. – Диллон?

– У-угу?

– Научи меня, как, ну знаешь, заниматься любовью ртом.

Его глаза, которые были полузакрыты от дремоты, широко открылись. За исключением того времени, которое он провел в воспитательном заведении, Диллон воспринимал доступность секса, как нечто само собою разумеющееся. Он получал его на тарелочке с самого первого раза.

Однажды летом, во время каникул в старших классах,

Диллон открыл заднюю дверь бабушкиной кухни, услышав какой-то стук.

Стучала их молодая и энергичная соседка миссис Чандлер. У нее были большие глаза, большие груди и длинные ноги. Она часто выставляла их напоказ, надевая короткие шорты, которые подчеркивали промежность и зад. Ее муж работал шофером грузовика в компании «Сейфвей» и больше отсутствовал, чем бывал дома. Скука делала ее частым гостем у Берков.

Черт возьми, она прекрасно знала, что бабушки нет, потому что ее машины не было около дома. Диллон с прямой тринадцатилетнего подростка хотел было уже высказать соседке свое мнение. Но это было бы невежливо, а бабушка успела научить его некоторым манерам. Он ответил:

– Бабушка уехала в магазин.

– Ах, жаль. – Миссис Чандлер в отчаянии похлопала ресницами. – Она сказала мне, чтобы я зашла за купонами, которые она отрезала для меня. Ты не знаешь, куда она их положила?

– Они на столе в прихожей.

– Могу я их взять сейчас? Я как раз собиралась поехать в магазин и вдруг вспомнила, что не взяла их.

Диллон разгадал ее ложь. Миссис Чандлер была одета не для поездки в магазин, она была одета, чтобы соблазнить его. Из чистого любопытства он решил приоткрыть западню, и соседка угодила в нее, не сделав ни шагу к столику в прихо-

жей.

Диллон стоял и разглядывал миссис Чандлер. Он был уже выше нее. Она отметила это, дотронувшись до его голых рук и проведя своей рукой по мускулистой, неволосатой груди. Она еще не была полностью развита, но уже выглядела многообещающей.

– Ой-ой, Диллон. Я и не заметила, каким большим ты стал.

Его молодое тело распирало от мужских гормонов, голова гудела от желания. Глаза опустились на ее грудь. Два больших темных кружка были хорошо видны под облегающей белой блузкой.

Через секунду блузки не стало, а миссис Чандлер направляла его безусое лицо к своим розовым соскам и тыкала ими ему в губы. Бабушка Берк подъехала к дому в тот момент, когда неверная молодая жена из соседнего дома полезла к Диллону в шорты.

Два дня спустя миссис Чандлер дошла до того, что не побоялась быть застигнутой. Она проникла через заднюю дверь, пока бабушка Диллона спала после обеда. Приложив указательный палец к сжатым губам, она сделала Диллону знак идти в спальню. Крадучись, они пробирались через коридор. Из спальни бабушки доносилось легкое похрапывание. Как только Диллон закрыл дверь, миссис Чандлер бросилась на него как голодная кошка. Диллон, которому не доставало изысканности, приходящей только с практикой, был

таким же хищным. Когда он вонзался в нее, она была липкая и горячая. Он излился с восторгом. Когда все закончилось, миссис Чандлер посетовала, что все произошло слишком быстро.

Похлопывая Диллона по руке, она сказала:

– Мы поработаем над этим.

– Как? – спросил он, глядя на нее своими серьезными карими глазами. – Как мы над этим поработаем? – добивался он. – Что мне надо было сделать? Покажите.

Его взволнованность была настолько неожиданна, его интерес – настолько подлинным, что миссис Чандлер расплакалась. Она провела остаток лета, обучая его, как доставлять ей удовольствие, и жалуясь, что эта «горилла», за которую она вышла замуж, даже не знает, где «это» и для чего.

– Он просто трахает меня до тех пор, пока мне не становится больно ходить, и думает, что доказал, какой он шикарный любовник.

Диллон был прилежным учеником. Он научился доставлять удовольствие, давать женщине то, что ей нужно и чего она хочет. Но его совесть всегда напоминала ему, что миссис Чандлер была женой другого. Он знал, что то, что они делали, было грязью. Он неоднократно давал себе клятву остановиться. Но когда миссис Чандлер приходила, возбужденная и полная желаний, Диллон не мог устоять перед искушением и доступностью наслаждения. Кроме того, он не считал себя чем-нибудь обязанным этому водиле: тот водитель грузови-

ка, который убил его родителей, вышел из ужасной аварии без единой царапины.

Через несколько дней после первого воскресенья сентября, Дня Труда, миссис Чандлер пришла, чтобы сказать, что ее мужа переводят.

– Мы переезжаем в Литтл-Рок на следующей неделе.

– Не большая потеря, – проворчала бабушка, глядя как миссис Чандлер пробирается через изгородь из розовых кустов, которая разделяла их дворы. Диллон быстро взглянул на бабушку, подумав, знает ли она, что происходило летом каждый день в его спальне, пока она спала. Они никогда больше не упоминали о миссис Чандлер.

Но Диллон не забыл ее. Он считал, что мужчины никогда не забывают первых женщин, от которых получили плотские знания. Он использовал ее тело как экспериментальную лабораторию, но никогда не чувствовал себя из-за этого виноватым. Она бегала за ним и получала столько же удовольствия, сколько и он, а иногда и больше.

Диллон применял свои знания, полученные от миссис Чандлер, с доступными девочками в школе, большинство из которых были старше его. Одна из его так называемых «сводных сестер» в чужой семье, где он жил, воспользовалась его знаниями. Она была крупной девочкой с неприятным запахом изо рта и нехорошей кожей, но так трогательно благодарила его за ту нежность, которую он проявлял к ней каждую ночь. Девушки, которых он встречал на улицах, были шлюха-

ми, и его общение с ними не вызывало никаких чувств.

Он был груб, как козел, выйдя из исправительной школы и поступив в колледж. И вновь природа оказалась на его стороне. И умственно и физически он был старше своих лет. Тот потенциал, который миссис Чандлер разглядела в нем в тринадцать лет, реализовался в полной мере: у него было высокое, сильное, худощавое тело, он выделялся как личность и его любили. Он легко сходился с другими молодыми людьми и так же легко уговаривал приятных ему сокурсниц переспать с ним.

Первой женщиной, которая поработала с ним ртом, была проститутка, согласившаяся на это, как на одолжение, за приглашение на вечеринку. У нее был определенный порядок действия: помахивание грудями, быстрый минет, и за это: «с вас десять долларов». После этого были и другие женщины, но большинство из них воспринимали физическую близость этого рода как некую уступку, как нечто, чего от них ожидают, но что им не доставляет удовольствия. Никогда до этого ни одна женщина не смотрела на него с таким желанием и любовью и не просила научить ее этому. Он пропустил волосы Де-бры сквозь пальцы и тихо сказал:

– Тебе не надо этого.

Она удивленно посмотрела на него.

– Но я хочу. Тебе неловко?

Он рассмеялся.

– Немного.

– Я хочу это делать правильно.

– Здесь не может быть правильного или неправильного.

– Но я уверена, что есть разница между правильным и самым правильным. – Дебра потянулась к нему и, приложив губы к его губам, прошептала: – Научи меня самому правильному.

Позднее Диллон смотрел на свою молодую жену, пока она мирно спала рядом с ним. Она была настолько хороша, что он ощущал в горле болезненный комок от избытка эмоций. Она была не только красивым, но и чудесным человеком. Коварство во всех формах было чуждо ей.

Он был единственным, кто владел ее телом, и относился к этому очень серьезно. Дебра отдала ему свое сердце и вручила ему свою любовь. Она надеялась, что он сделает ее жизнь обеспеченной, спокойной и счастливой. Самым главным, что от него требовалось, было стать тем, кем хотела его видеть Дебра.

Его резкий шепот прорезал тишину ночи: «Не испохабь все».

IX

– Господин Берк, Пилот хочет видеть вас немедленно.

Шутливо отдав честь, Диллон дал понять, что услышал, что крикнул ему секретарь с порога, проходя мимо его кабинки, которую он делил вместе с тремя другими «чертежниками». Отшвырнув карандаш и закрыв рот кулаком, он смог выругаться, не обращая внимания на взгляды, которые украдкой бросили на него сослуживцы.

Диллон поднялся и рывком снял пиджак со спинки стула. Не расправив засученные рукава рубашки, он сунул руки в пиджак и вышел из кабинета. Одного из сотен кабинетов, которые составляли обширный комплекс, принадлежащий „Пилот Инжиниринг Индастриз“ в Таллахасси. Название компании вводило в заблуждение, так как оно не имело ничего общего с авиацией. Строительная инженерная фирма была названа в честь ее основателя и главы компании Фореста Дж. Пилота. Говорили, что он происходил от пресловутого Понтия Пилата и унаследовал склонность своего предка к распятиям.

Сегодня, видно, настала очередь Диллона Берка быть распятым.

– Он сейчас вас примет, господин Берк. Пожалуйста, посидите. – Секретарша Фореста Дж. Пилота кивнула на стул в приемной перед внутренним святилищем.

Диллон воинственно плюхнулся на стул. Он был зол на свое вчерашнее поведение. Вероятно, кто-то из шпионов Пилота донес ему об устной критике Диллона. Пилоту не нравилось неудовольствие среди сотрудников. В идеале армия трутней должна усиленно работать в предназначенных для них помещениях и не высказывать вслух своего мнения о руководстве. До вчерашнего дня Диллон придерживался этого неписаного правила.

Сначала он чувствовал себя счастливым, что его взяли на работу в „Пилот Индастриз“, которая была хорошо известна на всем Юго-Востоке. Ни он, ни Дебра ничего не имели против переезда. Это было как бы продолжением медового месяца. Начальная зарплата была не такой уж большой, но Диллон был уверен, что быстро сможет добиться ее увеличения. Он был убежден, что как только начальство заметит его потенциальные возможности, они захотят удержать его и осчастливить, вместо того чтобы отпускать к конкурентам. Он предвидел головокружительный подъем на самый верх.

Но все пошло совсем не так. Компания наняла на работу десятки молодых инженеров прямо после окончания колледжа. Никто не смог продвинуться. И Диллон не вышел в первую десятку и не зарабатывал больших денег. Дебра уверяла его, что вполне счастлива, хотя Диллон знал, что ей не хватает той роскоши, которой окружал ее отец. Она заслужила лучшего, чем их темноватая однокомнатная квартирка.

Время, казалось, остановилось для него. Каждый день он

становился все более нетерпеливым. Ему так много хотелось совершить, а в компании „Пилот Инжиниринг Индастриз“ он не мог ничего сделать. Если бы уровень безработицы не был так высок, Диллон уже давным-давно бы ушел. Но не найдя лучшего, он не мог позволить себе потерять эту работу.

Звонок на столе секретарши зазвонил.

– Вы можете войти, господин Берк, – сказала она с холодной вежливостью.

Диллон поправил галстук, подходя к страшной двери. Потом решительно толкнул медную ручку двери.

Пилот отложил в сторону чертеж, который изучал, и поглядел на Диллона поверх серебряной оправы очков, кивком указав на стул на другой стороне своего стола. Диллон не дал себя запугать таким взглядом. Он ждал. Наконец Пилот сказал:

– Я слышал, вам у нас не нравится, господин Берк?

Если все шло к тому, чтобы его уволить, терять было нечего, он мог быть откровенным. Пошел бы ты, Форрест Пилот, куда подальше, если тебе не понравится то, что Диллон собирается сказать. Он знал, что Дебра будет первая защищать его, если он скажет все, что у него на уме.

– Совершенно верно.

– Я хочу, чтобы мои сотрудники были счастливы. Это создает более благоприятную обстановку для работы.

– Я вовсе не хочу показаться сотрясателем основ. Я увидел нечто такое, что мне не понравилось, и высказал свою

точку зрения, вот и все.

Пилот снял очки и медленно протер их льняным носовым платком.

– Почему вас должно расстраивать, что господина Грейсона назначили ответственным за выполнение проекта медицинской клиники?

– Я не был расстроен, я был взбешен. Это я подал официальное заявление своему начальнику о проекте. Он заверил меня, что вы получите это заявление.

– Я его получил.

– Ах так! Тогда понятно. Вы предпочли не меня, а Грейсона.

– Просто Грейсон работает в компании уже десять лет. Вас же мы приняли только в прошлом году, сразу после окончания Технического колледжа Джорджии. Ваши оценки и список работ, которые вы нам представили, были достаточно убедительны, чтобы взять вас на работу. Но вы все еще новичок. – Он широко развел руками. – У господина Грейсона больше опыта.

– А у меня больше таланта.

Нескромная искренность Диллона удивила старика. Он коротко рассмеялся.

– И, как кажется, много мужества.

– Когда вы меня нанимали, – продолжил Диллон, – то обещали возможности для настоящей работы. Да мне надо три таких клиники, чтобы наверстать то, что у меня отобрали ку-

да менее грамотные специалисты. И я, честно говоря, уверен в том, что они действительно менее грамотные. Ваша система продвижения никуда не годится, господин Пилот. Усердная работа и талант должны поощряться, а не подавляться в тех маленьких стеклянных кабинках, которые вы называете кабинетами.

– Господин Берк...

– Я инженер и хочу строить. Когда другие мальчишки рисовали машины и бомбардировщики, я рисовал дома будущего и пытался представить, как построить их.

Разволновавшись, Диллон встал и начал расхаживать из угла в угол.

– То, что я сейчас делаю там, – сказал он, указывая рукой на дверь, – я делал на первом курсе в колледже на занятиях по проектированию.

– Некоторые считают даже работу чертежника в компании „Пилот Инжиниринг“ лакомым кусочком.

– Сидеть весь день за чертежным столом в ожидании пяти часов, когда прозвенит звонок, в моем представлении не творческая работа. Через несколько лет все чертежи будут, выполнять компьютеры, а чертежники станут операторами.

Пилот откинулся на спинку стула.

– Каково же ваше представление о творческой работе, господин Берк?

– Работа с архитекторами, подбор субподрядчиков, надзор за исполнением всего проекта. Я хочу быть там с самой

первой лопаты вынудой земли и до того момента, как будет
ввернута последняя лампочка.

– Значит, я вас не устраиваю?

Хотя Диллон и ожидал такого окончания, но когда услышал эти слова, был потрясен. Боже мой, о чем он думал, когда довел себя до такого положения, из которого не было выхода? Что он собирается делать? Как он собирается содержать себя и свою жену?

– Вот и первая лопата.

Диллон моргнул глазами, чтобы лучше разглядеть Форреста Дж. Пилота.

– Простите, сэр?

– Металлические конструкции почти уже были смонтированы, когда проект был законсервирован из-за плохого руководства. Сядьте, господин Берк. – Когда Диллон сел, он продолжил. – Пока вы поливали меня грязью за то, что я не назначил вас на проект медицинской клиники, я рассматривал вашу кандидатуру для другого.

Диллон судорожно сглотнул, но из осторожности промолчал.

– Вы напрасно полагаете, – сказал Пилот, – что ваша работа и ваши организаторские способности остались незамеченными. У меня есть нюх на яркий, честолюбивый, молодой талант. Как вы заметили, некоторые люди вполне удовлетворены однообразной работой, другие – нет. Вы – из других. К сожалению, только честолюбия, молодости и таланта

недостаточно, чтобы добиться успеха. Необходимы еще терпение и самодисциплина. Я должен был бы уволить вас за вашу наглость. Но не сделаю этого. В первую очередь потому, что вы слишком ценный работник, чтобы отдать моим конкурентам. И еще потому, что дело, которое я хочу поручить вам, требует человека с характером, способного быть жестким, если это потребуется. Думаю, наступило время спросить, подходит ли вам тот проект, который я предназначал для вас.

Диллон постарался сохранить достоинство.

– Естественно, мне очень интересно.

– Перед тем, как переходить к делу, я должен предупредить, что у этой работы есть существенный недостаток.

„Конечно, – подумал Диллон с ужасом, – этот дьявол всегда возьмет свое. За чем-то хорошим всегда следует что-то плохое“. Это была диллоновская версия закона Ньютона, система космического счетчика очков с балансами и противовесами. Однако любое движение лучше застоя, лучше возвращения в стеклянную кабинку к чертежной доске.

– Я согласен взяться за что угодно, господин Пилот.

В этот вечер Диллон принес домой букет цветов, буханку свежее испеченного хлеба и бутылку вина.

– По какому случаю? – спросил Дебра, задыхаясь, едва он выпустил ее из рук после долгого поцелуя.

– Что на ужин?

– Гамбургеры. А что?

– Хорошо. Потому что я принес красное вино.

– Мне кажется, ты уже приложил по пути домой, – сказала она, принюхиваясь. – Ты ведешь себя очень странно. Муж, который приносит подарки в первый год после женитьбы, так же подозрителен, как Троянский конь. У тебя есть кто-то на стороне?

– Совершенно верно. – Он положил руки на ее зад и пригнул к себе. – Самая сексуальная особа, родом из Атланты.

– Неужели это я?

– А кто же еще, сладкая моя? Итак, – сказал он с похотливой улыбкой, – хочешь заняться любовью?

– Угу!

Они наперегонки понеслись в спальню, сбросили с себя все. После, пока Дебра отдыхала, лежа на смятых простынях, Диллон выскользнул из комнаты и вернулся с подарками. Разложив их перед ней, он спросил:

– Что общего между этими тремя вещами?

– Это взятки.

– Оригинально. Попробуй еще раз.

– У тебя, должно быть, был восхитительный день на работе. Что происходит?

– Мне придется поискать другую для развлечений или?..

– Хорошо, хорошо. Цветы, вино и хлеб... – Она размышляла. – Это имеет какое-то отношение к спорам и плесени, что-то в этом роде?

Он покачал головой.

– Важны не столько цветы, сколько ленточка вокруг них.

– Красная, белая и синяя полосы. – Дебра начала петь. –

Моя страна...

– Другая страна, чьи цвета тоже красный, белый и синий.

– Англия?

– Нет.

Она взяла бутылку вина и прочитала этикетку. Затем, поднимая вопросительный взгляд на Диллона, спросила:

– Франция?

Он расплылся в широкой улыбке.

– Поздравляю, барышня. Вы выиграли первый приз.

– Какой?

– Два года, а может быть, больше, в Париже!

– Диллон?

– Точнее, под Парижем – в Версале. Там еще есть дворец.

Я думаю, ты не против пожить в пригороде?

Дебра взвизгнула.

– Диллон, о чем ты говоришь?

Он рассказал ей о работе, которую предложил Пилот.

– Это для международной страховой компании. Они строят новый комплекс офисных зданий для своей европейской штаб-квартиры. Фирма-подрядчик оказалась некомпетентной, и работу приостановили, пока не найдут более подходящую.

– Пилот предложил свой проект?

– Да. Теперь Пилоту нужен способный инженер, чтобы поехать туда и довести проект до ума.

– И Пилот выбрал тебя?

Диллон развел руки в стороны и изобразил мученика на кресте. Дебра бросилась на него. Он повалился назад, потянув ее за собой. Они раздавили батон хлеба.

– Похоже, он считает, что жить во Франции – это минус, – сказал Диллон. – Он даже не представляет себе, что моя жена только и мечтает поехать во Францию и усовершенствовать свое знание языка.

– Ты сказал ему это?

– Не такой я дурак. Я сделал недовольный вид, что придется жить за границей. Потом сказал, что если и соглашусь на эту работу, то только за более высокую плату.

– Что он ответил?

– Прибавил сотню долларов в неделю!

В порыве восторга они вновь занялись любовью. Гамбургеры, купленные к обеду, были заменены смятой буханкой хлеба и тепловатым вином. Съев последнюю крошку хлеба и осушив последнюю каплю вина, они улеглись на разбросанные и сломанные цветы, в полудреме обсуждая свое солнечное будущее.

Перед отъездом было полно хлопот. Надо было получить паспорта и визы, попрощаться с готовыми заплакать родственниками, успеть переделать кучу других дел. Все это,

конечно, легло на Дебру, так как Диллон погрузился в изучение незаконченного проекта. Он был полон желания приступить к работе и вылетел во Францию первым, чтобы все подготовить и через три недели встретить Дебру в аэропорту „Шарль де Голль“.

Пройдя таможенный контроль, она бросилась к нему в объятия. Они крепко прижались друг к другу. Пока Диллон вел ее через многолюдные залы международного аэропорта, он твердил о том, что скучал без нее.

– Ты не обманешь меня, Берк, – поддразнивала она, когда они вышли к автостоянке. – Ты, наверно, со счета сбился со своими французскими любовницами за эти три недели.

Смеясь, он подвел ее к машине.

– Это наша? – спросила Дебра удивленно.

– Боюсь, что да.

– Такая маленькая?

– При здешнем движении только с такой машиной и можно выжить. Надо стараться протиснуться между машинами, иначе застрянешь надолго.

Она сравнила размер кабины с длиной ног Диллона.

– Ты там помещаешься?

– Слегка тесновато, поэтому должен тебе кое в чем признаться, – сказал он мрачно. – Я больше не могу делать детей.

Дебра протиснула руку ему между ног.

– Работает. А остальное пока не важно.

Диллон на мгновение был шокирован такой интимностью

на людях, но она напомнила ему, что они во Франции и что французы известны своей терпимостью к влюбленным.

Он извинился за их квартиру на третьем этаже с лифтом, которому он не доверял и потому запретил ей пользоваться. Дом представлял собой узкое, продуваемое сквозняками здание. На каждом этаже было по четыре квартиры.

– Это было лучшее, что я мог найти, – сказал Диллон со вздохом, распахивая перед ней дверь. – Здесь все так дорого.

То, что он считал устаревшим и неудобным, Дебра называла оригинальным и очаровательным.

– У нас есть балкон! – закричала она, бросаясь к окну и открывая ставни.

– Но отсюда не очень хороший вид.

Балкон выходил на грустный, заброшенный внутренний двор. Однако через несколько недель на балконе уже цвели примулы, которые Дебра посадила в ящиках. Она закрыла трещины на стенах красочными рекламными плакатами, а из простыней сделала чехлы, чтобы скрыть потертость мебели. Вскоре квартира стала для него настоящим домом. Диллон не променял бы его на Версальский дворец, до которого было рукой подать.

По субботам и воскресеньям истинные парижане выезжали на природу, оставляя город туристам типа Берков. Они не пользовались машиной и разъезжали на метро. Вскоре они прекрасно ориентировались в системе станций на различных уровнях. Как изголодавшиеся гурманы, ощутившиеся на пи-

ру, они поглощали все французское, влюбились в достопримечательности, запахи и звуки „столицы мира“. Диллон и Дебра облазили музеи, парки и все исторические здания, обнаружили уютные кафе, где даже с американцев брали умеренную плату за вкусные блюда. Они уединялись в соборах с цветными витражами, но не для молитв, а для поцелуев. Знаменитые американские сосиски меркли по сравнению с теми» что им подавали на Монмартре, рядом с прелестными картинами.

Берки отправились в винодельческий район праздновать первую годовщину свадьбы и пробовали местные вина до тех пор, пока не захмелели. Они ночевали в маленьких гостиницах, где перины были огромными и роскошными, наслаждались тонкими соусами в уютных обеденных залах.

Но в их раю был змий.

Его звали Хаскел Сканлан. Диллон был инженером по надзору за строительством, Хаскел же занимался хозяйственными вопросами: заработной платой, закупками и учетом. Они познакомились в Таллахасси. Диллон надеялся, что его первое впечатление о человеке изменится, когда они окажутся во Франции. Ради Дебры он готов был подружиться с Хаскелом и его женой.

К сожалению, Хаскел Сканлан и во Франции остался таким же занудой, каким был на родине. Строители его терпеть не могли. Безжалостный табельщик, он штрафовал их, даже если они опаздывали на какие-нибудь тридцать секунд. Ко-

гда бригадир подошел к Диллону с вопросом о повышении зарплаты, инженер передал эту, как он считал, вполне справедливую просьбу Хаскелу Сканлану, однако тот решительно отказался даже думать об атом.

– Слушай, дай им прибавку! – закричал Диллон после получаса бурных споров.

– Через совет?

– Через совет.

– Это подтолкнет их к новым требованиям через некоторое время.

– Иди ты к черту, Хаскел! Они просят прибавить всего лишь 20 центов в час.

– А ты умножь. Получается кругленькая сумма.

– Хороню. Прибавь 10 центов в час. Это покажет наше хорошее отношение и будет стимулом, чтобы они остались у нас. От нас ушли двое хороших плотников на прошлой неделе. Им дали больше на строительстве стадиона.

– Двум плотникам нашли замену.

– Но на собеседование с ними и оформление их на работу потеряно несколько дней из моего рабочего графика. Я не люблю терять время. По графику здание должно быть сдано будущим летом. Я бы хотел закончить его к ранней весне.

– Зачем?

– Потому что Дебра беременна. Несмотря на то, что нам здесь очень нравится, я бы хотел, чтобы ребенок родился на родине.

– Личные интересы не должны мешать интересам компании.

– Пошел ты...

Хаскел только сплюнул.

– Можешь выразаться, если это улучшает твоё самочувствие. Уверяю тебя, это не изменит моего мнения.

Диллон продолжал сыпать ругательствами и дальше, при этом более грубыми, пока наконец вопрос не был решен.

– Я не хочу давить на него, – сказал он Дебре вечером за ужином. – Но это ужасно мелочный тип, который не видит ничего, кроме итоговой нижней строки. По-моему, он совершенно не способен понять, что чем скорее мы закончим строительство, тем больше денег мы сэкономим для компании.

– Может быть, нарушение субординации оправдано, – сказала Дебра. – Ты не можешь добиться результативной работы, если постоянно споришь с человеком, который тебе завидует.

– Завидует?

Как-то Хаскел и его жена ужинали у них по приглашению Дебры, поэтому она имела возможность посмотреть на него.

– Диллон, будь реалистом. У тебя есть все, чего бы он хотел. Ты – высокий, сильный, мужественный, а он – бледный, маленький, слабенький. Несмотря на языковой барьер, ты находишь общий язык с рабочими, а над ним они смеются. Ты же мне сам говорил, что они называют его по-французски

«засранцем». Я думаю, что даже жена не любит его. Диллон скривился, неохотно соглашаясь.

– Может быть, ты и права. Но между постановкой проблемы и ее решением большая разница.

– Позвони Пилоту. Поставь этот вопрос.

– Выдвинуть ультиматум – Хаскел или я? – Он покачал головой. – Я не хочу так рисковать. Хаскел работает в компании дольше меня, а для Пилота стаж имеет большое значение. Если он выберет Хаскела, я не смогу закончить строительство. Помимо того, что мне нужна эта работа, я хочу увидеть здание законченным для собственного удовлетворения.

Через неделю от Диллона ушли двое монтажников. Он вышел из себя, когда Хаскел отказался выделить средства для прибавки.

– Они просто пытаются шантажировать тебя.

– Пошел к черту! – Диллон покинул контору, чтобы не двинуть кулаком по физиономии Хаскела. Он решил, что ничего не остается, как позвонить Пилоту.

Пилоту это не понравилось.

– Я совершенно уверен, что это не мое дело – заниматься персональными конфликтами между вами, специалистами.

– Сожалею, что вынужден беспокоить вас по этому поводу. Но если Хаскел и дальше будет доводить экономию до абсурда, мы потеряем всех квалифицированных рабочих. Я буду вынужден нанять не лучших. Думаю, что ни вы, ни я не

хотим этого, господин Пилот, не так ли?

Пауза затянулась, в трубке был слышен только треск. Наконец Пилот ответил:

– Передайте ему, что я разрешаю десятицентовое повышение через совет.

– А пятнадцатичентовое?

– Двенадцать и не больше, Берк. И не втягивайте меня в эти дразги. Я поставил вас руководить проектом, вот и руководите!

Пилот повесил трубку так быстро, что Диллон даже не успел поблагодарить его. Что ж, это к лучшему. Иначе могло показаться, что Пилот оказывает ему услуги, вместо того чтобы проявлять здоровое деловое отношение.

Хаскел Сканлан воспринял это по-своему.

– Так ты побежал жаловаться папочке? – язвительно спросил он, когда Диллон сообщил ему о разговоре с Пилотом.

– Просто я сказал ему, что так будет лучше для проекта.

– Да, конечно, – ответил Хаскел злобно. – Пилот видит в тебе себя в молодости. Под позолотой успеха он такой же наглый и грубый, как ты. Гордится тем, что сам себя сделал. Не думай, что ты выиграл, просто ты попал в струю самолюбия шефа.

Добившись в конце концов своего, Диллон не раздумывал над словами Хаскела. Дела на стройплощадке шли своим чередом, и в эти осенние месяцы рабочие от Диллона больше не уходили. Они знали, что это он добился прибавки для них.

Рабочие ценили в нем то, что он помнил их имена, умел рассказать неприличный анекдот, чувствовал, когда можно вмешиваться в их споры, а когда нет. Он не требовал от них того, чего не требовал от себя, принимал рискованные решения, оставался работать после окончания смены, обедал вместе с ними. Он заслужил их уважение, тесно общаясь с ними, а не противопоставляя себя.

Диллон старался вникать в каждую мелочь на стройке: знал каждую заклепку, каждую кабель, каждый кирпич, а не отсиживался в своем вагончике. Он контролировал каждую стадию строительства.

Его высокие требования привели к очередной стычке с Хаскелом Сканланом.

– Что это, черт возьми? – Диллон держал в руке кусок электрического провода. Несчастный электрик, на которого Диллон случайно наткнулся, осторожно бросил взгляд на группу рабочих, наблюдавших это, и, видя, что никто не собирается прийти ему на помощь, начал что-то быстро объяснять по-французски.

Диллон не понял ни слова. Он потряс куском провода перед носом рабочего.

– Это не то, что я заказывал. Где ты это взял?

Один из электриков немного знал английский. Он тронул Диллона за рукав, тот сердито повернулся лицом к нему.

– Что?

Рабочий указал на сложенные катушки с проводами. По-

сле их быстрого осмотра Диллон обратился к рабочим, которые прекратили работу.

– Не укладывайте больше это дерьмо. Понятно? – Рабочий, выступавший переводчиком, передал это распоряжение остальным.

Взвалив одну из тяжелых катушек на плечо, Диллон спустился на подъемнике на первый этаж, затем протиснулся в дверь вагончика. Хаскел, сидевший за компьютером, подпрыгнул от неожиданности. Увидев Диллона с катушкой, он нахмурился из-за его бесцеремонного вторжения.

– Я хочу знать, что это, черт подери? – Катушка с грохотом легла на стол Хаскела. Он оттолкнул свой стул на колесиках от стола.

– Что ты себе позволяешь? – закричал он. – Убери это с моего стола.

Диллон положил руки на обе стороны металлической катушки и нагнулся вперед.

– Послушай меня, ты, дерьмо! Я заставлю тебя сожрать весь этот поганый провод, если ясно не объяснишь, почему ты не закупил тот, который был мною указан в требовании несколько месяцев назад. У тебя на это десять секунд.

– Провод, который ты заказал, и в три раза дороже, чем этот, – сказал Хаскел, вернув самообладание.

– Провод, который я заказал, в три раза лучше и в три раза надежнее.

– Этот соответствует местным строительным нормам.

– Но не отвечает моим, – процедил Диллон сквозь зубы.

– Если бы я знал, что он не подходит...

– Ты ни хрена не знаешь! Это здание будет напичкано сложной электроникой. Чтобы избежать аварий, необходимо проложить самый лучший провод.

Диллон схватил телефон и бросил его на колени растерявшемуся бухгалтеру.

– Садись своим тощим задом на телефон и размести тот заказ, что был сделан мною с самого начала! Материалы должны быть доставлены не позднее завтрашнего дня, или же я пришлю всех электриков, которые из-за тебя будут простаивать, плясать на твоём столе.

Телефон с треском упал на пол, когда Хаскел встал со стула.

– Ты не имеешь права так со мной разговаривать!

– Приходится. – Диллон кивнул в сторону телефона. – Ты зря тратишь время. Работай!

– Я не буду. В мою задачу входит снижение расходов.

– Согласен, пока это не ухудшает качество работ. В данном случае ухудшает.

– Провод, который я заказал, соответствует местным государственным нормам надежности.

– А в соответствии с нормами Диллона Берка – это хлам. Я не буду устанавливать его в моем здании.

– В твоём здании? – переспросил Хаскел с самодовольной улыбкой.

– Закажи провод, который мне нужен, Сканлан.

– Нет.

Диллон ценил доброжелательные отношения и старался избегать столкновений, как только мог. Но он не собирался снижать требования на своем первом объекте. Не хотел и обращаться к Пилоту. Пилот уже сказал ему, чтобы он сам руководил.

– Либо ты садишься на телефон, либо ты уволен.

Узкий подбородок Хаскела отвис.

– Ты не можешь меня уволить.

– Почему это, черт возьми?

– Ах, так. Посмотрим, что на это скажет господин Пилот.

– Посмотрим. А пока считай, что я снял тебя с объекта. И если ты не хочешь, чтобы я выбил из тебя дурь, держись от меня подальше, пока не уберешься совсем.

Врагом Дебры была скука. Первые несколько месяцев во Франции она занимала себя тем, что украшала квартиру, сообразно с их скромным бюджетом, и довольно преуспела.

Они обсуждали с Диллоном, стоит ли ей пойти работать. Но это было невозможно: не было вакансий для учителей в английских школах, а владельцы магазинов предпочитали нанимать своих соотечественников, а не американцев. Поэтому Дебра убивала время, читая, гуляя по узким причудливым улочкам и описывая свою жизнь в длинных письмах к многочисленным родственникам. Хотя она старалась скры-

вать это от Диллона, но стала тосковать по дому. На нее напала апатия. Нужно было как-то предотвратить депрессию.

Беременность омолодила Дебру. У нее не было никаких неприятных, неизбежных в ее положении ощущений, и она клялась, что никогда не чувствовала себя лучше. Она была полна энергии. Каждый день они с Диллоном восхищались малейшими изменениями в ее теле. Эта новая близость углубила их любовь.

Чтобы как-то убить время до рождения ребенка, Дебра записалась в кулинарный кружок, занятия в котором проходили совсем рядом с их домом. В кружке было четыре женщины и двое мужчин, все пенсионного возраста. Все вместе с бабушкой-поваром они суетились вокруг Дебры, как наседки. С началом занятий она проводила дни либо в кружке, либо на крошечной кухне, где готовила то, чему научилась, либо в хождениях по близлежащим рынкам, покупая необходимые продукты, чтобы потом проверить свои кулинарные способности на Диллоне. Она возвращалась домой, нагруженная покупками, и поднималась вверх на том подозрительном лифте, которым Диллон запретил ей пользоваться.

В тот день она чуть было не попала, так как пришла домой буквально за несколько минут до возвращения Диллона. Он сейчас же обнял ее и крепко поцеловал в холодные губы. Затем, улыбаясь, сказал:

– Поехали в Швейцарию?

– В Швейцарию?

– Ты что, не знаешь, что это одна из стран, которая граничит с Францией? Козы и Хейди, Альпы и снег, йо-до-ла-ди-хо!

– Да знаю я Швейцарию! Помнишь, как мы провели субботу и воскресенье в Женеве?

– Там в нашей комнате было зеркало на потолке.

– Так ты и это помнишь?

– Как же я мог забыть? – проворчал Диллон, вновь потянувшись к ней. Их губы слились в поцелуе.

– Нам не нужно зеркало на потолке, – прошептала Дебра, когда они наконец отпустили друг друга.

– Но я должен уехать из города и отпраздновать.

– Отпраздновать что?

– Сегодня я уволил Хаскела Сканлана.

Улыбка Дебры пропала.

Диллон рассказал ей, что произошло.

– Мне чертовски не хотелось идти на конфликт, но он меня вынудил. – Он взгляделся в обеспокоенное лицо. – Ты считаешь, что я поступил неправильно?

– Я считаю, что ты поступил совершенно правильно. К сожалению, мое мнение не имеет того веса, которое имеет мнение самого Пилота.

– Именно поэтому я хочу сегодня уехать в Швейцарию. Если он согласится с моим решением, мы проведем эти дни в Альпах. Если отменит, мне придется уйти из принципа, и в таком случае мы больше не сможем позволить себе поездку

в Швейцарию. А если он уволит меня, ехать все равно стоит. Поэтому, пока я еще не лишился заработка и чувствую себя превосходно, пошлем все к черту и уедем.

Они сели на экспресс до Лозанны, затем пересели на другой, до Церматта. Они шутили со студентами, болтали с бабушкой из Монтре, которая вязала шапочку для своего десятого внука, поедали припасы, которые Дебра предусмотрительно взяла с собой.

Диллон пил крепкое красное вино из бутылки, которую предложил ему один из студентов, но отверг затяжку марихуаны. Когда парочка напротив начала целоваться, Диллон и Дебра спросили друг друга, а почему бы и нет. И целовались, пока не уснули.

В Церматте Диллон катался по очень крутым склонам. Беременность Дебры не позволяла ей этого, поэтому она утешала себя прогулками по магазинам и разглядывала толпы богатых туристов. Вместе с Диллоном они покатались на санях, запряженных лошадью, объедались сырным фондю, плотным темным хлебом, белым вином и швейцарским шоколадом.

На обратном пути в поезде Диллон прижал ее к себе и положил ее голову себе на плечо.

– Это был наш настоящий медовый месяц.

– Чем тебе не понравилась наша поездка на Бермуды?

– Нет, все было прекрасно. Но тогда ты была только моя молодая жена. Сейчас ты моя настоящая жена. – Он просу-

нул руку под ее пальто и положил ее на большой живот Дебры. – Я люблю тебя.

Пока они ждали в Лозанне, чтобы пересесть на другой поезд, Дебра купила пачку аспирина.

– Что случилось?

– У меня болит горло.

Остаток пути до Парижа она спала урывками, все время просыпалась от боли.

– Больно глотать, – жаловалась она. Диллон приложил руку к ее лбу.

– Ты вся горяишь. Выпей еще аспирина.

– Не хотелось бы, пока не поговорю с врачом. Может быть, это не очень хорошо для ребенка.

Когда они добрались до Парижа, Диллон был уже не на шутку встревожен, хотя Дебра и уверяла его, что горло заболело только из-за горного воздуха.

Проявляя чудеса ловкости, Диллон пробирался сквозь утренние автомобильные пробки, чтобы скорее привезти ее к врачу-акушере. Они подъехали к его кабинету как раз к началу приема. Медсестра заботливо провела Дебру в смотровой кабинет и попросила Диллона подождать в холле. Ему это не понравилось, но он ждал. Ожидающие приема пациенты отводили от него глаза, и он понял, что, наверное, выглядит как бродяга: он не брлся за время поездки и совсем не мог спать в поезде. Наконец его пригласили в кабинет врача.

– У мадам Берк очень плохое горло, – сказал доктор по-

английски с сильным акцентом. – Я... – Он жестом показал, что что-то вытирает.

– Он взял мазок на анализ, – сказала Дебра, корчась от боли.

– Стрептококк? – спросил Диллон. – Пожалуйста, не обижайтесь, доктор Готье, но если это так серьезно, может, вы порекомендуете какого-нибудь специалиста?

– Я согласен, – ответил врач, быстро кивнув. – Давайте подождем результатов лабораторных анализов. Мы будем это знать завтра с утра.

– Я уверена, все будет хорошо, – Дебра успокоила взволнованного мужа. – Он прописал антибиотик. Я полежу сегодня в постели и разрешу тебе заботиться обо мне.

Диллон постарался ответить ей улыбкой, но не смог: она выглядела такой больной, что он не мог скрыть тревогу. Дома, уложив ее в постель, он побежал за лекарством в ближайшую аптеку, расположенную в двух кварталах от них. Дебра выпила таблетку и чашку чая, потом погрузилась в глубокий сон.

Только тогда Диллон вспомнил, что должен позвонить на стройплощадку. Он поговорил с бригадиром, которого еще в пятницу, перед отъездом, назначил вместо себя временно руководить строительством. Француз заверил, что все будет хорошо, и уговорил остаться с больной женой дома. Весь долгий день Диллон сидел у постели Дебры, время от времени засыпая на стуле, и будил ее только тогда, когда было

необходимо принять лекарство.

Несмотря на жар и плохое состояние, она ухитрилась шутить, когда он носил ее в туалет.

– Хорошо, что это не случилось на девятом месяце. Тогда б ты не смог поднять меня.

На ужин Диллон съел бутерброд, но не смог уговорить Дебру съесть еще что-нибудь, кроме чашки мясного бульона.

– Мое горло немного лучше. Я просто очень слаба. Мне нужно спать. Тебе это тоже не повредит, – сказала она, проведя рукой по его колючей щеке.

Дав Дебре лекарство, он разделся и лег рядом с ней. Измученный, он сразу же заснул.

В середине ночи Диллон проснулся. Напрягая зрение в темноте, посмотрел на часы на ночном столике: пора было давать Дебре таблетку. Он включил свет.

И вскрикнул.

Губы Дебры были синими, она лежала не двигаясь.

– О Господи! Дебра! Дебра! – Перебросив ногу через нее, он сел на кровати и припал ухом к груди. Всхлипнув от облегчения, Диллон услышал, что ее сердце бьется. Но очень слабо. Она едва дышала.

Диллон вскочил с кровати, лихорадочно натянул одежду, не застегиваясь, сунул голые ноги в кроссовки. Подняв Дебру на руки вместе с одеялом, он помчался по лестнице. Вызвать «скорую» или самому отвезти ее в больницу? В конце концов Диллон выбрал последнее, решив, что потеряет вре-

мя, пока будет искать и набирать номер телефона и потом объяснять на своем скверном французском положение. Может быть уже поздно.

– Господи, нет, нет! – Сильный ветер сорвал слова у него с губ по пути от дома к машине. Он положил Дебру на переднее сиденье, и опять его голос срывался в торопливой молитве.

Диллон приблизительно знал, где находится ближайшая больница, и рванул в том направлении. Колеса визжали по мостовой, эхо отзывалось в молчаливых зданиях, когда машина кренилась на поворотах. Он вел машину одной рукой, в другой массировал запястье Дебры. Он продолжал повторять, что не простит себе, если она умрет.

Врачи «неотложки» сразу поняли серьезность положения и увезли Дебру на каталке Диллон должен был бежать, чтобы догнать их. На двери были написаны слова, которых он не понимал, его остановили люди, что-то говоря, но Диллон их не понимал. Он сопротивлялся, пытаясь идти за каталкой. Наконец его силой отвели в приемную, где говорящая по-английски медсестра пригрозила выгнать его из больницы, если он не успокоится.

– Успокоиться? – закричал он хрипло. – У меня жена умирает, а вы хотите, чтобы я успокоился? Я хочу быть рядом с ней!

Она твердо стояла на своем и в конце концов вытянула из него все необходимые данные для заполнения медицинского

бланка. Оставшись один, Диллон шагнул из угла в угол, пока не устал настолько, что без сил рухнул на стул.

Он опустил голову и, сжав ее руками, начал молиться богу. Он не был уверен в его существовании, но, что удивительно, не доверял ему. Чего еще это неумолимое божество может потребовать от него? Разве он уже не отнял достаточно? Всех, кого Диллон любил: родителей, бабушку, воспитателя в исправительной школе, проявившего особую заинтересованность в нем.

Его сглазили! Люди, осторожно! Если вы любите Диллона Берка, вы умрете.

– Нет, нет, – простонал он. – Только не Дебра. Пожалуйста, только не Дебра. Не забирай ее, жадина.

Он торговался с невидимой силой, клялся пожертвовать всем, если она пощадит Дебру. Он обещал вести праведную жизнь, накормить голодных и одеть голых, клялся никогда больше ничего не просить, если ему будет оказана эта милость.

– Позволь ей жить!

– Месье Берк?

Диллон резко поднял голову. Врач стоял в нескольких шагах от него.

– Да? Моя жена? Она?..

– С ней будет все хорошо.

– О Господи, – всхлипнул Диллон, откинув голову на холодные плитки стены приемной. – О Господи.

– У нее была аллергическая реакция на антибиотик, который прописал ей доктор Готье. Это не его вина, – добавил он быстро. – Мы проконсультировались с доктором Готье. В ее медицинской карте, присланной из Соединенных Штатов, не было ничего сказано о том, что у нее аллергия на такое...

– Послушайте, я не собираюсь никого обвинять, – перебил его Диллон, вставая. – Дебра жива и выздоровеет. Это все, что меня беспокоит.

Диллон почувствовал облегчение, но его ноги были как ватные. Все произошло так быстро. Жизнь так ценна и так хрупка... Миг – и ее нет... Нужно ценить каждое ее мгновение, потому что никогда не знаешь, когда наступит конец. Он должен запомнить это. Он должен будет рассказать Дебре о своем открытии. Они сделают это своей философией, будут следовать ей, передадут ее своим... Его счастливые мысли вдруг остановились.

– Доктор. – Диллон запнулся. Он знал, каков будет ответ, но должен был спросить. Его губы побелели, и в горле пересохло от страха. – Доктор, вы ничего не сказали о ребенке. С ребенком все нормально?

– Сожалею, месье Берк. Мы не могли ничего сделать, чтобы спасти ребенка. Он был уже мертв, когда вы привезли мадам Берк.

Берк смотрел на врача, не видя его. Он торговался с Богом за жизнь Дебры, но не обговаривал цену. Теперь он ее знал.

Х

Моргантаун, Южная Каролина, 1977

Доктор Митчелл Р. Хирон, декан по делам студентов и финансовой помощи Дэндер-колледжа в Моргантауне открыл папку с заявлением о приеме Джейд Сперри и протянул ей небольшой листок бумаги.

– Это ваш чек. Когда будете регистрироваться, отдайте его в бухгалтерию.

Она перевела взгляд с декана на лист плотной бумаги, который он протянул ей над своим заваленным бумагами столом. На фоне выгравированного изображения здания колледжа была написана ее фамилия. Джейд старалась сосредоточиться на цифрах, но не смогла этого сделать.

– Эта сумма для расходов на обучение, книги и прочие академические нужды, – произнес декан. – Вы будете оплачивать только жилье. Но администрация колледжа готова предоставить вам список квартир, которые можно снять недорого.

У нее так стучало в ушах, что она едва слышала его голос.

– Я... я не знаю, как и благодарить вас, доктор Хирон.

– Вы можете отблагодарить за все своим усердием. Учи-

тесь прилежно. Работайте с полной отдачей. Осуществите все, что вы себе наметили.

– Да, да, конечно. – Чувство радости и облегчения было в ее словах. Она стояла, совершенно ошалевшая от счастья. – Спасибо! Вы никогда об этом не пожалеете. Вы...

– Мы рады принять вас, мисс Сперри. Я надеюсь, что вы станете лучшей студенткой колледжа. Он не очень большой, но мы чрезвычайно дорожим высокой репутацией среди учебных заведений и гордимся прилежанием и порядочностью наших студентов.

Обстоятельства вынудили Джейд отказаться от стипендии в университете штата Южная Каролина. Проработав почти год в большом магазине уцененных товаров в Саванне, она стала обращаться в другие университеты и колледжи с просьбой о финансовой поддержке. Сейчас она еще раз взглянула на чек, не веря тому, что это не сон...

На прощанье доктор Хирон встал и протянул ей руку.

– Я буду вам признателен, если вы зайдете ко мне после зачисления. Мне будет интересно узнать, какие предметы вы выберете для первого семестра. Мы стараемся следить за работой каждого студента.

– Обещаю, что зайду к вам. Еще раз спасибо. – И Джейд устремилась к двери. Открыв ее, она оглянулась и посмотрела на декана через плечо. – Ой, передайте огромное спасибо и членам стипендиальной комиссии тоже.

– Обязательно. До свидания, мисс Сперри.

– До свидания.

В длинном коридоре было пустынно и тихо. От радости Джейд захотелось так закричать, чтобы звук достиг высокого готического потолка. Однако она сдержала себя. Тем не менее побежала по коридору с большей поспешностью, чем того требовала строгость окружающей архитектуры.

Выбежав из здания, Джейд дала волю своей радости. Облокотившись на величественную колонну, она еще раз посмотрела на чек, затем, как скупой рыцарь, прижала его к груди, потом спрятала его в сумочку и вышла из-под прохлады портика на залитую вечерним солнцем улицу. Она показалась сейчас ярче и приветливей, чем когда Джейд с волнением входила в здание. Цветы вдоль аккуратных тротуаров прямо светились, небо было необыкновенно синим, а облака безукоризненно белоснежными. Джейд никогда раньше не обращала внимания, как красива зеленая трава. А может быть, трава возле Дэндер-колледжа была какой-то особой? Она чувствовала себя, как Дороти из «Волшебника страны Оз», которая из черно-белого мира была перенесена в мир ярких красок.

Джейд, пройдя сквозь настоящий ад, увидела, что в конце концов этот мир стоит того, чтобы за него побороться.

На колокольне часовни пробили часы в вестминстерском стиле. Джейд в это время пробежала мимо библиотеки. Ее охватило чувство радости и покоя, чувство, которого она не испытывала ни разу с тех пор, как подверглась насилию. Се-

годня у нее появилась возможность начать все сначала.

Машина никак не заводилась, а потом никак не желала ехать со скоростью более сорока километров, чтобы не подать сигнал перегрева. Она едва выдержала переезд из Саванны: дорога заняла несколько часов. Прибыв с Велтой накануне и остановившись в мотеле «Пайн Хевн», Джейд решила использовать оставшиеся часы этого дня, чтобы познакомиться с колледжем.

Его здания образовывали как бы центр городка, который показался Джейд очаровательным и непохожим на другие. Колледж был единственной местной достопримечательностью, а административное здание с куполом было единственным небоскребом. Вокруг колледжа расположился живописный квартал респектабельных зданий, где жили преподаватели. Торговый район Моргантауна был небольшим, но компактным и вполне достаточным для удовлетворения нужд города.

Где они с матерью будут жить? Смогут ли найти недорогую квартирку недалеко от колледжа, чтобы можно было ходить на занятия пешком и оставлять машину в распоряжении Велты? Осенний семестр начнется почти через месяц, а до этого нужно еще так много сделать. С чего начать – с поисков работы на неполный рабочий день или с поисков жилья?

Джейд поставила автомобиль у домика под № 3 и, слегка подсмеиваясь, поругала себя за то, что вечно о чем-то тре-

вожится. Сегодня она может позволить себе расслабиться и отпраздновать. Получение стипендии было первым шагом для достижения основной ее цели – добиться наказания для убийц Гэри.

Нил Патчетт, Хатч Джолли и Ламар Гриффит так же виновны в самоубийстве Гэри, как и в насилии над ней. И если когда-нибудь ее решимость добиться возмездия ослабевала, то было достаточно мысленно представить себе тело Гэри, болтающееся на той веревке. Жестокостью, предательством, ложью и подлостью Нил и его дружки довели Гэри до самоубийства.

И Джейд не успокоится, пока они не заплатят за свои преступления. Конечно, до этого еще далеко, это будет медленный и трудный путь, который может занять годы. Но она готова к этому. Благодаря доктору Хирону и его комитету она сделала первый шаг.

Джейд ожидала, что дверь домика будет заперта, и была удивлена, когда та распахнулась. «Мама, мне дали стипендию!»

Джейд вошла в маленькую, пропахшую затхлостью комнату. Кондиционер в окне работал вовсю, стараясь охладить воздух в помещении, но без особых результатов. Она тут же отметила про себя три вещи. У ног ее матери стоял уложенный чемодан. Человек, которого Джейд терпеть не могла, стоял с другой стороны чемодана. И Грэм, ее малыш, плакал в своей переносной колыбельке.

Джейд на секунду задержалась в дверях, стараясь понять, что могут означать уложенные чемоданы. Взгляд Велты выражал непоколебимую решимость и вызов. Беспокойные глаза мужчины всячески избегали взгляда Джейд. Она хотела потребовать объяснения, однако материнский инстинкт взял верх. Бросив сумочку на пол, она подошла к колыбели и взяла плачущего ребенка на руки.

Она прижала Грэма к щеке.

– Ш-ш-ш, мой хороший. В чем дело? Мама уже пришла. Все хорошо. – Джейд покачала его, пока он не затих, затем обратилась к матери. – Что он здесь делает?

Мужчину звали Харви. Это было не то имя, не то фамилия, Джейд точно не помнила. Она специально выбросила это из головы после того, как порвала его визитную карточку и бросила обрывки ему в лицо. Она заявила тогда, что если он сам не выйдет из послеродовой палаты, то она потребует, чтобы его вышвырнули. Хотя Харви и представился основателем и директором частного агентства по усыновлению, Джейд имела несколько другое мнение о его деятельности. К агентству по усыновлению он имел примерно такое же отношение, как торговец наркотиками – к фармацевту.

Его нашла Велта. Она заявила Джейд, что это наилучшая возможность освободиться от ее незаконнорожденного ребенка. Не советуясь с Джейд, Велта привела его в больницу на следующий день после рождения Грэма. Харви предложил ей несколько тысяч долларов за малыша.

– Белый новорожденный мальчик без всяких дефектов – это товар наивысшего спроса, – сказал он.

Тогда-то Джейд и подняла страшный шум и крик, такой, что переполошила всю больницу.

Джейд еще крепче прижала к себе Грэма, не сводя глаз с матери.

– Я говорила тебе еще задолго до его рождения, что никогда не откажусь от него и не отдам для усыновления. Я повторила это после его рождения. И не собираюсь менять своего решения. Скажи своему приятелю, чтобы он убирался, иначе я вызову полицию.

– Харви пришел сюда не из-за тебя или твоего малыша, – сказала Велта. Джейд посмотрела сначала на нее, потом на него.

– Тогда что он здесь делает? Откуда он узнал, где мы?

– Я позвонила ему вчера вечером и сказала, что мы здесь.

– Зачем?

Грэм заворочался в ее руках, но она не отпускала его. Несмотря на слова матери, Джейд боялась, что та может выхватить ребенка у нее из рук. К сожалению, несчастье не сблизило их. За последний год их и без того непростые отношения еще больше ухудшились. Стремление Джейд получить образование раздражало Велту. По ее мнению, единственным выходом из положения с незаконнорожденным ребенком было замужество.

– Давай вернемся в Пальметто, Джейд, – предложила она

как-то в начале лета. – По крайней мере мы будем изгоями, но в знакомом месте. Если бы ты действовала по отношению к ним не так беспощадно, я уверена, один из них признал бы Грэма своим и женился на тебе.

Джейд готова была ударить ее.

– Лучше всего, чтобы это был Нил Патчетт?

– Что ж, жить в его роскошном доме в тысячу раз лучше, чем в этой трущобе! – воскликнула Велта, разводя руками и как бы охватывая ими тогдашнее их жалкое жилище в Саванне. – И ничего бы не случилось, если бы ты была с ним поласковой.

Джейд схватила Грэма, выбежала из дома и не возвращалась до тех пор, пока не началась гроза. Больше Велта не разговаривала на тему о возвращении в Пальметто. Джейд решила, что она забыла о своей затее. Возможно, и так. Но очевидно, что у нее был иной план, каким-то образом связанный с Харви.

– Ты все еще не ответила мне, что он здесь делает? – сказала Джейд.

– С того дня в больнице мы с Харви виделись очень часто. Тайно, разумеется.

Джейд еще крепче прижала к себе Грэма. Неужели они что-то придумали и хотят забрать у нее Грэма? Неужели они объявят ее плохой матерью, чтобы лишить родительских прав? Она этого не позволит. Никто никогда не сможет отнять у нее ее ребенка.

– У Харви хватило такта не обратить внимания на твою грубость, – сказала Велта. – Ты помнишь тот скандал, который устроила в больнице. Я просто не могу понять, почему он простил тебя. Единственное объяснение – это его доброе сердце. – Велта повернулась к нему и улыбнулась. – Во всяком случае, когда мы приехали сюда вчера, я сразу поняла, что ты влюбилась в этот городишко. Не считаясь с моими желаниями, ты вбила себе в голову, что должна учиться именно здесь. Поэтому вчера вечером, когда ты пошла покупать котлеты, я позвонила Харви в Саванну и приняла его предложение.

– Его предложение? Ты имеешь в виду предложение выйти замуж? – переспросила Джейд, пораженная до глубины души.

– Да, – с вызовом ответила Велта. – Мы дожидались твоего возвращения, чтобы уехать.

Джейд смотрела на них, раскрыв рот. Затем расхохоталась.

– Мама, ты шутишь! Ты что, действительно хочешь сбежать с этим типом? Скажи же, что это шутка.

– Никакая это не шутка, уверяю тебя. Харви забрал мои вещи из квартиры в Саванне и привез их с собой. То, что осталось, можешь взять себе. Пошли, Харви, мы и так задержались.

Харви, который за все это время не проронил ни слова, поднял чемодан и повернулся к двери. Велта пошла за ним.

– Мама, подожди! – Джейд положила Грэма в колыбель и побежала за матерью, догнав ее у самой машины – серого «седана».

– Ты сошла с ума, – сказала Джейд. – Ты не можешь вот так – взять и уйти.

– Я взрослый человек и делаю, что хочу.

Джейд отступила. Велта бросила ей те же слова, которые она сама говорила, и не один раз, особенно когда сообщила Велте, что намерена оставить ребенка.

– Не делай этого, – умоляюще проговорила Джейд. – Я знаю, что ты делаешь это только назло мне. Мама, ты нужна мне. Пожалуйста, не уезжай.

– Конечно, я нужна тебе. Но это никуда не годится. Ты сама виновата в своих неприятностях. И я не собираюсь сидеть с ребенком, пока ты будешь каждый день просиживать в своем колледже.

Джейд попыталась зайти с другой стороны.

– Забудь о том, что мне нужно помогать с Грэмом, я как-нибудь сама устроюсь, – добавила она поспешно. – Но, мама, пожалуйста, подумай, чем это будет для тебя.

– Ты не можешь представить себе, что мужчина еще может находить меня привлекательной?

– Ну конечно, нет. Но, может быть, ты так сильно этого хочешь, что видишь нечто такое, чего нет на самом деле? Ты об этом подумала? По крайней мере, подожди, чтобы лучше узнать его.

– У меня нет времени. Я так давно не делала ничего лично для себя. Мне надоело платить за ошибки. Из-за тебя мне пришлось бросить работу, продать дом и полностью изменить жизнь.

– Это не моя вина, – глухо возразила Джейд голосом, полным отчаяния.

– Ты позволила изнасиловать себя, затем настояла на том, чтобы оставить ребенка, хотя в такой ситуации самый лучший выход – отделаться от него.

– Только не для меня, мама. Я хотела Грэма. Я люблю его.

– А Харви любит меня, – уверенно продолжала Велта. – После всего, что я пережила, он хочет сделать меня счастливой.

Джейд чувствовала свою ответственность за мать. Ее дочерний долг велит ей вмешаться, чтобы предотвратить катастрофу, даже если для этого придется задеть ее чувства. Пусть лучше она переживет обиду, чем загубит свою жизнь.

– Он недостойн тебя, мама, – сказала Джейд. Она с презрением посмотрела на его жирные волосы и залоснившийся костюм. – Он наживается на человеческих страданиях. Он торгует жизнью людей. Неужели ты хочешь выйти замуж за такого человека? Папа был награжден Медалью Почета. Он был героем. Как ты только могла подумать...

– Твой геройский отец убил себя, Джейд.

– Это неправда!

Глаза Велты злобно сузились.

– Мы прекрасно жили, пока не родилась ты. После этого Рон не мог больше жить с нами и вышиб себе мозги. Так что на твоей совести два самоубийства, Джейд. Собственно говоря, со дня твоего зачатия у меня были из-за тебя один неприятности. Я не собираюсь прожить остаток своих дней, подчиняясь твоему духу разрушения. – Оттолкнув Джейд, она открыла дверцу машины и села в нее.

Харви захлопнул дверцу, затем сел за руль. Велта так и не взглянула на дочь, пока они выезжали на дорогу.

– Нет, мама, нет! – крикнула Джейд вслед удаляющейся машине. – Мама! – кричала она. Она смотрела, как они исчезают из вида, и продолжала смотреть в их сторону, пока до ее ушей не донеслись пронзительные крики Грэма. Они вывели ее из состояния недоумения и потерянности.

Как во сне, Джейд поплелась в душный домик. Грэм дергал своими пухлыми ручонками, заливаясь громким плачем. В широко открытом ротике виднелись первые два зуба. Джейд успокоила его и поменяла пеленки. По всей видимости, торопясь уложить свои вещи и уехать с Харви, Велта не вспоминала о ребенке и не перепеленовывала его, пока Джейд отсутствовала.

Она села возле малыша и стала качать его, пока подогрелась бутылочка со смесью. Потом Джейд сунула соску ему в рот. Ребенок с жадностью вцепился в нее. Из-за его неумного аппетита она отняла Грэма от груди намного раньше, чем собиралась.

Он вцепился ей в блузку, царапая толстыми пальчиками тонкую ткань. Пока он ел, она держала его как можно ближе к себе, так, что ей казалось, что он сосет грудь.

Для Джейд всегда оставалось загадкой, как в результате такого отвратительного действия, как насилие, могло появиться это очаровательное существо. Она редко связывала появление Грэма с тем происшествием, потому что тогда бы пришлось думать о том, чье же семя проросло в ней. А Джейд не желала этого знать.

Впервые она стала думать о появлении Грэма отдельно от того насилия, в доме Джорджии. Та рассказала ей, что очень гордится не только тем, что великолепно владеет медицинскими инструментами, но и хорошо чувствует людей. В тот день чуть подсказало ей спросить у испуганной Джейд, действительно ли та хочет избавиться от ребенка.

– Вы просто не похожи на девушек, которые обычно приходят ко мне за этим, мисс Сперри. Эта беспутная Патрис Уатли так и сказала. Вы уверены, что действительно хотите сделать аборт?

И в эту секунду Джейд поняла, что она не хочет этого. Этот крохотный комочек жизни внутри нее как бы по волшебству вдруг перестал иметь отношение к изнасилованию. Ребенок, который рос в ней, был только ее. Она внезапно и глубоко полюбила его. Это открытие подействовало на нее так сильно, что она потеряла сознание прямо на клеенчатой кушетке Джорджии. Потом Джейд долго и безутешно плака-

ла, не от отчаяния, а от чувства облегчения, от того, что отказалась от того мучительного решения, которое преследовало ее уже несколько недель.

Когда припадок прошел, Джейд почувствовала сильную слабость, ее била дрожь. В конце концов успокоившись, со слезами на глазах она поблагодарила Джорджию за потраченное на нее время и ушла. Джорджия оставила себе пятьдесят долларов, как бы в оплату за то, что сумела отговорить нерешительную девушку, оценивая этот поступок так же, как и операцию аборта...

– Ну что, срыгнем? – Джейд вытащила соску у малыша изо рта. Тот запротестовал, однако затих, когда Джейд слегка хлопнула его по спине, пока он не срыгнул. – Ну и ну! – воскликнула она. – Это нечто! – Грэм взглянул на нее и улыбнулся. Чувство бесконечной и обжигающей любви, как удар током, пронизало ее насквозь. Она провела большим пальцем по нижней губе малыша, вытирая мутновато-белую смесь молока и слюны, затем облизнула палец и опять пристроила его у своей груди с бутылочкой...

Ослабевшая и потрясенная после всех своих переживаний, Джейд вышла тогда из дома Джорджии с новой надеждой. Если она все объяснит Гэри, так, как следовало бы сделать тогда, когда она подверглась насилию, он все поймет и согласится с ее решением оставить ребенка. Они бы уехали из Пальметто, поженились и осуществили все свои мечты. Гэри бы воспитывал ее ребенка, как его собственного, и ни-

кто бы ни о чем не узнал. С этими мыслями она направилась к дому Гэри.

Но то, что ожидало ее там, заставляло ее память отказываться подчиняться. Дорога к дому Гэри шла мимо сарая и того жуткого зрелища, которое она там увидела....

– Если бы ты доверял мне чуть-чуть больше, – прошептала она, наклоняясь вперед и прижимаясь к бархатной щечке сына. – Почему ты сделал это, Гэри? – Она, конечно, знала почему. Он утратил веру в нее. Те, кто разрушил эту веру, были целы и невредимы – но до поры.

Только в одном Господь проявил к ней милосердие. Грэм не был похож ни на одного из ее обидчиков. Ни одна его черта не наводила на мысль о возможном отцовстве. У него были темные волнистые волосы, как у нее самой. Глаза, очевидно, останутся голубыми и чуть-чуть раскосыми. Единственное лицо, с которым имела сходство пухленькая рожица Грэма, было лицо Рональда Сперри, которое было мужским вариантом ее собственного. Она была очень счастлива, что Грэм был похож на деда.

С того самого дня, как это произошло, Джейд подозревала, что в случайной смерти отца было что-то не так. Однако та правда, которую она услышала от матери, оказалась для нее тяжелым ударом. Велта всегда упорно отрицала, что та смертельная рана, которую Рональд сам себе нанес, была не случайна. И то, что она признала это, да еще упомянула об ответственности Джейд за смерть отца, показало, насколько

глубока неприязнь к ней ее матери. Неужели Велта была настолько несчастна, живя с нею, что оказалась готовой сбежать с таким скользким субъектом, как Харви. Пожалуй, что так. Джейд постаралась вспомнить что-нибудь приятное, что каким-либо образом было связано с матерью. В отличие от теплых воспоминаний об отце, ничего такого, связанного с матерью, она не могла припомнить.

Когда Грэм наелся, Джейд не стала укладывать его в кроватку и продолжала держать на руках, как часто делала, когда ей хотелось человеческого тепла. После того как шок от побега Велты несколько потерял свою остроту, Джейд стала думать о том, как все это отразится на ее положении.

Все, что у нее было с собой, это смена белья, одежды и тридцать долларов. На эти деньги вряд ли она сможет вернуться в Саванну. А поскольку они с Грэмом здесь, то как она одна сможет перевезти сюда все из Саванны?

– Что же нам делать, Грэм? – Она уткнула нос в его нежно пахнущую шейку. – Что же нам делать?

Самым простым способом было вернуться в Саванну на старую работу, дав себе слово, что как только она скопит немного денег, то продолжит образование.

Но скопить будет нелегко, особенно сейчас, когда придется тратиться на няню для ребенка. Отложив учебу один раз, придется откладывать и другой, и так далее. Ее мечта о возмездии будет отдаляться все больше и больше, пока окончательно не станет неосуществимой.

Нет, этого нельзя допустить.

Должен же быть какой-нибудь выход. А если его нет, то надо все равно что-нибудь придумать. Она не может упустить такую возможность. Одной стипендией она уже пожертвовала и не собирается терять другую.

XI

Звонок раздавался по всему дому. Это был хороший приличный дом в английском стиле. Он был построен из красного кирпича с орнаментом из белого камня и черными блестящими ставнями, выделяющимися на красноватом фоне. Дом стоял в отдалении от улицы, посреди идеально ухоженного газона. Трава еще блестела после утреннего полива.

Столь очевидный недостаток несколько смутил Джейд. Она критическим взглядом оглядела свою юбку, надеясь, что она не слишком мятая. Как раз перед тем, как дверь открылась, она послунявила палец и вытерла ротик Грэму, пускавшему пузыри. На пороге стояла миловидная миниатюрная женщина со светло-пепельными волосами. Джейд прикинула, что ей лет пятьдесят с небольшим.

– Доброе утро. – Ее добрые серые глаза тут же устремились на Грэма. Затем она ласково улыбнулась Джейд. – Чем могу помочь?

– Доброе утро. Вы миссис Хирон?

Она кивнула.

– Да, это я.

– Меня зовут Джейд Сперри. Извините, что пришла так рано, но мне хотелось застать декана Хирона до того, как он уйдет на работу.

Тащить Грэма в колледж было еще более неудобно, чем

появиться с ним в доме декана.

– Он еще не ушел?

– Он завтракает. Заходите.

– Я лучше подожду здесь на крыльце, – неуверенно сказала Джейд. – Я буквально на минутку.

– Тогда тем более нет смысла стоять здесь. Проходите, пожалуйста. Это ваш малыш? Просто очаровательный.

Джейд подчинилась и пошла за женщиной через нарядные, но тем не менее уютные комнаты. Они прошли через залитую солнцем кухню, где у нее буквально потекли слюнки от запаха яичницы с ветчиной. Последние дни она питалась в основном рисовыми хлопьями и бутербродами с арахисовой пастой и уже забыла, когда ела нормальную пищу.

Они вышли на застекленную веранду, которая тянулась вдоль задней стороны дома. Декан Хирон заканчивал завтрак, сидя за столиком из кованого чугуна со стеклянной столешницей. Как и в тот день, когда Джейд впервые увидела его в кабинете, он был одет в коричневый костюм с галстуком. Однако она легко могла представить его в свитере с замшевыми заплатками на локтях и мешковатых, местами залоснившихся брюках.

Седеющие волосы обрамляли его небольшую плешь, как лавровый венок. Из ушей торчали пучки волос. В носу тоже был их явный избыток. Однако, несмотря на все это, вид у него был не только не отталкивающий, а совсем наоборот – его волосатость делала его симпатичным. У него было при-

ятное лицо, добрая улыбка, глаза смотрели дружелюбно. Декан с любопытством поднял голову, когда его жена ввела в комнату Джейд. Выдернув льняную салфетку из-под воротника рубашки, он встал.

– Мисс Сперри, я не ошибся? Какая приятная неожиданность!

– Спасибо. – Она пересаживала Грэма на левую руку и протянула декану правую. После того как они поздоровались, он указал ей на стул напротив себя и пригласил сесть.

Джейд чувствовала себя чрезвычайно неловко и скованно. Ремешок ее сумочки съезжал с плеча, Грэм вертелся на руках, пытаясь дотянуться до папоротника, стоявшего на полочке.

– Нет, спасибо, доктор Хирон. Я действительно не надолго. Простите, что помешала вам завтракать. Но, как я объяснила миссис Хирон, мне необходимо было вас повидать до того, как вы уйдете в колледж.

– У меня еще есть время выпить чашечку кофе. Я буду рад, если вы присоединитесь ко мне. Кэти, пожалуйста... мисс Сперри? – Он опять указал ей на стул. Джейд села, не желая казаться невежливой. Кроме того, одновременно удерживать Грэма и следить за тем, чтобы сумочка не съехала с плеча, было занятием для опытного эквилибриста.

– Спасибо. Извините, что я пришла без предупреждения. Мне бы следовало позвонить. Ай, Грэм! – она еле успела выхватить у него изо рта листья, которые он ухитрился сорвать

с растения. – Простите, я надеюсь, он не повредил цветок.

– Вы уже в третий раз извиняетесь за то время, что вы здесь, мисс Сперри. Такой перебор меня несколько нервирует.

– Меня тоже, – произнесла Кэти Хирон, входя в комнату. В руках у нее был небольшой поднос, на котором стояли чашка с блюдцем и тарелка. На тарелке лежал кусочек дыни, завернутый в тончайший слой копченой ветчины, и кусок черничного пирога.

– Ой, я не собиралась... зачем же?..

– Чай или кофе?

Джейд не хотела обижать их, отказываясь от угощения. Кроме того, у нее в животе бурчало от голода.

– Чай, пожалуйста, если вас не затруднит, – сказала она тихо.

– Конечно, нет. Я только что заварила.

Кэти Хирон пошла за чаем. Джейд смущенно улыбнулась декану.

– Спасибо, вы так любезны.

– Кушайте на здоровье. Масло, пожалуйста.

Он передал ей хрустальную масленку. Намазывая масло на теплый пирог, Джейд сунула Грэму резиновое кольцо, которое постоянно носила с собой. Пока она завтракала, он с удовольствием грыз его.

Миссис Хирон налила ей в чашку ароматный жасминовый чай и тоже села за стол.

– Как зовут вашего малыша?

– Грэм.

– Грэм. Очень хорошее имя. Довольно редкое. Правда, дорогой?

– Угу. Мисс Сперри это та самая молодая женщина из Пальметто, о которой я тебе говорил.

– Ах, да. Знаете, мисс Сперри, у Митча в Пальметто живут дальние родственники.

Джейд с тревогой посмотрела на декана. Во время их предыдущей встречи он ни разу не обмолвился о Пальметто. Ей не хотелось, чтобы они спрашивали: «А вы знаете?..» Чем меньше будет сказано о Пальметто, тем лучше, потому что ей не хотелось говорить неправду о чем бы то ни было.

К счастью, их внимание отвлек Грэм. Он начал стучать колечком по столу, а затем бросил его на пол, увидев блестящую серебряную ложечку. Джейд подняла колечко, однако Грэм нашел, что ложечка вкуснее.

Кэти рассмеялась, увидев, с каким остервенением он грызет ложечку.

– Ничего с ней не случится. Пусть жует сколько хочет.

Декан Хирон внимательно посмотрел на Джейд.

– Я не помню, чтобы вы говорили мне о ребенке, когда приходили ко мне примерно месяц назад.

– Да, не говорила.

– Это, конечно, меня не касается. Да и для стипендиальной комиссии это бы тоже не имело значения.

Джейд вытерла рот льняной салфеткой.

– Боюсь, доктор Хирон, это вас касается. Именно поэтому я и пришла сегодня утром. – Она открыла свою сумочку, вынула оттуда чек и протянула ему через стол. – Мне очень жаль, но придется отказаться от этой стипендии.

Первым, кто нарушил долгое и неловкое молчание, была миссис Хирон.

– Мисс Сперри, я немного знаю вас по рассказам моего мужа. Вы произвели на него очень хорошее впечатление. Однако если вам будет удобнее говорить наедине, я оставлю вас.

Джейд была очень тронута ее тактичностью.

– Совсем не обязательно, миссис Хирон. Во всяком случае, мне просто нечего больше добавить. – Она поправила ремешок на плече, взяла Грэма и встала. – Большое спасибо за завтрак.

– Минуточку, мисс Сперри, – произнес декан Хирон. – Присядьте, пожалуйста. – Он подождал, пока она выполнила его просьбу. Скрестив руки на груди, он внимательно смотрел на нее. – Если говорить честно, я поражен и разочарован. Я редко видел человека, более вас заслуживающего полной стипендии. Кроме того, я хорошо помню, насколько она вас обрадовала. Вы были просто вне себя от счастья, когда выбегали из моего кабинета. Что же произошло с тех пор, как мы с вами виделись в последний раз?

У Джейд было в запасе несколько более-менее правдоподобных объяснений. Однако теперь, глядя в глаза этим лю-

дям, она не могла лгать им. Конечно, в них было любопытство, однако это не лучшее человеческое качество сводилось на нет другим, гораздо более редким, – искренней симпатией и желанием помочь.

– Моя мать сбежала. – Было очевидно, что они не ожидали такого ответа, поэтому Джейд пояснила: – Моя мама присматривала за Грэмом, пока я работала. Я предполагала и здесь работать после занятий и по выходным. Но теперь я не смогу оплатить няню: нам ведь еще и жить на что-то надо.

– Конечно...

Джейд помотала головой, не давая декану возразить.

– Поверьте мне, я исчерпала все возможности. – Не прекращая работы в Саванне, Джейд еженедельно наезжала сюда, в Моргантаун, в поисках жилья, работы и какой-нибудь няни или яслей для малыша. Однако все ее поиски не увенчались успехом.

– Если говорить о яслях, то я просто не могу себе это позволить. Тем более что я не отдам Грэма куда попало, даже если их часы работы будут удачно совпадать с расписанием занятий. Кроме того, к началу осеннего семестра приехало много студентов, и я не смогла найти работу. Поскольку моя мать теперь не может помогать мне, я просто не смогу учиться в этом году.

Джейд опустила глаза, не желая, чтобы они заметили ее страх: на карту поставлена не только возможность получить образование, но и возможность просто выжить. Ее хозяин

в Саванне уволил ее, поскольку ему надоели ее вечные отлучки и отпрашивания с работы. В довершение всего, перед тем как сбежать, Велта сняла со счета, и без того довольно скромного, все деньги, вырученные за дом в Пальметто.

У Джейд оставались последние двадцать долларов. Двенадцать из них надо будет заплатить за комнату в мотеле. Завтра у нее совсем не будет денег. Она надеялась, что сможет попросит снисхождения у своего бывшего хозяина в Саванне и уговорит его взять ее обратно на работу.

– Отказаться от стипендии – это очень решительный и серьезный шаг, мисс Сперри, – сказал декан Хирон.

– Да, конечно. Но в настоящий момент у меня нет выбора. Это не мешает мне получить образование в будущем, я обещаю вам, доктор Хирон. У меня действительно есть причина получить диплом и как можно скорее.

– И что это за причина?

– Личного характера.

Ее краткий ответ заставил его нахмуриться.

– Почему вы обратились за стипендией именно в Дэн-дер-колледж?

– Честно?

– До сих пор вы были вполне откровенны.

– Это один из тех немногих оставшихся в трех штатах, куда я еще не обращалась. Мне отказывали в финансовой помощи в десятках других колледжей и университетов. Поскольку ваш колледж связан с церковью, я рассчитывала на

благосклонность с его стороны.

– А что бы вы делали, если бы мы отказали вам?

– То же, что буду делать и в дальнейшем, – пытаться снова.

Доктор Хирон откашлялся.

– Если не ошибаюсь, то отец Грэма...

– Отец Грэма умер. – Всем всегда было это интересно.

Поэтому она давала самый простой ответ. Сомнительно, что они ей поверили, однако больше этот вопрос не поднимался.

– Я знаю, где можно найти работу, – неожиданно сказала Кэти Хирон. – Дорогой, – повернулась она к мужу, – ты же знаешь Дороти Дэвис, хозяйку магазина, где я всегда покупаю себе одежду. – Обернувшись к Джейд, она сказала: – Только вчера мисс Дороти обмолвилась, что ищет человека, который бы вел бухгалтерию. Она жаловалась на ослабевшее зрение и на то, что больше не может читать многочисленные счета.

– Это меня не удивляет. Старой карге уже, наверное, около восьмидесяти.

Кэти шлепнула мужа по руке.

– Не слушайте его, Джейд. Мисс Дороти немного резковата, но душа у нее добрая. Чтобы быть по-настоящему деловой женщиной, необходимо быть жестокой. Вас это устроит?

– Меня устроит все, что угодно, миссис Хирон. Конечно, работа – это самое важное для меня, но это еще не все. Я так и не смогла найти подходящие ясли и жилье.

– Ну, наверняка можно будет что-то найти.

Джейд подумала о своих последних двадцати долларах. Она даже не могла бы заплатить задаток, чтобы снять жилье.

– Боюсь, что нет, миссис Хирон.

Декан посмотрел на часы и встал.

– Если я сейчас не выйду из дома, то опоздаю. Пора переходить к главному.

Он нахмурил свои кустистые брови, стараясь, хотя и безуспешно, выглядеть суровым.

– Мисс Сперри, я подозреваю, что хотя вы из гордости и не признаетесь в этом, но вы бедствуете. Я никогда в жизни не беседовал с человеком, более вас заинтересованным в получении образования. Только целый ряд печальных обстоятельств мог остудить ваше желание и ваш энтузиазм. Я восхищен вашим чувством собственного достоинства. С другой стороны, – продолжал он, усиливая голос, что частенько приводило в себя задремавших студентов, – в слишком большой дозе это чувство может сослужить плохую службу. Поэтому вам пора перестать держаться за свою гордость, не стесняться своей уязвимости и позволить кому-нибудь помочь вам. – Я уверен, что Кэти сможет устроить вас на работу к мисс Дэвис, хотя на вашем месте я бы туда не рвался. Это высохшая от жадности старуха, которая даже на Рождество не завернет вам покупку бесплатно. Если вы сможете у нее работать, то вас можно будет причислить к лику святых. И, наконец, если вы еще этого сами не заметили, глаза у Кэти становятся влажными, стоит ей только посмотреть на Грэма. К сожалению,

нию, у нас никогда не было своих детей. И боюсь, что она избалует его до невозможности, пока вы будете жить у нас.

– У вас? – воскликнула Джейд. – Но я...

– Тихо, тихо, мисс Сперри. Я еще не закончил, а время поджидает. Вы, по всей вероятности, не знаете того, что мы с Кэти каждый учебный год приглашаем к себе пожить студента, достойного того. В этом году мы решили этого не делать, только потому, что прошлой весной у нас был довольно неудачный опыт. Молодой человек исчез, прихватив с собой пару серебряных подсвечников. Дело даже не в этих проклятых подсвечниках. Просто я не мог простить себе, что так ошибся в человеке, чего раньше со мной не бывало. Вы восстановили мою способность оценивать людей. Поэтому, если у вас нет особого пристрастия к серебряным предметам, мы будем рады, если вы со своей сынишкой будете жить у нас столько, сколько захотите. Во всяком случае, если завтра в списках зарегистрировавшихся первокурсников я не увижу вашего имени, то я восприму это как личное оскорбление. Ваш реферат выше всяких похвал. А если вы из-за такой ерунды, как нехватка денег, не сможете получить высшего образования, то это будет непростительной и бессмысленной тратой интеллекта. Кэти, больше всего на свете я хотел бы на ужин жареных устриц.

И, помахав рукой, вышел из дома.

Кэти Хирон похлопала Джейд по руке.

– Иногда на него находит, но вы привыкните к этому.

XII

Колумбия, Южная Каролина, 1978

– Привет, Хатч! Я уж думал, ты помер или еще чего-нибудь. Заходи, морда паршивая. – Нил Патчетт открыл дверь и впустил приятеля. Хатч вошел в комнату, где царил полный беспорядок.

– Занят?

– Не-а. Я рад, что ты заскочил. Ламар! – закричал Нил. – У нас гости! – Найдя свободное место между плакатами Лони Андерсон и «Далласскими ковбоями», он стукнул в стену. – Скинь все с этого стула и садись. Хочешь пива?

– Угу. Спасибо.

– Я думал, ты тренируешься. Скакунок наш, – произнес Нил, толкая Хатча в плечо по дороге на кухню за пивом.

– Так и есть. Будь прокляты эти тренировки. – Хатч взял банку холодного пива, забулькал, затем громко рыгнул. – Отлично. Привет, Ламар.

Из прихожей вышел Ламар в руках с теннисной ракеткой. На шее у него был яркий шейный платок, остальной его туалет составляли обрезанные по колено джинсы и майка.

– Привет, Хатч. Как успехи в футболе?

– В этом году команда малость зачахла. Так что на кубок рассчитывать не приходится. Распаковываешься?

Ламар положил ракетку и снял с шеи платок.

– Пытаюсь привести в порядок свою комнату.

– Делать тебе нечего, – заметил Нил, разваливаясь в ободранном кресле. – Все равно через неделю будет бардак. Поэтому мне здесь и нравится.

Уже второй год Нил и Ламар снимали эту квартиру, не желая жить в студенческом городке. Дом был старый, просторный и стоял в отдалении от других домов, так что соседям нечасто приходилось вызывать полицию: только если их сборища совсем уж выходили из берегов. Когда они были на первом курсе, Хатчу не разрешили поселиться с друзьями, поскольку он был членом футбольной команды и должен был жить в общежитии спортсменов. Он завидовал свободной и непринужденной жизни в доме своих друзей.

– Прошлой весной, когда Майраджейн приехала помогать Ламару упаковывать вещи перед каникулами, она чуть не грохнулась в обморок, когда заглянула сюда, – фыркнул Нил. – Если бы мой старикан не подхватил ее, у нас здесь был бы отпечаток ее тела. Совсем как Вили Койот, который оставляет такой отпечаток, когда падает на землю в пустыне!

Из ящика столика он достал «косяк», зажег его и два раза затянулся. Когда Нил предложил затянуться Хатчу, тот с сожалением отказался.

– Нет, не буду. Донна Ди за версту чует этот запах. Я луч-

ше выпью еще пива.

Нил передал самокрутку Ламару, который, затягиваясь, улыбнулся Хатчу своей обычной нервно-неуверенной улыбкой. Нил вернулся из кухни и протянул Хатчу еще одну банку пива.

– Твоя женушка держит тебя в черном теле, да? – спросил Нил, забирая самокрутку и затягиваясь. – Ну и придурок. Зачем надо было жениться так рано, когда мы здесь, в этом малиннике, именуемом университетом?

– Это совсем не так плохо, – огрызнулся Хатч. Нил положил руку к уху.

– Ты слышишь этот шум, Ламар?

– Какой шум?

– Неужели ты не слышишь? Похоже на звон цепей и кандалов.

– Иди к черту! – Хатч опорожнил вторую банку и смял ее в кулаке. – По крайней мере я каждую ночь могу пустить пар.

– Я тоже, – протянул Нил, – только для этого не обязательно жениться.

Их первое свидание с Донной Ди состоялось после выпускного вечера. Он вдруг почувствовал, что обязан пригласить ее. Казалось, она ждала этого. Они оба знали почему, хотя никогда об этом ни говорили. В течение лета после выпуска он все время, когда не был с Ламаром и Нилом, проводил с ней.

Донна Ди всегда ему нравилась, но теперь нравилась еще

больше. С каждым их свиданием весьма прохладное отношение к ней Нила имело для Хатча все меньше значения. Со всем не красавица, она была веселой, ласковой и давала ему понять, что обожает его. Она ни разу не пропускала церковной службы по воскресеньям, однако уже во время их второго свидания его ладонь скользнула под ее бюстгальтер, ощупывая твердые соски, а во время третьего она уже сама шарилась у него в брюках.

Они залезли на заднее сиденье его машины по ее инициативе, после пикника и фейерверка на пляже в честь празднования Дня Независимости.

– Да, но я... я хочу сказать, что у меня нет с собой резинок, Донна Ди.

– Ну и пусть, Хатч. Я так хочу тебя, что мне все равно.

Ну, если ей все равно, что она потеряет невинность, почему он должен заботиться о предохранении. И кроме того, Нил не раз говорил, что девушки не могут подзалететь с первого раза. К тому же он немного выпил и был возбужден, а Донна Ди была готова на все. Желание в тот раз пересилило здравый смысл. Однако на случай, если она опять захочет, он носил с собой пачку презервативов. И всегда во время очередного их свидания они оказывались необходимыми.

– Ты трахаешься с Донной Ди? – как-то спросил Нил, когда они вместе проводили выходные, катаясь на водных лыжах.

– Нет, – соврал Хатч. – Она порядочная девушка. Ты же

знаешь.

Нил недоверчиво посмотрел на него.

– Противно думать, что мой лучший друг что-то от меня скрывает. А если ты не лазишь к ней под юбку, так что ты крутишься около нее все время?

– Нил, похоже, ты ревнуешь. – Хатч сказал это в шутку, однако лицо Нила потемнело от гнева. Он собрал свои манатки и уехал домой. Поскольку моторка и лыжи были его, Хатчу и Ламару не оставалось ничего другого, как тоже уехать раньше времени.

Когда Донна Ди сообщила ему, что прошла все испытания и поступила в университет, он встретил новость со смешанными чувствами. Хатч был не против, чтобы она училась, и знал, что будет скучать, если они не будут видеться, но у Нила были относительно него и Ламара грандиозные планы.

– Мы устроим такой тарарам, который войдет в историю высшей школы, – пообещал подвыпивший Нил. – Обещаю, что мы поймеем всех студенток.

Во время первого семестра в колледже Хатч ухитрился бегать на все футбольные тренировки, успокаивать Донну Ди, посещать занятия и оправдывать ожидания Нила. На футбольном поле он действовал так, как ему говорили, и полагался во время игры на защитников. Поскольку некоторые лекции на первом курсе он посещал вместе с Донной Ди, она выполняла за него письменные задания. В обмен на эту услугу она ожидала от него любви и ласки, чем он обычно с удо-

вольствием расплачивался, если не был слишком уставшим.

После игр в субботу и затем в воскресенье он участвовал во всех гулянках, которые происходили у Нила. Там всегда были в изобилии травка, выпивка, девочки. Их первая серьезная ссора с Донной Ди произошла как раз из-за одной такой разгульной субботы.

– Я случайно слышала, как в библиотеке трое сук обсуждали вашу оргию на прошлой неделе, – сказала она ему, сморкаясь в бумажную салфетку. – Эта блондинка, с какой-то фигней на шее, рассказывала, как ее имел какой-то рыжеволосый футболист, но она была под кайфом и не запомнила его имени. Я знаю, что это был ты, Хатч. Ты единственный игрок в команде первокурсников с рыжими волосами. Ты говорил, что когда ходишь к Нилу, то ни в чем таком не участвуешь – лишь пара банок пива. Значит, ты спал с этой блондинкой?

Он почти чувствовал, как ему подсказывает Нил, что надо соврать, чтобы она от него отстала. Вместо этого смешанное чувство нежности и искренности заставили Хатча виновато посмотреть ей в лицо и признаться:

– Боюсь, что да, Донна Ди. Иногда там такая обстановка, что дым стоит коромыслом, все бывает.

Донна Ди разразилась рыданиями. Это напугало Хатча, он не знал, что делать. Он неуклюже обнял ее.

– Прости, родная. Это все не имеет никакого значения. Когда я с другой, это совсем не то, что с тобой. Я... я люблю

тебя.

Он не верил собственным ушам, но Донна Ди очень хорошо его расслышала. Она подняла голову и посмотрела на него заплаканными глазами.

– Правда, Хатч? Правда любишь?

Хатч сам не мог понять, как это у него выскочило. Прежде чем он осознал это, они уже обсуждали, какое кольцо он подарит ей во время помолвки в день Святого Валентина и как они сыграют свадьбу в июне. Когда они поехали в Пальметто, чтобы сообщить обо всем родителям, Фриц, оставшись с сыном наедине, высказал свои сомнения:

– Ты слишком молод для брака, сын, – сказал он.

– Я знаю, но она действительно этого очень хочет.

– А ты?

– Ну да. То есть, наверное. Ну конечно, да.

– Ты женишься на ней, потому что любишь ее?

– Конечно. Почему же еще?

Они с некоторой неловкостью посмотрели друг на друга. Затем Фриц вздохнул, заканчивая разговор:

– Ну что ж, если ты этого хочешь.

Свадьба состоялась во вторую субботу июня. За три дня до торжественного события Донна Ди и Хатч в гостиную дома ее родителей рассматривали подарки, присланные к свадьбе. Она отложила в сторону набор ножей, который только что распаковала, и продевала упаковочную ленту в вешалку для одежды, которая уже вся была украшена разноцветными

бантами.

– Хатч?

– Угу? – Он в этот момент уплетал бутерброд с копченой колбасой, приготовленный для него миссис Монро.

– Я должна у тебя спросить кое о чем.

– Давай.

Донна Ди с большим старанием завязывала еще один бант на вешалке она стала это делать, как только начали приходить первые свадебные подарки.

– Когда люди собираются пожениться, между ними не должно быть тайн, правильно?

Хатч слизнул с пальца крошки хрустящего картофеля.

– Разумеется.

– Я хочу спросить насчет того вечера, когда вы повезли Джейд к каналу.

Хатч замер, палец так и прилип к губе. Он медленно повернулся к Донне Ди, стараясь не смотреть ей в глаза. Он сглотнул, и его острый кадык дернулся вверх-вниз.

– Так что?

– Ведь то, что она сказала, была неправда? Ведь вы же не насиловали ее. – Донна Ди повернула к нему свое крысиное личико.

Хатч раздумывал, сказать ей правду или то, что она хотела от него услышать. Ему надо было признаться или в насилии, или в том, что соблазнил ее лучшую подругу. В любом случае его положение было незавидным.

– Ну, конечно, никакого насилия не было, – пробормотал он. – Она же нас знала. Какое же здесь насилие?

– Она пыталась вас остановить?

Он пожал своими широкими плечами.

– Она... ну... ну ты знаешь, многие девчонки говорят, что не хотят, а на самом деле им только этого и надо, знаешь?

Донна Ди смотрела в сторону.

– А ты хотел этого, Хатч? Я хочу сказать, если бы ты действительно не хотел, тогда бы и не смог.

Он потоптался большими ногами по ковру.

– Ну, это не совсем так, Донна Ди. Ей-богу. Это было... это было какое-то наваждение. Я просто даже не знаю, как это объяснить. – Нетерпеливым жестом он развел руки ладонями вверх. – Это не то, что мне вдруг захотелось поиметь Джейд, понятно?

– Понятно. – Донна Ди судорожно вдохнула и медленно выпустила воздух. – Я всегда считала, что она все наврала о том, что вы действовали силой. Просто ей так этого хотелось, что тебе было трудно устоять, ведь так? Ты же нормальный человек, мужчина. Для мужчины это нормальная реакция.

Он не обращал внимания на ее бегающие глаза, равно как и на испарину на ее верхней губе. Никто из них не говорил правду, но для сохранения спокойствия было необходимо продолжать обманывать себя и друг друга.

Во время свадьбы Нил протолкнулся к Хатчу и прошептал:

– Очень рекомендую подружку невесты.

– Это двоюродная сестра Донны Ди.

– Мне наплевать, чья она двоюродная сестра, но в постели это высший класс. – Нил толкнул его в ребро. – Представляешь, как ты можешь поразвлечься во время семейных встреч.

– Ты с ума сошел, – разозлился Хатч и сбросил дружескую руку Нила с плеча.

– Ты что, приятель? Неужели из-за этой женитьбы ты изменишь свой образ жизни? Мне ужасно этого не хочется.

В эту секунду Хатч решил никогда не изменять жене. Неважно, что им пришлось погрешить против правды, чтобы очистить свою совесть, однако же своей ложью Донна Ди спасла его от обвинения в изнасиловании. Ее ревность к Джейд была оправдана, хотя ни один из них также не признавал этого. Они были связаны общим грехом, и Хатч не хотел осложнять их отношения своей ревностью. Если учесть горе, которое они причинили Джейд, то супружеская верность была не такой уж высокой платой.

После медового месяца, который они провели на острове Хилтон-Хэд, Хатч работал в отделе своего отца-шерифа, пока не начались регулярные тренировки. Донна Ди с нетерпением ждала, когда они смогут самостоятельно поселиться в Колумбии. По его мнению, ее стремление «иметь свое гнездо» было чересчур активным. Прошлым вечером, когда они распаковывали фарфоровые вещицы в комнате, она сообщи-

ла ему о своем намерении бросить учебу.

– Мы сэкономим деньги, которые тратим на мою учебу. У меня все равно нет способностей. И что я буду делать с гуманитарными науками и биологией? Я и так знаю все, что надо, правильно? – Она протянула руку и игриво погладила его между ног.

– Ты еще принимаешь свои таблетки?

– Конечно. А что?

Хатч заметил, что она не смотрела ему в глаза, когда отвечала.

– Потому что ребенок нам сейчас ну никак не нужен.

– Я знаю, дурачок.

– Я обещал родителям, что не брошу университет, если женюсь. В этом году я выбрал довольно трудные предметы. Да и тренер меня достает, говорит, что я выкладываюсь не на полную мощь. Сейчас я не могу взваливать дополнительные обязанности.

Донна Ди отложила свое занятие, обняла его и медленно поцеловала.

– После того, что я для тебя сделала, разве ты еще не понял, что твое счастье зависит только от меня?

Опять этот тонкий намек на то, что она поддержала его в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался. Неужели всю их жизнь эта позорная тайна будет служить ей разменной монетой? Эта гнетущая мысль не давала Хатчу спать всю ночь, и именно поэтому сегодня он оказался у Нила. На-

ходить в компании Нила и Ламара – все равно что возвращаться на место преступления. Так бывает, когда трогаешь больной зуб. Чем чаще это делаешь, тем больше беспокоит. Вот только остановиться Хатч никак не мог.

– Как там Донна Ди? – спросил его Ламар. – Не видел ее с самой свадьбы. – От марихуаны он немного размяк и развалился в кресле, закинув худую ногу через ручку.

– Прекрасно. Передает вам привет.

Нил взял неоткрытую бутылку «Джек Даниелс», отвернул пробку и глотнул прямо из бутылки.

– Ты сказал Донне Ди, что идешь сюда?

– Конечно.

– И она доверяет тебя нам? – фыркнул Нил. – Значит, она еще тупее, чем я думал.

У Хатча потемнело в глазах. Он вскочил.

– Она не так уж тупа. А если и называет тебя мешком с дерьмом, то права. – Он направился к двери.

Нил вскочил со своего кресла и преградил Хатчу дорогу.

– Не злись, – сказал он примиряюще. – Просто хотелось тебя немного подразнить. Оставайся. Сегодня обещали прийти несколько кисочек с первого курса помочь нам убраться здесь. И сделают они не только это, – добавил он, бросив на него хитроватый взгляд. – Боюсь, их будет больше, чем мы с Ламаром сможем обработать.

– Нет, спасибо, – с раздражением ответил Хатч. – Пойду домой к жене. – Он попытался обойти Нила, но, несмотря на

алкоголь и травку, тот был еще в форме и полностью владел собой.

– Так ты и будешь всю жизнь чувствовать себя у нее в долгу?

Хатч замер.

– В долгу?

– Не изображай из себя невинность. Я говорю о том, что ты расплачиваешься с Донной Ди за то, что она для нас сделала.

Хатч бросил на Ламара быстрый виноватый взгляд, но Ламар отвел глаза.

– Не знаю, о чем ты говоришь.

– Ну конечно, – сказал Нил с противным смешком. – Ты пытаешься отблагодарить Донну Ди за то, что она своим врагьем спасла нас от тюряги. Сначала ты трахал ее, затем женился на ней, теперь ты превратился в комнатную собачку.

– Заткнись!

– Она бы действительно вцепилась тебе в физиономию, если бы знала, какое удовольствие ты получил с ее лучшей подругой. А, Ламар? – спросил он, глядя на приятеля, у которого был несчастный и смущенный вид. – Мы с тобой тоже неплохо развлеклись. Но думаю, что старина Хатч считал, что ее коробочка была специально приготовлена для него.

Хатч нагнулся к Нилу, почти касаясь его лица.

– Сука ты вонючая. И я больше не хочу иметь ничего общего с тобой. – Отпихнув Нила в сторону, он ринулся к две-

ри.

Ламар крикнул ему вслед:

– Эй, Хатч, Нил ничего такого не имел в виду. Не уходи!

Хатч не останавливался и не оглядывался.

– Еще вернешься, – крикнул ему вслед Нил. – Ты знаешь, где продается клубничка. Когда захочется сладенького, приходишь.

После того как Хатч выскочил из дома, Ламар вернулся в свою комнату, оставив Нила бушевать и возмущаться в одиночестве. Нил редко выходил из себя, но когда это происходило, Ламар его побаивался. Он даже не мог определенно сказать, что именно пугало его больше – бурные вспышки гнева или зловещее молчание. Когда Нил становился мрачным и молчаливым и его гнев бурлил внутри, как сера в царстве Аида, казалось, что воздух в доме потрескивал от его ярости.

Ламару страшно не нравилось жить здесь, но у него не хватало мужества сказать об этом Нилу и переехать. Во время летних каникул он непрестанно думал об этом. Мечтал о том, чтобы его мать велела бы ему перевестись в другой университет или взять академический отпуск на год. Хоть бы что-нибудь произошло, что бы помешало ему жить под игом Нила еще один год.

Но ничего не случилось, а он так и не смог набраться храбрости и объявить Нилу о решении жить в другом месте. Безропотно вернулся он с вещами из Пальметто в тот же ста-

рый дом, который они сняли и на следующий год: Коробки и чемоданы все еще стояли по всей комнате и ждали, когда их распакуют. Не желая что-либо делать, он лег на кровать и прикрыл глаза рукой. Теперь, когда Хатч ушел со скандалом, Ламар понимал, что ему вряд ли удастся когда-либо избавиться от Нила. Если только он скажет Нилу, что хочет от него переехать, то невозможно предугадать, что тот выкинет. Так что, по всей вероятности; он обречен оставаться здесь.

Эта жизнь была похожа на нескончаемую гулянку. Нил окружал себя людьми, уверявшими его, что он им очень нравится. Ламар же подозревал, что им нравится не столько Нил, сколько то, что они могут здесь получить. Он не без оснований предполагал, что многие из них так же побаиваются обидеть Нила, как и он, и просто опасаются не принять его приглашения.

Дверь дома была всегда открыта для любого, кому хотелось девочек, алкоголя или травки. Постоянный поток студентов, ищущих развлечений, не давал возможности Ламару хоть немного побыть одному. Даже когда он уходил в свою комнату и закрывал за собой дверь, кто-то обязательно вваливался к нему в поисках то ванной комнаты, то свободной кровати для совокупления.

Одна мысль о том, что придется провести еще девять месяцев в бесконечных попойках, приводила его в уныние. Нил с ревностью относился ко всему, что могло ослабить его тиранию над приятелями, он требовал абсолютной преданно-

сти и постоянной доступности. Именно поэтому он так рас- свирепел сегодня из-за Хатча. Нил действительно ревновал Хатча к Донне Ди, поскольку тот проводил с ней больше вре- мени.

Здорово он зацепил Хатча, вспомнив тот случай с Джейд. Все они избегали вспоминать об этом, как будто никогда ни- чего не было. Даже когда Гэри Паркер повесился и Джейд с матерью уехали из Пальметто, трое приятелей старались не связывать эти события с тем, что произошло у канала тем холодным мрачным вечером. Они изо всех сил обходили эту тему в своих разговорах, тем не менее каким-го образом она возникала.

Сейчас Ламар понял, что именно Нил заводил разговор об этом. Использовал ли он эту тему в своих интересах так, как это делает, по его словам, Донна Ди? Он всегда вспоминал о том инциденте, когда хотел чего-нибудь добиться от своих дружков. Его напоминания удерживали их вместе.

И как же долго это будет продолжаться? Ламар задумал- ся. Неужели всю жизнь? Мысль об этом заставила его похо- лодеть. Меньше всего на свете он хотел быть предметом по- стоянных издевок Нила. Не дай бог, чтобы Нил когда-нибудь узнал о его любви.

Кроме нежелания еще два года жить рядом с Нилом, Ла- мар переживал еще из-за того, что ему пришлось прекратить связь с молоденьким преподавателем английского из Паль- метто. Они случайно познакомились в кинотеатре. Их пер-

вое свидание было достаточно обыденным: пошли выпить кофе после фильма, правда, проговорили допоздна. До конца лета они встречались почти каждый вечер. Однажды после того, как они покатались вдоль побережья, Ламар смущенно произнес:

– Я не могу привести тебя домой. Я живу с мамой.

– Мне бы тоже хотелось побыть с тобой наедине.

Они нашли выход, поехав в мотель. Там он и потерял девственность, если не считать случая с Джейд Сперри. Поскольку его друзья были уверены, что у него уже было немало женщин, он не мог развеять этот миф и признаться, что та ночь была самой потрясающей в его жизни.

Ламар вел себя чрезвычайно осторожно, что было нелегко, учитывая нрав Майраджейн. Для нее не имело значения, что сын уже год жил вне дома, она все равно требовала отчета за каждый его час. Это просто ангел-хранитель не допустил, чтобы до нее дошла история с Джейд Сперри. Майраджейн первой осудила Джейд, когда Гэри покончил с собой. Зная, как это несправедливо, Ламар чувствовал угрызения совести и думал, не намекнуть ли матери на некоторые факты. Однако это были только символические угрызения, и он, конечно, сохранил тайну.

До сих пор Ламар не мог поверить, что выпутался из этой истории: у него все время было такое чувство, что живет взаймы. Поэтому он принимал самые тщательные меры предосторожности, чтобы его мать не узнала об его увлече-

нии.

Теперь на его душе было два греха. Человек всегда рас-
плачивается за свои поступки. Ламар расплачивался за свои
тайные грехи тем, что приговорен жить под тиранией Нила
еще год.

Он заставил себя встать и приготовиться к вечеру. Надо
было разобрать свои вещи до того, как придут девочки из
университета. Иначе они так все разложат, что он в жизни
не найдет, где что лежит. Поскольку Нил ждет от него этого,
он немного накурится, немного напьется, а потом, очевидно,
приведет к себе в комнату одну из девиц и переспит с ней.

Философия жизни, недавно принятая им, заключалась в
следующем: чтобы выжить в этом жестоком мире, приходит-
ся делать то, что надо, даже если и не хочется.

XIII

Моргантаун, Южная Каролина, 1977-1981

– Ну и ну! Не экзамен, а живодерня.

Джейд улыбнулась своему сокурснику, догнавшему ее на выходе из здания.

– Не экзамен, а смертоубийство. – Часы на колокольне пробили четыре.

Деревья отбрасывали на газон длинные косые тени, яркие осенние листья крутились и танцевали, подгоняемые свежим ветром.

– Биология никогда не была моей любовью. Между прочим, меня зовут Хэнк Арнетт.

– Рада познакомиться, Хэнк. Джейд Сперри.

– Привет, Джейд. – Он улыбнулся обезоруживающей улыбкой. – Так вы думаете, что сдали экзамен?

– Я получаю стипендию. Поэтому мне надо не просто сдать, но быть по крайней мере на три балла выше среднего.

Он присвистнул.

– Сурово.

– Если науки не пользуются у вас любовью, то что же вас интересует? – спросила она, как бы приглашая его к разго-

вору.

– Искусство. Разве можно сравнить Моне с мадам Кюри? Вы думаете, Пикассо знал что-нибудь о размножении инфузорий или это его хоть как-нибудь волновало?

Джейд рассмеялась.

– Я специализируюсь по коммерции.

– Хм-м. – Его брови поползли вверх, как будто он был удивлен. – У вас такое лицо... я думал, вы занимаетесь музыкой, может быть, литературой.

– Ничего подобного. Маркетинг, управление.

– Черт побери, здесь мой инстинкт меня подвел. Я бы в жизни не принял вас за будущего магната.

Она восприняла это как скрытый комплимент.

– Ну, мне сюда, – Они остановились на пересечении двух дорожек. – Приятно было познакомиться, Хэнк.

– Мне тоже. Я вообще-то хотел выпить чашечку кофе. Как вы?

– Совсем неплохо, но мне пора на работу.

– А где вы работаете?

– Мне действительно пора, я уже опаздываю. До свидания, Хэнк. – Джейд повернулась и побежала к стоянке машин. Он не успел ее задержать.

Хэнк Арнетт проводил ее взглядом. Это был спокойный, высокий худощавый парень, говоривший с сильным южным акцентом. У него были широкие костистые плечи, а свои волнистые каштановые волосы он часто завязывал хвостом.

Приветливое добродушное лицо Хэнка нельзя было назвать красивым, однако его живые карие глаза вызывали симпатию. Его одежда, в основном, состояла из вещей, купленных на толкучке, однако он носил их с элегантностью, не переходящей в пижонство.

Одним из достоинств Хэнка было упорство. Он обладал хорошим чувством юмора, поэтому жизненные проблемы скорее забавляли, чем сердили его. Уже на первом курсе в Дэндер-колледже Джейд поняла это. После их первого знакомства он регулярно провожал ее от здания биологического факультета до машины. Поскольку это были последние лекции перед тем, как идти на работу, у нее всегда была убедительная отговорка от приглашений выпить вместе кофе. И хотя он ей очень нравился, Джейд пресекала его робкие попытки сблизиться.

Как и предупреждал декан Митч Хирон, мисс Дороти Дэвис была не самой покладистой из тех, у кого пришлось работать Джейд. Старая дева – обстоятельство, которым она чрезвычайно гордилась, – была очень требовательной и придирчивой. В ее магазине женщины могли одеться с ног до головы, здесь была одежда на все случаи жизни, начиная с момента рождения и кончая смертью. Мисс Дороти лично знала каждую вещь в своем магазине и могла на память назвать ее артикул. Продавцы боялись ее до смерти.

Старание и способности Джейд вызывали одобрение мисс Дороти, считавшей ее «благоразумной молодой девушкой» в

отличие от многих других. Джейд с пользой проводила время в магазине, стараясь узнать как можно больше о производстве и продаже одежды, об изделиях из тканей и трикотажа и о ежедневных проблемах, возникающих при ведении дела.

Она поняла, что отомстить Патчеттам следует, нанеся им удар в сфере экономики. Она лишит Патчеттов главного – денег и той силы, которую они дают. Она хотела подорвать основной механизм их власти. Ее окончательной целью было произвести в Пальметто экономический переворот, который бы принес пользу обществу и положил конец господству Патчеттов. Джейд не питала особых иллюзий относительно легкости задуманного. Для успеха надо быть энергичной, знать свое дело и получить больше власти, чем у них, еще до того, как она сможет действовать. Все, что она делала, было подготовкой к возвращению и их уничтожению. Каждое утро Джейд просыпалась и засыпала с мыслью о победе, ожидающей ее в далеком будущем.

Если бы не Нил, то насилия бы не было. Ее главной мишенью были Нил и его отец. Она не собиралась отпускать с миром Хатча, Донну Ди и Ламара, но с ними она будет разбираться постольку поскольку. Главное – уничтожить Патчеттов.

Под вымышленным именем она подписалась на ежедневную газету «Пальметто пост», которую ей доставляли в абонентный ящик в колледже. Газета держала ее в курсе ос-

новных событий города. Летом она прочла о бракосочетании Донны Ди и Хатча. Интересно, подумала Джейд, были ли у нее три подружки, все в розовом, как она всегда мечтала? Она старалась, чтобы газеты не попали в дом Хиронов: боялась, чтобы они не узнали, что в своем родном городе она персона нон грата. Родственники Митча, очевидно, были действительно очень дальними, поскольку с ними не было никакого контакта – ни звонков, ни визитов, ни поздравительных открыток. Разговор о них больше не возникал, но лишь через несколько месяцев Джейд немного успокоилась и прошел ее страх быть разоблаченной. Эта семья значила для Джейд и Грэма так много, что ей не хотелось, чтобы хоть что-то омрачило их отношения.

Хироны брали с нее за комнату и питание только пятьдесят долларов в месяц и то лишь для того, чтобы пощадить ее гордость. Мисс Дороти предоставляла ей десятипроцентную скидку при покупке одежды. Однако одевать Грэма было не дешево: он рос очень быстро; много денег уходило также на регулярные визиты к педиатру и прививки. Каждый цент был на счету.

Поскольку Джейд не могла допустить, чтобы что-то мешало ее работе, неожиданное появление Хэнка Арнетта в магазине мисс Дороти не очень обрадовало ее.

Она резко выпрямилась над коробками с махровыми халатами.

– Что ты здесь делаешь? Пожалуйста, уходи. Меня уволят.

– Не бойся, Джейд. Старушка ничего с тобой не сделает: я сказал ей, что должен тебе что-то срочно передать от твоего квартирного хозяина.

– Доктора Хирона? Что передать?

Лицо Хэнка забавно сморщилось, когда он улыбнулся.

– Так ты живешь у декана Хирона? Подумать только. – Он почесал голову. – Мне и в голову не пришло поискать в домах у преподавателей. Я прочесал все общежития.

– Это недостойный прием! – До этого Джейд всячески уклонялась от ответа на его вопрос о ее местожительстве. На этот раз он ее перехитрил. Но на Хэнка невозможно было сердиться. – Получил свое, теперь, пожалуйста, уходи. Я не могу позволить себе потерять работу.

– Я безропотно уйду при одном условии.

– Никаких условий!

– Ну, как хочешь. – Он уселся на край стола мисс Дороти и стянул яблоко из корзины с фруктами, которые та регулярно поглощала из-за содержания в них клетчатки.

Джейд с беспокойством посмотрела на дверь, ожидая, что в комнату вот-вот ворвется ее хозяйка, размахивая приказом об увольнении.

– Какое условие? – прошептала она.

– Завтра перед занятиями по биологии ты выпьешь со мной чашечку кофе. И не говори, что у тебя еще какие-то лекции, потому что я видел, что в это время ты занимаешься в библиотеке.

– Мисс Сперри?

Звук голоса мисс Дороти заставил ее вздрогнуть. С испугу она приняла решение, а затем выставила Хэнка, запихнув яблоко в карман его куртки. Выходя из комнаты, он отдал честь мисс Дороти.

Ее ноздри дрожали от негодования.

– Кто этот наглец?

Джейд пробормотала какое-то более или менее приемлемое объяснение, едва сдерживая смех при мысли о том, что Хэнк действительно наглец.

На следующий день они встретились в кафетерии и потом стали делать это постоянно. Он иногда приглашал ее поужинать, в кино или на концерт, но, к его огорчению, она всегда отказывалась. Другие парни в колледже тоже пытались поухаживать за ней, однако она сразу пресекала всяческие попытки такого рода. Хэнк был единственным, кто относился к ней по-дружески, без агрессивности и без приставаний.

Однажды, в конце рождественских каникул, когда Джейд играла с Грэмом на заднем дворе, Кэти окликнула ее.

– К вам гости.

Хэнк вприпрыжку преодолел дворик и плюхнулся на траву рядом с ней.

– Привет! Я немного опоздал, но все равно с Рождеством тебя, а также с Новым годом.

– Тебя также.

– Хорошие подарки получила от Деда Мороза?

– Даже слишком, – сказала Джейд, вспомнив смутившую ее щедрость Хиронов, за которую она не могла отплатить. – Ты что-то рано вернулся из Уинстон-Салема.

Он пожал плечами.

– Да дома особенно-то и делать нечего, кроме обжорства. Ма сказала, что я похудел и решила исправить положение. Я пытался убедить ее, что всегда был худым, однако она меня закармила. Теперь до самой Пасхи могу не есть. Джейд, а что это за малыш?

Хэнк выпалил все скороговоркой, однако после вопроса резко замолчал. Склонив голову набок, он с любопытством смотрел на нее, как щенок смотрит на хозяина, когда тот с ним разговаривает.

– Это мой сын. Его зовут Грэм. Грэм, поздоровайся с Хэнком. – Грэм заковылял по траве в сторону Хэнка и шлепнул его по носу.

– Эй! – Тот поднял кулаки, как бы собираясь боксировать с мальчиком, затем легко ткнул его в живот. Грэм рассмеялся.

– Я не замужем и никогда замужем не была, Хэнк.

– Я не спрашивал.

– Но хотел.

– Его отец был тебе чем-то дорог?

– У Грэма нет отца, если смотреть с этой точки зрения.

Хэнк радостно улыбнулся и завалился на траву, ухватив малыша. Грэму нравилась всякая возня. Его радостный смех

заставил Кэти выглянуть в дверь и посмотреть, что происходит. Она пригласила Хэнка остаться поужинать с ними.

– Я буду скучать по тебе ужасно. – Хэнк с несчастным видом смотрел на улицу сквозь ветровое стекло. Шел дождь, проливной весенний дождь. – Если бы моя мать не прижала меня, я бы остался здесь и пошел на летние курсы.

– Не надо этого делать. Тем более из-за меня.

Джейд сидела в его «фольксвагене», который он раскрасил, как божью коровку. Повернув голову, Хэнк посмотрел на нее.

– Джейд, я все это делаю только из-за тебя. Неужели ты этого еще не поняла?

Она опустила глаза.

– Я давно тебе сказала, что мы можем быть только друзьями. И только ими. Я очень хорошо помню этот разговор. Это было сразу после твоего возвращения с рождественских каникул. Мы готовились к семинару по биологии...

– Помню, помню, – сказал он с раздражением.

– И я не виновата, что ты разочарован. С самого начала я вела себя по отношению к тебе честно. – Джейд потянулась, чтобы открыть дверь, но он перехватил ее руку.

– Нет, ты не всегда была честной. Ты говорила, что тебе нужна только дружба, но не сказала почему. Я могу только догадываться, что это как-то связано с Грэмом.

Она отрицательно покачала головой.

– Послушай, Джейд. Я ужасно люблю малыша. Мне плевать, кто его отец. Я хочу быть ему отцом.

– Пожалуйста, Хэнк, не надо, – простонала она. – Ничего больше не говори. Я не могу ответить на твои чувства.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Почему, Джейд? Скажи. Я знаю, что нравлюсь тебе.

– Да, очень.

– Но... В чем дело?

Она отвернулась, не желая отвечать.

– Джейд. – Он сжал ее лицо своими тонкими изящными руками.

– Какой-то подонок обидел тебя. Он разбил твое сердце. Забудь об этом, хорошо? Я так люблю тебя, я сделаю все, чтобы ты забыла о всех своих бедах.

Она закусила нижнюю губу и покачала головой, насколько его ладони позволили это сделать.

– Ты такая красивая, Джейд. Боже милостивый, как я люблю тебя!

Он наклонился к ней и впервые поцеловал. Губы Хэнка были мягкие и нежные. В них не было угрозы, и все же у Джейд сердце начало колотиться, она не могла пошевелиться от потрясения и страха. Он целовал ее лицо, его губы скользили по ее векам, щекам, он шептал что-то о том, как она прекрасна и желанна.

Джейд опять почувствовала его губы на своих. Она сдела-

ла несколько коротких вздохов, затем совсем перестала дышать, когда его губы прижались еще сильнее и попытались их раскрыть. Полная ужаса, она не могла оттолкнуть его. По ошибке Хэнк принял ее неподвижность за согласие: наклонив голову, он снова потерся своими губами о ее губы, пытаясь раскрыть их.

Джейд как бы окаменела. Хэнк убрал руки от ее лица и положил на плечи, поглаживая ее, стараясь снять напряженность. Затем взял ее руку и прижал к своей груди, другую положил на свое бедро.

Его дыхание стало отрывистым и хриплым. В горле слышались какие-то булькающие звуки. Тем не менее он изо всех сил сдерживал себя, нежно целуя ее и стараясь вызвать у нее ответную реакцию. Хэнк был нежен, но настойчив. Его язык не был грубым или чересчур энергичным. Но как только Джейд почувствовала его у себя во рту, то застонала от отвращения и страха. Она вспомнила не пылкие и нежные поцелуи Гэри, но только те... связанные с насилием. Она подняла руки к плечам Хэнка. Неправильно поняв ее движения, он обнял ее, крепко-крепко прижал к себе и склонился над ней.

– Нет! – Джейд оттолкнула его. Ее голова дергалась из стороны в сторону, она умоляла не мучить ее. Из груди вырывались сухие судорожные рыдания. – Перестань. Пожалуйста, не надо. Боже!

– Джейд? – напуганный до смерти, Хэнк попытался об-

нять ее, но она съежилась в углу машины. – Джейд, – прошептал он. В голосе звучало недоумение и страдание. – Прости меня, Джейд. Я не хотел сделать тебе плохо. Джейд?

Его пальцы перебирали ее волосы до тех пор, пока она не успокоилась. Наконец она подняла голову и посмотрела на него широко раскрытыми испуганными глазами.

– Я же говорила тебе. Я не могу.

– Все в порядке, Джейд.

Но она хотела убедиться, что он действительно понял ее.

– Я не могу делать это с тобой. Вообще ни с одним мужчиной. Никогда. Так что не надейся. И не трать понапрасну время.

В его глазах исчез блеск, но не доброта. Он криво улыбнулся и сказал, пожав плечами:

– Мое время, что хочу, то с ним и делаю.

Он проводил ее к двери и попрощался, обещав писать по крайней мере один раз в неделю в течение лета. Войдя в дом, Джейд облокотилась о дверь и закрыла глаза.

– Джейд, вы с Хэнком выпьете кофе с пирожными?

Кэти, вышедшая в прихожую, сразу замерла, увидев страдальческое выражение на лице Джейд.

– Хэнка нет, Кэти. Он просил передать вам обоим большой привет и попросил попрощаться за него. Он сказал, что с нетерпением будет ждать встречи с вами осенью.

– О, я думала, он зайдет ненадолго.

– Нет. Как там Грэм? Лег спать без скандала? Пойду по-

смотрю, что он делает.

Когда Джейд проходила мимо Кэти, та взяла ее за руку.

– Что случилось? Расстроилась, что Хэнк уехал на лето? Может, вы поссорились?

Джейд присела на ступеньку лестницы, по которой начала было подниматься, и закрыла лицо руками, невесело улыбаясь.

– О Боже, если бы все было так просто...

Кэти опустила руку на ступеньку пониже, отвела ее руки с лица и посмотрела на нее с материнской тревогой.

– В чем дело, Джейд? Ты мне можешь сказать?

– Где Хэнк? Что здесь происходит? – спросил, входя в прихожую, Митч. Поверх пижамы на нем был легкий халат. Кэти, как только что заметила Джейд, тоже была готова ко сну, в волосах ее были бигуди: очевидно, они ждали ее и не ложились.

Хироны стали для нее больше чем родителями. Рональд Сперри существовал в виде медали в коробочке, фотоснимка и теплых, но отдаленных воспоминаний. Джейд несколько раз пыталась найти мать, но безрезультатно. Велта хорошо замела следы, а может быть, Харви замел их для нее. Было очевидно, что она умыла руки и не желает больше иметь дела с ней и Грэмом. Джейд тяжело переживала разрыв с матерью, но затем примирилась с ним и лишь надеялась, что Велта нашла свое счастье.

Про себя Джейд могла это сказать. С того дня, как Хи-

роны настояли, чтобы она с Грэмом поселилась у них, они относились к ней, как к собственной дочери, хотя и требовали, чтобы она называла их по имени. Грэм называл Кэти «Д’Сафф», а Митча – «Поппи».

Дни складывались в недели, недели – в месяцы, и вскоре Джейд не могла представить себе жизни без Кэти и Митча. Они с Грэмом жили в большой комнате на втором этаже дома. Кэти готовила для них изысканные блюда. Этот красивый и уютный дом, который вначале был их убежищем, стал для них домашним очагом.

Кэти носила в своем портмоне фотокарточки Грэма и хваталась его успехами, как истинная бабушка. Они с уважением относились к ее личной жизни и никогда не спрашивали об отце Грэма, хотя наверняка им это было интересно. Любая неловкость, возникавшая при знакомстве Джейд и Грэма с друзьями Кэти и Митча, сглаживалась обычной тактичностью Кэти. Джейд испытывала огромную благодарность к Хиронам. Она знала, что этот долг она не сможет никогда вернуть, однако утешала себя тем, что хоть каким-то образом она и Грэм скрашивают их жизнь. Без щедрости и великодушия Хиронов ее жизнь была бы совсем другой. Она бы лишилась не только возможности учиться, но и их любви, сочувствия и понимания.

И теперь, усаживаясь на небольшой стульчик в прихожей, Митч спросил:

– Ну что, милые дамы, не хотите ли вы рассказать мне,

что здесь происходит?

– Да что-то произошло между Хэнком и Джейд сегодня вечером.

Джейд слабо улыbnулась.

– Нет, Кэти. Ничего между нами сегодня вечером не произошло. И вообще ничего не произойдет. В этом-то и проблема. – Она глубоко вздохнула. – К сожалению, Хэнк влюблен в меня.

– Ты не отвечаешь на его чувства? – деликатно спросила Кэти.

– Я очень люблю его, но только как друга.

– Для влюбленного узнать, что к нему относятся лишь как к другу, – удар весьма тяжелый, – произнес Митч.

– Я знаю, – с горечью отозвалась Джейд. – И еще несколько месяцев тому назад пыталась объяснить ему, что это безнадежно. Я хотела, чтобы он встречался с другими девушками, знала, что ему будет тяжело, если он не перестанет встречаться со мной. Но он и слушать не хотел. Теперь случилось самое худшее, и у меня просто сердце разрывается.

– Почему ты так уверена, что не полюбишь его когда-нибудь? – с надеждой спросила Кэти. – Он такой приятный молодой человек и действительно любит тебя. Может быть, после разлуки этим летом...

Джейд покачала головой.

– Я никогда не полюблю его. И вообще никого.

На их озабоченных лицах она видела тревогу. Каким бы

облегчением было освободиться от гнетущей тайны и рассказать им обо всем. Но Джейд не хотела, чтобы кто-нибудь знал о ее трагедии. Она уже поняла, что жертвы насилия обречены нести на себе это клеймо всю жизнь. Даже если они совершенно невиновны, как она, на них всегда смотрят с подозрением, как на зачумленных. Она все время боялась, что Хироны узнают о ее прошлом. Они конечно, будут на ее стороне, однако не хотела рисковать. Каждый раз, когда Джейд уже была готова рассказать обо всем, она говорила себе, что ее школьные друзья, ее лучшая подруга, даже ее родная мать усомнились в ней.

– Я устала, – сказала Джейд, поднимаясь. – Спокойной ночи. – Она по очереди обняла их и пошла наверх, надеясь, что ее оставят в покое. Больше они ни о чем не говорили.

Даже занимаясь по летней программе, Джейд могла работать в магазине больше обычного и вскоре стала так же хорошо разбираться в бухгалтерии, как и сама мисс Дороти. К концу лета Джейд стала настолько незаменимым работником, что мисс Дороти уволила бухгалтера и поручила всю работу Джейд.

– Мне нужна прибавка, – сказала Джейд деликатно, но твердо. – Не меньше пятидесяти долларов в неделю.

Они договорились о прибавке в сорок долларов. Большую часть денег Джейд откладывала. Если в ее жизни возникнут очередные трудности, у нее, по крайней мере, будет не двадцать долларов, чтобы как-то выкарабкаться.

Они с Хиронами успешно справились с «ужасным двухлетием» Грэма. Кэти просто-напросто убрала все бьющиеся вещи из пределов досягаемости. Когда Митч к вечеру возвращался с работы, он помогал Грэму избавиться от избыточной энергии, беря его с собой на длительные прогулки. В любую погоду, взявшись за руки, они гуляли по окрестным улочкам. Митч рассказывал ему о различных явлениях природы, и Грэм внимательно слушал, как будто понимал, о чем идет речь. Обычно они возвращались из своих походов с трофеями – гусеницей, желудями или букетиком одуванчиков для украшения обеденного стола.

Осенью вернулся Хэнк. Джейд сама удивилась тому, с какой радостью встретила с ним. Как и обещал, он писал ей раз в неделю. Его письма были полны новостей и юмора, в каждое из них был вложен рисунок для Грэма. В течение месяца они виделись почти каждый день, и Джейд опять вернулась к разговору об их отношениях.

– Хэнк, ты не забыл, что я говорила тебе весной?

– Нет, – ответил он. – А ты не забыла, что я говорил тебе?

Она посмотрела на него с несчастным видом.

– Но я чувствую себя виноватой. Ты должен встречаться с девушками, развлекаться. Тебе нужны отношения, более удовлетворяющие тебя.

Он скрестил на груди свои длинные руки.

– Ну что ты ходишь вокруг да около. Ты хочешь сказать, что мне нужно спать с девушками, так?

– Так.

– Когда я захочу, я так и сделаю, понятно? В настоящий момент меня интересует только одна женщина, но я не могу заниматься с ней этим, так как имеются какие-то проблемы. И я согласен подождать, пока она с ними справится.

– Пожалуйста, не надо, Хэнк. Я никогда не справлюсь с этими проблемами. Я не хочу, чтобы из-за меня ты был несчастлив.

– Я не несчастлив. Я предпочитаю быть с тобой и не заниматься сексом, чем заниматься этим с кем-нибудь другим и думать о тебе. Это понятно?

– Совершенно непонятно.

Он засмеялся, но глаза его были серьезными.

– Однако я хочу попросить тебя кое о чем.

– О чем?

– Тебе надо поговорить со специалистом.

– Ты имеешь в виду психиатра?

– Или психолога. – Он пожевал нижнюю губу, прежде чем произнес – Джейд, я не хочу лезть тебе в душу. Я хочу, чтобы ты это поняла, но мне кажется, что с тобой произошло что-то такое, что внушает тебе отвращение к мужчинам. Я прав?

– Почему отвращение? Мне нравятся мужчины.

– Значит, ты боишься близости. Когда я начал ласкать тебя, ты чувствовала не отвращение, нет, ты чего-то боялась.

Джейд ничего не ответила, но старалась не смотреть ему в глаза.

– Может быть, если бы ты с кем-нибудь поговорила об этом, тебе бы помогли преодолеть это.

– Надеяться не приходится.

– Однако попытка не помешает.

Больше они не возвращались к этому вопросу, однако Хэнк посеял зерно сомнения в ее душе. Она тщательно взвеси- ла все «за» и «против». Одним из сдерживающих факто- ров были деньги. Ей было жалко тратить их на консульта- цию специалиста, поскольку не возлагала на эту помощь ни- какой надежды. Кроме того, была проблема самого Хэнка. Если она будет лечиться у психолога, Хэнк будет надеяться на быстрое выздоровление и начнет давить на нее до того, как она будет к этому готова. А ведь главной целью ее жизни были не близкие отношения с мужчиной, а месть за смерть Гэри. Если она начнет избавляться от своей фобии, то энер- гия мщения ослабнет.

Однако соображения «за» были очевидны: она станет нор- мальной женщиной.

Прошел почти год после этого разговора, когда Джейд впервые пошла к специалисту. Несколько недель она нико- му не говорила об этом. Когда же наконец сообщила об этом Хэнку, он схватил ее за плечи, сильно сжал их и воскликнул:

– Отлично! Великолепно!

Однако результаты лечения не были ни отличными, ни великолепными. Обсуждение того инцидента с женщи- ной-психологом открыли раны, которые, как считала Джейд,

уже давно затянулись. После каждого сеанса она выходила с чувством, как будто опять подверглась насилию. Но после нескольких месяцев лечения у нее появилась надежда, что в один прекрасный день она сможет избавиться от страха. Если это когда-нибудь произойдет, она будет так же счастлива, как и Хэнк.

Однажды в холодный, ветреный мартовский день (Джейд уже училась на предпоследнем курсе) она вбежала в дом.

– Кэти? Митч? Грэм? Мамочка пришла. Где все?

К ней подбежал Грэм и обхватил за колени. Казалось, что с каждым днем он подрастает на целый дюйм. Теперь он двигался со стремительностью паровоза. Она нагнулась, чтобы поднять его.

– А где Кэти?

– Магазин.

– Так ты дома с Поппи? – спросила она, снимая пальто.

– Поппи спит.

– Спит? – Она бросилась в кабинет, окликывая его по имени, встревоженная его молчанием. – Митч?

На пороге комнаты она резко остановилась. Даже понимая, что он не может услышать ее, она тихо повторяла: «Митч?» Декан Хирон сидел за столом, на коленях лежала раскрытая книга, голова склонилась набок. Не было сомнения, что он мертв.

Вечером они с Кэти тихо оплакивали его в той самой комнате, где он умер, окруженный книгами, которые так любил.

Кэти была настолько убита горем, что все хлопоты по организации похорон легли на плечи Джейд.

Она уведомила канцелярию колледжа, написала и передала в местную газету некролог и отвезла Кэти в похоронное бюро, чтобы та выбрала гроб. Позже, когда Кэти ушла в свою комнату, Джейд принимала друзей, приходивших выразить свое соболезнование и приносявших продукты.

Жена молодого преподавателя истории вызвалась посидеть с Грэмом на время похоронной церемонии. Джейд с радостью приняла ее помощь, зная, что малыш будет постоянно толкаться под ногами, сбитый с толку таким количеством незнакомых людей в доме. Кроме того, он все время спрашивал, где Поппи. Для Джейд с Кэти это было как ножом по сердцу.

Хэнк все время был рядом. Он выполнял различные поручения Джейд и делал все то, что никто другой выполнить бы не мог. В день похорон он пришел пораньше. Джейд, одетая в черное платье со стоячим воротником и ниткой искусственного жемчуга, открыла ему дверь. Ее волосы были гладко зачесаны и скреплены на затылке черным бархатным бантом. Легкие тени усталости и печали под глазами только усиливали их синеву.

Она проводила Хэнка на кухню, где только что сварила кофе. Протягивая ему чашку, Джейд сказала:

– Кэти наверху, одевается. Пойду потороплю ее. Бедняжка ничего не может найти, все валится у нее из рук. Они прожи-

ли вместе тридцать три года, теперь она чувствует себя совершенно потерянной. Это была такая идеальная пара. Митч всегда был такой...

Голос Джейд дрогнул, плечи опустились, и она позволила Хэнку прижать ее к себе. Ей было хорошо в его объятиях. Он шептал ей слова утешения и поддержки, глядя ее по спине. Он был такой теплый, от него исходил приятный и знакомый запах лосьона. Ей нравилось ощущать щекой шероховатость его шерстяной куртки.

И прежде, чем они сами поняли это, их объятие приобрело другой характер. Как и советовал психолог, Джейд сосредоточила свое внимание на том, что доставляло ей чувственное удовольствие, не думая ни о чем неприятном. К ее полному смятению, ей было приятно все.

Джейд подняла голову и недоверчиво посмотрела на Хэнка. Он ласково улыбнулся ей, как будто читая ее мысли. Он медленно провел тыльной стороной руки по ее щеке, чуть погладив пальцем ее губы, а затем нежно поцеловал.

Сердце Джейд колотилось как сумасшедшее, но не от страха. Она не чувствовала себя скованной, не отвернулась и не оттолкнула его. Хэнк поднял голову и ждал ее протеста. Когда же его не последовало, он глубоко вздохнул, и ее губы почувствовали его вздох. Затем он снова обнял ее.

– Хэнк?

– Только не говори, чтобы я перестал, – умоляюще произнес он.

– Я и не собиралась. – Она прижалась к нему.

Со стоном Хэнк сжал ее в объятиях. Он раздвинул своими губами ее губы и стал нежно касаться ее зубов кончиком языка.

– Джейд? – шептал он. – Джейд?

Зазвонил звонок. Джейд вздрогнула. Хэнк отпустил ее и отступил назад:

– О черт!

Она робко и слабо улыбнулась.

– Извини, пожалуйста.

Направляясь к двери, она провела языком по губам, вспоминая его поцелуй. Ей было совсем не плохо. Наоборот, это было так прекрасно. Наверное, было ужасно думать об этом в такой день, день, когда хоронят Митча. Но она не могла дождаться, когда они с Хэнком опять смогут остаться наедине.

Когда она открыла дверь, улыбка ее погасла. Прямо перед ней стоял один из ее насильников.

XIV

Майраджейн Коуэн Гриффит не могла выглядеть более оскорбленной, даже если бы ей в лицо выплеснули ведро холодной воды.

– Так это ты, Сперри? – Это прозвучало как обвинение. – Что ты здесь делаешь?

Джейд инстинктивно схватилась за бронзовую ручку двери, не сводя глаза с Ламара. За эти годы он не очень-то изменился. Он немного отрастил волосы, раздался в плечах и выглядел уже не мальчиком, а мужчиной. Однако его темные глаза по-прежнему смотрели с настороженностью и робостью, а сейчас, когда он с удивлением взирал на Джейд, в них чувствовалась и виноватость.

– Можно нам войти? – язвительно спросила Майраджейн.

Джейд оторвала взгляд от Ламара и взглянула на его мать. Годы сказались на Майраджейн не лучшим образом. Все ее худшие черты характера отпечатались на лице, морщинами и постаревшем. Она неумело старалась закамуфлировать следы разрушения с помощью косметики. Но результат был плачевным. Ярко-синие тени собрались в складках век, а губная помада расползлась по морщинкам, расходящимся от губ.

Джейд отступила и впустила их в прихожую. Неодобрительно кривя неумело намазанный рот, Майраджейн окину-

ла ее критическим взглядом.

– Ты не ответила мне, почему дверь в доме моего троюродного брата открываешь ты?

– Я здесь живу, – ответила Джейд.

– Джейд? – Вздогнув, она повернулась к приближающемуся Хэнку, который вышел из кухни.

– Меня зовут Хэнк Арнетт, – сказал он, протягивая руку Ламару. – Вы друзья доктора Хирона?

– Митчелл был моим троюродным братом, – ледяным тоном объявила Майраджейн. – Где его вдова?

Ее тон подразумевал, что все здесь делается не так и не теми людьми, которые могут сделать как положено.

– Пойду сообщу Кэти, что вы приехали, – сказала Джейд, направляясь к лестнице. – Хэнк, будь так любезен...

Голос ее осекся, и она жестом пригласила их войти в гостиную. Хэнк непонимающе смотрел на нее. Видимо, он заметил, что что-то здесь не так, но даже в своих худших предположениях не смог бы догадаться, что она почувствовала, когда открыла дверь и увидела Ламара.

Быстро повернувшись, Джейд побежала вверх по лестнице. Добежав до площадки, она прислонилась к стене и зажала рот кулаками. Она зажмурилась, однако вспышки яркого света, казалось, проникали ей под веки, в ушах стоял гул.

Четыре года. Спустя четыре года реакция могла бы быть не столь острой. Но когда Джейд встретила с Ламаром лицом к лицу, в ней поднялась такая ярость, что ей хотелось

вцепиться в его физиономию и измолотить его, сделать ему так же больно, как когда-то было ей самой. Каким-то чудом она сдержалась, однако мысль о том, что ей придется быть под одной крышей с ним, заставляла ее содрогнуться от отвращения. Ей хотелось вымыться, принять горячую ванну, отскрести с себя грязь, как сделала это тогда.

Однако выбора у нее не было. Из-за Кэти. Сейчас, сегодня она нужна была Кэти. Машинально поднявшись по лестнице, Джейд подошла к двери спальни хозяйки дома и постучала.

– Кэти, к вам пришли.

– Зайди, пожалуйста.

Кэти никак не могла справиться с застежкой высокого воротника своего черного платья. Джейд помогла ей. Кэти взглянула на себя в зеркало.

– Митч терпеть не мог, когда я надевала черное. Он говорил, что для меня это слишком эффектный цвет. – Она вопросительно склонила набок голову. – Интересно, он хотел сделать мне комплимент?

Джейд положила подбородок на плечо Кэти и прижалась щекой к ее лицу, глядя на их отражение в зеркале.

– Ну конечно. Он считал вас неотразимой. Кэти слабо улыбнулась.

– Иногда я забываю, что его уже нет. Я хочу что-то ему сказать, а затем сразу вспоминаю, и опять эта боль. Это такая свежая рана, ты понимаешь меня?

Да, она это понимала очень хорошо. Именно это она почувствовала, когда несколько минут тому назад открыла дверь Ламару Гриффиту.

– Только что приехала Майраджейн Гриффит из Лальметто. Она ждет внизу.

Кэти перебирала вещи, лежащие на туалетном столике.

– Где же мой платок? Я хотела взять тот, который Митч подарил мне тем летом, когда мы путешествовали по Австрии.

Вышитый платок лежал на самом видном месте. Джейд взяла его и подала Кэти.

– Она говорит, что она кузина Митча.

– Это, наверное, Майраджейн Коуэн.

– Она Гриффит по мужу.

– Я совсем забыла. Я не очень хорошо знакома с ней. Митч терпеть ее не мог. Ее мать и мать Митча были двоюродными сестрами. Мы не виделись много лет, но она такой человек, что и не побеспокоилась бы, если бы я специально не сообщила ей. Я позвонила ей в день смерти Митча.

– Миссис Гриффит и... и Ламар были так поражены, увидев меня здесь, как и я, когда увидела их.

Кэти прервала поиски наручных часов среди вещей на туалетном столике. Даже сейчас, в глубокой печали, она почувствовала, как глухо звучит голос Джейд.

– Я уезжала из Пальметто при довольно неприятных обстоятельствах, Кэти. В общем, был скандал. Мне бы хоте-

лось, чтобы вы узнали это от меня раньше, чем она вам что-нибудь расскажет.

Глаза Кэти сердито засверкали.

– Пусть только попробует.

– И еще я не хочу, чтобы они узнали про Грэма. Никто в Пальметто не знает о его существовании. У меня есть причины скрывать это.

– Причины, о которых ты не хочешь рассказать даже мне?

Джейд отвернулась и покачала головой.

– Джейд, – сказала Кэти, беря ее за руку. – Митч любил тебя. Я тоже люблю. Ничто не изменит этого. Если бы я знала, что у Майраджейн о тебе плохие воспоминания, я бы не позвонила ей.

Женщины обнялись.

– Спасибо вам, – прошептала Джейд.

Рука об руку они спустились и вошли в гостиную. Майраджейн сидела на краешке дивана, неестественно выпрямившись. Ламар занял стул, вид у него был напряженный, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Хэнк ходил взад и вперед вдоль окна. Когда Кэти и Джейд вошли в комнату, он взглянул на них с облегчением.

– Там у ворот остановилась машина, – сказал он. – Пойду открою.

Кэти продолжала держать Джейд за руку, проходя через комнату к Майраджейн.

– Спасибо, что приехали, Майраджейн. Здравствуй, Ла-

мар. Митчу было бы приятно, что вы пришли. Полагаю, что вы уже знакомы с Джейд.

– Ну, разумеется, – произнесла Майраджейн, презрительно глядя на Джейд, на что Кэти, казалось, не обратила внимания.

– Джейд прожила у нас более трех лет, – сказала Кэти. – Митч относился к ней как к родной дочери, которой у нас никогда не было. Он просто обожал ее, так же, как и я. Джейд, будь так любезна, принеси поднос с кофе для наших гостей. Простите меня, Майраджейн. Мне нужно встретить новых посетителей.

Как всегда, Кэти удалось тактично избежать неловкой ситуации. Вскоре Гриффиты были заняты разговором с другими гостями, которые прибыли, чтобы еще до похорон выразить свое соболезнование. Джейд была занята, встречая гостей у входа, и время от времени наполняла кофейник.

Во время панихиды в часовне она почти забыла о неожиданном появлении Ламара и его матери. Сидя, по просьбе Кэти, рядом с ней, она не могла отвести взгляда от усыпанного цветами гроба. Во время речей она все время думала о Митче. Это был уважаемый ученый, преданный муж и добрый и любящий приемный отец для нее и дедушка для Грэма. Если бы ничего не случилось, их жизнь была бы совсем другой. Им будет остро не хватать его.

У края могилы пришедшие проводить Митча восхищались ее самообладанием и той поддержкой, которую она ока-

зывала Кэти. Ее глаза оставались сухими, и поэтому никто не знал, как горько она оплакивала его в душе. День казался бесконечным. Нескончаемый поток друзей и коллег Митча, стремившихся выразить свое сочувствие вдове, тянулся к дому. Даже к вечеру толпа не поредела. Однако с наступлением ночи в доме остались только несколько человек. Когда и они ушли, Кэти и Джейд остались наконец одни.

– Пойду, пожалуй, заберу Грэма, – сказала Джейд.

– Пусть поспит там еще одну ночь. Они сами это предлагали. Там за ним хорошо присматривают. А ты и так сегодня весь день на ногах. Я понимаю, как ты устала.

– Просто с ног валюсь, – согласилась Джейд, опускаясь на диван рядом с Кэти и сбрасывая черные замшевые туфли на каблуках. – Как, впрочем, и вы.

– Признаться, мне было приятно говорить о Митче. Он так много значил для всех, кто знал его. Джейд взяла Кэти за руку и сжала ее.

– Это действительно так.

Они немного помолчали, потом Кэти сказала:

– Я не заметила, когда ушел Хэнк, и не успела поблагодарить его за все то, что он сделал для меня за эти дни.

– Я попросила его проводить ту пожилую пару из Бирменгема. Они не успели расположиться в мотеле и не знали, как его отыскать. Вы с кем-то разговаривали в тот момент, так что он не успел попрощаться.

– Он такой славный мальчик.

– Да, правда. Очень славный. – Они опять немного помолчали. Затем Джейд сказала: – Спасибо, что так тактично вышли из ситуации с миссис Гриффит и Ламаром. До самого их отъезда я старалась держаться от них подальше.

– Эта язва пыталась перехватить меня, когда я выходила из ванной. Она схватила меня за руку и спросила, знаю ли я о том скандале, который заставил тебя уехать из Пальметто. Я заявила ей, что если она собирается сказать о тебе что-то плохое, то ей нечего делать в этом доме.

На гладком лбу Кэти появилась морщинка озабоченности.

– Джейд, это тот скандал в Пальметто мешает тебе ответить на чувства Хэнка?

Джейд стянула с волос черную ленту и встряхнула головой. Перебирая пальцами черный бархат, она тихо сказала:

– Когда я училась в выпускном классе, меня изнасиловали три парня. Одним из них был Ламар Гриффит.

Она не собиралась говорить об этом, однако ей показалось, что настало время рассказать все Кэти.

– Майраджейн, конечно, ни о чем не знает. Она только знает, что из-за меня покончил с собой мой парень.

Плотина прорвалась, слова потекли безудержным потоком. Джейд не могла остановиться минут тридцать, говорила безо всякого выражения, как робот, потому что неоднократно повторяла про себя всю историю в те моменты, когда ослабевала ее решимость отомстить обидчикам. Кэти, в шоке, молча слушала, вытирая слезы платком.

– О Джейд, – сказала она, когда Джейд закончила. – Я рада, что ты рассказала мне. Разве можно такое носить в себе? Это многое объясняет. Как же твоя мама смогла бросить тебя с Грэмом?

– Она сомневалась в моей невиновности и была недовольна тем, что мы уехали из Пальметто, а я не заставила одного из этих парней жениться на мне и признать Грэма.

– О Боже! Как же такое могло прийти ей в голову?

Джейд наклонилась к Кэти и обняла ее.

– Вы – первый человек, кто не сомневается в моих словах. Я знаю, что Митч тоже поверил бы мне. Я много раз хотела вам обоим рассказать. А теперь я рада, что не сделала этого, поскольку Ламар приходится Митчу родней.

– Я тоже, пожалуй, рада, что Митч не слышал твоего рассказа. Он бы... – Голос ее осекся, она прижала руку к груди. – Ох, как же мне его не хватает, Джейд. Как же я буду жить без него, не услышу его голоса, не поглажу его?

– Мне не надо было говорить о своих проблемах. По крайней мере сегодня.

– Нет, это не так. Митч бы хотел этого. Это нас еще больше сблизило, и ему бы хотелось этого.

Джейд сидела, обняв Кэти, пока у той не иссякли слезы.

– Пойду наверх, Джейд, – охрипшим шепотом произнесла она. – Спокойной ночи.

– Как вы себя чувствуете?

Кэти слабо улыбнулась.

– Не волнуйся. Мне просто надо побыть одной... с ним... сказать последнее прости.

После того как Кэти поднялась к себе, в доме стало необычно тихо. Проходя по комнате, собирая салфетки и стаканы, Джейд думала о том, как ей не хватает Грэма, его возни, его визга и болтовни. Это хоть как-то заполнит пустоту, которую оставил Митч.

Ей казалось, она никогда больше не сможет войти в его кабинет, забыть, как увидела его в неестественной позе в рабочем кресле. Нет, так нельзя, подумала она с осуждением. Нужно заставить себя вспоминать его с одной из любимых книг в руке, или идущим за руку с Грэмом, или рассказывающим свои занимательные истории.

Ее мысли были прерваны звонком в дверь. Перед тем, как открыть, она бросила на себя взгляд в зеркало.

– Джейд...

Она попыталась захлопнуть дверь, но Ламар просунул в щель руку и помешал ей.

– Пожалуйста, Джейд,пусти меня на минуту. Мне надо с тобой поговорить.

Она посмотрела на него, грудь ее взволнованно вздымалась.

– Уходи.

– Пожалуйста, Джейд. Я весь день пытался улучшить подходящую минутку, чтобы поговорить с тобой.

– Подходящей минутки не будет. И уж тем более сегодня.

Она опять попыталась закрыть дверь, но он втиснулся в щель.

– Ради бога, Джейд. Неужели ты думаешь, что мне было легко прийти сюда?

– Мне трудно судить: я никого никогда не насильовала. И я не знаю, легко ли смотреть в глаза своей жертве через какое-то время, хотя ни ты, ни твои дружки, по-моему, не испытывали особой неловкости, встречая меня каждый день в школе. Поэтому-то я и не могу понять, трудно ли тебе прийти сюда сегодня.

У него был несчастный вид.

– Что бы ты сейчас мне ни говорила, я заслуживаю гораздо более резких слов, Джейд. Но уже ничего нельзя исправить. Но пожалуйста, позволь мне поговорить с тобой, хотя бы несколько минут. Это все, о чем я прошу.

Джейд впустила его – может быть, потому, что он признал, что случившееся там, около канала, произошло против ее воли. Позже, вспоминая их встречу, она поняла, что это была единственная причина, почему она дала ему войти.

Он вошел и тихо прикрыл за собой дверь.

– А где миссис Хирон?

– Наверху.

– Можем мы где-нибудь сесть?

– Нет. – Как бы защищаясь, Джейд скрестила руки на груди. – Говори, что хотел сказать, Ламар.

Внешне он изменился к лучшему по сравнению со школь-

ными годами, но ему по-прежнему не хватало уверенности в себе. Он не стал с ней спорить.

– Джейд, то, что мы с тобой сделали. . .

– Вы бросили меня в грязь, держали за руки и за ноги, и по очереди насильовали. Вот что вы сделали, Ламар.

– О Боже, – простонал он.

– Может быть, твои воспоминания несколько стерлись в памяти – мои нет. Нил несколько раз ударил меня, чтобы я не кричала. Хатч был грубее всех. Он сделал мне больше всех.

Лицо Ламара приобрело зеленоватый оттенок.

– Ты колебался, но все равно ты это сделал.

– Джейд, у меня не было выбора.

– Не было выбора? А у меня, у меня был выбор?

– Даже если бы я захотел это прекратить, что я мог сделать? Поколотить Нила и Хатча? – Он издал короткий лающий смешок. – Представляю себе. Ты разве не понимаешь?

– Нет! – отрезала Джейд. Глаза ее сверкали. – Потому что даже если ты не мог этого прекратить, тебе не обязательно было в этом участвовать. Ты бы мог остаться и помочь мне. Ты мог бы выступить и поддержать меня, рассказать правду о том, что случилось.

– Нил бы убил меня.

– Ты просто стоял и смотрел, как мое имя топчут в грязи. Ты молчал, когда Нил издевался над Гэри и в конце концов довел его до самоубийства.

– Я ничего не мог сказать, Джейд. Мне приходилось быть

с Нилом. Прости. – В его глазах заблестели слезы. – Ты сильная. Ты всегда была сильной. Тобой восхищались. Ты не знаешь, что значит иметь только двоих друзей.

– Я знаю, что значит совсем их не иметь! – В те последние месяцы ее школьной жизни все отвернулось от нее, кроме Патрис Уатли.

Ламар продолжал неуклюже улыбаться.

– Ты не можешь себе представить, что значит быть под каблуком у Нила. Только в прошлом году мне удалось уйти от него, ему от злости моча ударила в голову. Мы вместе жили в одном старом доме...

– Мне это не интересно.

– Но все же я уехал оттуда до конца весеннего семестра, и он потом со мной не разговаривал несколько недель. Он так же вел себя, когда женился Хатч. Между прочим, ты знаешь, что он женился на Донне Ди Монро?

– Они стоят друг друга.

– Хатч пару лет играл в футбол. Нил ревновал его даже к команде. После четвертого курса Хатч всех удивил и пошел на военный флот. Нил говорил, что он хотел быть подальше от Донны Ди, потому что она задолбала его, чтобы он сделал ей ребенка. Теперь они живут на Гавайях, но я слышал, что собираются вернуться. Хатч все еще не папашка.

«Кто знает», – подумала Джейд, и эта мысль заставила ее содрогнуться.

– Ты для этого пришел сюда, Ламар? Чтобы рассказать о

моих насильниках?

– Джейд, я чуть в обморок не упал, когда ты открыла дверь сегодня утром. У меня от страха просто язык отнялся.

– От страха? – спросила она с горькой усмешкой. – Ты что, боялся, что я тебя убью?

– Нет, хуже. Я боялся, что ты ткнешь в меня пальцем и обвинишь в насилии.

– Однажды я пыталась это сделать, только безрезультатно.

– Ты имеешь полное право презирать меня.

– Большое спасибо, Ламар, твоего-то разрешения мне как раз и не хватало.

– Я не хотел задеть тебя, я неправильно выразился. – Он опустил голову и уставился в пол, глубоко вздыхая.

– Я думаю, тебе лучше уйти.

– Я еще не сказал того, что хотел.

Она холодно посмотрела на него, как бы поторапливая.

– Я хочу, чтобы ты поняла, почему... почему я... был с ними тогда. В то время Хатч был готов сделать все, что прикажет ему Нил. Кроме того, мне кажется, Хатч был влюблен в тебя.

– Как ты смеешь говорить о насилии как о чем-то, относящемся к любви? – Она опустила руки, ладони сжались в кулаки. – Единственное, в чем состоит разница между тем, что вы сделали со мной, и убийством, это то, что я еще жива. Но если бы Нил приказал вам с Хатчем убить меня, я бы, возможно, была мертва.

Его глаза умоляли о прощении.

– Все, что ты говоришь, это правда, Джейд. Это было преступление. Нил хотел отомстить Гэри за то, что он взял тогда верх у «Дейри Барн». По крайней мере, Нил воспринимал это так. Он все время трепался, что ты с ним заигрываешь. Я знаю, он злился, что ты предпочла ему Гэри. Что касается Хатча... – Ламар пожал плечами. – У меня есть кое-какие соображения, но только он один знает, почему пошел на это.

Он помолчал, затем глубоко вздохнул.

– Что касается меня, то это было испытание на мужественность. Мне необходимо было доказать им и себе, что я мужчина. К сожалению, это не помогло.

Джейд не сводила с него глаз. Ламар поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

– Джейд, я гомосексуалист.

Он горько засмеялся.

– Полагаю, это классический случай – слабовольный отец, властная мать. Мои подозрения относительно этого подтвердились только после первого курса университета, когда мы жили в сплошном разврате. Я переспал со многими девчонками, однако не получил от этого никакого удовлетворения. На следующий год я познакомился с одним человеком в Пальметто. Он преподавал в средней школе. Потом был уволен за то, что его застали с одним из учеников в его комнате. Моя мать даже и подумать не могла, как я был убит, когда она позвонила мне, чтобы рассказать последние пальметтов-

ские сплетни, и поведала эту грязную историю о моем возлюбленном. Я думаю, его уволили за соращение молодых ребят вроде меня. Он потом переехал куда-то на восток. Так что моя первая любовь окончилась трагически.

– Моя тоже.

– Да, понимаю, – сказал Ламар тихо, отводя взгляд. – В университете у меня были новые друзья и любовники. Один из них стал ревновать меня к женщинам, с которыми приходилось иметь дело во время вакханалий, устраиваемых Нилом. Мне приходилось в них участвовать, потому что я не хотел, чтобы Нил о чем-нибудь узнал. И Боже сохрани, чтобы об этом узнала моя мать. Она тогда направит меня на Ку-Клукс-Клан. Ты можешь себе представить ее реакцию, когда она узнает, что семейное древо Коуэнов обречено, потому что ее сын – голубой?

Грэм тоже может быть Коуэном, однако Майраджейн никогда об этом не узнает.

– Никто еще не догадывается о моей тайне, – признался Ламар. – Но когда я увидел тебя сегодня, я захотел, чтобы ты узнала. Я думаю, это может объяснить, почему я это сделал.

В течение некоторого времени Джейд смотрела на него с нескрываемым презрением.

– Ты пришел сюда признаться в своем мерзком грехе не из-за меня, Ламар. Ты признался в этом, потому что ты хочешь, чтобы я простила тебя. Так вот, тебе не повезло, твои сексуальные предпочтения не оправдывают насилия. Вы не

только изнасиловали меня, из-за вас погиб Гэри. Даже если бы я и смогла простить тебе первое преступление, я никогда не прощу второе. Нет, Ламар, пока я жива, я буду ненавидеть вас. Пока я не увидела тебя сегодня утром, я думала, что время затянуло раны. Но вот появился ты, и все опять вернулось, все настолько живо в моей памяти, как будто произошло вчера. Я лежу на спине в грязи, умоляя вас троих не делать этого. – Глаза Джейд угрожающе сощурились. – Я никогда не забуду этого, а пока я помню – вам не будет прощения.

Ламар смотрел куда-то поверх ее плеча. Миловидные черты его лица выражали печаль и смирение. Наконец он опять взглянул на нее.

– Я так и думал, что ты скажешь что-нибудь в этом роде. Я думал... я надеялся... я хотел попытаться.

Он повернулся к двери, затем помедлил и посмотрел на нее.

– Не думаю, что это что-нибудь изменит, однако хочу попросить – прости меня.

– Нет!

С удрученным видом он кивнул и вышел, закрыв за собой дверь. Джейд бросилась к двери и заперла ее. Она так сильно прижалась лбом к твердому дереву, что ей стало больно. Их издевательства звенели у нее в ушах. Нил держал ее за руки и поддразнивал Ламара, чтобы он поторапливался. Хатч, еще не отдышавшийся от трудов, называл Ламара слабаком за его

нерешительность. Джейд закрыла уши и медленно сползла по двери на пол. Положив голову на колени, как в ту несчастную ночь, она жалобно застонала:

– Нет, пожалуйста, не надо.

Однако Ламар сделал свое подлое дело и был чрезвычайно горд. Как он посмел прийти к ней теперь, пытаясь облегчить больную совесть, открыв свою позорную тайну и прося ее прощения?

Ему могло показаться, что Джейд забыла ту неприятность и теперь благоденствует. Он не знал, что даже после нескольких месяцев лечения она не способна любить по-настоящему. Та ночь отпечаталась в ее душе как родимое пятно, и она никогда не избавится от него. Это приговор на всю жизнь, и она ни с кем не сможет разделить свою беду, особенно с таким дорогим для нее человеком, как Хэнк.

Из-за похорон Джейд имела возможность избегать его сегодня. Но завтра она скажет ему, что никогда не сможет подтвердить свою любовь физической близостью, никогда не сможет дать ему того, в чем он нуждается, на что имеет право. На этот раз она должна заставить его поверить и принять это.

В душе ее была такая же темнота, как и за окном. Тишина дома сомкнулась вокруг нее. Она горевала о Грэме, который больше никогда не увидит своего Поппи. Ее сердце болело за Кэти, которая потеряла мужа и самого близкого друга. Она жалела Хэнка, зная, какую сердечную рану нанесет ему...

В эти сумрачные ночные часы она почти завидовала Митчу, обретшему покой.

Джейд окончила Дэндер-колледж лучше всех в группе. В своей речи на церемонии вручения дипломов она выразила благодарность покойному доктору Митчеллу Хирону за то, что он поверил ей в свое время. Кэти сделала множество снимков Джейд в шапочке и мантии и устроила прием в ее честь.

В тот день Джейд в последний раз уходила из магазина мисс Дороти Дэвис. Старая женщина держала спину так же прямо, как и всегда. Однако в ее глазах блестели слезы.

– Думаю, что надо будет продать магазин, – всхлипнула мисс Дороти. – Все равно уйдут месяцы, чтобы найти кого-то достойного.

Она хотела сказать, что никогда не сможет найти ей замену, и обе понимали это. В последний год Джейд практически вела в магазине все дела. Остальные работники подчинялись ей. Мисс Дороти была главой лишь номинально.

– Мне бы хотелось, чтобы вы взяли вот это, – сказала она, протягивая Джейд белый конверт.

В нем лежал чек, первый чек, выписанный мисс Дороти за много лет.

– Пять тысяч долларов! – воскликнула Джейд, разобрав мелкий почерк на документе.

– Вы их заработали. Если бы я оставила их вам в завеща-

нии, то половина досталась бы всяким стряпчим, – сказала мисс Дороти сварливо.

– Даже не знаю, что сказать.

– Скажите «до свидания». Вы же уезжаете, не правда ли? Джейд крепко обняла старую мисс, опасаясь сломать ее косточки. Ей будет не хватать этого магазина и его эксцентричной хозяйки, но еще больше ей будет не хватать Кэти. Расстаться с Кэти для нее тяжелее, чем расстаться с собственной матерью.

Вернувшись домой, Джейд долго сидела в машине у ворот, вспоминая, как, полная отчаяния, поднялась тогда по ступеням с Грэмом на руках. Сейчас он вылетел пулей из тех же дверей. Это был крепыш с голубыми круглыми глазами и еле заметной вертикальной складкой на подбородке. Даже добежав до машины, он не запыхался.

– Кэти хочет знать, почему ты сидишь здесь и не выходишь.

«Потому что я смертельно боюсь войти в дом и сообщить новость», – подумала Джейд. Ему она сказала:

– Ждала, когда мой самый любимый мальчик придет и вытащит меня отсюда.

– Это я?

– Кто же еще? Чем сегодня занимался?

Идя рядом с ней к дому, он рассказывал ей о фильме «Улица Сезам» и о том, как они ходили в одно место, где много-много цветов.

– Оранжерея, – вставила Кэти, услышав обрывок разговора. Все трое вошли в кухню, где Джейд обычно сидела с Кэти, пока та готовила ужин. – Я купила немного цветочной рассады для газонов у парадного входа.

– Будет очень красиво. Какие цветы?

Джейд старалась поддержать разговор, но когда он иссякал, она понимала, что это из-за нее, а не из-за Кэти. Она больше не могла оттягивать.

– Кэти, мне нужно кое-что сказать вам.

– Я все думала, когда же ты наконец начнешь. Я же вижу, что у тебя что-то на душе.

Она села за стол напротив Джейд. Грэм раскрашивал картинки в большой книжке, высунув от усердия язык.

– Даже не знаю, как и приступить. Лучше скажу, как оно есть. – Джейд глубоко вздохнула. – Мне предложили работать в Шарлотте на фирме по производству одежды.

– В Северной Каролине?

– Да. Я надеялась, что найду что-нибудь поближе к Моргантауну, но вы же знаете, что, кроме колледжа, здесь ничего нет. А там хорошая работа, предлагают неплохую для начала зарплату. Я буду подчиняться непосредственно вице-президенту фирмы, занимающемуся закупками. – Она посмотрела на Кэти с мольбой в глазах. – Даже учитывая то, что нам с Грэмом придется переехать, такого хорошего шанса у меня может больше не быть.

Джейд была готова подхватить Кэти, боясь, что та разры-

дается или же потеряет сознание. Однако лицо немолодой женщины засветилось радостью, как рождественская елка.

– Я с удовольствием сменю обстановку. Когда мы переезжаем?

XV

Таллахасси, Флорида, 1983

При перелете через Атлантику почти все пассажиры заснули во время демонстрации идиотского фильма. Диллон не мог спать. Сиденья в самолете не соответствовали его телосложению. Оставалось только откинуться в кресле и закрыть глаза.

Услышав, как зашевелилась Дебра, он повернулся посмотреть, что она делает. Она прикрывала одеялом спящего сына, затем подняла глаза на Диллона и улыбнулась.

– Он просто молодец, – прошептала она. – И не подумаешь, что это его первое путешествие.

Шестимесячный Чарли лежал на спине в переносной люльке. Когда он засопел во сне, любящие родители посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Постарайся заснуть, – заботливо сказал Диллон. Он протянул руку и погладил ее по волосам. – Как только мы окажемся в Атланте, у тебя не будет ни минуты покоя.

– Ты шутишь? Мои будут так очарованы Чарли, что на нас и внимания не обратят. – Она послала ему воздушный поцелуй и уютно примостилась на своем сиденье под казенным

плодом, затем закрыла глаза.

Диллон продолжал смотреть на нее. Сердце его начинало ныть, когда он вспоминал, что чуть было не потерял ее полтора года назад. В течение нескольких месяцев после болезни, из-за которой они потеряли ребенка, у Дебры была тяжелая депрессия. Ее родители прилетели во Францию и помогли выходить ее. Они пробыли с ней столько, сколько смогли, затем оставили на попечении Диллона, который не знал, как справиться с ее подавленным состоянием.

Дебра потеряла всякий интерес к тому, чем занималась раньше, включая и занятия по кулинарии, перестала убирать квартиру. Когда Диллон приходил вечером с работы, ему приходилось выполнять всю домашнюю работу. Грязное белье накапливалось до тех пор, пока он не выкраивал время для стирки. Дебра целыми днями спала. Казалось, это был единственный способ забыть о горе.

Диллон справлялся с ним, целиком уйдя в работу. Физическое изнеможение, до которого он себя доводил, было лучшим лекарством. Усталость давала возможность ненадолго забыться. Дебра никак не могла справиться со своей бедой. Она даже отказывалась говорить на эту тему, если Диллон начинал это делать, чтобы как-то снять напряжение. Он советовался с ее врачом, и тот сказал, что необходимо время.

– У мадам Берк был сильный эмоциональный срыв. Нужно проявить терпение.

Диллон был воплощением терпения в отношениях с Де-

брой, но ему явно не хватало терпения с так называемыми специалистами.

Когда через несколько недель не наступило никакого улучшения, он решил отправить ее ненадолго домой. Думал, что большая семья немного поднимет ее настроение и вернет веру в жизнь.

Диллон никак не мог заставить себя начать этот разговор. Ему было тяжело смотреть, как Дебра сидит, уставившись в одну точку, но ему будет еще тяжелее не видеть ее совсем. Не имея другого выбора, он проявлял то самое терпение, о котором говорил врач.

Все это время Дебру интересовал только секс. Как только она оправилась физически, то она настояла, чтобы он выполнял свои супружеские обязанности. Но неистовые совокупления не были тем, что Диллон считал любовными отношениями. В них не было ни страсти, ни нежности – только отчаяние. Не было в их объятиях и радости или удовольствия. Он стремился достучаться до нее, разорвать эту завесу самоизоляции. Но Дебра хотела только забеременеть как можно скорее.

Они не тратили время на ласки. Каждую ночь они вцеплялись друг в друга, раскачивая кровать.

Потом Диллон чувствовал себя опустошенным и разочарованным, но продолжал это делать, поскольку эти несколько минут были единственными за сутки, когда Дебра проявляла интерес к жизни.

Иногда, когда Диллону хотелось рвать на себе волосы от отчаяния, он утешал себя: «По крайней мере, мне не нужно постоянно бороться с Хаскелом Сканланом». Форрест Пилот отменил приказ Диллона об увольнении бухгалтера, однако направил того на какую-то должность в Штаты. Диллона это устраивало. Ему было плевать, чем занимается Сканлан и где он находится, лишь бы подальше от него. Человек, сменивший Сканлана, был француз, прекрасно говоривший по-английски и гораздо более приятный, чем его предшественник.

В день, когда Дебра узнала о своей беременности, с ней произошла разительная перемена. Лишь только Диллон пришел домой, она кинулась к нему в объятия. Такое бурное проявление чувств было настолько необычным, что он упал на спину. Она плюхнулась на него сверху, хохоча, как в прежние времена до их трагической поездки в Церматт.

– У меня будет ребенок, Диллон. Я беременна.

Пока он приходил в себя от удивления, она разрывала его рубашку, страстно целуя в шею и грудь. Она отдалась ему прямо на полу, и снова, как раньше, – здесь были и страсть, и ласки, и любовь.

– Боже, как я счастлив, что ты снова со мной, – прошептал он, обнимая руками ее бедра и входя в нее.

В их жизнь снова вошло солнце, и она стала прекрасна. Но в течение всего срока беременности Дебры Диллон был в постоянном страхе. Вдруг что-нибудь произойдет или у Де-

бры опять случится приступ депрессии? У них может не хватить сил выдержать это еще раз. Когда подошел срок, при котором она потеряла своего первого ребенка, нервы Диллона оказались на пределе. Однажды вечером он безапелляционно заявил:

– Ты поедешь рожать домой, и никаких возражений.

– Я и так дома.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Поедешь в Джорджию, к маме. Она проследит, чтобы все было хорошо. Во всяком случае, я хочу, чтобы наш ребенок родился на американской земле.

Она пронзила его взглядом.

– Наконец она у тебя появилась.

– Кто появился?

– Любовница. Как говорит наша соседка снизу, у каждого француза есть по крайней мере одна. Она предупредила меня, что это лишь вопрос времени и что ты тоже будешь соблюдать эти обычаи, тем более сейчас моя фигура уже не такая стройная и соблазнительная.

– Ты чертовски соблазнительна! – зарычал он, положив ладонь на ее живот. Он опрокинул ее и стал целовать упругую кожу. Его губы коснулись ее не прикрытых бюстгальтером грудей. – Ты сама переняла кое-какие французские обычаи, – промычал он, лаская языком темные соски.

– Просто все мои бюстгальтеры мне малы. – Она обхватила свои груди ладонями и подставила их ему. Он ласкал

ее до тех пор, пока их прерывистое дыхание не опровергло утверждения соседки снизу.

Чуть позже, когда она лежала спиной на его груди, а его рука осторожно поддерживала ее живот, она спросила сонным голосом:

– И когда ты собираешься меня отправить к маме?

– Никогда, – вздохнул он, целуя ее в ухо. – Никуда ты не поедешь.

И только когда его новорожденный сын заорал в его руках, он почувствовал, как тревога, мучившая его в последнее время, уходит. В глазах своего отца Чарлз Диллон Берк был чудом. С того самого момента, как он увидел своего ребенка, Диллон стал самым любящим из отцов.

На работе дела шли как нельзя лучше. Здание страховой компании было завершено, и оно действительно было великолепно. Сам Форрест Дж. Пилот прилетел из Флориды, чтобы все осмотреть лично. Как показалось Диллону, он заметно постарел, кроме того, казалось, что его что-то гнетет. Однако он отметил хорошую работу Диллона и подтвердил свою оценку денежной премией.

– Я даю вам полтора месяца оплачиваемого отпуска. Вам хватит времени на переезд, потом приступите к работе.

До отъезда в Таллахасси Диллон и Дебра намеревались провести недели две в Атланте, у родителей Дебры, и познакомиться их с самым юным внуком. Диллон был уверен, что у Форреста Пилота относительно него имеются серьезные пла-

ны. Он не только оправдал надежды старика, но и сумел добиться большего.

Откинув голову на жесткий подголовник, Диллон умиротворенно прикрыл глаза. Сквозь шум реактивных двигателей он слышал спокойное дыхание Дебры и нежное сопение и причмокивание Чарли.

– Черт подери, что здесь происходит? – заорал Диллон. – Где Форрест? Что вы делаете здесь за столом?

Хаскел Сканлан развалился в шикарном кожаном кресле и самодовольно посмотрел на Диллона.

– Имею честь сообщить вам, что мистер Пилот больше здесь не работает.

Диллону потребовалось все самообладание, чтобы не опрокинуть стол, не схватить Сканлана за тощую шею и не вытряхнуть из него мозги. Такого удара в первый день он не ожидал.

Когда он заметил непривычную вывеску у стоянки машин, то подумал, что это просто новое название или новая эмблема головной компании. Однако войдя в помещение, некогда бывшее директорским кабинетом Форреста Пилота, был неприятно удивлен. У фирмы «Пилот Инжиниринг Индастриз» поменялся владелец и директор – теперь у руля стоял Хаскел Сканлан.

Диллон уставился на своего давнего врага.

– Что случилось с Форрестом?

Длинные пальцы Сканлана забегали взад и вперед по краю

полированного стола.

– Ваш покровитель ушел в отставку.

Диллон насмешливо посмотрел на него.

– Он бы не освободил это кресло без борьбы.

– Были определенные сложности, – признал Сканлан с фальшивой гримасой. – Я удивлен, что вы ничего не читали об этом в газетах.

– Мне было не до того. Я устраивал семью на новом месте.

Что произошло?

– Учитывая все имеющиеся активы, компания, в которой вы работаете, решила, что она может делать большее, чем делает мистер Пилот.

– Другими словами, его компанию проглотили. Навалился какой-нибудь синдикат и сожрал. – Глаза Диллона сузились. – Интересно, кто дал им сведения по нашей фирме?

Усмешка Сканлана была такой же отвратительной, как звук железа по стеклу.

– Я сделал все, что мог, чтобы помочь новому руководству.

– Не сомневаюсь, – фыркнул Диллон. – Задницу им так целовал, что губы опухли!

Сканлан вскочил со стула, глаза его сверкали от ярости, щеки раздулись, как у кобры. Диллон перепрыгнул через стол.

– Давай, Сканлан, ударь меня. Сделай одолжение. Дай мне повод вытряхнуть из тебя кишки.

Сканлан отступил на шаг.

– Если вам дорога ваша работа, то разговаривайте со мной повежливей, мистер Берк. С тех пор, как мы взяли бразды правления в свои руки, мы не уволили ни одного человека, однако нам придется это сделать. И я не буду возражать, если мы начнем с вас.

Диллон еле сдержался, чтобы не послать Сканлана как можно дальше и выскочить из комнаты. А дальше что? У него остались кое-какие деньги от премии Форреста Пилота. Однако переезд обошелся ему недешево. В Таллахасси не так уж много возможностей устроиться на работу, и он не может заставлять Де-бру с Чарли еще раз переехать в другое место: они только-только расположились в новом доме.

Они решили не покупать дом, пока не узнают этот городок получше, и сняли дом в чистеньком уютном квартале. Дворик был меньше, чем хотелось бы Диллону: в нем росло только одно дерево. Однако Дебре он нравился.

Сейчас было бы глупо кусать руку, дающую корм.

– Что вы можете мне предложить? – буркнули.

Сканлан аккуратно расправил складки брюк, усаживаясь в свое кресло. Он взял папку, открыл ее и провел пальцем по колонке цифр сверху вниз.

– Ага, на втором этаже есть мастерская, она еще не занята. Номер 1120. Сегодня можешь перенести туда свои вещи и завтра приступить к работе.

– Ты что, хочешь посадить меня за чертежную доску? –

спросил Диллон. – Ты что, издеваешься?!

– Другой работы у меня нет. Соглашайтесь или можете считать себя свободным.

Диллон разразился потоком французской брани.

– Само собой разумеется, что работа конструктора оплачивается не так высоко, как работа на площадке, поэтому ваш оклад будет соответственно пересчитан.

– Тебе действительно все это доставляет удовольствие? – сказал Диллон. Сканлан довольно улыбнулся.

– Еще какое.

– Я не могу снова работать конструктором. Должно же быть еще что-нибудь.

Сканлан некоторое время оценивающе смотрел на него, затем повернулся в своем вращающемся кресле и из картошки вытащил какую-то папку.

– Я только что вспомнил одну вещь. Мы недавно приобрели собственность в Миссисипи, но прежде чем ее можно будет использовать, там необходимо провести капитальный ремонт. Это вам подходит?

Диллон рассказал о положении дел Дебре.

– Либо соглашаться на эту работу в Миссисипи, либо опять работать конструктором. – Он с силой ударил кулаком по ладони. – И не знаю, почему я не врезал этому ублюдку и не ушел сразу.

– Ты прекрасно знаешь: ты же не уличный драчун, а се-

мейный человек, специалист высокого класса. Ты не позволишь скользкому типу Сканлану одержать над тобой верх.

– Однако у этого скользкого типа на руках все козыри, и он прекрасно это знает. После нашего разговора я пытался искать работу. Сделал около тридцати звонков, и ответ всюду был один: нет вакансий, нет работы.

– Поскольку тебе не удалось оторвать Сканлану голову, то что ты намерен делать?

– Не знаю, Дебра. – Он устало опустился на диван и потер глаза. – Знаю только одно – я не хочу больше работать за доской.

– Тогда согласишься на другую работу, и мы переедем в Миссисипи.

Диллон взял Чарли с колен Дебры и устроил его у себя на согнутой руке. Малыш крепко вцепился в отцовский палец.

– У меня есть выбор. Это, конечно, не царский подарок, но нужно вспомнить, что это лишь временно.

Когда он изложил ей план, Дебра спросила:

– А где ты будешь жить?

– В вагончике на стройплощадке. Мне вполне достаточно иметь раскладушку, небольшой холодильник и плитку.

– А как насчет удобств?

– Буду пользоваться экологическим унитазом, а в здании, которое надо отремонтировать, есть душ. Сканлан дал мне чертежи и планы, чтобы я изучил и принял решение.

Ее лицо не выражало особого энтузиазма.

– И ты будешь приезжать каждую пятницу?

– Обязательно. Клянусь.

– Не понимаю, почему мы не можем переехать в Миссисипи всей семьей.

– Потому что как только мы устроимся на новом месте, Сканлан тут же переведет меня в другое. Он так и будет заставлять нас скакать с места на место, неизвестно сколько времени.

– Но сейчас тоже все не ясно, – сказала она жалобно. – Он может продержать тебя там целую вечность.

Диллон упрямо покачал головой.

– Я не буду так же привязан к той работе, как в Версале, и уйду оттуда, как только мне предложат что-нибудь другое. Я по всему городу оставил заявления. Рано или поздно что-нибудь подвернется. Сканлан никогда не простит того, что я давил на него во Франции. Он отомстил Форресту Пилоту, а теперь предлагает мне выбор между этой дерьмовой стройкой и доской в стеклянном аквариуме. Он думает, что я соглашусь, потому что это легче. Но я не хочу доставлять удовольствие этому ублюдку.

Держа Чарли на руках, он привлек к себе жену и поцеловал ее в висок.

– Поверь мне, Дебра, это самый лучший выход. Будни летят быстро, ты даже не будешь успевать соскучиться.

К сожалению, эта вахтовая работа оказалась не столь временной и не столь легкой, как Диллон надеялся. Условия его

жизни в Миссисипи были ужасными, однако он не говорил об этом Дебре: ей и так было трудно примириться с такой жизнью.

Конца этому не было видно. Из-за необычайно дождливой осени по всему Югу жизнь на строительных площадках замерла. Прошла волна увольнений. Никому не был нужен инженер-строитель, пусть даже прекрасный, честолюбивый, любящий и знающий свое дело.

Еще в Атланте Диллон купил новую машину. Он оставил ее Дебре, а сам ездил из Миссисипи и обратно на старом мотоцикле. Он приезжал домой, поздно вечером в пятницу и уезжал днем в воскресенье. У него практически не было времени отдохнуть перед новой рабочей неделей после изнуряющих выходных.

Работа была малоинтересной. Нужно было отремонтировать внутренние помещения, переложить рухнувшие потолки, перестроить покосившиеся стены, настелить новые полы. Здание было старым и безобразным, и после ремонта оно все равно останется старым и безобразным. Тем не менее Диллон следовал тем же жестким нормам, как и при строительстве нового здания. У него был небольшой коллектив рабочих, и он требовал, чтобы каждый выкладывался полностью. Это было для него делом чести. Кроме того, он не хотел давать Сканлану ни малейшего повода придрататься к нему. Пусть понизит его в должности или уволит по злобе, но ни в коем случае не из-за плохой работы.

Все это осложняло семейную жизнь Диллона. На выходные дни скапливалось так много дел, что у них не хватало времени просто отдохнуть и пообщаться. Диллон выполнял ту домашнюю работу, которая была не под силу Дебре. Обычно он не возражал, но было жалко тратить драгоценные часы субботнего утра на черную работу, вместо того чтобы как следует выспаться, понежиться в постели с женой и полюбоваться тем, как быстро растет его сынишка.

Хотя рядом с ними жили и другие молодые семьи, они ни с кем не общались. Это стало сказываться на Дебре. Неделями она проводила время одна с ребенком, которому не было еще и года. Она обожала Чарли и была прекрасной матерью, но у нее не было возможности для самовыражения, не было желания заняться какой-либо общественной деятельностью. Диллон начал замечать признаки нарастающей депрессии, и это его пугало.

Однажды воскресным вечером, собираясь в утомительную поездку в Миссисипи, Диллон привлек ее к себе.

– Я возьму выходной на следующую пятницу и приеду на день раньше. Ты это переживешь?

Она улыбнулась неуверенной, но счастливой улыбкой.

– Ой, Диллон, неужели? Это было бы здорово.

– Я не успел сделать все, что ты мне поручила за эти выходные. Но уж на следующей неделе у меня будет достаточно времени, я еще смогу немного отдохнуть. Договорись с няней на субботний вечер. Мы разодемся и пойдем развле-

каться – в ресторан, на танцы, в кино. Куда захочешь.

– Я люблю тебя, – сказала Дебра, тычась носом в ворот его сорочки. Они стояли, обнявшись, и долго целовались. Оставалось или потянуть ее опять в постель, или уезжать. Со вздохом он взял свой мотоциклетный шлем. Дебра проводила его до дверей, держа на руках Чарли, который уже научился махать ему ручкой на прощанье.

Диллон не решил официально попросить о дополнительном выходном дне у Сканлана. Он попросту за ящик пива попросил одного из субподрядчиков присмотреть за работой, пока будет отсутствовать.

В четверг после обеда он позвонил Дебре:

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что не приедешь, – с тревогой спросила она.

– Ну что же ты мне совсем не веришь? Конечно, приеду. – Он понизил голос и сказал с нарочитым мексиканским акцентом: – В эти выходные я приеду будь здоров. – Она засмеялась. – А чем ты занимаешься?

– Готовлю для тебя кое-какие сюрпризы.

– Не могу дождаться. Это не своего ли сына я слышу?

– Он визжит, потому что знает, что я говорю с тобой.

– Передай ему, что через несколько часов я буду у вас.

– Только поосторожней, Диллон. Погода ужасная.

Ненастье не могло помешать ему отправиться в путь, но значительно задержало его. Погода во Флориде была самой холодной за многие годы. Проливной дождь лил не переста-

вая. Иногда по стеклу шлема бил мокрый снег. Пальцы в кожаных перчатках просто заоченели на руле. Когда Диллон приехал, Таллахасси казался ему желанным как никогда.

Лишь только он открыл дверь, как его встретили аппетитнейшие запахи из кухни. В центре стола стояла ваза со свежими цветами и шоколадный торт с его именем, выведенным глазурью. В духовке истекало соком жаркое.

– Дебра? – Он бросил перчатки и шлем на стул в прихожей и пошел вглубь дома, где располагались спальни. – Ты в ванной? – Он заглянул в комнату Чарли, но его кровать была пуста. – Эй, где вы там? Это и есть ваш сюрприз?

Диллон открыл дверь спальни и остановился на пороге, чтобы полюбоваться на жену и сына, мирно спящих на кровати. Чарли уютно устроился под мышкой у Дебры. Ее золотистые волосы разметались по подушке. Сердце Диллона заныло от любви и нежности: она измучилась, ожидая его. Он подошел к кровати, и сев на краешек, провел рукой по ее гладкой щеке.

И только теперь он понял, что они не спали.

Хаскел Сканлан часто задерживался на работе, но однажды он задержался позже обычного. Он вышел, когда уже совсем стемнело. На стоянке была только его машина.

На пути встала высокая фигура, лица в темноте не было видно. Прежде чем Сканлан успел удивиться, сокрушительный удар в челюсть выбил все его передние зубы и с такой

силой отбросил назад его голову, что в течение двух месяцев он носил специальную шину. Он не успел упасть на землю: невидимая рука подняла за воротник и обрушила на него еще один удар. Второй удар раздробил ему челюсть. Последний удар в живот разорвал ему селезенку.

Сканлан пролежал в больнице в полубессознательном состоянии почти неделю, прежде чем мог сказать, кого он подозревает в зверском и неспровоцированном нападении.

Полицейская машина подъехала к дому, указанному им. Никто не откликнулся на звонок. Полицейские обратились к соседке.

– После похорон, – сказала она, – он пробыл здесь всего несколько дней.

– Каких похорон?

– Его жена и сынишка умерли три недели назад от угара. Помните ту ужасную метель? А миссис Берк, прежде чем прилегла отдохнуть, включила первый раз за сезон печку. Там что-то было не в порядке с вытяжкой, и они умерли во сне. Мистер Берк обнаружил их, когда приехал домой.

– Вы не знаете, где он сейчас?

– Я не видела его больше недели. Думаю, он вернулся на работу.

Полицейские с ордером на обыск вошли в дом. Насколько они могли судить, в доме ничего не было тронута со дня трагедии. На столе в протухшей воде стоял букет засохших цветов.

Рядом с ним – остатки шоколадного торта, который до-
едали муравьи.

Никто не видел мистера Берка на строительной площадке
в Миссисипи с тех пор, как он уехал оттуда вечером в четверг
повидать семью. Люди, работавшие с ним, выражали сочув-
ствие по поводу постигшего его горя.

– Он так обожал своего малыша, – произнес один из них. –
Только о нем и говорил.

– А как он относился к жене?

– Ее фотография все еще здесь в его вагончике. Он не
очень трепался насчет нее, если вас это интересует.

Дело о нападении на Хаскела Сканлана так и не было воз-
буждено. Единственный возможный подозреваемый исчез.
Казалось, он просто растворился.

XVI

– Вонючий пачкун! Просто не верится! – Нил Патчетт покачал головой, словно не веря собственным ушам, и отхлебнул виски с содовой.

Хатч Джолли был не менее Нила поражен известием о Ламаре. Он был несколько сдержаннее в своих высказываниях.

– Я не очень-то часто общался с ними за последние годы, – заметил он. – Не так, как ты.

– Что ты этим хочешь сказать? – возмущенно поинтересовался Нил.

– Иди ты к черту! Я ничего не хочу сказать, кроме того, что я давно с ним не виделся. А ты замечал в нем какие-нибудь перемены в последнее время?

– Нет, и это может значить только одно.

– Что именно?

– То, что он всегда был педиком, – сказал Нил. – Все эти годы, что он крутился возле нас, он был им. Меня просто в дрожь бросает, когда я думаю об этом. Я жил вместе с гомиком! О Боже!

До сих пор Донна Ди не вмешивалась в разговор.

– Нехорошо поливать грязью мертвого. Мне наплевать, был ли Ламар голубым, он все равно человек. Он был нашим другом. Мне его очень жаль.

Нил огрызнулся:

– Тебе, Хатч, надо поговорить со своей старухой. Немного вправить ей мозги. Педика жалеет! Может, ей тоже стоит поехать в Сан-Франциско, как Ламару?

– Знаете, – продолжал он, – я уже тогда должен был кое-что заподозрить. Сначала он уехал из дома, в котором мы вместе жили, затем он мне все уши прожужжал о том, как поедет в Калифорнию после колледжа. Ну какой нормальный человек захочет жить среди всех этих гомиков, если сам не такой? Мне бы раньше догадаться, что он голубой.

Донна Ди раскрыла рот, желая что-то сказать, однако Хатч взглядом остановил ее и спросил:

– У нас там не осталось еще немного соуса?

С недовольным видом она резко поднялась и пошла на кухню. У нее часто бывало плохое настроение. Последнее время она терзала мужа, требуя переехать в дом побольше. Они купили этот дом после возвращения с Гавайев, где Хатч проходил службу. Он был не намного лучше, чем прежний, на базе, но ничего другого они не могли себе позволить.

Кроме того, Донна Ди использовала этот дом – кроме еще целого ряда вещей – как предлог для оправдания дурного расположения духа. Хатч не обращал внимания на то, как она гремела посудой на кухне и хлопала дверцами шкафчиков, и еще раз наполнил бокал своему гостю.

Нил еще никак не мог отойти от темы недавней смерти Ламара.

– Как называется эта болезнь, от которой он помер?

– СПИД, – произнесла Донна Ди, входя в комнату с подносом, на котором была миска с соусом и жареный картофель.

– Мой папаша говорит, что ею болеют только голубые. Это из-за того, что они имеют друг друга в задницу. Ничего себе!

Хатч занялся едой. Его некогда упругие мускулы футболиста стали дряблыми и съехали к животу, однако аппетит остался прежним.

– В газете писали, что он умер от пневмонии, – сказал он с полным ртом.

– Это Майраджейн хочет, чтобы все так думали, – сказал Нил. – Она даже не захотела хоронить его в семейном склепе Коуэнов, которым так гордится. Его кремировали там, в Калифорнии. Кучка пепла была, наверное, – вот такой, – сказал он, показав от уровня стола сантиметров пять. – Говорили, что перед смертью Ламар весил килограммов сорок.

Он засмеялся.

– О боже, ты можешь себе представить эти похороны? Это просто цирк – гомики сидят вокруг и причитают: «Ой, я несчастный, что же я буду делать без моего любимого Ламарчика», – пропел Нил тонким голоском.

Донна Ди вскочила со стула.

– Ты всегда был и останешься подонком, Нил Патчетт. Прошу прощения. – Она вышла из комнаты. Через секунду они услышали, как хлопнула дверь спальни.

Нил надул щеки.

– С твоей старухой не соскучишься, Хатч.

Хатч посмотрел ей вслед.

– Последнее время мне приходилось много работать сверхурочно, и ей не нравится сидеть по вечерам в одиночестве.

Единственное место, которое Хатч смог найти после своего увольнения из флота, был завод по переработке сои. Донна Ди очень не нравилось, что он работает на Патчеттов, хотя ему не хотелось, чтобы Нил знал об этом. Вопрос о возвращении в колледж даже не поднимался. Если бы у него нашлись деньги, у него не было желания.

Донна Ди работала в регистратуре у гинеколога. Одним из плюсов было то, что она могла бесплатно лечиться или консультироваться. Они были женаты уже десять лет, однако не имели детей. Она боролась со своим бесплодием с фанатизмом, изумлявшим Хатча.

Не раз за эти годы он пытался поговорить с ней об этом.

– Ты не понимаешь! – кричала она на него. – Если у нас нет ребенка, значит, нет причины нам быть вместе. – Хатч не видел в этом логики, но не возражал, поскольку в результате все споры оканчивались для него поражением. Он считал, что здесь какие-то женские гормональные проблемы, которых мужчины понять не могут. У его собственной матери было что-то в этом роде, потому что в свое время она хотела иметь еще детей.

Примерно раз в неделю Донна Ди приходила домой с работы со статьей о новых методах лечения бесплодия. Каж-

дый такой радикальный метод оплодотворения неизменно был причиной того, что ему приходилось проходить через какую-нибудь унижительную и неприятную процедуру.

То они совокуплялись до тех пор, пока у него не начинали болеть яйца, то ему приходилось извергать свою сперму в пластиковый пакетик, то она целыми днями ходила с термометром во рту, и когда наступало нужное время, говорила: «Теперь пора». Тогда ему надо было приступать к работе независимо от того, было ли это среди ночи или в разгар воскресного дня. Однажды она перехватила его, когда он сидел в туалете, и, стуча в дверь, прокричала: «Можешь штаны не надевать. Теперь пора». Такое поведение казалось ему не очень романтичным.

Хатч полагал, что не ему судить об идее фикс Донны Ди. Вина была не его. Анализ его спермы был благоприятным. Все врачи, к которым они обращались, говорили то же самое: «Донна Ди не может иметь ребенка». Однако она была полна решимости добиться своего. Казалось, она хочет доказать всему миру, ему и себе, что она может. Он опасался только, что ее навязчивая идея каким-то образом связана с тем инцидентом с Джейд Сперри. Он хотел знать, что Донной Ди двигало чувство его вины, и никогда сам об этом не говорил.

Нил осушил стакан виски и уселся на край журнального столика.

– Ты слишком рано женился, Хатч. Разве я тебе не говорил? Ты же меня не слушал. Теперь торчишь дома со своей

сварливой женой, а я все еще котую. – Он довольно облизнул губы. – Каждый день новая киска. – Нагнувшись вперед, он сказал, понизив голос: – Пошли сегодня со мной. Немного поразвлечемся, как в былые времена. По-моему, это будут самые достойные поминки по нашему приятелю Ламару.

– Нет, спасибо, я обещал Донне Ди пойти с ней в кино.

– А жаль. – Нил вздохнул и направился к двери. Хатч за-семенял за ним. – Между прочим, – сказал Нил, – мой старик велел спросить меня о твоей матери. Как она?

– Как нельзя лучше. Она наконец продала дом и переехала в дом поменьше. Много помогает церкви, чтобы каким-то образом убить время, теперь, когда ей не надо заботиться о папе.

Год назад шериф Фриц Джолли осматривал сгоревшее здание, и на него упала балка. Он пролежал в больнице несколько месяцев со сломанным бедром. Но даже вернувшись домой, так и не смог восстановить силы, без конца хворал и наконец умер от какой-то инфекции.

– Скажи ей, что если что-нибудь понадобится, пусть обратится к отцу.

– Спасибо, Нил. Я передам. Она будет очень тронута.

– Самое большее, что мы можем сделать, это как-то позаботиться о ней. Твой отец очень много сделал для моего. Ты знаешь... – Он протянул руку и похлопал Хатча по карману сорочки. – Всегда хорошо иметь своего человека в полиции. Тебе нравится работать на фабрике?

– Воняет, как в нужнике.

Нил фыркнул и слегка толкнул Хатча в плечо.

– Посмотрим, чем смогу тебе помочь.

Хатч схватил Нила за рукав, мешая ему выйти.

– Что ты хочешь сказать?

Нил убрал его руку.

– Лучше иди к своей старухе. Извинись за своего подонка-приятеля. Я еще не встречал бабы, которая бы не таяла от извинений.

Хатч покачал своей большой рыжей головой, как недовольный пес.

– Скажи, что ты имел в виду, когда говорил о работе на фабрике?

Нил нахмурился, как будто не хотел раскрывать какой-то секрет. Понизив голос, произнес:

– Уже пора, чтобы кто-то подумал о тебе, Хатч. Этот шериф, который пришел на место твоего отца, такая дубина. Мой папашка считает, что в полицию должны прийти новые люди. До тебя еще не дошло, куда я клоню?

– До меня? – переспросил Хатч, так же понижая голос, чтобы соответствовать заговорщицкому тону Нила.

Нил широко улыбнулся.

– Только подумай, как обрадуется твоя бедная мамочка, если ты пойдешь по стопам отца.

– Я когда-то обращался с просьбой взять меня на должность помощника, когда ушел из флота. Но им были не нуж-

ны люди.

Нил уперся руками в бедра и покачал головой, как бы раздосадованный несмышленостью Хатча.

– Твоя беда в том, что ты никому не веришь, Хатч. Хоть когда-нибудь Патчетты не добивались того, чего хотели? Словечко там, словечко здесь – мы кое-что можем.

– Конечно, если я получу работу получше, то и в семье все будет по-другому. – Хатч посмотрел в сторону комнаты, где отсиживалась надутая Донна Ди. – Я бы сделал все, что угодно, лишь бы попасть на работу в службу шерифа.

Нил улыбнулся ему и слегка похлопал по щеке.

– Вот на это мы и рассчитываем, Хатч. Именно на это.

Айвен сидел у себя в комнате со стаканчиком виски, когда Нил вернулся домой. Тот вошел и прямым ходом направился к бару. Выдерживая паузу, он налил себе стакан.

Айвену надоело ждать, он откинул газету и спросил:

– Ну что, он надумал?

– Папа, он заглотнул наживку, как голодная зубатка.

Айвен хлопнул по ручке кресла.

– Черт подери! Отлично. Жду не дождусь, когда лично вышвырну этого ублюдка, который там сидит. Конечно, торопиться нельзя. Хатч должен начать как помощник, а затем потихоньку идти наверх. Думаю, через год – полтора мы будем чувствовать себя уверенно, по крайней мере, относительно блюстителей законов.

Нил поднял стакан, салютуя отцу.

– Может быть, ты и стар, но у тебя всегда есть хоть одна блестящая идея в запасе.

– Черта с два, стар! – возмутился Айвен. – Я еще могу перехитрить, перепить и перетрахать баб больше, чем любой мужик лет на двадцать меня моложе.

– Может быть, некоторых, но не всех, – ухмыльнулся Нил. Айвен взглянул на него.

– Послушай меня, парень. Что касается пьянок и девок, то у тебя с этим все в порядке. Только не забывай о хитрости. Ты мало работаешь. У тебя на первом плане должна быть работа, а не виски и бабы, иначе ты утонешь еще до того, как решишься войти в воду.

– Я работаю, – недовольно буркнул Нил. – Я был на фабрике три раза на этой неделе.

– А остальные четыре изнашивал покрышки от новой машины, которую я тебе купил.

– Какой смысл мне торчать на фабрике? Все равно ты там главный. Ты рубишь все мои идеи.

С недовольным видом Айвен протянул ему свой пустой стакан.

– Налей еще виски. – Нил послушался, но без особого почтения. Айвен отхлебнул из стакана.

– В настоящее время не вижу необходимости тратить деньги на улучшение или расширение дела. Но я много думал о наших перспективах и решил, что тебе пора жениться.

Нил, который в этот момент подносил стакан к губам, замер, уставившись на отца.

– Что ты решил?

– Тебе пора жениться.

– Ты что, рехнулся?

– Ты со мной язык не распускай, – захохотал Айвен, – ударяя кулаком по ручке кресла. – Единственное, что ты умеешь делать, это гонять на машине, пить как сапожник и шляться по бабам. – Айвен ткнул в сына коротким пальцем. – Если ты хочешь, чтобы тебя уважали и боялись, то первое, что необходимо сделать, это жениться.

– С чего ты взял, что мне нужна такая обуза? Эта жизнь – для болвана типа Хатча. Мне нравится мой образ жизни.

– Тогда, я полагаю, тебя не очень волнуют сплетни про тебя и Ламара, Нил резко повернулся.

– Какие сплетни?

Уверенный в том, что теперь сын его слушает, Айвен откинулся на спинку кресла и принял более удобную позу.

– С самого детства вы были вместе. Мало кто поверит, что ты не знал, что он голубой. – Айвен исподлобья взглянул на сына. – Иногда я и сам не могу понять.

– Давай, вываливай, папаша, – угрожающим тоном произнес Нил.

– Вы вместе жили в одном доме. Теперь, когда его склонности стали известны всем, о тебе тоже начнут говорить. Это вопрос времени.

Гнев Нила светился в его глазах, которые сузились до щелочек.

– Только идиот подумает, что я педик. В этом городишке найдется сотня баб, которые прекрасно знают, что я нормальный мужик. Ты меня просто запугиваешь, чтобы подчинить себе.

Голос Айвена оставался спокойным.

– Ты сам говорил, что у Ламара были женщины, когда вы учились в колледже. Могут подумать, что твои похождения – это просто прикрытие. – Он еще раз отпил из своего стакана, не спуская пронзительного взгляда с Нила. – Сынка Майраджейн имели чаще, чем привокзальную шлюху. Я не хочу, чтобы подобное говорили о моем сыне. – Он глубоко-мысленно покачал головой. – Жена пересечет все сплетни в зародыше. И будет еще лучше, если через девять месяцев после свадьбы появится ребенок. – Глубоко и удовлетворенно вздохнув, он оглядел свою комнату. – Мне чертовски не хочется умирать, парень. Мне бы хотелось не расставаться ни с одной из своих вещей. И я бы ушел с большим удовольствием, если бы знал, что оставляю династию. Он посмотрел на сына взглядом, полным злобы.

– Единственное, что стоит между мной и гарантией против безнравственности, это ты. Самое малое, что ты можешь сделать, – сына и наследника.

– Бог свидетель, у меня богатый опыт.

Айвен отнесся к шуточной реплике Нила как к согласию.

Он поднял газету, которую отложил, когда пришел Нил, – «Пост и курьер» из Чарлстона. Он показал Нилу отдел светской хроники. Вся первая страница была заполнена фотографиями молодых девушек в нарядных белых платьях.

– Новый урожай дебютанток этого года, – коротко сказал он. – Выбирай любую.

Марла Сью Пиккенз была само совершенство: блондинка с голубыми глазами и к тому же баптистка. Родословная ее матери была безупречна. Ее отец и его деловой партнер нажили огромное состояние, производя трубы из металлолома. Айвену нравилось, что в ее роду соединялись и голубая кровь, и железная деловая хватка.

Марла Сью была третьим ребенком в семье и единственной дочерью. Предполагалось, что ее старший брат унаследует завод по производству труб. Второй брат был врачом и имел практику в Чарлстоне. Что касается самой Марлы Сью, это была спокойная молодая женщина, которая принимала и богатство своей семьи, и собственную красоту как должное. Она записалась в «Брин Мор», однако других желаний, кроме замужества, у нее не было. Она хотела удачно выйти замуж, стать хорошей хозяйкой и внести свой вклад в воспроизводство населения Южной Каролины, причем особей столь же безукоризненных, как она сама.

Ее жизненная программа основывалась не столько на тщеславии, сколько на наивности: несмотря на свой рафиниро-

ванный облик, умом она не блистала, что, по мнению Айвена, было существенным достоинством. Он одобрил выбор Нила, который основывался исключительно на физической привлекательности. Марла Сью весьма неосторожно пошла ему навстречу, влюбившись в Нила в первый же вечер.

Один достаточно влиятельный в кругах Чарлстона знакомый Айвена был кое-чем обязан ему. «Я забуду про долг, если вы сможете нам с сыном устроить приглашение на один из балов для девушек, впервые выходящих в свет».

Первую половину вечера Патчетты наблюдали как бы из-за кулис. Марлу Сью было нетрудно заметить. Она сверкала, как бриллиантовое ожерелье на ее тонкой аристократической шее. Будучи в прекрасном расположении духа, в немалой степени благодаря шампанскому, Айвен хлопнул Нила по спине, следя, как Марла Сью вальсирует со своим партнером.

– Ну, парень, что ты думаешь?

Нил посмотрел на девушку тяжелым оценивающим взглядом, который мог расплавить и железо.

– У нее нет сисек.

– Черт с ними, как только она скажет «да», ты купишь ей парочку побольше.

Нил пригласил Марлу Сью на танец и мобилизовал все свое знаменитое обаяние. Его тонко рассчитанные комплименты попадали в цель. Она жеманилась, краснела и безоговорочно поверила ему, когда он робко сказал:

– Мне бы хотелось иногда звонить вам, но у вас, наверное, нет времени разговаривать с таким провинциалом из Пальметто, как я.

– Ну что вы! – возразила она с подкупающей искренностью. Затем, потупив взгляд, еле слышным голосом произнесла; – То есть я буду очень рада, если вы мне иногда позвоните, Нил.

– Я слишком стар для вас.

– Нет, я так не думаю. Совсем нет. Десять лет ничего не значат.

На следующий день она получила две дюжины белых роз, затем он позвонил. Они договорились встретиться и пообедать вместе. После того обеда он пропал на целую неделю.

– Все идет по плану, – уверил он Айвена, которому не очень нравилось это промедление.

Тактика Нила оказалась успешной. Марла Сью была до слез рада, когда он наконец позвонил ей, и пригласила его на воскресный обед в Чарлстон. Нил вел себя безукоризненно, обстоятельно отвечал на вопросы ее отца. Он отпуская комплименты матери Марлы Сью и ее невесткам, так что в конце концов покорил их окончательно.

Он изо всех сил старался не рассмеяться. Его старик был прав – ничего не доставляет такого удовольствия, как манипулирование людьми. Кроме секса, конечно, а этого от Марлы Сью он пока не имел.

Айвен велел ему не торопить события в этом плане.

– Эта девушка бережет свои прелести. Так что оставь ее в покое до брачной ночи.

– Ты что, меня за дурака держишь? – возмущенно сказал Нил. – Она уверена, что я ее слишком уважаю, чтобы тащить в постель до свадьбы. Она просто балдеет от того, что думает, что имеет надо мной такую власть.

Чтобы снять напряженность от воздержания во время улаживания, он прибился к одной женщине в Пальметто с неумным сексуальным аппетитом и мужем, постоянно уезжающим в командировки.

Нил виделся с Марлой Сью настолько часто, насколько позволяли ее школьные занятия. Его междугородные переговоры стоили ему огромных денег, целое состояние он тратил на цветы. Однако эти капиталовложения оправдались: его пригласили погостить в Чарлстоне на выходные. Вооруженный бриллиантом в три карата и показав пример скромного поведения, он попросил ее оказать ему честь и стать его женой. Как и следовало ожидать, она сразу же согласилась.

Предполагалось, что свадьба будет основным событием этого года. Единственным человеком, который не попадал под влияние Нила, была ее мать. Когда до свадьбы оставалось несколько дней, он был уже настолько сыт этим, что готов был все бросить и вернуться к обычному образу жизни. В Чарлстоне они с Айвенгом поселились в гостинице. Свадебные торжества начинались в пятницу обедом в честь жениха и невесты в доме родителей ее матери.

– Только подумай, – шепнула Марла Сью ему на ухо, – завтра ночью мы будем вместе. Совсем одни.

Нил застонал и обнял ее.

– Не говори об этом, моя милая, а то у меня встанет прямо здесь, в доме твоей бабушки. – Несмотря на некоторую рискованность темы, ей нравилось, когда он так говорил.

Он обнял ее и привлек к себе. Тут-то он и заметил молодую женщину, стоящую у противоположной стены. Она бросила на Нила холодный дерзкий взгляд, который он воспринял как вызов. Он видел, как она опустила палец в бокал с вином, затем сунула его в рот и медленно вытянула. Он почувствовал возбуждение.

– Нил! – тихо воскликнула Марла Сью, очаровательно покрасневшись. – Веди себя прилично.

– Тогда перестань дразнить меня, – сказал он, оставляя ее в заблуждении относительно причины его эрекции.

Через несколько минут та молодая женщина подошла к ним.

– Когда же ты познакомишь меня с женихом, Марла Сью?

– Ой, Нил, это моя самая близкая подруга. Она будет подругой на свадьбе.

Он не разобрал ее имени, да это и не имело значения. Он видел вызов в ее взгляде.

– Рада с вами познакомиться наконец, – протянула она. Он пожал ей руку. Когда она вытягивала свою руку из его, то слегка провела средним пальцем по ладони Нила.

Стемнело. Все участники свадебной церемонии пошли в баптистский храм на репетицию; запыхавшийся декоратор уже расставил там букеты цветов и канделябры. Каждый раз, когда взгляд Нила падал на подружку невесты, или «деву чести», он все больше убеждался, что название не соответствует действительности. Она была такой же девой, как он – вертолетом, а те взгляды, которые она на него бросала, имели весьма отдаленное дело к чести. Он узнал, что ее отец был деловым партнером мистера Пиккенза. Нил не мог не восхищаться девушкой, которая столь дерзко и открыто флиртowała и была достаточно хитра и осторожна, чтобы не попадаться.

Из церкви вереница машин отправилась в ресторан, где Айвен устраивал предварительный банкет. Он раскошелился: прием был шикарный, Айвен вел себя как хлебосольный хозяин. Держа в руке бокал шампанского, он с затуманенным взором произнес:

– Если бы только мама Нила могла быть здесь с нами. Сын, я надеюсь, что ты и твоя прелестная невеста Марла Сю изведаете хоть капельку того счастья, которым насладились мы с Ребеккой.

В то время как Нил чинно отпивал из своего бокала, поддерживая этот сентиментальный тост, «дева чести» под салфеткой, брошенной на колени, шарила у него в брюках.

Когда формальная часть банкета завершилась, началось веселье под инструментальное трио. Среди гостей был

недавно избранный шериф округа Пальметто Хатч Джолли, который был дружкой Нила, Марла Сью распаковывала свадебные подарки, вереща от радости при виде очередного сокровища. «Дева чести» намеренно задела Нила высокой грудью, выходя из комнаты.

– Простите меня, – обольстительно проворковала она.

Нил переждал примерно минуту, затем наклонился к невесте и шепнул:

– Мне нужно кое-что сделать.

– Что именно?

Он обхватил ладонями ее лицо.

– Невесты не должны быть чересчур любопытными, если хотят получить свадебный сюрприз.

Ее голубые глаза заблестели.

– Я так люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя.

Он нежно поцеловал ее и пошел к выходу, пробираясь через толпу гостей. Он уже дошел до двери, как его перехватили Хатч и Донна Ди.

– По-моему, она приятная девушка, – сказала Донна Ди. – Намного лучше, чем ты заслуживаешь.

– Знаешь, Донна Ди, я просто удивляюсь, как ты со своим острым языком еще не нарезала ремней из крантика Хатча.

– Иди в задницу, Нил!

Хатч решил погасить конфликт.

– Похоже, тыходишь в хорошую семью, Нил. Видно, ее

родители от тебя без ума.

Где-то его ждала готовая на все молодая женщина. Опасность быть пойманным делала приключение еще острее. Трудно было устоять. Его трясло от нетерпения.

– Чувствуйте себя как дома, ладно? Папаня потратился будь здоров. Ваше здоровье!..

Он шмыгнул за дверь прежде, чем они успели задержать его. Небольшой банкетный зал, в котором проходило торжество, примыкал к холлу. Направо шел небольшой коридорчик. Нил уже прошел было мимо, как дверь в туалетную комнату открылась. «Дева чести» приветливо улыбнулась.

– Почему так долго? Я уж думала, ты не придешь.

Нил проскользнул в дверь и запер ее за собой. В комнате, напоминающей дорогой бордель, царил полумрак, кругом были зеркала в позолоченных рамах и обитые гобеленом диванчики. Но у него не было времени рассматривать убранство комнаты, так как подружка невесты заключила его в свои объятия. Их открытые губы слились в страстном поцелуе.

– Ты с ума сошла, – бормотал он, впиваясь в ее шею. – Ты, должно быть, здорово ненавидишь Марлу Сью.

– Я ее обожаю. – Она вся извивалась, прижимаясь к нему, расстегивая пуговицы его рубашки и лаская его гладкую грудь острыми ноготками и влажным порочным языком. – Просто у меня такое хобби, вот и все. Одни девушки собирают музыкальные шкатулки, другие – старинные флаконы.

Я коллекционирую чужих женихов.

Задрав ее юбку и ухватив за ягодицы, Нил обнаружил, что на ней надеты только колготки, а трусиков нет. Он сильно притянул ее к себе и прижал к своим напрягшимся брюкам.

Поскольку его руки были заняты, она расстегнула лиф своего шелкового платья и прижала свои груди к его накрахмаленной рубашке. От трения ее соски напряглись. Нил наклонил голову и взял в рот один из них. Она расстегнула его брюки и освободила его напряженный член.

– М-мм, – простонала она, поглаживая его.

– Хочешь, малышка? – пробормотал он. – Сейчас получишь.

Он положил руки ей на плечи и нажал так, что она оказалась перед ним на коленях. Она с готовностью взяла член в рот. Он погрузил пальцы в ее волосы и сделал резкое движение вперед. Откинувшись назад так, что она коснулась двери затылком, он мотал ее голову из стороны в сторону, весь отдавшись наслаждению.

Ей удалось освободить голову из его рук.

– Прости, но спешить я не собираюсь. – Она отступила назад и легла на мягкий диван, согнув колени. Нил сделал несколько шагов вперед и упал на нее. Он зарылся лицом в ее груди и грубо мял их, затем с силой вошел в нее. Чем сильнее он нажимал, тем больше ей это нравилось. Бурный оргазм наступил одновременно. Он закусил губами ее грудь, чтобы не закричать.

Некоторое время они, тяжело дыша, лежали рядом. Когда Нил наконец оторвался от нее, она села, отбросила волосы с лица и посмотрела на следы зубов на груди.

– Ах ты гад!

Посмеиваясь, он привел в порядок свою одежду, подошел к раковине и вымыл руки, затем причесался. Уже подойдя к двери, он оглянулся на нее. Она все еще лежала, раскинувшись, на диване, туалет ее был в полном беспорядке.

– Не забудь помыться, – сказал он, кивая на ее обнаженные бедра, – от тебя несет слизью за километр.

Когда он приоткрыл дверь, в коридоре его ожидал неприятный сюрприз: перед дверью стоял Айвен, лицо его пылало от ярости.

– Ты безмозглый потаскун! – не мог успокоиться Айвен.

С тех пор как они ушли из ресторана, Айвен беспрестанно ругал Нила за неосторожность. Конечно, его поступок был очень рискованным и дурацким, однако он получил колоссальное удовольствие. Он, конечно, жених, но живой человек. Ни один мужчина, в жилах которого кровь, а не вода, в возрасте до девяноста пяти лет не смог бы устоять перед столь легкой добычей.

Кроме Айвена, никто ничего не заподозрил. Никто даже не заметил их отсутствия. Нил вернулся в зал, обнял свою невесту и поцеловал под умильными взглядами друзей и родственников. Подруга невесты никому ничего не расскажет.

Кому от этого плохо? Гнев его старика был совершенно не оправдан, и его ругань начала действовать Нилу на нервы.

– Вообще-то потаскушка – это она, пап, – сказал он спокойно.

Айвен отпустил руль и вклепил ему пощечину. Нил совершенно не ожидал удара.

– Какого черта! – завопил он. – Попробуй еще ударь!..

– Ты попробуй выкинуть что-либо подобное! Тискать подругу невесты, когда она с родственниками находится в соседней комнате!.. – пробормотал он. – О чем ты думал? Своей идиотской выходкой ты чуть не сорвал все дело.

– Но ведь этого не случилось! – заорал Нил. – Так что заткнись об этом!

– Для твоего мальчишника я нанял трех шлюх. Мог бы и подождать пару часов и получить одну из них.

– Я, конечно, оправдаю затраченные тобой деньги, но, уверяю тебя, ни одна из них не в состоянии предложить ничего более пикантного, чем подруга невесты за день до свадьбы!..

У Айвена был такой вид, как будто он собирался еще раз его ударить. Вместо этого он сжал руль и нажал на акселератор. Они направлялись в гостиницу, где собрались друзья жениха, чтобы встретить его и отметить его последнюю холостяцкую ночь.

– Я хотел, чтобы ты женился, не из-за своей прихоти, ты это знаешь, – ворчал Айвен. – Если бы мне была нужна толь-

ко мать для моих внуков, мы могли бы найти порядочную девушку в Пальметто. А мы выбрали эту, потому что у ее отца карманы лопаются от долларовых купюр. Когда ей исполнится двадцать пять, она получит большую часть этих денег, и значительная часть перейдет к тебе. Но если ты будешь трахать в туалетах ее подруг, то она тебе и гроша не доверит, ты это понимаешь?

– Минуточку, минуточку, – возмущенно возразил Нил. – Надеюсь, ты не считаешь, что из-за женитьбы я собираюсь менять свой образ жизни? Если у тебя такие мысли, то можешь выбросить их из головы.

Айвен, не снижая скорости, скосил глаза на сына:

– Мне плевать, если ты задерешь любую юбку от Чарлстона до Майами и обратно. Только проявляй хоть немного благоразумия. Обращайся с женой, как с драгоценным сервизом, которым пользуются по большим праздникам. Время от времени приноси ей небольшие подарки. Сделай ей детей, чтобы она была при деле. И тогда можешь трахать кого захочешь, она и слова не скажет. Но не вздумай афишировать свои похождения.

Нил прослушал внушение без особого энтузиазма. Если он разобрался в чем-то, так это в женщинах:

– Послушай, старик, я сам прекрасно знаю, как обращаться с женщинами, ясно?

– Ты знаешь гораздо меньше, чем думаешь.

– Я не нуждаюсь в твоих советах... Папа!!!

Но было поздно. Айвен не успел заметить товарного поезда.

XVII

Лос-Анджелес, Калифорния, 1991

– Грэм? Это я.

– Привет, мам! Ну как, повидала уже каких-нибудь кинозвезд?

Джейд улыбнулась в трубку телефона и устроилась поудобнее, сидя на подогнутой ноге. Она легко представила выражение лица четырнадцатилетнего Грэма: прядь волнистых волос нависла над бровями, под которыми его голубые глаза сейчас, должно быть, поблескивают.

– Пока ни одной, но зато сегодня купила тебе сувенир.

Она посмотрела на спортивный свитер с эмблемой команды «Лос-Анджелес рэмз».

– Клевый? Он мне понравится?

– Суперклевым и очень тебе понравится.

Она расспросила о делах дома. Он уверил ее, что в их хорошо налаженном и отрегулированном механизме не было никаких сбоев. Кэти Хирон была прирожденным организатором.

– В Нью-Йорке все еще дожди?

– Да, – уныло ответил Грэм, – льет как из ведра.

– Плохо. А здесь такое яркое солнце.

– Ходила купаться, мам?

– Я была очень занята.

– Мам? Нам действительно придется переехать в Южную

Каролину?

Улыбка исчезла с губ Джейд. Ее сын не проявлял ни малейшего энтузиазма в отношении их переезда, и это ее очень беспокоило.

– Грэм, ты прекрасно знаешь ответ на этот вопрос. Почему же продолжаешь спрашивать меня каждый раз?

– Но я даже не знаю там никого, – удрученно бормотал он в трубку, – мне придется оставить здесь моих друзей.

Чем больше приближалось время переезда из Нью-Йорка, тем чаще возникал у них этот разговор. Грэм понимал, что для ее карьеры проект очень важен. Он не знал причин личного характера – этого не знал никто.

Предыдущие их переезды он воспринимал спокойно. Теперь, в подростковом возрасте, дружба стала многое значить в его жизни. Поэтому-то он и сопротивлялся, понимая, что оставит своих друзей.

– У тебя появятся новые друзья, Грэм.

– Там нечем будет заняться.

– Вот уж это неправда. Пальметто находится на берегу океана. Ты сможешь ходить на пляж, когда захочешь. Мы будем ездить на рыбалку или ловить крабов.

– Но мне крабы вовсе не нравятся.

Это замечание она пропустила.

– В школах Пальметто есть футбольные команды – я проверяла. Ты сможешь продолжать играть.

– Это будет не совсем то.

– Конечно. Это будет совсем не то. Пальметто очень отличается от большого города.

– Захолустье.

– Все, предел. – Спорить об этом у нее не хватало аргументов. Пальметто, конечно же, был захолустьем. После продолжительного молчания Джейд сказала с воодушевлением:

– Завтра я встречаюсь с подрядчиком, ради которого прошла весь этот путь. Пожелай мне удачи.

– Удачи тебе. Надеюсь, ты сможешь заключить с ним контракт. И, мам, будь осторожна. В Калифорнии есть настоящие колдуны.

– И ни одного в Нью-Йорке?

– По крайней мере, здесь их можно сразу распознать.

– Я всегда осторожна, – пообещала она. – Надеюсь, что смогу закончить дела дня через два и вернусь домой. Надо будет нам выбраться куда-нибудь. Договорились?

– Договорились.

Повесив трубку, Джейд почувствовала острую тоску по дому, по сыну. Бывали дни, когда он становился невыносимым, но обычно Грэм был идеальным сыном. Чем старше он становился, тем больше проявлял по отношению к ней чувства собственности и покровительства, что Джейд нахо-

дила одинаково удивительным и трогательным.

Он стал уже выше нее, и ей с трудом приходилось привыкать к этому. Он был сильным, атлетически сложенным и очень энергичным. Джейд втайне гордилась его физической привлекательностью, но если кто-то обращал на это внимание, тут же начинала отмечать его умственные способности и характер. Он обладал прекрасным чувством юмора и восприимчивостью, что было для нее и радостным, и лестным.

Было нелегко уговорить его расстаться с друзьями, школой и переехать в другой штат, по сути – в другой мир. Он переедет не сразу, а несколько месяцев спустя, после окончания учебного года в школе, и Джейд надеялась, что, когда придет время, Грэм будет психологически готов к этому, хотя уже целый год, чтобы привыкнуть к этой мысли, остался позади.

Джейд живо вспомнила тот зимний день в прошлом году, когда проект в Пальметто был одобрен. Ее презентация перед советом директоров GSS прошла без сучка и задоринки. Тема была настолько тщательно разработана и было представлено так много статистических данных, что ей не составило труда отстоять свою позицию. Острые вопросы членов совета Джейд парировала четко и достаточно детально, чтобы завоевать их доверие без всякого снисхождения. Она ничего им не навязывала, но сделала так, что цифры и факты говорили сами за себя.

Джордж Стейн, исполнительный директор, был послед-

ним из основателей GSS. Хотя ему было почти восемьдесят, он все еще находился у руля концерна, основанного в те времена, когда Чарли Чаплин был первым номером среди кассовых звезд. Дело началось с единственного металлургического завода и спустя десятилетия все еще продолжало расширяться. Теперь GSS стал головной компанией для множества фирм по всему миру в окружении великого множества предприятий как коммерческих, так и технических.

Для GSS было уже обычным делом покупать фирмы, находящиеся на последнем издыхании, и либо ликвидировать их, либо, проведя реорганизацию, превращать их в доходные. Джейд пригласили провести анализ работы трех текстильных фабрик, на которые положила глаз GSS. Тщательная проверка, проведенная ею, предшествовала этой важной встрече. Джейд предложила совету директоров закрыть три существующих фабрики и построить одну, большую по размерам и оснащенную по последнему слову техники. Несколько членов совета пробормотали что-то в одобрение. Мистер Стейн, чьи руки и лысая голова были покрыты старческими пятнами, подозрительно долго смотрел на Джейд. Время разрушило его тело, но глаза у него были живые, как у двадцатилетнего.

– Ваша позиция кажется бескомпромиссной, мисс Сперри.

– Да, я уверена, что это единственный путь для того, чтобы заработать деньги на текстильном производстве. И Паль-

метто в Южной Каролине – превосходное место для размещения подобного предприятия главным образом из-за близости морского порта. Это лучший путь для осуществления наших интересов по отгрузке и доставке продукции на зарубежные рынки.

– Что вы думаете об управленческом аппарате этих фабрик? Их стоит просто уволить?

– Вовсе нет. Я считаю, что нам надо предложить им переехать в Пальметто. В случае, если они не примут это предложение, выдать им жалование за полгода вперед, когда закроем фабрики.

В конце заседания Стейн призвал совет проголосовать. План Джейд был принят абсолютным большинством голосов.

– Очень хорошо, мисс Сперри, – сказал Стейн после подсчета поднятых рук. – Проект – ваш. «Текстиль», не так ли?

– Да, – ответила она, пытаясь скрыть наполнявшую ее радость за профессиональной скромностью. – Мне хотелось назвать его «Текстиль».

Сейчас проект был уже почти год в стадии разработки. Поверенные GSS без лишнего шума приобрели участок земли. Хотя и с трудом, но городской совет Пальметто утвердил сделку. Работая совместно с Дэвидом Сеффрином, разработчиком GSS, Джейд наняла архитектора, и чертежи были уже готовы.

В Лос-Анджелесе она находилась, чтобы нанять генераль-

ного подрядчика. Как только это будет сделано, все встанет на свои места. Она переберется в Пальметто. Это, без сомнения, вызовет шок у местных жителей: им пока и в голову не приходит связать ее появление с приобретением обширного участка земли. Начнутся земляные работы для подготовки места под строительство, а она займется переселением людей из управленческого аппарата, принявших ее предложение.

Возбуждение прошло по рядам сотрудников GSS, когда Джейд была принята в компанию. Не многим мужчинам, а тем более женщинам, предоставлялась возможность стать вице-президентом корпорации. Понадобилось время, чтобы сотрудники убедились в ее деловой хватке и согласились, что молодость и привлекательность не умаляют ее компетентности. Первое время коллеги-мужчины избегали ее, осторожно кружили вокруг, недоверчиво хмыкая, пытаясь выяснить, насколько далеко идут ее амбиции и не угрожает ли она их личным устремлениям.

Хмыкали, конечно же, и по другим причинам.

С мужским снобизмом они обсуждали ее достоинства за стаканом вина или в мужской раздевалке спорткомплекса компании. Некоторые – и одинокие, и женатые – проявляли интерес, рассматривая ее длинные, стройные ноги и все то, что выше. К их огорчению, ни один из тех, кто осмелился «произвести дегустацию», даже не смог и «пригубить».

Работая в деловом мире, Джейд привыкла игнорировать пошлые сплетни и скабрзные инсинуации в свой адрес. Ее

личная жизнь не имела отношения к работе. Она не участвовала во внутренней жизни коллектива, не вызывала никого на доверительные разговоры и сама не шла на них. Со всеми она общалась в дружеской, но несколько отстраненной манере. Главным для нее была работа, а не отношения с коллегами.

Довольно быстро Джейд сумела проявить себя в GSS и была заслуженно назначена на место управляющего фабрикой «Текстиль». Но никто – ни Джордж Стейн, ни кто-либо другой – не знал, насколько жизненно важным было для нее это назначение. Ей хотелось настоящей работы, хотелось действительно превратить новую фабрику в нечто великолепное, в символ коммерческого успеха. И едва ли кто-либо догадывался, что ее главная цель, вернуться в Пальметто, получив поддержку GSS, была в большей степени личного, чем профессионального характера.

«Теперь уже скоро», – думала Джейд, вставая из кресла, в котором так удобно устроилась, разговаривая с Грэмом.

Она подошла к окну. И гостиницу, и номер она выбрала обдуманно, потому что напротив, через улицу, находилась оживленная строительная площадка. Вероятно, другие постояльцы гостиницы находили это соседство неприятным, но для Джейд возможность незаметно наблюдать была главной причиной выбора.

Со времени своего приезда в Лос-Анджелес три дня назад она следила за работой на стройке, записывая отдельные де-

тали и впечатления. В этом Джейд не видела ничего предосудительного: обычно принятая деловая практика. Если она хочет добиться успеха, нанеся сокрушительный удар по сонной экономике Пальметто, то у нее нет другого выбора.

Поиск подходящего подрядчика для «Текстиля» был очень важен. Нельзя, чтобы подрядчик вдруг решил, что ему не нравится Пальметто и отказался от участия в проекте на полпути. Вдруг окажется – этого она боялась больше всего, потому что так уже случалось, – что ему не нравится работать под началом женщины. А поскольку Джейд намеревалась полностью контролировать каждый этап работы по созданию «Текстиля», ей нужен был только настоящий союзник. К себе она предъявляла жесткие требования: стремилась быть как можно более упорной и энергичной. Люди, окружающие ее, должны обладать этими же качествами в не меньшей мере, особенно строители. Долгое время подрядчик и она будут единственными представителями GSS в Пальметто.

Уезжая из Нью-Йорка, она прихватила с собой превосходный бинокль. Теперь она пользовалась им, наблюдая за работой, происходящей по другую сторону улицы. Ей хотелось знать, как подрядчик справляется с ежедневной нормой. Хорошо ли соблюдаются меры безопасности? Достаточно ли материалов на стройке? Старательно ли работают строители или делают все спустя рукава?

Достоинства бинокля позволяли ей с шестнадцатого эта-

жа наблюдать за рабочими, как будто она находилась рядом с ними. Было обеденное время. Рабочие лениво перебрасывались шуточками, открывая термосы и разворачивая свертки с бутербродами. Судя по виду, бригада была дружной, а это хороший признак и заслуга подрядчика. Оглядывая стройплощадку в целом, Джейд заметила какое-то движение и направила бинокль туда.

Это был он.

Этот человек привлек ее внимание уже тогда, когда она впервые смотрела на строящееся здание. Последующие три дня он продолжал вызывать у нее любопытство. В отличие от других, этот человек не пользовался перерывом на обед. Казалось, что он никогда не отдыхает и не разговаривает с другими строителями. Он работал беспрерывно и отдельно от других, голова в шлеме была постоянно опущена. Все его внимание было сосредоточено на работе, которой он занимался.

Сейчас, сидя на корточках, человек изучал какой-то чертеж. Вдруг внезапный порыв ветра принес к его ногам пакетик из-под чипсов. Джейд видела, как его губы зашевелились, когда он отбросил пакетик в сторону рабочих. Один из них подобрал целлофановый пакетик и с недовольным видом засунул его в коробку для бутербродов.

«Браво!» – подумала она. Содержание рабочего места в чистоте было одним из ее требований.

Увидев то, что ей было нужно, Джейд, однако, неволь-

но продолжала наблюдать. Ее заинтересовала самоизоляция этого рабочего. Его обросшее бородой лицо никогда не улыбалось. Она ни разу не видела его без темных очков. На нем была та же одежда, что вчера и позавчера: старые джинсы «Левис», выцветшая красная майка, грубые ботинки и рабочие рукавицы. Его руки были гладкими, с хорошо развитой мускулатурой, загар стал бронзовым. Температура была умеренно жаркая, типичная для Южной Калифорнии, но сквозь сильные линзы бинокля она видела, что на его груди, на майке, образовался влажный треугольник от пота.

Джейд увидела, как человек снял шлем, чтобы подобрать гриву выгоревших на солнце каштановых волос, длинных, почти до плеч. Вновь надевая шлем, он повернул голову и посмотрел в сторону гостиницы. Казалось, он смотрит прямо на ее окно, как будто почувствовал ее взгляд. Джейд как током ударило.

Застигнутая врасплох, она виновато опустила бинокль и отпрянула от окна, хотя знала, что оконные стекла в гостинице зеркальные, а потому ее не было видно. Он не мог ее видеть, и все же Джейд чувствовала себя неловко. Если взгляд за темными стеклами очков был таким же напряженным, как и поза, то этот человек наверняка был из тех, кто не любит, когда за ним подглядывают.

Ее ладони стали влажными, и она провела ими по юбке. Замутило, как при невесомости. Джейд быстро налила в стакан воды и выпила, не понимая, что на нее нашло. С года-

ми ее представления об отношениях полов как-то стерлись. Романтические отношения с Хэнком оставили только боль в сердце у обоих. Консультации у врачей не помогли.

После нескольких месяцев лечения психолог сказала ей:

– Мы знаем, чем вызвано ваше состояние. Справиться с этим вы должны сами. Чтобы вылечиться, мисс Сперри, вы должны жить нормальной жизнью.

Джейд откровенно призналась:

– Не могу. Я пыталась, но все оканчивалось тем, что я приношу боль тому, о ком больше всего беспокоюсь.

– В таком случае боюсь, что мы оказались в тупике. Надо пересилить себя и начать половые отношения с кем-нибудь другим.

Джейд не отличалась отсутствием мужества, но, не будучи эгоисткой, не могла позволить себе разбить сердце еще кому-нибудь. Поскольку не было никаких гарантий, что она когда-нибудь «излечится», она отказалась от всяких попыток. Вот поэтому чисто физиологическая реакция на мужчину, которого она наблюдала в бинокль, ошеломила ее. Джейд села за небольшой письменный стол и вписала некоторые замечания в свою записную Книжку. Ее энергию вызывало нечто более сильное, чем половое влечение. Лишенная возможности любить мужчину или принять его любовь, она еще больше сосредоточилась на осуществлении плана мести. Никто из обитателей Пальметто больше не будет жертвой безнаказанности Патчеттов. После стольких лет она была очень

близка к достижению цели.

Дни, проведенные в Лос-Анджелесе, пошли на пользу. После трех дней просмотра и анализа Джейд убедилась, что Дейв Сеффрин нашел подрядчика для «Текстиля». Завтра она покинет свой наблюдательный пункт и представится.

Стоя перед зеркалом в гостиничном номере, Джейд рассматривала свое отражение. Тридцатилетие она отметила два года назад. Время почти не повлияло на ее внешность: она сохранила девичью стройность, на щеках все еще играл естественный румянец, темные волосы, без единого седого волоска, сохранили свой блеск. Ее голубые глаза по-прежнему украшали живое лицо, придавали ей особую привлекательность. Любимым ее цветом стал черный: он преобладал в ее гардеробе. Изящный костюм, который Джейд выбрала на сегодня, тоже был черного цвета, но достаточно легкий, чтобы удобно чувствовать себя в южнокалифорнийском климате.

Выходя из гостиницы, Джейд думала о прошедших со дня окончания Дэндер-колледжа годах и своем сегодняшнем положении. Она начала с работы в Шарлотте в Северной Каролине, потом получила место получше, в Бирмингеме, штат Алабама. Она занималась закупками и входила в среднее звено управленческого аппарата. Места работы менялись, но Джейд по-прежнему оставалась в сфере текстильной и швейной промышленности, используя опыт, полученный у мисс Дороти Дэвис.

Она, Грэм и Кэти, ставшая членом их семьи, меняли место жительства несколько раз. Интуитивно Джейд всегда чувствовала, когда накапливался опыт для очередного места работы и приходило время двигаться дальше. Ее хозяйева всегда с сожалением расставались с ней. Исключение составил только один, которому она вынуждена была пригрозить судом за притязания совсем не производственного свойства. Но он был ее начальником и не принял всерьез угрозу. Она уволилась, проработав лишь полгода.

Накопленный опыт был очень полезен. За время работы Джейд изучила технические тонкости, рыночную стратегию и пути эффективного повышения производительности труда. Однако ее конечная цель была намного выше, и когда появлялась возможность роста, она была к ней готова.

Джейд много занималась, тщательно прочитывала журналы по бизнесу и поэтому была прекрасно осведомлена о GSS еще задолго до появления статьи в «Уолл-стрит джорнал», которая решительным образом повлияла на ее будущее. Она уже знала, что GSS – один из самых больших концернов в мире. Основное содержание статьи касалось последнего приобретения компании: трех текстильных фабрик, которые, по высказыванию вице-президента, в настоящее время дышали на ладан.

Прочитав статью несколько раз, Джейд мысленно начала строить план. В то время она работала в компании, головное предприятие которой находилось в Атланте, но уже знала,

куда направится дальше. В тот вечер она заказала телефонный разговор с Нью-Йорком.

– Хэнк? Привет, это Джейд.

– Да ну! Что случилось? Как ты? Как Грэм?

– Растет как сорняк. Скоро станет таким же высоким, как ты.

– А с Кэти все в порядке?

– В полном. Она по-прежнему незаменима для меня.

После встречи с Ламаром Гриффитом на похоронах Митча у Джейд состоялся трудный и откровенный разговор с Хэнком. Она сказала ему, что, несмотря на лечение, не готова к физической близости. Рискую потерять его дружбу, она все же объяснила ему, что их отношения могут оставаться только платоническими.

Воодушевленный поцелуем, которым они обменялись в то утро, он был поначалу встревожен, а затем взорвался от внезапного решения Джейд. Он ушел, хлопнув дверью. Джейд не видела его несколько месяцев. Но однажды вечером Хэнк неожиданно появился в доме, как будто ничего не произошло. Их дружба возобновилась, словно и не прерывалась. Вместо объяснения он просто сказал:

– Лучше я буду тебе другом, чем никем.

Переезжая из города в город, меняя работу, Джейд сохраняла с Хэнком теплые отношения, регулярно обмениваясь письмами и звонками. Поэтому он не был удивлен, услышав ее голос, когда она позвонила ему в Нью-Йорк, куда он пере-

ехал вскоре после получения степени по изобразительному искусству и дизайну.

Закончив обмен личными новостями, Джейд спросила:

– Кажется, ты выполнял какую-то работу для GSS?

– В прошлом году. Сегодня в «Уолл-стрит джорнэл» есть о ней статья.

– Из-за нее я и вспомнила о твоей работе.

– Мне поручили заново оформить офис корпорации, – рассказывал Хэнк. – Я подсчитал, что им необходимо списать изрядную сумму налога. Поэтому счет, который мне представили, был так капитален, что даже я постеснялся бы запрашивать столько.

– Сомневаюсь.

Он рассмеялся.

– Тем не менее они пошли на это.

Хэнк зарабатывал хорошо. После нескольких лет работы в одной оформительской фирме он ушел из нее и основал собственную фирму, прихватив большую часть своих клиентов. Их отзывы помогли ему создать солидную и прибыльную клиентуру. Теперь он оформлял интерьеры новых коммерческих зданий или занимался переделкой интерьеров в старых офисах. Перепоручая большую часть черновой работы двум помощникам, он с удовольствием занимался творчеством, большую часть своего времени посвящал живописи.

– Что представляет из себя компания и как у них работа-

ется?

– Старик Стейн управляет всем железной рукой. Все до смерти его боятся.

– Ты лично встречался с ним?

– Естественно. Мы с ним консультировались относительно моих эскизов. Он хотел, чтобы они соответствовали его идее интерьера, способствующего повышению производительности труда. Позже он стал поклонником моей живописи. Извини мою нескромность.

Джейд пыталась преодолеть смущение: она не могла решиться попросить Хэнка об одолжении, потому что не хотела никого посвящать в свои планы. Даже Кэти, которая знала об изнасиловании и его ужасных последствиях, полагала, что Джейд просто стремится сделать карьеру. Она и не подозревала о скрытых мотивах *ее* действий.

Хэнк, конечно, выполнит любую *ее* просьбу, но она не должна использовать его для достижения своей главной цели. С другой стороны, последствия *ее* дальнейших действий ему тоже на пользу. Он не может не воспользоваться такой блестящей возможностью.

– Хэнк, ты не мог бы меня познакомить?

– С Джорджем Стейном? – Он был явно удивлен.

– Если его все боятся, то он именно тот, с кем мне необходимо поговорить.

– Могу я поинтересоваться о чем?

– Я хочу работать у них.

– Ты имеешь в виду, здесь, в Нью-Йорке? Боже, мне нравится, что вы все будете здесь жить. Но лучше сразу предупредить тебя: здешний народец тараторит и здесь ты не найдешь жареной зубатки, пригодной для еды. Что касается Джорджа Стейна, то у него характер не сахар.

– Я прекрасно сознаю все трудности. Но пришло время мне начать игру с большими дядями.

– У концерна есть отделы кадров для каждой из своих компаний. Почему бы тебе не пойти обычным путем?

– Сколько людей обращаются за работой ежедневно? Мой послужной список выглядит прекрасно, но могут пройти месяцы, прежде чем в него заглянут. Кроме того, я хочу попасть наверх, а не в средний управленческий аппарат.

Хэнк присвистнул.

– Не могла бы ты начать с более простой просьбы, скажем, попросить меня забраться на Эмпайр Стейт билдинг голышом в разгар дня?

– Я знаю, что прошу слишком многого, Хэнк. Если ты не можешь этого устроить, я пойму.

– Разве я сказал, что не могу? Просто Джордж – старик с причудами, которого надо гладить по шерстке, иначе все проклянешь. Дай мне пару деньков обдумать, как к нему найти подход.

– Хотелось бы встретиться с ним в непринужденной обстановке, где-нибудь подальше от его подчиненных. Можешь устроить это?

Хэнк все устроил. Он пригласил мистера Стейна в свою студию посмотреть картину, которую он только что закончил. Он заманил старика, уверив его, будто картина, исполненная в современной манере, будет фантастично выглядеть над его письменным столом.

Джейд ждала Стейна в студии Хэнка на мансарде в Сохо. Он представил ее как подругу из другого города. Стейну сразу понравилась картина. Он поторговался с Хэнком и купил ее для своего офиса. Это привело его в благосклонное настроение.

За коктейлем Стейн вежливо спросил:

– Мисс Сперри, вы тоже художница?

Если бы Джейд заранее написала сценарий этой встречи, то не могла бы придумать лучшего поворота.

– Нет, я работаю в сфере производства и маркетинга текстиля.

– Она вице-президент предприятия в Атланте, производящего ткань для рабочей одежды, – добавил Хэнк.

– Я читала, что GSS недавно приобрела три фабрики Келсо, – заметила Джейд.

– Это правда, – сказал Стейн, почуяв недоброе. Его взгляд стал хмурым.

Казалось, что на Джейд его вид не произвел никакого впечатления. Пригубив вина, она сказала:

– Хэнк, ты бы полил вон то растение в углу, а то оно...

Джордж Стейн прервал ее:

– Вы знакомы с фабриками Келсо, мисс Сперри?

– Только понаслышке.

– А что говорят? Джейд заколебалась.

– Надеюсь, корпорация сможет сделать их рентабельными, но...

– Но? – подначивал старик.

– Но там, без сомнения, необходима большая реорганизация, начиная от управления и до самого производства. Модернизация трех фабрик влетит в копеечку. – Она пожала плечами, предоставляя Стейну возможность сделать выводы.

– Стоят ли они таких затрат?

– Ответить можно только после глубокого анализа. А это займет несколько месяцев, мистер Стейн. В моем положении трудно давать рекомендации.

– Об одной я уже попросил, не так ли?

Хэнк скрыл смешок, проглотив маслину из коктейля.

Джейд ответила:

– Я знаю производство от станка до склада, мистер Стейн, и могу судить об отлаженности производства, когда вижу его. Я могу определить, что именно следует улучшить, и уверена в том, что способна решить эти проблемы. Однако я не высказываю своего мнения, если нет фактов, а только слухи. Разве в вашей системе нет никого, кто сделал бы объективный анализ? – Она поняла, что такого человека нет, еще до того, как задала вопрос. Иначе Стейн не выпрашивал бы ее.

Покидая студию Хэнка, он попросил Джейд прислать ему ее послужной список.

– Я полагаю, вы заинтересуетесь работой у нас.

– Если предложение будет достаточно привлекательным, мистер Стейн.

Джейд, вспомнив тот странный разговор, улыбнулась, покидая гостиницу. Обычная лос-анджелесская дымка густела и была еще плотней от пыли, летящей со строительной площадки. Шум оттуда оглушал, но Джейд не обращала на это внимания. До вагончика подрядчика было всего лишь два квартала. Она решила пройти пешком.

Воспоминания о первой встрече с Джорджем Стейном вызвали в памяти разговор, не имеющий никакого отношения к делу.

– Ты прекрасно умеешь наниматься, – сказал Хэнк после ухода Стейна. – Давай это отметим.

Он откупорил еще одну бутылку сухого белого вина. Они сидели на груде диванных подушек, заменявших мебель. Он взял ее руку и поглаживал ладонь своим пальцем.

– Я тут кое с кем познакомился, Джейд, – начал Хэнк.

– Ты имеешь в виду женщину?

– Угу. Мы с ней познакомились в отделе домашних интерьеров у Мейси. Она пыталась продать уродливейшую софу столь же уродливой девахе. Наши глаза встретились, когда она демонстрировала детали обитого бархатом уродства. Когда же деваха подала ей свою кредитную карточку, я не мог

удержаться от смеха.

Джейд наклонилась ближе, желая побольше узнать.

– Как ее зовут?

– Дейдра. Она получила диплом по дизайну интерьеров и взялась за работу у Мейси, пока не подыщет что-нибудь получше.

– Значит, у вас много общего.

– Она родом из небольшого городка в Небраске, у нее нос в веснушках, очаровательная попка и заразительный смех.

– И ты ее очень любишь?

Он вглядывался в глаза Джейд, как будто что-то искал там.

– Да. Но что еще удивительнее, она любит меня.

– Не нахожу в этом ничего удивительного. Тебе с ней... хорошо?

Его губы растянулись в улыбке.

– Видимо, они в Небраске не только лущат кукурузу.

– Я рада, Хэнк, – сказала Джейд, сжимая его ладони. –

Очень рада.

– Думаю жениться на ней. – Он смотрел на нее нерешительно. Затем, заглянув в глаза, спросил: – Как ты думаешь, Джейд, стоит?

Он спрашивал не совета. Он спрашивал, должен ли оставить все надежды, связанные с ней, и может ли строить планы с другой женщиной.

– Женись на ней, Хэнк, – сказала она осипшим голосом. –

Я буду очень счастлива.

Перед деловой поездкой в Лос-Анджелес Джейд заскочила к Хэнку и Дейдре взглянуть на их дочерей-близняшек. Им только что исполнилось шесть недель. Хэнк по-прежнему оставался ее лучшим другом. Она наняла его для оформления офисов «Текстиля» в Пальметто.

Сосредоточившись на настоящем, Джейд поняла, что она у цели. Она ощутила прилив энергии, как обычно перед любым серьезным делом, особенно если надо заставить кого-то врасплох. Дэвид Сеффрин обговорил ее встречу с подрядчиком, но по просьбе Джейд конкретно не указал дня и времени встречи.

– Я просмотрю свой распорядок дня и свяжусь с ним сама, когда буду в Лос-Анджелесе, – сказала она разработчику.

Ей хотелось увидеть все как есть, а не так, как возможный подрядчик «Текстиля» захочет представить.

Смело, даже не постучавшись, она вошла в вагончик. Внутри было два стола. За одним сидела секретарша и что-то набирала на клавиатуре компьютера. У другого стола мужчина разговаривал по телефону. Он сидел к ней спиной.

Секретарша оторвала пальцы с ярко-красными ногтями от клавиатуры.

– Чем могу помочь?

– Мне нужно увидеть мистера Маттиаса.

Секретарша взглянула в сторону другого стола.

– Вы с ним условились о встрече?

– Нет, но мистер Сеффрин разговаривал с мистером Маттиасом обо мне. Будьте любезны, скажите ему, что мисс Сперри из фирмы GSS из Нью-Йорка приехала для...

– Мисс Сперри?

Колесики кресла взвизгнули, когда мужчина повернулся в кресле. Джейд медленно обернулась, сохраняя холодное выражение.

– Мистер Маттиас? Я – Джейд Сперри. Здравствуйте.

Не спуская глаз с Джейд, он торопливо закончил разговор по телефону и повесил трубку. Встав и застегнув пиджак, он направился ей навстречу, протягивая руку.

– Я не знал, что наша встреча назначена на сегодня. – Он бросил на секретаршу укоризненный взгляд.

– Не на сегодня. Я не знала, как сложатся мои дела в Лос-Анджелесе, но сегодня я свободна. Если и у вас нет планов на обед, то мы могли бы все обсудить за столом.

– Обед? Сегодня? Ну конечно!

– А что с мистером Хемфилом? – спросила секретарша.

– Отмените, – грубо оборвал ее Маттиас. – Так сказать, когда бы вы хотели отправиться? – спросил он у Джейд.

– Сейчас.

– О! Я, э-э, думал, что вначале вы, возможно, захотите все осмотреть.

– Я уже все осмотрела, мистер Маттиас.

– Да, это хорошо. Так сказать, у вас есть транспорт? Если нет, мы можем поехать на моей машине. – Он бросился к

двери, распахнув ее перед Джейд.

Устроившись в его «ягуаре» и договорившись о выборе ресторана, она спросила:

– Вы прочли информацию, которую вам выслал мистер Сеффрин?

– Конечно, от корки до корки. Я именно тот человек, который вам нужен в Южной Каролине. Все в порядке.

– С чего вы это взяли, мистер Маттиас?

Джейд молча слушала, пока Маттиас с видом скромника перечислял свои выдающиеся способности и профессиональные качества. Она предполагала провести не меньше двух часов за деловым обедом. Но они потеряли столько времени в лос-анджелесских дорожных пробках; что вернулись в вагончик гораздо раньше.

Она отклонила его предложение продолжить обсуждение здесь же.

– Благодарю за потраченное на меня время, мистер Маттиас.

Джейд повернулась, чтобы уйти. Он обогнал ее и преградил дорогу.

– Так сказать, подождите. Когда я узнаю ваше решение?

– Мистер Сеффрин и я должны переговорить еще с несколькими кандидатами в подрядчики, – солгала она.

Во время обеда Джейд пыталась воспринимать его объективно, но каждое его слово только усиливало ее первое негативное впечатление. Она поняла, что всю информацию для

газет и рекомендации он, видимо, пишет сам, поскольку сразу видно, что он о себе слишком высокого мнения.

Чем больше он хвастался, тем большее раздражение вызывал у Джейд.

Худшего начала для работы над проектом она и представить себе не могла, но факт остается фактом: ее поездка оказалась безрезультатной, и она все еще не нашла главного подрядчика.

– Обсуждение кандидатур может занять несколько недель или даже месяцев, прежде чем мы придем к окончательному решению, – уклончиво ответила она Маттиасу.

– Слушайте, так сказать, вы раскипятились из-за того, что произошло в ресторане, да?

– Вы имеете в виду свое приглашение на десерт у вас дома? – холодно спросила Джейд, отбрасывая все правила хорошего тона делового человека. – Нет, мистер Маттиас, не раскипятилась, я даю сдачи.

– Вы, так сказать, дама – первый класс, поэтому стоило попытаться, – оправдывался он, одаривая ее идиотской улыбочкой. – Вы не можете винить человека за то, что он пытался приударить за вами.

– О нет, могу, мистер Маттиас.

– Тогда вы из тех ущербных феминисток, которые завидуют обладателям пениса. Круглые идиотки, вот как я таких называю. Уверен, что вы все решили еще до того, как мы отправились на обед.

– Вы правы, решила именно тогда. – Он не стеснялся в выражениях, а потому и она не видела причины скрывать свое впечатление о нем. – Ваш офис – куча мала. Я уже не говорю о суматохе, которая вовсе не способствует серьезной работе. А переполненные пепельницы, пустые банки из-под содовой и грязный пол... Далее. Я пришла без предупреждения, чтобы увидеть, как вы поведете себя в этой ситуации. И еще я считаю, что не смогу месяцами работать с человеком, который почти каждую фразу начинает с «так сказать». И наконец, я знала, что вы не подходите для этой работы, как только увидела ваши руки.

– А что плохого в моих руках?

– Они мягкие, и ногти наманикюрены.

– Леди, так сказать, откуда вы взяли...

Сирена приближающейся патрульной полицейской машины заставила Маттиаса замолчать. Машина остановилась в нескольких шагах от них.

– Черт возьми, что происходит? – забыв о Джейд, Маттиас подошел к одному из полицейских и схватил его за рукав. – Что вы здесь делаете?

– А вы кто?

– Уэйн Маттиас. Я здесь хозяин.

– Мы получили вызов. Вероятно, один из ваших рабочих разбушевался и набросился на другого. Это произошло где-то здесь, – добавил полицейский, оглядывая верхние этажи недостроенного здания.

– Черт. Этого мне еще не хватало, – проворчал Маттиас, ослабляя узел галстука.

Толпа прохожих начала собираться, с любопытством наблюдая за происходящим.

– Вы бы лучше убрали отсюда этих людей. Я не хочу связываться с судом, если с кем-нибудь из них здесь что-нибудь случится.

Джейд оказалась в толпе любопытных и решила остаться, чтобы выяснить, что произошло и из-за чего вызвали полицию. Она и другие прохожие молча наблюдали, как рабочий лифт медленно ползет вниз. Когда кабина спустилась, с лязгом открылись металлические двери и оттуда вытолкнули человека, которого подхватили полицейские.

– Ты! – усмехнулся Маттиас, с отвращением глядя на него. – Мне следовало бы догадаться, что это ты.

Человек, к которому он обращался, был тот, за кем Джейд наблюдала в бинокль.

XVIII

Полицейский отвел Маттиаса в сторону, когда из лифта показалась фигура рабочего, руки которого были связаны за спиной чьим-то ремнем. Из подъемника вслед за ним вышли еще двое рабочих, но держались они подальше от первого.

Джейд заметила, что он сдался не без борьбы. Рана над бровью кровоточила, но на лицах других мужчин были более заметны следы драки. Он с презрением посматривал на окружающих, особенно на Маттиаса. Один из полицейских спросил:

– Итак, что у вас там произошло?

– Он нас чуть не убил, – выпалил один из рабочих, – хорошо, что мы его схватили и связали руки.

Полицейский кивком головы подозвал другого полицейского.

– Развяжи ремень и надень наручники. – Затем обратился к рабочему: – А ты кто?

– Я – прораб. Мы прокладывали вентиляционные трубы, а он начал скулить о низком качестве материалов. Я сказал ему, что материалы – не его собачье дело, и посоветовал продолжить работать. Он отказался и потребовал, чтобы пришел мистер Маттиас. Я сказал ему, что хозяину его мнение о материалах нужно, как собаке пятая нога, и что я ему дам под зад, если он не начнет работать. Вот тогда-то он и ударил

меня кулаком. – Рассказчик потрогал опухшую челюсть.

– Это так и было? – полицейский обратился к рабочему-мексиканцу, который спустился вместе со всеми на подъемнике.

– Si. Он начал нападать на всех.

– Он ругался и обзывал мистера Маттиаса всякими непотребными словами, – добавил прораб.

– Меня? – спросил Маттиас, подходя ближе. – А я что сделал? Меня там даже не было.

– Ты приказал монтировать это дерьмо, – низкий голос виновного, наконец-то вступившего в разговор, заставил всех замолчать. – Это здание сторит как свечка, если кто-нибудь чихнет ненароком возле вентиляционной шахты.

Маттиас выругался.

– Он – чокнутый. Я подозревал это еще тогда, когда брал его на работу, но пожалел его, вы понимаете, – сказал он угодливым тоном полицейскому. – С самого начала он был как чирей на заду, но поскольку он выполняет ежедневную... – Стон вырвался у него из груди, когда виновник происходящего с размаху ударил его кулаком в живот. Маттиас согнулся пополам.

Полицейский только что снял с рук виновника скандала ремень, и, воспользовавшись этим, он напал на Маттиаса.

Ошарашенный полицейский попытался усмирить его, но был отброшен в сторону. Рабочий схватил Маттиаса за шиворот и швырнул его к металлической загородке вокруг

стройплощадки. Двое полицейских бросились разнимать их и оттащили рабочего от задыхающегося Маттиаса. Наконец они с трудом надели на него наручники. По пути к полицейской машине ему объяснили его права и затолкнули на заднее сиденье.

– Я раздавлю тебя, как вошь, – ревел Маттиас, потрясая своим бледным, мягким кулаком. – Я тебя привлеку к суду за избиение, сукин сын!

– Это лучше, чем быть убийцей! – прокричал в ответ рабочий в окно патрульной машины.

– Вы должны явиться в участок и подать заявление, – сказал полицейский Маттиасу. – И вы тоже, – обратился он к рабочим. – Вы все должны дать показания.

Рабочие закивали головами и зашептались между собой, когда полицейская машина отъехала.

Толпа любопытных начала рассеиваться, но Джейд, незамеченная, еще почти два часа бродила вокруг, пока Маттиас не уехал в своем «ягуаре».

Секретарша все еще сидела за компьютером, когда в вагончик вошла Джейд.

– Что вы хотите? – не приветливо спросила секретарша.

– Кое-что спросить.

– Мистер Маттиас уехал и сегодня уже не вернется.

– Я уверена, что вы можете помочь мне.

– В чем?

– Хотелось бы узнать о человеке, которого арестовали се-

годня. Выражение ее лица утратило враждебность.

– Вы тоже находите его симпатичным, да?

– Простите?

– Он – мировой парень. Вы не находите?

– Так можете вы мне помочь или нет? – вежливо повторила Джейд.

Секретарша пожала плечами, затем повернулась к компьютеру и набрала код.

– Я никогда не забуду тот день, когда он пришел сюда и попросил дать ему заполнить бланк заявления о приеме на работу.

– Как его зовут?

– Диллон Берк. Я от бородатых прямо тащусь. У меня подруга есть, так она зовет бородачей «ершами для влагалища». Ужас! – хихикнула она. – Бороды делают мужчин такими таинственными, знаете ли.

– Действительно. Но меня больше интересуют его биографические данные. На экране компьютера появились данные.

– Он приступил к работе 28 апреля прошлого года.

– А до этого?

– Нет сведений. Посмотрите сами. Вот все, что у нас есть. Нет даже почтового адреса.

Секретарша повернула экран компьютера к Джейд, которая просмотрела информацию, затем вырвала листок из записной книжки и записала фамилию и номер страхового полиса.

– А что конкретно он делает?

– Все. По его виду никогда не догадаешься, но он очень толковый и знает, что делает. Маттиас всегда спрашивает у него совета, но никогда ими не пользуется.

Джейд внимательно слушала.

– Значит, его обвинения – правда?

– Обвинения? А, вы имеете в виду, что он сказал, будто Маттиас использует некачественные материалы?

– Это правда?

– Видите ли, я не понимаю, какое отношение это имеет к вашему делу, я и так наговорила лишнего...

– Он ко мне приставал. – У Джейд появилось подозрение, и она решила сыграть на нем. – Пока мы обедали, Маттиас засунул руку мне под юбку и попросил меня отправиться к нему домой, чтобы провести с ним остаток обеденного перерыва.

Глаза секретарши стали, как щелочки. Огненно-красные ногти впились в ладони, как когти.

– Вот оно что! Потаскун проклятый, изменник, дерьмо воющее!..

Джейд наблюдала за тем, как Диллона Берка вывели из дверей и подвели к столу расписаться в получении вещей. Пока он надевал часы, сержант, сидевший за столом, что-то сказал ему, и Диллон обернулся и посмотрел на Джейд с той волнующей внутренней силой, которую она заметила, еще

когда рассматривала его в бинокль.

Из-под густых бровей его карие глаза глядели на нее с подозрением. Он осмотрел ее сверху вниз – от макушки до черных плетеных туфель – и обратно. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не выказать смущения.

– Вы уверены? – услышала она, как он спрашивает, повернувшись опять к сержанту.

– Дареному коню в зубы не смотрят, приятель. Выметайся отсюда, пока мы не передумали!

Джейд встала, с удивлением обнаружив, что коленки у нее трясутся. Она не любила полицейские участки: ей слишком памятна была та ночь, которую пришлось провести в следственной комнате здания окружного суда в Пальметто. Она не удивилась, прочитав, что Хатч теперь занимает офис, который принадлежал когда-то его отцу.

– Мистер Берк? – спросила она, подходя к нему. – Не могли бы вы пойти со мной?

Он забавно наклонил голову к плечу, так что его длинные волосы упали на плечо, и спросил:

– Для чего? И, черт возьми, кто вы?

– Меня зовут Джейд Сперри. Прошу. – И указала рукой на дверь. Она не отвела своих голубых глаз от тяжелого взгляда Берка, хотя он и смущал ее. – Как сказал сержант, они могут передумать и продержат вас здесь всю ночь. Сюда, пожалуйста.

Джейд направилась к выходу. Всем своим видом она де-

монстрировала уверенность, что Берк последует за ней, хотя и подозревала, что как только они окажутся за дверью, она его больше не увидит. К ее удивлению, он молча пошел за ней.

Она подвела его к машине, припаркованной у тротуара. Шофер поспешил открыть для них заднюю дверцу. Джейд предложила Берку сесть первым. Он колебался всего несколько секунд, а затем плюхнулся на сиденье. Она знала, что ее машина слишком экстравагантна, но хотела поразить его. Она хотела, чтобы он смирился перед счастливым жребием, неожиданно выпавшим на его долю. Она хотела, чтобы он ответил «да» на ее предложение.

Джейд нажала на кнопку, и стекло бесшумно поднялось, отделяя их от шофера. Берк молча наблюдал за ней.

Лимузин влился в поток машин и бесшумно двигался в нем, как серебристая змея. Джейд закинула ногу на ногу, потом передумала. В тишине было слышно, как скрипнули от трения ее чулки. Берк посмотрел на ее ноги, затем поднял любопытствующий взгляд на лицо.

Чтобы скрыть волнение, Джейд открыла сумочку и вынула пачку сигарет и новую зажигалку.

– Сигарету?

– Не курю.

– О! – засмеялась она, кладя пачку и зажигалку в небольшой встроенный бар лимузина. – Думаю, я насмотрелась слишком много фильмов.

– Фильмов?

– Да, ведь в фильмах, когда заключенный выходит из тюрьмы, то первым делом ему предлагают сигарету. Вот я и купила пачку, решив, что вы... Мне впервые пришлось вынуждать человека из тюрьмы.

Смерив ее циничным взглядом, Берк стал рассматривать шикарный интерьер машины.

– Для меня это тоже впервой.

– Вы еще ни разу не попадали в тюрьму? Он резко повернулся к ней. От этого неожиданного движения она вздрогнула.

– А вы?

Он казался вблизи таким большим, и внезапно Джейд засомневалась в разумности своих действий. Она вспомнила, как стремительно он ударил Маттиаса, когда ему развязали руки. Его физическая сила не отталкивала, но пугала ее. Именно этого, как она догадалась, Берк и добивался. Он пытался запугать ее, возможно, потому, что сам был запуган.

– Нет, в тюрьме мне никогда не приходилось сидеть, – ответила она, помолчав.

Теперь он осмотрел ее медленным и внимательным взглядом.

– Что-то мне не верится.

– Рана над бровью еще беспокоит? – Порез на лице больше не кровоточил, но было видно, что он свежий.

– Переживу. – Ссутулившись, он сидел, вперив взгляд в

стекло, отделявшее их от шофера. – Куда мы едем?

– Я подумала, что вы голодны. Не хотите ли поужинать со мной?

– Поужинать? – спросил он с ироничной улыбкой, посмотрев на свою рабочую одежду и грубые ботинки. – Мой наряд не очень-то подходит для такого случая.

– Это вас беспокоит?

– Нет, черт возьми. А вас?

– Нисколько.

Несколько минут они сидели молча, пока любопытство опять на заставило его спросить:

– Когда наконец вы скажете, что, черт возьми, происходит? Если вас подослал Маттиас в качестве взятки или чего другого, тогда...

– Уверяю вас, он меня не посылал. Я все объясню вам после ужина, мистер Берк. К тому же мы уже приехали. – Джейд заранее проконсультировалась у портье ее гостиницы о выборе ресторана, адрес которого и дала шоферу. Нашелся ресторан в стороне от людных улиц, его хозяева предлагали разнообразие блюд и умеренные цены. Интерьер был в духе декораций фильмов Джина Отри. Просторный полутемный зал уютно освещался рассеянными золотистыми лучами светильников, скрытых в обшивке потолка.

Джейд осталась довольна своим выбором. Они прошли к столику в дальнем углу зала, сопровождаемые официанткой в замшевой с бахромой юбке и сапогах в стиле «вестерн».

«Мистер Берк будет чувствовать себя здесь менее заметным, чем в каком-либо дорогом ресторане», – подумала Джейд.

Для затравки он заказал пиво, а она содовую с лимоном. Когда напитки подали, он небрежным «спасибо» поблагодарил официантку.

Джейд украдкой наблюдала, как Берк цедит пиво, пытаясь представить его без бороды.

Он аккуратно смахнул остатки пены с бороды и усов, спускавшихся на его нижнюю, полную губу. Она смотрела на его руки: рабочие руки с мозолистыми ладонями, ногти коротко острижены и чистые, но не полированные. Во время работы рукавицы закрывали руки от солнца, но выше запястья виднелась полоска загорелой кожи. Сильные руки, которые произвели на Джейд такое впечатление, когда она наблюдала за ним в бинокль, вблизи казались еще сильнее. Сейчас поверх майки на нем была клетчатая фланелевая рубашка. ворот был расстегнут, рукава в некоторых местах порваны. Его широкая грудь наверняка привлекла внимание официантки.

– Когда вы закончите, придет моя очередь.

Джейд отвела взгляд от его груди и взглянула на него.

– Извините?

– Теперь моя очередь разглядывать вас. Иначе это будет выглядеть глупо и сентиментально, если мы будем одновременно, как влюбленные, посматривать друг на друга.

Приход официантки удержал Джейд от ответа. Она быстро продиктовала заказ:

– Моему гостю, пожалуйста, большой кусок отбивной с кровью, жареный картофель и салат. Мне – небольшой кусок вырезки. Десерт мы закажем позже. – Она сунула карточку меню в руку официантки, затем посмотрела на Берка. Он сжал пивную кружку с такой силой, что суставы побелели. Когда он заговорил, его голос дрожал от злости:

– Я уже взрослый мальчик, мисс, или как вас там, черт возьми. Я могу сам прочитать меню и сделать заказ.

Джейд вовсе не собиралась ограничивать его свободу, по крайней мере в том смысле, какой он предположил. Поэтому его замечание о нежных взглядах взбесило ее.

– Извините за грубость. Иногда я делаю это, не подумав. Это моя дурная привычка. Не скажете ли вы наконец, почему мы с вами здесь?

– Все после ужина.

Берк пробормотал что-то не подходящее для цивилизованного разговора за столом.

– В таком случае, могу я заказать еще пива?

– Конечно.

Когда он опустошил вторую кружку, подали заказанные блюда. Жадно набросившись на еду, Берк предоставил Джейд самой решать, когда в последний раз он ел хороший кусок мяса. Приборами он пользовался правильно, но чересчур торопливо.

– Не хотите ли еще отбивную? – вежливо поинтересовалась она, наклоняясь к нему через стол. Произнеся это по-

кровительственным тоном и увидев его реакцию, Джейд тотчас поняла, что совершила ошибку.

Берк холодно посмотрел на нее.

– Нет. – Он отказался больше из чувства гордости, чем от сытости.

Тарелки убрали. Он довольно невежливо отказался от десерта, а на предложение выпить кофе только пожал плечами.

– Два кофе, – попросила Джейд официантку. Когда принесли кофе, она начала объяснять ему, в чем дело.

– Я была на стройплощадке, когда вас арестовали, мистер Берк. – Джейд наблюдала за реакцией, но ее не было. Он внимательно смотрел на нее, но взгляд ничего не выражал: ни удивления, ни интереса. Отсутствие реакции ее беспокоило. – Кое-что меня поразило. Во-первых, что вы не боитесь высказывать свое мнение, а во-вторых, что вы отстаиваете его, пусть и не встречая одобрения. Это доказывает, что у вас есть убежденность и мужество, то есть те качества, которые мне импонируют. Мне нужен крепкий человек.

Смех, напоминающий грохот, вырвался из груди Берка.

– Ну и ну, будь я проклят! У вас, верно, было много неприятностей?

– Да, были.

Положив руки на стол, он наклонился вперед над забытыми чашками кофе и мягко проговорил:

– Теперь я усек. Вы ищете приключений, потому что ваш богатый, удачливый муж весь поглощен работой, зарабатывает

вая баксы, чтобы оплачивать ваши ласки. Или вы обнаружили, что он подхватил девчонку-машинистку, и решили ему отомстить. Вы случайно оказались сегодня там, когда произошла вся эта заваруха, вас аж повело, когда в голову пришла эта дурацкая фантазия. Приказали шоферу отвезти вас в муниципалитет, а поскольку вы богатая и важная, да еще сука большого кобеля, то дернули за ниточку-другую, чтобы вызволить меня из тюрьмы. Верно?

Удовлетворенный своими догадками, он откинулся на спинку стула.

– О'кей, все в порядке. Мне даже как-то неловко, что вы столько беспокоились из-за такого пустяка. Ладно, за тысячу долларов я буду ублажать вас всю ночь напролет.

XIX

Джейд передернуло.

– Как вы смеете?

Протянув через стол руку, он мягко взял ее за запястье.

– Ну хорошо, пятьсот. Сегодня я потерял работу, и мне не приходится торговаться.

Джейд вырвала свою руку. Первым ее порывом было дать ему головомойку, как Маттиасу во время обеда. А ведь его намеки были менее оскорбительны, чем то, что наговорил Берк. Сравнивая этих людей, она подумала даже, что омерзительный Маттиас приличнее, во всяком случае, внешне.

Но инстинкт подсказывал ей, что в Диллоне Берке есть нечто большее, чем то, что он старается показать. Неопрятная борода, длинные волосы и грубость были скорее всего защитной маской. Джейд не понимала, откуда она знает это. Знает, и все. Вместо того чтобы резко отчитать его, она промолчала. Почему? Джейд сама не понимала. Почему случайное стечение обстоятельств привело ее на стройку во время его ареста? Несколько дней она наблюдала за ним в бинокль из окна гостиницы. Почему именно за ним? Будто сама судьба указала ей на него.

Он все еще внимательно наблюдал за ней. На его месте она тоже, наверное, была бы смущена. В любом случае фабрика «Текстиль» стоит того, чтобы простить его поступок.

Жестом Джейд подозвала официантку.

– Вы уверены, что не хотите десерта, мистер Берк?

Он уставился на нее недоверчивым взглядом, затем бесцеремонно произнес:

– Яблочный пирог.

– Два, – сказала Джейд официантке. – И принесите, пожалуйста, нам другой кофе. И не спешите, мы, вероятно, задержимся здесь.

Дождавшись, когда официантка отойдет, Джейд посмотрела в невозмутимые карие глаза Диллона.

– Мне хочется одной вещи так сильно, что я даже вижу ее во сне. Вы можете мне помочь, но это не имеет никакого отношения к сексу. Теперь, зная это, вам еще интересно услышать мое предложение?

Он не отвел взгляда от Джейд, даже когда отодвинулся, давая возможность официантке поставить на стол тарелки с пирогом и чашки кофе. Взяв десертную вилку, Диллон сказал:

– Я готов слушать вас, пока ем пирог.

– Ваши обвинения справедливы: Маттиас использовал низкосортные материалы и подкупил городского инспектора, чтобы тот подтвердил их пригодность.

– Сукин сын, – прошипел Берк в бороду. – Я знал это! Я видел, что материалы негодные, и не поверил, что они прошли экспертизу. Но каждый раз у Маттиаса был документ со штампом, что проверка произведена.

– Он брал с клиента деньги за качественные материалы, а разницу присваивал.

– Деньги – дрянь. Но это проклятое здание может рухнуть, особенно если случится землетрясение. А вы откуда все это знаете?

– Узнала от его секретарши. Она многое мне порассказала, когда я ей намекнула, что он ко мне приставал во время нашей встречи.

– О, здорово! – пробормотал Диллон. – В таком случае я играю на стороне Маттиаса.

– Трудно поверить, мистер Берк.

– Так вы инспектор? И проделали все это для того, чтобы я дал показания против Маттиаса в суде?

– Нет, меня больше не интересует, что будет с Маттиасом. Я сделала фотокопии накладных и других документов, уличающих его. Затем позвонила ему и пригрозила, что передам найденные документы окружному прокурору, если он не откажется от обвинения против вас.

– Вам не обязательно было лично забирать меня из тюрьмы.

– Мне это было необходимо.

– Почему?

– Потому что я собираюсь предложить вам работу, которая предназначалась сначала Маттиасу. Вы закончили десерт? Могу я продолжать?

Молча Диллон отодвинул пустую тарелку и принялся за

кофе.

Позволив себе улыбнуться, Джейд рассказала ему, кого она представляет. Он смутно представлял себе эту компанию.

– Почти тринадцать месяцев наш юридический отдел без шума приобретал недвижимость в Пальметто, в Южной Каролине. Мы собираемся строить там фабрику.

– Какую?

– Текстильную. Но кроме тканей мы собираемся производить одежду для продажи по умеренным ценам. Экономическая конъюнктура в этом районе штата весьма неблагоприятна. Последние десять лет индустрия отдыха на побережье фактически препятствовала развитию промышленности.

– Вероятно, из-за опасений за окружающую среду?

– Совершенно верно. Но после создания комиссии по контролю за загрязнением окружающей среды это – не проблема. Лоббисты потеряли силу. Совет по развитию штата всячески поддерживает нас, поскольку корпорация GSS – убежденный сторонник охраны окружающей среды.

– Держу пари, что они такие же убежденные сторонники делать там хорошие бабки, – цинично заметил Диллон.

– Да, но для всех. С собой мы берем только часть управленческого аппарата, но на фабрику по различным специальностям будут наняты сотни местных жителей. Это в корне изменит структуру экономики района.

– Я никогда не слышал о Пальметто.

– Он расположен рядом с побережьем между Саванной и Чарлстоном. Население самого города не превышает десяти тысяч, но еще несколько тысяч живет в пригородах. Весь район выиграет, если GSS здесь укрепитя.

– Какова ваша роль во всем этом?

– Я – руководитель проекта.

Диллон удивленно поднял брови.

– Значит, вы – главный погонщик?

– Если можно так выразиться.

– И вы приехали в Калифорнию, чтобы нанимать строительных рабочих? – спросил он с сочувствием.

– Я приехала нанять главного подрядчика.

– Обычно этим занимается разработчик.

– У GSS есть фирма по проектированию. Один из ее представителей, Дэвид Сеффрин, занимается проектом «Текстиль». Он-то и навел меня на Маттиаса. У того были отличные рекомендации, хотя теперь я сомневаюсь в их подлинности.

– Если разработчик – Сеффрин, то почему вопросом найма занимаетесь вы?

– Подрядчик, с которым мы заключим контракт на эту работу, должен быть одобрен мной. Эта фабрика – мое детище, мистер Берк. Она будет создана с нуля. Мне придется долгое время работать в тесном контакте с подрядчиком. Вот почему для меня существенно сделать правильный выбор.

подавшись вперед, Джейд сказала:

– Я верю, что вы и есть тот человек, который мне нужен.

Его резкий, лающий смех привлек внимание посетителей ресторана.

– Ага, здорово!

Он осмотрел себя, поковырял пальцами в дырке на штанине.

– Я выгляжу большой шишкой. Меня можно заметить в любой толпе.

– Меня меньше всего заботит ват внешний вид.

Он покачал головой, как бы отрицая ее утверждение.

– Нет, я не подхожу для вас. Извините, что разочаровал.

– Вы – с Юга, мистер Берк. – Он бросил на нее колючий, испытующий взгляд. – Говорящие с южным акцентом всегда договорятся между собой. А кроме того, вы знакомы с проблемой противостояния промышленности и туризма.

– Итак, вы берете меня на работу только потому, что у меня южный акцент?

– Нет, я предлагаю вам ее, принимая во внимание вашу квалификацию.

– Я – не квалифицированный рабочий.

– Не надо делать из меня дурочку! – И опять его брови поднялись в изумлении. – Вы можете отклонить мое предложение, но не лгите мне. Я уверена, что у вас есть веская причина ходить с бородой и искать повода для драки. Но я также уверена, что у вас достаточно квалификации для этой работы. Секретарша рассказала мне не только о Маттиасе,

но кое-что и о вас. Дела на стройке были в полном развале, пока не появились вы. Вскоре после того, как вас взяли, вы занялись решением проблем на стройке и стали давать советы Маттиасу. В конце концов Маттиас не мог шага сделать без них. Он не нанимал ни одного субподрядчика, не посоветовавшись с вами. Это правда?

Диллон смотрел на нее не мигая.

– Секретарша рассказала, что вы – дока во всем, начиная с умения читать чертежи до сварочных работ и электроизоляции. Она рассказала, что Маттиас разозлился из-за ссоры по поводу плохого качества материалов. Но он не собирается даже увольнять вас, потому что вы для него необходимы.

Он сидел молча, покусывая кончик уса.

– У меня есть номер вашей страховки, – тихо добавила Джейд. – Я проверяла ваши данные. Поэтому не надо меня обманывать.

Диллон пробормотал целый поток ругательств, затем сказал:

– Возможно, когда-то у меня и была квалификация, но последние семь лет я не занимался ничем, кроме работы на подхвате. Не хотел. И теперь не хочу. Я хочу, черт возьми, чтобы меня оставили в покое.

– Почему?

– Не ваше собачье дело!

И вновь его громкий, сердитый голос привлек внимание посетителей.

– Я думаю, мы можем уйти, – предложила Джейд. – Вы готовы?

– Давным-давно.

– Куда вас подвезти? – спросила она, когда она опять устроились на заднем сиденье.

– На стройплощадку. Там припаркован мой пи кап. Надеюсь, он остался на месте.

Джейд назвала шоферу адрес, потом сказала, откинувшись на спинку:

– Несмотря на то, что он нуждается в вас, Маттиас будет недоволен, что вы вернулись. Что же вы будете делать завтра, мистер Берк?

– Думаю, надо выспаться.

– А потом?

– Пойду искать работу.

– Любую работу?

– Абсолютно верно. Любую. Где угодно. Это не имеет значения.

– А я думаю, имеет.

Он быстро повернул голову и уставился на Джейд, как бы недоумевая, почему она посмела возразить ему.

– Я думаю, это имеет даже большее значение, чем вы думаете. Просто не хотите себе признаться в этом. – Джейд взяла лежащий у ее ног кейс и открыла его. – Вот проспекты, подготовленные мистером Сеффрином для фабрики «Текстиль». Мне бы хотелось, чтобы вы их просмотрели.

Она протянула ему бумаги в пластиковой папке.

– Завтра я возвращаюсь в Нью-Йорк. Есть ли у вас телефон, по которому я могла бы найти вас в ближайшие дни?

– Нет, да и бумаги ваши не изменят моего решения.

– Зарплата – пять тысяч долларов в месяц, начиная со дня подписания контракта. Премия в двадцать пять тысяч долларов будет выплачена по окончании работы, если она меня устроит.

В проспектах не было упоминания о премии. Джордж Стейн, узнай он о ее предложении, поднял бы бучу. Но она взяла на себя эту ответственность.

– На черта мне деньги?

– Неужели? Вы же потребовали тысячу долларов за ночь со мной, – напомнила она ему.

– Я хотел вас оскорбить.

– Это сработало.

Диллон провел рукой по своим длинным, взъерошенным волосам.

– Спасибо, что вытащили меня из тюрьмы, но вы зря потратили время.

– Не думаю.

Машина подъехала к темной, опустевшей стройплощадке.

– Вы знаете, как связаться со мной, мистер Берк.

– Вы что, не слышали? Я уже принял решение. Мой ответ – «нет».

Шофер вышел открыть для него дверцу машины. Уже сту-

пив ногой на тротуар, Диллон повернулся и спросил:

– Как вы сказали, ваше имя?

– Джейд.

– Спасибо за обед, Джейд. Но я люблю прожаренное мясо.

Неожиданным движением он обхватил ее голову и притянул к себе. Его губы припали к ее губам в крепком поцелуе. Кончиком языка он приоткрыл их, но длилось это мгновение, и он отпустил ее.

– Извините за грубость. Иногда я поступаю необдуманно. Такая у меня дурная привычка.

Он вышел из машины, оставив Джейд в состоянии транса. Губы ее были влажными и дрожали.

Стоя в дверях ее офиса, Диллон казался себе неуклюжим, неуместным и слишком большим. Привыкнув работать на открытом воздухе, внутри помещения он чувствовал себя скованным.

Джейд Сперри разговаривала по телефону, сидя за рабочим столом спиной к двери. Ее темные волосы были собраны на затылке в хвост и скреплены золотой заколкой. Одну выбившуюся прядь она наматывала на палец.

– И вот еще что, Кэти, пожалуйста, позвони в школу Грэма и договорись о моей встрече с директором. Я бы хотела его увидеть до отъезда. А? Нет, не забыла. Спасибо, что напомнила. Я позвоню домой около шести. Пока!

Она повесила трубку и повернулась на вращающемся

кресле в сторону двери. На минуту ее дыхание перехватило, когда она увидела стоящего в дверях Диллона.

– Простите, чем могу вам помочь?

– Какая короткая у людей память!

Удивление отразилось на лице, глаза стали большими и засветились, рот приоткрылся.

– Мистер Берк?

Он выпрямился и ждал с чувством собственного достоинства.

Джейд торопливо встала и вышла из-за стола. На ней была белая блузка, черная прямая юбка и те же черные туфли на высоком каблучке, в которых она ходила в Лос-Анджелесе две недели назад. Ее ноги были действительно хороши, именно такими он их и запомнил.

– Я не узнала вас без бороды, – сказала она. – И волосы стали короче, не так ли?

– Какой изящный намек на то, что я наконец-то постригся. И даже приоделся.

Как бы в шутку Диллон вытянул руки в стороны. На нем были его лучшие джинсы и новая рубашка. Купив в магазине рубашку, он, подумав, приобрел и галстук. Но он так давно не носил галстуков, что завязал его только с третьей попытки и после бесчисленных проклятий.

Позже, рассматривая себя в зеркальце, он пришел к выводу, что сделал все, что мог. И если в таком виде он окажется для нее недостаточно хорош, то это, черт возьми, никуда не

годится. Но кому это нужно?

Ему.

Диллон пришел к такому заключению после нескольких дней мучительных раздумий. Черт бы ее подрал! Сперри умудрилась лишить его покоя впервые за семь лет! Эта дамочка показалась ему чудачкой, решив доверить проект такого масштаба прожженному бездельнику и бродяге, каким он и был. Но – черт! – ее вызов был так волнующ.

– Извините, что разглядываю вас, – сказала Джейд, когда самообладание вернулось к ней. – Вас не узнать. Садитесь, пожалуйста.

Диллон сел на стул.

– Вероятно, мне надо было вначале позвонить.

На самом деле он и не думал звонить, потому что боялся ее ответа: «вакансия уже занята». Для него это было бы огромным разочарованием. От неопределенности его голос даже осип.

– Надеюсь, я не помешал вам, ворвавшись неожиданно?

– Нет, нет.

Она опять села за стол.

Диллон осматривал кабинет с интересом. Все в нем казалось таким приглаженным и современным. Но все же здесь было уютно от горшочков с цветущими на подоконнике африканскими фиалками, от картин, написанных неуверенной рукой и развешанных по стенам. Каждый рисунок был подписан: «Грэм Сперри».

– Мой сын, – пояснила Джейд, следя за его взглядом. – Сейчас ему четырнадцать. Его смущает, что я развесила здесь его школьные рисунки.

– Четырнадцать, – пробормотал Диллон и подумал, что Чарли было бы еще только восемь. Он провел рукой по густым усам, которые решил оставить, когда сбрасывал бороду.

– Вам кофе или что-нибудь прохладительное?

– Нет, спасибо.

– Когда вы уехали из Лос-Анджелеса?

– Неделю назад. Я ехал на машине.

– О, понимаю. Должно быть, это просто мучение.

– Все было нормально, – ответил Диллон лаконично. Зачем она тянет? Почему не хочет сказать, что уже нашла кого-нибудь, повежливее?

– Вы первый раз в Нью-Йорке?

– Да.

– Как он вам понравился?

– Нормально.

После короткого молчания Джейд спросила:

– Надеюсь, у вас для меня хорошие новости?

– А что, место еще не занято?

– Нет.

– Не может быть!

Ее глаза загорелись, но голос остался спокойным.

– Я очень рада услышать это, мистер Берк.

– Почему? Вы нашли меня в тюрьме. Вы не знаете, как я

работаю. У меня нет своего дела.

– Еще в Калифорнии я решила, что мне не нужна строительная фирма. Отдельный человек менее опасен, чем большая компания.

– Я все еще не понимаю, – сказал Диллон.

– Мы хотим, чтобы «Текстиль» был выгоден всему Пальметто. Использование местных рабочих-строителей и расположенных в этом районе субподрядчиков – правильный шаг. Я обсуждала эту идею с мистером Сефффрином, и он согласен со мной. Тот факт, что у вас нет своей компании и своей бригады рабочих, – плюс. И, – добавила она, подчеркивая свое южное произношение, – вы говорите на их языке. Для них вы не будете чужаком. А мы именно стараемся не показаться чужаками.

– А этот ваш мистер Сеффрин...

– Он доверяет моей интуиции, хотя должна признаться, что все это время мы искали повсюду подрядчика. Но вы все еще идете номером первым в этом списке, и я рада видеть вас здесь. А теперь расскажите, как вы работаете?

Она положила руки на стол и приготвилась внимательно слушать.

– По существу, я занимался всем, что относится к строительству. Но больше всего я люблю заниматься этими проблемами в комплексе.

– До того, как я убедилась, что он просто проходимец, мне сразу не понравились руки Маттиаса, – сказала Джейд. –

Они слишком ухоженные. Он руководит, сидя за столом. А мне нужен человек, который будет следить за каждой деталью во время работы, который трудится на равных с рабочими и подрядчиками.

– Ну, это не проблема. Именно так я и люблю работать.

– Хорошо. Но наш проект требует преданности. С начала рытья котлована до полного завершения строительства пройдет не меньше двух лет. И все это время вы будете заниматься этим.

– Лучше ничего не придумаешь!

– Переселение в Пальметто не станет для вас проблемой?

– Никакой. Как вы уже догадались, я вырос на Юге. Получил диплом Технического колледжа в штате Джорджия.

– Что бы вы хотели еще обсудить, пока готовится наше рабочее соглашение?

– Может быть, вопрос о субподрядчиках?

– Что именно?

– Я хочу получить не меньше трех вариантов цен за каждую работу, – сказал Диллон. – Должен ли я ориентироваться на самую низкую цену?

– Нет, если другая вас больше устроит.

– Иногда низкая цена подряда оказывается в дальнейшем самой дорогостоящей – когда работу приходится переделывать.

– Думаю, что мы понимаем друг друга, мистер Берк. А сейчас, могу ли я посмотреть ваши рекомендации? Тогда все

будет решено.

Диллон беспокойно заерзал на стуле. Именно этой части разговора он и боялся.

– Я не могу представить вам рекомендации.

– Ах вот как!

– За последние годы я очень часто менял работу. Сжигал мосты. То я уходил с работы, потому что подрался или напился, то мне надоедала некомпетентность хозяина. И никогда не возвращался на работу, с которой уходил, – он пожал плечами. – Ведь рекомендации – не главное. Как бы то ни было, у меня нет ни одной.

– А как я могу быть уверена, что вы не подеретесь, не напьетесь и не уйдете от меня?

– Никак не можете. Придется поверить мне на слово.

Диллон задержал дыхание. Зайдя так далеко, он не был уверен, что сможет пережить разочарование, если ему откажут.

Он хотел именно эту работу. Именно она имела для него большое значение. Означала начало новой жизни, а не продолжение прежнего существования.

Джейд встала и обошла вокруг стола.

– Вам надо быть в Пальметто к первому мая. У меня запланирована встреча с городскими властями, на которой я объявлю наши планы. А вы должны быть уже там.

– Значит, я нанят?

– Да, вы приняты на работу. До первого мая все ваше

служебное время будет заполнено встречами с Сеффрином, архитектором, дизайнером и мной. Для своих рабочих проблем вам придется выкраивать другие часы. Я попытаюсь найти для вас свободный кабинет.

Принят на работу! Он был так потрясен, что никак не реагировал на это.

Она протянула руку.

– Ну как, по рукам?

Диллон встал и пожал ей руку. Между пожатием руки Джейд Сперри и пожатиями тех, с кем он раньше встречался, была огромная разница. Ее рука была маленькая, холодная, твердая и мягкая одновременно. Казалось, она не подходит для подобного мужского жеста, но ее прикосновение еще долго оставалось в его памяти.

– Извините, я не могу дольше задерживаться.

Она оставила его одного в своем кабинете. Диллон подошел к окну и стал смотреть сверху на город. Ему все еще с трудом верилось в случившееся. В тот вечер, когда она пригласила его пообедать, он постарался нагромоздить кучу барьеров между собой и ее предложением. Но потом не переставая думал о происшедшем.

В конце концов он одумался и стал изучать проспекты, которые она ему оставила. Он прочел их с десятков раз, и «Текстиль» стал для него такой же навязчивой идеей, как и чувство вины.

Семь лет оно преследовало его. В заключении следова-

теля утверждалось, что Дебра и Чарли умерли в результате несчастного случая. Но Диллон знал, что в их смерти повинен он. После того, как «скорая» увезла их тела, он в безумии метался по дому и неожиданно наткнулся на листок с церковными песнопениями, который никак не мог найти в предыдущий приезд. Последняя строчка одного стиха была: «Храни свой очаг».

Уехав из Таллахасси, Диллон много и бесцельно ездил. Он носил в себе чувство вины и не мог избавиться от него ни на холодных просторах Аляски, ни в непроходимых джунглях Центральной Америки. Он пытался утопить его в виски, забыть в мимолетных любовных приключениях, убить, подвергаясь бессмысленному риску. Ему не удалось ничего с ним поделать. Это чувство было, как живое существо, ставшее его частью, неотъемлемой и неизменной.

После длительных раздумий над предложением Джейд Сперри ему в голову пришла мысль, что, приняв его, он сможет объединить чувство вины и желание работать у Джейд. Если он примет это предложение и возьмется за работу, которую постарается выполнить хорошо, то это в какой-то мере искупит ту неудачу, которая стала причиной смерти жены и сына.

– Все улажено!

Диллон даже подпрыгнул, когда Джейд вернулась в кабинет с бланками контракта. Он его внимательно прочитал, вписал недостающие детали и только затем поставил под-

пись.

Джейд сказала:

– Как только у вас будет постоянный адрес в Пальметто, сообщите его, пожалуйста, для внесения в документы.

– Если вы не возражаете, я бы предпочел жить где-нибудь на будущей стройплощадке.

– На стройплощадке?

– Да, я бы взял в аренду трейлер, который бы служил мне и офисом, и жильем.

– Делайте, как вам удобно. – Джейд направилась к двери. Диллон последовал за ней. – Я предупредила мистера Сеффрина. Его кабинет находится в другом здании, но он скоро придет. Мистер Стейн уже знает, что вы здесь, и хочет встретиться с вами. Но до этого нам надо прояснить одно дело. Чувствую, что надо.

Джейд опустила глаза. Он взглянул на ее профиль, и ему показалось, что ее черные, загнутые ресницы словно нарисованы тонкой кисточкой.

– Вам не следовало целовать меня в тот вечер в Лос-Анджелесе. Ничего подобного больше не должно повториться. Если вас беспокоит проблема работы под началом у женщины, я должна знать об этом.

Диллон нарочно тянул с ответом, ожидая, когда она посмотрит на него.

– Я был бы евнухом, если бы не заметил, что вы – женщина. Красивая женщина. Но это ничего не значит, когда у

тебя такие густые усы. Я хочу эту работу, остальное неважно. Не сомневаюсь, что я ответил вам. Главное – хладнокровие. У меня по отношению к вам нет никаких притязаний. Вы можете быть спокойной, потому что, когда мне хочется женщину, я нахожу ее, но только на ночь. Не хочу ни на одну из них смотреть по утрам или вести беседы после сна.

Было слышно, как она глубоко вздохнула.

– Понимаю.

– Нет, вы не понимаете, но это неважно. Просто будьте уверены, что не в моей привычке заводить романы с женщинами, на которых работаю.

– Тогда почему же вы поцеловали меня?

Диллон криво усмехнулся, покусывая кончик уса.

– Потому что вы меня унизили.

– Каким образом?

– Тот день начался для меня не очень хорошо, – сказал Диллон с сарказмом. – Затем появились вы, такая хладнокровная покупательница человеческого товара, одетая так, чтобы поразить, да еще размахивающая у тебя перед носом золотой кредитной карточкой. Я – мужик и не люблю, когда мной командуют, выходя за границы, которые я могу позволить. Командуют только потому, что пользуются духами и носят кружевные трусики. Я не знаю ни одного мужчины, которому бы нравилось быть под началом у женщины.

– Или наоборот.

– Тогда бы вы могли дать мне пощечину.

– Вы не дали мне такой возможности.

Их беседа продолжалась в десять раз дольше, чем длился тот поцелуй. Он был готов прекратить разговор на эту тему. Но было неудобно прекратить его первым: ведь он и сам не знал, что его заставило поцеловать ее тогда. В одном Диллон был твердо уверен: он не хочет знать причину. Тем не менее он не мог завершить этот разговор, не задав ей еще один вопрос:

– Если тот поцелуй так волнует вас, зачем вы взяли меня на работу?

– Потому что посвятила всю свою жизнь тому, чтобы появился такой проект и чтобы его осуществить, мистер Берк. По сравнению с этим один поцелуй ничего не значит.

Ее глаза потемнели, и уже не в первый раз Диллон задался вопросом, что же двигало ее поведением в отношении его.

– Это больше не повторится, – еще раз пообещал он. – Я уже объяснил вам, что поцелуи не был вызван моим влечением к вам.

– Хорошо. – Улыбка Джейд показывала, что и она чувствует облегчение от того, что разговор на эту тему окончен.

– Перед тем, как вы встретитесь с мистером Стейном, что бы вы хотели выяснить еще?

– Кто такой мистер Стейн?

XX

Пальметто, май 1991

В первый день месяца, когда все в природе благоухало от весеннего цветения, городской зал был заполнен до отказа шумной, любопытной толпой. Джейд заняла место на одном из стульев, поставленных в ряд на сцене.

Мало-помалу в городе распространился слух, что кто-то приобрел огромный участок земли и что там будет вестись строительство фабрики. Диллон находился в Пальметто уже несколько недель, получая необходимые разрешения для строительства, подготавливая коммуникации для нужд строительства. Но делал он это, не привлекая внимания, без каких-либо публичных заявлений.

Слухи были самые фантастические. Говорили, что в Пальметто будет строиться не то увеселительный парк, вроде Диснейленда, не то атомная станция. Джейд договорилась с городским советом, члены которого тоже толком не знали, что планирует GSS, об организации встречи с общественностью, на которой надо было рассеять страхи горожан, заинтересовать идеей проекта и вовлечь в его осуществление. Хотя Джейд хорошо подготовилась к выступлению, она нервничала.

ла. Чтобы отвлечься и успокоиться, она старалась думать о доме, который сняла на время их жизни с Кэти и Грэмом в Пальметто. Это был старинный особняк с просторными комнатами, с хорошим паркетом, с вентиляторами под потолком. Особняк полностью был модернизирован, прежде чем его хозяева начали строительство нового дома в Чарлстоне. Через агента по недвижимости в Нью-Йорке Джейд сняла этот коттедж, как только в нем был окончен ремонт.

Кэти понравится солнечная кухня и крытая веранда позади дома, которая, несомненно, напомнит ей дом в Моргантауне. В большом затененном деревьями дворике росли азалии. Одну из трех спален на верхнем этаже Джейд предназначила Грэму. Ему понравятся встроенные полки, на которых он сможет разместить свою стереосистему. По телефону она описала ему эту комнату:

– Три огромных окна выходят в палисадник, стенной шкаф намного больше, чем твой. Тебе наверняка понравится твоя комната.

Грэм все еще с неохотой и сомнением относился к необходимости переезда.

– Да, звучит заманчиво. Далеко дом от места стройки?

– Всего в нескольких милях. А почему это тебя интересует?

– Просто так. Диллон сказал, что я могу съездить туда посмотреть.

Она познакомила Грэма с Диллоном в Нью-Йорке, ко-

гда сын однажды после школы зашел в ее офис. Потом они встречались только раз, но Грэм часто в разговоре упоминал его имя. До сих пор единственным взрослым мужчиной в ближайшем окружении Грэма был Хэнк. Джейд рассудила, что его преклонение перед Диллоном будет безопасным, если не пойдет далеко. Диллон Берк был необходим для «Текстиля», но как пример для ее слишком впечатлительного сына он едва ли подходил. Еще Джейд опасалась, как бы Диллон не стал относиться к Грэму как к замене своего погибшего сына.

Она знала о Диллоне больше, чем он подозревал. После нее подрядчик – самая влиятельная фигура в работе над проектом. Поэтому за те две недели, что прошли между их встречей в Лос-Анджелесе и его появлением в Нью-Йорке, Джейд воспользовалась имеющимися у GSS связями и основательно изучила его прошлое. Она хотела найти подтверждение тому, что ее интуитивное доверие к нему имеет основание.

Теперь Джейд знала и о его трудном детстве, и о том, что он какое-то время провел в исправительной колонии, и о его учебе в колледже. Она узнала, что в «Пилот Инженеринг» у него был конфликт с управляющим. Трагическая гибель жены и ребенка объясняла его цинизм. От бывших коллег Диллона, которые его еще помнили, ей стало известно, что его считали на редкость способным, но растратившим впустую свой талант.

Заведя разговор о рекомендациях, Джейд лишь хотела проверить его честность. Правдивость Диллона еще раз подтвердила верность ее выбора. У него действительно были причины хорошо работать. Может быть, эти причины были иными, чем у нее, но не менее основательными. Если бы Диллон не приехал в Нью-Йорк, она сама бы отправилась в Лос-Анджелес и уговорила его подписать контракт.

Было решено, что Грэм и Кэти останутся в Нью-Йорке, пока у Грэма не закончится учебный год. Если возможность увидеть Диллона сыграет свою роль, и Грэм будет более спокойно относиться к переезду, то Джейд это устраивало. Однако она не хотела, чтобы Грэм потянулся к Диллону. Она была уверена, что, начав учиться в школе в Пальметто, Грэм обязательно найдет там новых друзей и быстро привыкнет к новой обстановке.

Хотя Грэм вырос рядом с двумя женщинами, он никого не дичился, быстро осваивался в новой обстановке и поначалу не ощущал особой ущербности от отсутствия отца. Ему было четыре, когда он впервые спросил: «Мам, а где мой папа?» Тогда они только что переехали из Моргантауна в Шарлотту, и Джейд устроила его в детский сад. Смешливый и любознательный, он вскоре, конечно, заметил, что у него не хватает одного из родителей: ведь у других детей в детском саду их было двое.

– У тебя нет папы, – осторожно начала объяснять Джейд. – Тебе он не нужен. У тебя есть Кэти и я, а пока твой папа

не умер, он был и у тебя. Тебе повезло, что тебя окружает столько любящих людей.

На какое-то время этого объяснения оказалось достаточно. Но после визита Хэнка Грэм опять затеял разговоры на эту тему.

– Хэнк что, мой папа?

– Нет, дорогой. Он просто близкий друг, который любит тебя.

Настойчивость Грэма росла по мере его взросления. Брови сдвигались над переносицей, голубые глаза темнели, и нотки недовольства звучали в голосе, когда он спрашивал:

– Тогда кто же мой отец? Должен же он быть у меня?

– Конечно, есть, но это неважно.

Вышло, что Джейд не права: для семилетнего мальчика иметь отца было очень важно. Избегать объяснений становилось все труднее.

– Ты разошлась с ним? – спрашивал Грэм.

– Нет.

– А может он когда-нибудь приехать, чтобы повидать меня?

– Нет.

– А он любил меня, когда я только родился?

– Его не было тогда с нами. Только я. И я любила тебя, как десять мам, или даже сто!

Он уже достиг тогда возраста, когда стеснялся ее объятий, но в тот вечер они просидели обнявшись очень долго.

Но пришло время, когда Грэм решил эту проблему по-своему, прибегнув к хитрости. Джейд узнала, что он сочинил историю, будто его отец умер, спасая ребенка из горящего дома.

– Почему ты сочинил это, Грэм? – спросила она спокойно, чтобы сын не подумал, будто она его отчитывает.

Он пожал плечами, надул губы, но в глазах блеснули слезы. Он не позволил себе расплакаться, потому что уже к десяти годам был удивительно мужественным.

– Разве ребята в школе пристают к тебе с вопросом, почему у тебя нет отца?

– Иногда.

Надежды на то, что Грэм не будет чувствовать недостатка в родительской ласке, оказались утопией. Ему было мало иметь только мать. Свою юность Джейд прожила с одной матерью, но детство ее прошло с отцом. После его смерти фотографии и воспоминания о нем поддерживали ее. Она никогда не забывала тихих разговоров, которые они вели, его теплых, защищавших ее объятий, того, как он шептал ей: «Никогда ничего не бойся, Джейд».

Она считала, что рассказать Грэму правду нельзя. Если бы он узнал, что его рождение было связано с насилием, то возможно, возненавидел бы себя за то, что появился на свет. Джейд не могла возложить на ребенка чужую вину. Она вспомнила ту тяжкую ответственность, которую на нее взвалила Велта, когда в последний раз видела ее.

Кэти была не согласна с этим. Каждый раз, когда Грэм заводил разговор об отце, она уговаривала Джейд все ему рассказать. Но это было бесполезно. Пятно безотцовщины и так было для него испытанием, чтобы еще подвергать мальчика риску узнать правду. Пытаясь облегчить его положение, она решила ему прибегнуть к лжи.

– Я ненавижу ложь, Грэм. Ты это знаешь. Но иногда она оправдана, особенно если надо защитить не себя, а другого. И поэтому если твои друзья спрашивают об отце, то, чтобы не смущать их, отвечай, что он умер. Я разрешаю тебе говорить им, что твой отец умер еще до твоего рождения. Договорились?

И действительно, такая ложь оказалась во спасение, потому что Грэм больше не заводил разговоров на эту тему. Он уже стал достаточно взрослым, чтобы разобраться во всем самому. Мысль о том, как быстро летят годы, заставляла сердце Джейд сжиматься от тоски. Сейчас она еще острее чувствовала, как ей недостает Грэма. Она не могла дождаться июня, когда он придет к ней в Пальметто.

– У вас тут собралась целая куча народа.

Джейд отряхнула задумчивость и повернулась на звук низкого голоса, раздавшегося за спиной. Диллон сел рядом на свободный стул.

– Доброе утро, Диллон. Вы хорошо выглядите.

– Спасибо, – ответил он самодовольно.

По такому случаю он надел новый костюм и пригладил

волосы. Джейд тоже оделась с особой тщательностью. В зале наверняка были те, кто мог помнить о скандале, разразившемся столько лет назад. Но большинству было просто любопытно узнать о новом строительстве в Пальметто. Как бы то ни было, Джейд будет в центре внимания, и ей хотелось поразить их.

– Вчера вечером я приезжала к вашему вагончику, но не застала вас, – сказала она Диллону.

– Извините, но я не ждал вас.

– Кажется, вы там окончательно устроились?

– Да чего там особенно устраиваться! Я готов приступить к работе.

– Я не знала, что у вас есть собака.

– Собака?

– Да, около вагончика лежала собака.

– А, эта, – сказал он, насупившись. – Она появилась несколько дней назад, и я сделал глупость, дав ей остатки еды.

Наклонив голову, Джейд улыбнулась и, поддразнивая, спросила:

– И теперь она усыновила вас?

– Ненадолго. Собираюсь отвести ее в собачник при первой возможности.

– Когда заживет ее лапа, хотите сказать. Повязка наложена умело, – сказала она, все еще улыбаясь. Взгляд Диллона стал еще мрачнее.

– Она ввязалась в драку, и ее сильно покусали. Я залил рану перекисью водорода и перевязал. Вот и все.

– Я не знала, Диллон, – прошептала Джейд. – Я решила, что вы взяли ее к себе навсегда.

Чтобы переменить тему разговора, он кивнул в сторону зала.

– Вы ожидали столько народу?

– Да. Вчера мое имя впервые появилось в местной газете.

Он испытующе поглядел на нее.

– Есть причина, почему ваше имя вызвало такой интерес?

– Должна быть. Я здесь выросла.

Его будто током ударило, карие глаза уставились на нее.

– Забавно, как это вы раньше не сказали об этом?

Джейд не успела ответить: к ней подошел мэр Пальметто.

– Мисс Сперри, давайте подождем еще пару минут, пока люди рассядутся, а потом начинайте. Сколько времени займет ваша речь?

– Приблизительно минут десять. После этого пусть задают вопросы.

– Очень хорошо. Занимайте времени сколько хотите, милая леди. Сегодня – знаменательный день. Я все еще не могу привыкнуть к этой мысли.

Прервав излияния мэра, она представила ему Диллона. Пока мужчины обменивались рукопожатиями, Джейд взглянула в зал и увидела женщину, сидящую в толпе.

Невольно ее губы произнесли имя: «Донна Ди».

Ее бывшая подруга так и не исправила свой прикус, а потому ее крысиное лицо, казалось, оканчивалось на верхней губе. Теперь она носила коротко остриженные волосы, но они упрямо оставались прямыми.

Тем не менее внешне она изменилась: уже не выглядела до смешного живой, как прежде, стала суровой. Ее глаза ввалились, отчего взгляд сделался еще хитрее. Время оставило неизгладимые следы около рта. Она напоминала настороженного зверька, смотрящего на мир из своей норки.

Сейчас Донна Ди пристально смотрела на Джейд. Они с Донной Ди были одного возраста, но та выглядела лет на десять старше.

Джейд испытывала какое-то раскаяние, что не сохранила в памяти те ночи, которые они по очереди проводили друг у друга, хихикая и строя планы на будущее. При этом их разговор непременно вращался вокруг парней, за которых они собирались выйти замуж, – вокруг Гэри и Хатча. Что ж, одна из них исполнила свое желание. Видимо, эти воспоминания как-то отразились на лице Джейд, потому что Донна Ди первая отвела взгляд.

Странно, что Хатча не видно в зале. Несколько добровольцев помогают следить за порядком, но Хатча среди них нет. Да, Хатч всегда был большим и сильным, но трусливым. Сомнения нет, он постарался избежать их первой за пятнадцать лет встречи.

Несколько лиц в публике были ей смутно знакомы, неко-

торых она помнила даже по именам. Но не видно Майраджейн Гриффит она была не из тех, кто общается с простой публикой, считая их мусором. И, конечно же, здесь нет Ламара.

Джейд только раз получила от него весточку после их встречи в Моргантауне. Как и прежде, он молил понять его. Она сожалела, что его смерть была такой трагической, но своего решения не изменила – он умер непрощенный.

Опять подошел мэр, посмотрел на часы и с важным видом одернул пиджак.

– Ну что ж, мисс Сперри, думаю, мы можем начать.

Чувствуя прилив энергии, Джейд сказала:

– Я готова.

Мэр витиевато мямлил у микрофона возвышенные слова, пока часть публики не сникла от тоски, а, другая не начала шушукаться. Наконец он предоставил слово Джейд.

Аплодисменты зала были вежливыми и сдержанными.

– Дамы и господа, благодарю вас за то, что вы собрались здесь. Большое число присутствующих показывает, что GSS сделала правильно, решив здесь построить фабрику «Текстиль». Пальметто был выбран по нескольким причинам. Среди них – наличие природных строительных материалов, близость порта, что облегчает транспортировку товаров на внутренние и внешние рынки и делает ее дешевле. Но главная причина выбора – двойная выгода от этого предприятия. Прежде всего появятся сотни рабочих мест. Фабрика возро-

дит к жизни умирающую экономику района, а «Текстиль» будет процветать благодаря труду, усердию и изобретательности тех, кто станет здесь работать, – другими словами – благодаря вам.

Джейд перевела дыхание. Как она и надеялась, в этом месте ее выступления раздали аплодисменты, сначала одинокие, потом волна их прошла по залу, превратившись в шквал. Внутри Джейд все ликовало, потому что жители города поддержали ее. Стратегия ее выступления была правильной: она не стала говорить о богатстве и влиянии GSS, чтобы произвести впечатление. Упоминание об этом вызвало бы недовольство. Напротив, она польстила городку и его людям.

Джейд чувствовала настроение зала: оттуда к ней шло расположение. Аудитория перестала видеть в ней представителя подозрительной компании северян-янки, готовых ворваться в их южный городок и наводнить его чужаками. Она рассказала им обо всех этапах работ: от очистки хлопка до выхода готовой одежды, предназначенной для продажи на мировых рынках.

– Эта фабрика будет принадлежать городу, – подчеркнула Джейд. – Чем больше вы вложите в нее, тем больше будет отдача. Фабрика будет давать тысячи долларов ежегодно только в виде налога местным властям. Средства пойдут на повышение благосостояния жителей. Что касается каждого отдельного человека, то у него появится больше возможно-

стей найти работу и проявить себя в различных областях.

– Работу какого рода? – выкрикнул кто-то из задних рядов.

– На сборочном конвейере, на перевозке товаров, в материально-техническом обслуживании. Кроме того, инженерные работы, работа в канцелярии и другие. Список специальностей и должностей очень большой. Начать с того, что нам понадобятся строительные рабочие. А сейчас позвольте представить вам мистера Диллона Берка. Он – наш генеральный подрядчик.

Она повернулась к Диллону и жестом пригласила его выйти вперед к микрофону. Его появление произвело удивительное впечатление на публику, главным образом, благодаря его росту, густым, загнутым усам и властному взгляду. Шум в зале сразу утих. Джейд подбодрила его улыбкой.

После короткого выступления Диллон, извинившись перед публикой, вышел и тут же вернулся с архитектурным наброском будущей фабрики. По залу прошла волна заинтересованного удивления.

– Так будет выглядеть фабрика, когда мы ее закончим, – объяснил Диллон. – Как видите, это будет суперсовременный технологический комплекс, и для его строительства потребуются годы. Я призываю субподрядчиков нанимать на работу местных рабочих.

Он прислонил рисунок к трибуне и быстро вернулся на место.

– Спасибо, мистер Берк, – сказала Джейд и вновь обратилась к публике. – Пожалуйста, я готова ответить на ваши вопросы...

Она недоговорила: дверь в конце зала внезапно распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Все обернулись на шум. Но когда в дверях показались двое мужчин, в зале воцарилась тишина.

Они шли по центральному проходу прямо к сцене. Сердце Джейд упало, но она сделала вид, что не обращает внимания на грубое вмешательство в ее выступление. Несколько рук поднялось было, но обратиться к желавшим задать вопросы ей не удалось.

– У меня к вам вопрос, мисс Сперри, – прозвучал голос из прошлого. – Как это у вас хватило наглости объявиться в этом городе?

Джейд сохранила самообладание, хотя вся похолодела, взглянув вниз на человека, оказавшегося прямо у сцены.

Из инвалидного кресла на нее свирепо смотрел Айвен Патчетт.

XXI

Мэр поспешил вмешаться. Он не мог допустить, чтобы обидели первого гражданина города, но также не хотел, чтобы оскорбили Джейд. С какой стороны ни посмотреть, ситуация была взрывоопасной. Единственный выход предотвратить катастрофу – объявить встречу законченной.

Несмотря на поднявшийся шум, Джейд сказала в микрофон, что обещает ответить на все вопросы в серии газетных статей.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Диллон, подойдя к ней. – Кто этот старикашка?

– Расскажу вам позже, а сейчас помогите мне выбраться отсюда.

– Вы не ответили на мой вопрос!

Айвена не смутил вызванный им беспорядок. Хотя встреча была объявлена законченной, люди не торопились расходиться. Большинство осталось посмотреть, что произойдет дальше. Люди чувствовали, что главное еще только предстоит. По обыкновению, Айвен подогревал интерес аудитории.

Джейд предпочла бы выбрать иное время и место для первой встречи с Патчеттами. Но Айвен вынудил ее, и отступить было некуда. Она сошла со сцены и оказалась прямо перед ним.

– У меня есть все права быть и в этом городе, и в лю-

бом, где мне захочется. Система свободного предпринимательства еще действует в Америке.

– Не в моем городе!.. Так, так, Джейд Сперри. Значит, это ты – таинственная личность, которая стоит за всем этим. Кто бы мог подумать?

Нил стоял позади коляски Айвена. Джейд напрасно думала, что больше не подвластна его влиянию. Ярость и ненависть нахлынули на нее, как бы заслонив его смеющееся лицо. «Терпение, – сказала она себе. – Недолго ему осталось так самодовольно улыбаться».

Все эти годы, продолжая получать местную газету из Пальметто, она знала о несчастье, случившемся на железнодорожном переезде в Чарлстоне. Айвену отрезало обе ноги выше колен. У Нила были повреждены тазовые кости, он получил множество переломов и других серьезных травм и провел несколько месяцев в больнице. Его женитьба на Марле Сью Пиккенз так и не состоялась. О причинах отмены свадьбы говорили неопределенно.

Внешне Нил не изменился от времени и несчастного случая: он был по-прежнему красив и надменен.

– Я думал, что все это полетит ко всем чертям, когда предложение впервые рассматривалось на заседании городского совета. Естественно, я голосовал против. Пытался переубедить остальных, но у них глаза разгорелись, хотя они и не знали, что тут хорошего для города. – Он хитро улыбнулся. – Должен сказать тебе, Джейд, что восхищаюсь, как подло ты

все проделала.

– Нечего ее хвалить, – злобно проворчал Айвен, указывая пальцем на Джейд. – Плевать мне на тебя, милая дамочка. Ты можешь думать, что очень поумнела. Ты можешь думать, что раз я прикован к этому чертову креслу, то ослабел и уже ничего не понимаю.

Он катнул кресло на нее, так что культы почти коснулись ее колен. Она устояла на ногах, хотя его вид отталкивающе действовал на нее. При мысли, что он может ее коснуться, она испытывала отвращение.

– Слушай, ты, девчонка, – прошипел Айвен, – я сильнее, чем прежде. Чертов поезд не повредил мне мозги, понимаешь? – Он злобно прищурил глаза. – Можешь не рассчитывать – эта твоя чертова фабрика никогда не будет построена на моей территории.

На его коленях лежала трость. Он взял ее и ударил по рисунку фабрики, который все еще стоял у трибуны. Рисунок упал на пол. Краем глаза Джейд увидела, что Диллон стремительно бросился к Айвену. Движением руки она остановила его.

Ее голос был на удивление спокойным.

– Я признаю, что когда-то вы были очень грозным, мистер Патчетт. – Она безо всяких эмоций смерила его взглядом. – Но теперь вы просто жалки.

Джейд обошла коляску, прошла мимо Нила, не обращая внимания ни на него, ни на его слова. Вокруг все еще тол-

пились люди. Все выжидательно смотрели на нее, когда она выходила из здания. Было видно, что они наблюдали за их разговором с Айвенгом.

Уверенным шагом Джейд прошла по тротуару к своему новенькому джипу и открыла дверцу. Бросив портфель на сиденье, она уже собиралась сесть за руль, когда кто-то схватил ее за руку.

Диллон надел темные очки, но даже сквозь дымчатые линзы она разглядела, что его глаза горят от бешенства. Не обращая внимания на любопытствовавших прохожих, он заговорил низким и громким голосом.

– Что, черт возьми, происходит?

– Сейчас не время и не место обсуждать это.

Он наклонился к ней.

– Нет, черт побери. Я не возьмусь за лопату, пока не буду уверен, что не получу пулю в спину. Кто этот старый ублюдок в коляске?

– Его зовут Айвен Патчетт, и он не всегда передвигался в коляске. – Джейд подняла руку, чтобы поправить растрепавшиеся волосы. Ее рука тряслась. Она надеялась, что Диллон не заметил этого. – Однако он всегда был ублюдком.

– Патчетт? Соевый король?

– Точно. А теперь отпустите мою руку. За это утро я достаточно накрутилась перед публикой. У меня нет желания начинать кулачный бой с вами здесь, на главной улице.

Диллон посмотрел на свою руку, сжимавшую запястье

Джейд. До этой минуты он просто не осознавал, что держит ее. И немедленно отпустил.

– А парень – его сын?

– Нил.

– Из-за чего у вас спор?

– Это мое дело. – Она попыталась сесть в машину, но Диллон опять быстро схватил ее руку, будто поймал в капкан.

– Вы сделали это и моим делом, когда вытащили меня из тюрьмы в Лос-Анджелесе. – Когда он говорил, его усы слегка двигались. – Вы заставили меня поверить, что здесь все будет нормально, что все в городе на сто процентов поддерживают проект, что выстроится целая очередь желающих работать у меня. Но все идет совсем не так. Я хочу знать, против кого я?

– В данный момент, мистер Берк, против меня. – Несмотря на то, что мимо шли последние участники встречи, Джейд вырвала свою руку. – В ваши обязанности не входят связи с общественностью. Это – моя епархия. И на будущее – я буду признательна, если вы не станете обсуждать мои действия и строить догадки о них. Я уволю вас, если вы попытаетесь вмешиваться.

Она нырнула в машину, захлопнула дверцу, вырулила со стоянки и уехала. Джейд понимала, что Диллону нужна поддержка общественности, потому что это непосредственно влияет на его работу. Но ее отношения с Патчеттами – не его дело и никогда его делом не будут. Кроме того, она догадывалась, что он не будет в восторге, если узнает, что ему

отведена далеко не главная роль в ее плане мести. В любом случае, она не собирается рассказывать ему больше, чем ему следует знать.

Войдя в дом, Джейд услышала звонок телефона.

– Алло?

– Встреча уже закончилась?

– Мистер Стейн! – воскликнула она. – Да, только что.

– Почему вы не звоните мне? Я же сказал, чтобы вы мне звонили.

– Я и собиралась, но только что вошла.

– Ну, и? Как все прошло?

– Великолепно. Мы даже не могли рассчитывать на лучший прием. – Она коротко рассказала, как все проходило, ни словом не упомянув о Патчеттах.

– Итак, вы все еще убеждены в коммерческих перспективах этого района?

– Безусловно.

– Хорошо. Тогда позвольте мне поделиться с вами несколькими идеями, которые я обмозговал.

Джейд села поудобнее, приготовившись слушать.

– Ты все еще здесь? Не поняла, что я сказал? – носком нового ботинка Диллон слегка подтолкнул в сторону лежащую собаку и отпер дверь вагончика. – Убирайся! – Дворняжка посмотрела на него скорбными глазами и опять легла на ступеньку, положив морду на передние лапы. – Делай как

знаешь, – проворчал Диллон. – Но не жди, что я тебе что-нибудь дам.

Он захлопнул дверь с такой силой, что все сооружение закачалось. Достав банку содовой из холодильника, он стал дышать холодным воздухом, шедшим из открытой двери, затем выпил залпом полбанки, приложил ее ко лбу и прошептал:

– Проклятие!

Сейчас Диллон избегал всего, что могло заставить его думать или переживать. Семь лет назад он перестал чувствовать. Тогда он похоронил не только жену и сына, он похоронил свои чувства. Функционировало только тело. В душе было пусто и глухо. И ему это нравилось. Он намеревался так жить и дальше.

Диллон покинул дом, в котором умерли Дебра и Чарли, оставив там все. С того дня он держался особняком: не общался ничем, кроме самого необходимого, что мог уместить в пикапе, оставался равнодушным к другим людям. Не задерживаясь подолгу на одном месте, не искал ни с кем дружбы.

На горьком опыте он убедился, что неважно, хорошо ли ты выполнил работу, неважно, стараешься ли оставаться порядочным человеком, все равно получишь по зубам или тебя накажут за проступок, о котором ты и не ведал. Его долги все накапливались, а платой оказалась жизнь любимых им людей.

Получив жесткий урок, Диллон выработал собственную

философию, главным постулатом которой стала заповедь: «Не люби».

Он создал вокруг себя пустоту, где было безопасно и где исчезала любая боль. Иной жизни он не желал. Поэтому ему не нужна была и собака с ее привязанностью, и беспокойство из-за работы, которая уже до такой степени захватила его, что он готов был защищать ее, да еще думать при этом: «моя фабрика». И, безусловно, ему не нужны никакие любовные чувства, никакая женщина.

В сердцах Диллон захлопнул дверцу холодильника. Такая вот петрушка! А тут еще эта бессловесная дворняжка свернулась калачиком у его двери и лижет ему руку каждый раз, когда он выходит. И он уже защищает «Текстиль», как медведица медвежонка, и беспокоится, что земляные работы еще не начаты, и сердится на Джейд Сперри. А злость – это эмоция. А ему не нужны никакие эмоции, тем более, из-за женщины.

После нескольких недель жизни в Нью-Йорке, совещаний и встреч с мужиками в костюмах от «Барберри», чьи ладони никогда не знали мозолей, Диллон не мог дожидаться начала строительства. И сейчас, когда он позволил себе впервые за много лет почувствовать интерес к работе, проект может лопнуть.

Дураку было ясно, что Патчетт не укатит в коляске в сторону и не будет разыгрывать из себя умирающего, когда в город ворвется новая компания, которая отодвинет его дело

на задний план. Джейд Сперри не была дурочкой. Она заранее знала, что в лице Патчетта будет иметь врага. После тех слов, которыми они обменялись в зале, Диллон понял, что она уже давно враждует с ним и с его сыном.

Старик Патчетт сказал: «Как это у вас, черт возьми, хватило наглости объявиться в этом городе?»

Эти слова наводили на мысль о скандале. Возможно, Джейд покинула Пальметто с позором?

Диллон допил содовую и смял банку в руке. Он не мог представить, как такая спокойная, холодная, собранная, образованная мисс Сперри могла быть причастна к скандалу, особенно к безнравственному поступку. Вообще-то он не хотел думать о ней, но она постоянно занимала его мысли.

Диллон успокаивал себя тем, что это естественно. Она была его боссом. Ведь он думал бы о своем боссе, если бы им оказался мужчина. Но с другой стороны, если бы боссом был мужчина, то у него не возникали бы мысли, подобные тем, которые все чаще вызывала у него Джейд.

Физически он сохранял верность Дебре почти год после ее смерти. Но однажды холодным вечером он почувствовал себя так тоскливо в окружении малоприветливого пейзажа – какой это был штат? Монтана? Айдахо? – что прихватил в баре женщину и отвел ее в свой номер в мотеле. Но после этого он почувствовал к себе такое отвращение, что его одиночество только усилилось. Он оплакивал Дебру скупыми мучительными слезами. В отличие от его эмоционально-

го нездоровья физическое состояние восстанавливалось: он вновь стал сильным и крепким. Во второй раз, когда в его постели оказалась женщина, все произошло без каких-либо затруднений. С третьего раза все пошло совсем легко. Но к тому времени у него появилась способность не смешивать физиологию и душу. Его тело имело право получать свое, и чувство вины было тут ни при чем. Он мог получать физическое удовлетворение без участия сердца и разума.

Подобная независимость физического и душевного только усиливала его влечение к женщинам. Они же находили его скрытую грубоватость даже возбуждающей. Его, казалось бы, оскорбительное поведение пробуждало в них материнские инстинкты. Но ни одна из них не вызывала в нем ничего, кроме похоти. Покидая их, он испытывал все то же непроходящее чувство вины. Имена и лица не задерживались в его памяти.

Теперь же женское имя и лицо снова завладевали его мыслями. Это-то его и беспокоило.

Дворняжка начала лаять.

– Цыц! – крикнул Диллон. Он услышал шум подъехавшей машины и открыл дверь. Джейд Сперри вышла из новенького, сверкающего пикапа с фирменным знаком «Текстиля» на дверце.

– Кусается? – спросила она, кивком головы указывая на собаку.

– Не знаю, она – не моя.

– Не думаю, что она знает об этом. Ведь она охраняет вас.

Слегка наклонившись и почмокивая губами, Джейд стала подзывать собаку:

– Иди сюда, собачка. – Собака перестала лаять, поскулила немного и сделала несколько шагов в ее сторону. Джейд протянула руку, и собака обнюхала ее, потом лизнула. Джейд потрепала ее за ухом.

– Настоящий сторожевой пес, – пошутил Диллон.

Выпрямившись, Джейд бросила ему связку ключей от машины.

– Надеюсь, он вам понравится. – Диллон поймал ключи на лету.

– Он – ваш, пока вы здесь работаете.

– Но у меня уже есть машина.

Джейд взглянула на его побитый обтрепанный пикап.

– Этот – для личного пользования. Для деловых поездок пользуйтесь, пожалуйста, фирменным автомобилем. Ведь вы представляете «Текстиль».

– Слушаюсь, мэ. Что еще изволите?

Она поднялась по ступенькам вагончика. Собака последовала за ней, повиливая хвостом. Джейд вынула из сумочки кредитную карточку бензозаправочной компании и протянула ее Диллону.

– Пользуйтесь этим тоже.

– Благодарю.

– Счета будут поступать прямо ко мне.

– Это, черт возьми, действительно будет лучше.

Он вел себя несносно и грубо, но ему было неприятно получать подарки от женщины. Это напомнило ему, как в свое время миссис Чандлер наставляла его: «Делай это, делай то. Не так резко. Сильнее. Медленнее. Быстрее». Диллон все схватывал на лету, а вскоре овладел своей собственной техникой. Она ему нравилась больше, чем та, которой он овладевал под руководством миссис Чандлер.

Конечно, подобное отношение к Джейд было неуместно и недопустимо, он это знал, но он ничего не мог с собой поделать. Диллон даже испытывал удовлетворение от того, что стоял на верхней ступеньке и Джейд приходилось откидывать голову, чтобы смотреть на него. Пусть она хозяйка и имеет средства на покупку новых джипов, но не надо покушаться на его мужское достоинство.

– Вы отвезете меня домой?

– Конечно.

– Мне бы хотелось сначала осмотреть офис, который вы здесь устроили. – Диллон не сдвинулся с места. Она улыбнулась ему с притворной любезностью. – Конечно, если сейчас подходящее время, мистер Берк.

Их взгляды скрестились, и он понял, что между ними продолжается схватка характеров. В конце концов он посторонился и пригласил ее войти в вагончик. Чтобы внутрь не вошла собака, он быстро закрыл дверь, но потом пожалел. Вагончик был слишком мал для двоих, по крайней мере так

ему показалось, когда он остался наедине с Джейд.

Диллон никогда не видел ее одетой иначе, как в деловой костюм. Сейчас она была в джинсах и белом пуловере. Если бы он не знал, то никогда бы не подумал, что она уже рожала: ее бедра и зад были по-девичьи стройны, живот втянут, грудь...

Он прокашлялся.

– Телефон поставят завтра.

– Хорошо, – сказала Джейд, осмотрев конторку. Жилая часть вагончика была превращена в небольшое помещение для офиса. Единственными предметами, не относящимися к деловой обстановке, были радиоприемник и портативный телевизор. – Да, у вас тут тесновато.

– Мне не надо много места.

– Вы уверены, что не пожалеете, отказавшись от моего предложения нанять для вас секретаршу?

Диллон покачал головой.

– Если позже я решу, что она мне все-таки необходима, я сообщу вам. – Пытливым взглядом осматривая помещение, Джейд дошла до кухоньки и спальни. – Не хотите ли проверить мою кровать?

Она быстро взглянула на него. Диллон был готов биться об заклад, что едкое словечко едва не слетело у нее с языка, но она предпочла не произносить его. И жестко ответила:

– Меня интересует здесь только место, где вы будете заниматься делами компании.

«Да, – решил Диллон, – суровость мисс Сперри имеет свои пределы. Она не простирается на взаимоотношения полов. Именно здесь ее софистика складывается, как зонтик».

Он наблюдал ее взаимоотношения с коллегами-мужчинами в штаб-квартире GSS в Нью-Йорке: она чувствовала себя неловко как от открытых, так и от косвенных намеков. «Эта леди не для флиртов. С ней можно иметь только деловые отношения». Тогда-то он и пришел к выводу, что Джейд не за мужем.

Она никогда не упоминала о бывшем муже. Как-то один из молодых сотрудников GSS подошел к нему, когда он пил кофе в баре офиса и спросил:

– Ты спишь с Джейд? – Диллон никогда не одобрял так называемой «болтовни в раздевалке», особенно между малознакомыми людьми.

– А тебе, собственно, какое дело?

– Я поспорил на пятьдесят долларов.

Диллон спокойно попивал кофе, зло поглядывая на незнакомца.

– Вот что я тебе скажу. Если хочешь потрепаться о бабах, почему бы тебе самому сначала не потрахаться, а потом прийти и рассказать мне, каково это.

Видимо, Джейд очень разочаровала некоторых коллег-мужчин, не дав им повода перевернуть ее грязное белье. И хотя самого Диллона очень интересовало, кто же отец ее сына, он воздержался от разговора на эту тему.

– Возможно, мы приобретем еще один трейлер, – сказала она в своей четкой деловой манере.

– Для чего?

– Мне тоже нужен офис. Будет намного удобнее иметь его здесь, на стройплощадке, чем в городе. Кроме того, вам нужно удобное помещение, чтобы вести переговоры с субподрядчиками и другими. Офис должен быть достаточно просторным, чтобы в нем помещались мой рабочий стол и место для заседаний. Как вы думаете?

– Деньги ваши.

– Я займусь этим завтра.

– Прекрасно.

– Ну, думаю, это все.

Она стояла у двери, ее рука уже потянулась к ручке, когда Диллон преградил ей путь.

– Еще не все, Джейд.

Инстинктивно она сделала шаг назад. Его внезапный порыв, казалось, сильно удивил ее. Да не казалось, а точно так и было. Она даже почти испугалась его.

– Что вы хотите?

Диллон не мог рассчитывать застать ее врасплох: она всегда была начеку. Да и отчего ей было бояться его? Он отложил на потом свое любопытство и занимался только делами.

– Расскажите мне об Айвене Патчетте.

– Что вы хотите знать?

– Я вполне понимаю, почему он недоволен проектом

«Текстиля». Это в какой-то мере угроза его власти. Пальметто всегда был его королевством, и он парил здесь довольно долго...

– Вы вправе смотреть на происходящее именно с этой точки зрения.

– А я думаю, что это вы так смотрите...

– А смысл?

– Зная, что строительство фабрики нанесет вред Патчетту, вы решили затеять строительство здесь. Не так ли?

– Вы читали проспекты и знаете, что Пальметто – прекрасное место для фабрики.

– Но я знаю и то, что вы могли бы выбрать не менее десятка других городков на побережье, которые не меньше подходят для строительства. Почему же вы остановились на Пальметто?

– Я знаю этот город.

– Поэтому-то мне хочется задать вам другой вопрос. Отчего Патчетт считает наглостью ваше появление здесь?

Джейд вскинула голову. Ее темные, лежащие по плечам кудри взметнулись облаком.

– Я покинула Пальметто не при лучших обстоятельствах.

– Эти «обстоятельства» каким-то образом касаются Патчеттов?

– Не только их.

– Особенно младшего Патчетта?

– Почему вы спрашиваете меня об этом?

Некоторое время Диллон изучал выражение ее лица, затем сделал свой главный выпад:

– Кто отец вашего сына, Джейд?

– У Грэма нет отца.

– Неправда. Подобного не случилось со времен Вифлеема.

Вы были беременны, когда покидали Пальметто, не так ли?

Она бросила на него холодный взгляд.

– Нил Патчетт сделал вам ребенка, а затем отказался жениться. Ведь так?

– Ничего подобного. Я презираю Нила Патчетта и всегда презирала. – Оттолкнув его, Джейд рывком открыла дверь и выбежала на улицу. Собака бросилась к ней и завиляла хвостом, как бы желая услышать еще хоть одно ласковое слово. Джейд, не замечая собаки, спустилась по ступеням и крикнула Диллону: – Послушайте, сегодня утром я была с вами высокомерна, простите. Могу вас заверить, что ситуация под контролем и можете на меня надеяться.

– Ситуация под контролем?..

– Абсолютно. Я могу справиться с любыми трудностями, которые возникнут. Уверена, что вы понимаете – трудностей будет немало, пока мы не закончим строительство. Вас должны касаться только те, что относятся непосредственно к строительству. И, пожалуйста, свои домыслы обо мне и о моем сыне держите при себе. Будет лучше, если вы вообще не будете думать о нас. Когда начнется рытье котлована, у вас не останется времени думать ни о чем, кроме работы.

Случившееся заинтриговало Диллона еще больше. Ее странная реакция на его вопросы только разожгла любопытство. Городок небольшой. Люди любят посудачить. Раньше или позже он узнает все о ее прошлом. Здравый смысл подсказывал, что ему лучше пока не лезть в это.

Диллон закрыл вагончик и пошел к новому пикапу, где Джейд уже сидела на месте пассажира. Он сел за руль и включил мотор.

– Фантастика! – заметил он, осматривая интерьер пикапа.

– GSS – первоклассная корпорация, – важно сказала Джейд.

Он вел пикап по грунтовой дороге, ведущей к шоссе.

– Вам бы следовало сказать мне, где ваш дом. – Диллон прекрасно знал, где дом Джейд, но не хотел, чтобы она догадалась об этом.

Следуя ее указаниям, он вел машину по городу и вскоре понял, что она указывает дорогу совсем не к дому.

– Удивляюсь, что это вы вздумали снять дом так далеко, – заметил он, пытаясь завести разговор, когда они выехали за черту города.

– Мы направляемся не к моему дому. Я хочу узнать ваше мнение кое о чем.

Диллон недоуменно посмотрел на нее, но она замолчала. Машина шла по шоссе, которое, как он знал, вело в сторону атлантического побережья.

– На следующем перекрестке поверните направо. – Сле-

дую ее указаниям, Диллон круто свернул с шоссе на узкую, покрытую гравием дорогу. – Вы можете остановиться, где вам будет удобно. – Как только он остановил машину, Джейд выскочила, – Мне бы хотелось, чтобы вы пошли со мной.

Диллон вышел из машины и последовал за ней к ограде из колючей проволоки. Проржавевшая табличка «Частное владение» была прикреплена к одному из столбов. Не обращая на нее внимания, Джейд попросила его раздвинуть ряды колючей проволоки так, чтобы можно было пролезть.

Он сказал:

– Вы знаете, что это частное владение?

– Да, знаю. – Когда она благополучно пробралась сквозь заграждение, то ногой прижала нижнюю проволоку, а следующую над ней подняла как можно выше. – Пролезайте. Не думаю, что нас поймают.

Из-за своего роста Диллону пришлось быть более осторожным, чем Джейд. Оказавшись внутри огороженного пространства, он встал, упершись руками в бока, и вопросительно посмотрел на нее.

– Что теперь? Что здесь такого, чего бы мы не увидели с дороги?

Они стояли на вспаханном поле. Бели она планировала совершить приятную загородную прогулку, то могла бы попросить его переодеться. Он снял галстук и пиджак, но на нем были брюки и туфли, которые он надел, идя на встречу.

– Я только хотела взглянуть. – Джейд пересекла поле. –

Но одной сюда идти не хотелось.

– Вы правы, приходить сюда одной – полное безумие, – пошутил Диллон. Но она не рассмеялась, как он и ожидал.

Почти полчаса бродили они по зарослям травы. Сначала Джейд шла вдоль ограды, затем попросила Диллона смерить шагами огороженный участок, что он и сделал, не понимая, в чем дело. Она достала из сумочки записную книжку и сделала несколько пометок.

Поднялся ветер, но она словно не замечала его, хотя прежде растрепанных волос закрывали лицо. На небе появились черные тучи. Они стремительно приближались, и Диллон услышал далекий звук грома. Но они продолжали ходить вдоль ограды, измеряя ее шагами.

Наконец Джейд прижала рукой развевавшиеся на ветру волосы и, повернувшись к нему, спросила:

– Что вы обо всем этом думаете?

Увидев ее, стоящую так – широко расставленные ноги, рука, придерживающая волосы на затылке, четко обрисованная под пуловером грудь – он внезапно ощутил плотское желание.

– Что я думаю? – повторил он охрипшим вдруг голосом. – Думаю, что мы вымокнем.

Джейд взглянула на небо, и цвет ее глаз показался ему темнее грозовых туч.

– Возможно, вы правы. Но что вы думаете об этом земельном участке?

Скрывая нетерпение, Диллон провел рукой по своим растрепанным ветром волосам.

– Так вот почему мы битые полчаса ошиваемся здесь? Значит, вы хотите услышать мое мнение об этом жалком куске земли? Я бы мог высказать вам свое мнение, не трепля свои новые туфли по грязи.

– Вы думаете, он ничего не стоит?

– Стоит? – выкрикнул он, стараясь перекрыть шум ветра. – Я считаю, что он никудышный. По крайней мере половина участка затопляется.

– А я подумываю купить его для GSS.

Сказав это, Джейд повернула обратно и направилась к ограде. Совсем сбитый с толку Диллон последовал за ней.

– На кой черт?

– Для будущего расширения. Пожалуйста, будьте внимательнее с колючей проволокой, Диллон.

Они пролезли под проволокой без всяких приключений и направились к пикапу. Захлопнув за ней дверцу, Диллон медленно обошел капот. Успев сесть в машину, он услышал, как крупные капли забарабанили по стеклу. Он сокрушенно взглянул на свои ботинки и только тогда продолжил разговор:

– Вы серьезно хотите купить этот участок?

– Вероятно. Мистер Стейн звонил сегодня. Мы обсудили несколько вариантов благоприятного для нас развития событий как в самом округе, так и за его пределами. Есть

шанс приобрести участок для корпорации, и фактически он предоставил мне карт-бланш.

– До того, как здесь можно будет построить что-либо, кроме сортира, в эту землю нужно вбухать миллионы.

– Мы их получим.

Ее легкомыслие надоело ему.

– Ну хорошо. Уж коль у вас готовы ответы на вопросы, на кой черт надо было тащить меня сюда?

– Для охраны.

Рассердившись, Диллон смотрел на нее некоторое время, затем включил задний ход, полуобернулся к заднему стеклу и повел машину к шоссе. Одной рукой он держался за спинку соседнего сиденья и чувствовал прикосновение волос Джейд. Они были влажные и мягкие, но то, что он обратил на это внимание, взбесило его. От дождя стекла запотели. Они начали протирать их. В замкнутом, душном пространстве кабины он ощущал запах духов Джейд.

Волосы Джейд. Духи Джейд. Он слишком ощущал присутствие Джейд.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он посмотрел вокруг и увидел сельский почтовый ящик, еле державшийся на сгнившем столбе. Сквозь потоки дождя Диллон прочел имя, написанное краской на ржавой металлической табличке. Буквы почти стерлись, но все же еще можно было прочесть: «О. Паркер».

– Хотел бы я знать, что эта сучка замышляет. – Продолжая ворчать, Айвен оттолкнул экономку, которая хотела подать ему вторую порцию сладкого картофеля. Четыре года назад Юла уволилась. Ее место заняла дочь, но к обычным обязанностям экономки прибавился уход за безногим.

– Принеси мне бутылку бренди, – грубо приказал Айвен. Когда женщина вышла, он молча посмотрел на Нила. Ссутулившись на стуле, он поигрывал вилкой на своей тарелке. – Ты что, оглох? Скажи что-нибудь.

Продолжая свое занятие, Нил взглянул на отца.

– Сколько можно говорить об этом? Больше того, что я тебе рассказал, ничего не знаю.

Айвен выхватил бутылку из рук вернувшейся экономки и налил изрядную порцию в бокал. Служанка убрала тарелку Нила, подавшего знак, что он кончил есть. Когда она вернулась на кухню, отец и сын остались в столовой – двое за столом, где могло бы уместиться не меньше двадцати человек. Нил сказал:

– Этот подрядчик, Берк, только что отдал подряд на экскаваторные работы какой-то компании из Колумбии. Они уже подвезли оборудование для земляных работ.

– Так они могут с таким же успехом отвезти его обратно, – прорычал Айвен, наливая себе вторую порцию бренди.

Отъехав от стола, он направил коляску в свою комнату, напоминаяшую логово.

– Иди сюда! – донесся его крик через анфиладу пустых

комнат. Внутри дом остался прежним, хотя были произведены изменения, необходимые для передвижения коляски Айвена.

Нил вошел в его комнату, держа бокал с бренди для отца.

– Ты не можешь остановить работы только потому, что тебе хочется, чтобы это все исчезло, старик. Ты вел себя как последний дурак на этой встрече, огрызался, как раненый крокодил. Так с ними не разделаешься, отец.

Ник уселся на кожаную софу.

– Мы должны побить Джейд ее же оружием. Мы прохлопали, когда она покупала землю под участок для строительства фабрики. На этот раз нас не застигнут врасплох.

– Что же нам делать? – бренди несколько смягчил злобное настроение Айвена. Да и постоянные пьянки истощили его силы.

Со времени катастрофы на переезде, которая серьезно подорвала его здоровье, большую часть дел вел Нил. Избегая до этого заниматься ими, он был приятно удивлен тем, что они больше походят на игру. А он всегда играл на выигрыш, и проиграв – озлоблялся.

– Я разнюхал обо всем, что делает Джейд. Прямо около стройки она открыла магазин в сборном домике, рядом с вагончиком, в котором устроился этот Берк. И еще узнал об одной любопытной вещи: она дважды побывала на ферме Паркеро-
в.

– Вот черт!

– Дважды, насколько мне известно, – сказал хмуро Нил. – Первый раз с Берком, второй раз – одна. К Паркерам она не зашла, а вынюхивала все вокруг. Второй раз она даже не вышла из машины, а несколько раз проехала по периметру ограды участка Отиса. Вчера она ходила в городской совет и просила показать ей планы его фермы.

– Ты уверен, что она смотрела планы именно паркеровского владения?

– Уверен. Я наговорил кучу комплиментов этой толстой заднице, – сказал Нил, имея в виду служащую городского совета. – После этого она с охотой рассказала мне все. Джейд попросила показать ей все документы на имение Паркеров и на участки вокруг него.

– Большая часть этих участков принадлежит мне.

– Правильно, отец. Грейси Делл тоже напомнила мне об этом. При этом так и выпячивая свои огромные титьки, чтобы я их заметил.

– А она объяснила Грейси Делл, почему интересуется этими планами?

– Нет.

Пока Нил наливал очередную порцию бренди, Айвен спросил:

– А как ты думаешь, почему Джейд заинтересовалась фермой Паркеров?

– Представления не имею, но мне это не нравится, – сердито сказал Нил. – Хотел бы я знать, что у нее на уме.

– Она и не подумает раскрывать свои карты раньше времени. Рано или поздно она наверняка узнает, что ты следишь за ней и наводишь справки.

– Нет проблем. Я нашел двух довольно ловких парней, которые умеют держать язык за зубами. Они следят за ней и докладывают мне. А пока что, – добавил он ухмыляясь, – я буду сама любезность.

Айвен проницательно взглянул на сына.

– Сейчас она привлекательнее, чем когда была девчонкой.

– Так ты тоже заметил это? – рассмеялся Нил. – Она во-рвалась в город и произвела сенсацию. Но несмотря на свой деловой вид, Джейд – только женщина. А женщины могут кричать об эмансипации сколько им угодно. Когда доходит до дела, то выясняется, что лучшее, что у них есть, находится между ног.

– Обычно я соглашаюсь с тобой, но на этот раз мне неспокойно. Она не забыла, что случилось тогда. – Айвен погрозил пальцем. – Она приехала с нами разделаться, мальчик. Она была неглупой девчонкой, ты знаешь, а сейчас стала еще умнее. Она жаждет крови. Нашей крови.

Глаза Нила блестели, когда он поднес к лицу бокал с бренди.

– Я знаю только одно: если в Пальметто появится новая фабрика, то она должна принадлежать Патчеттам.

Айвен хихикнул.

– Именно так я научил тебя думать. У меня на сердце спо-

койно оттого, что я знаю: мои уроки не прошли даром. Никому не удастся вышибить нас отсюда.

– Не удастся. Но Джейд, черт возьми, наверняка может на какое-то время все испоганить. Для начала она может затеять войну из-за оплаты труда. Если она предложит почасовую оплату на десять центов выше, то на кого захотят ребята работать?

– Наши рабочие лояльны.

– Лояльны, задницу их дери, – сказал Нил насмешливо. – Отец, Юг стал новым. Проснись. Все эти разговоры о традициях, преемственности – *ченуха*. Если Джейд пообещает платить больше, то мы потеряем рабочих. Теперь не имеет никакого значения, что их отцы и деды работали на нас. Проклятье. Каждый раз, когда я думаю об этом, мне хочется схватить ее за горло.

Айвен из-под бровей взглянул на Нила.

– Может быть, тебе осуществить свое желание и убить ее сегодня ночью, а вину свалить на ниггеров или на белых голландцев?

– Да-а. Хотел бы я тогда знать то, что знаю теперь.

– Она, конечно, приехала отомстить. Я сам много раз делал это и кое-что в этом понимаю. – Айвен причмокнул губами, выражая отвращение. – А то ты не знаешь! Этот вонючий сынок Майраджейн спекся и сдох. Наш нежный шериф слабоват против нее. Ну, кто, по-твоему, остается?

Нил положил руку отцу на плечо.

– Не беспокойся, отец, мы за себя постоим.

Джейд въехала на своем джипе во двор, который выглядел таким же большим и одновременно жалким, как и тогда, когда она в последний раз видела его. Куры, возможно, уже сотое поколение тех, прежних, все так же бродили по двору. Свинья хрюкала в грязном свинарнике.

Сквозь окно кухни она увидела миссис Паркер, вытирающую руки о кухонное полотенце и выглядывающую в окно на неожиданного гостя. Джейд испытала чувство, как будто уже видела когда-то эту картину. Она могла бы прийти в другое время дня, а не в это, так сильно напоминающее те сумерки, когда в амбаре она пережила тот ужас. Но она знала, что только в эти часы наверняка может застать Отиса дома.

Она подошла к двери и постучалась. С полотенцем на плече миссис Паркер открыла дверь и сквозь грязную сетку, скрывавшую ее глаза от заходящего солнца, уставилась на Джейд.

– Что вам угодно?

– Здравствуйте, миссис Паркер. Я – Джейд. Джейд Спери.

Джейд услышала, как женщина сделала глубокий вдох, отчего ее впалая грудь на мгновение распрямилась. Она поднесла руку козырьком к бровям и еще пристальнее вгляделась в Джейд.

– Что вам здесь нужно?

– Хотелось бы войти в дом и поговорить с вами.

– Нам не о чем говорить.

– Пожалуйста, миссис Паркер, это очень важно, иначе я бы не пришла.

Джейд тревожно застыла в показавшемся ей бесконечно долгом молчании. Наконец миссис Паркер отодвинула сетку и пропустила ее, кивком седой головы указывая путь. Джейд вошла в большую комнату. Обшивка на софе так износилась, что местами сквозь нее виднелась шерсть набивки. На высокой спинке кресла, в том месте, где ее касалась голова, красовалось засаленное пятно. Углы покрывавшего пол ковра загнулись. Ничего не изменилось с тех пор, как Джейд последний раз была здесь. Стены мрачной комнаты покрывали засаленные обои, мебель рассохлась, часы громко стучали, на стене в рамочке висела фотография Гэри в мантии и шапочке выпускника, которые он так и не надел на выпускной вечер.

Вернувшись в Пальметто, Джейд побывала на могиле Гэри. Увидев его улыбающееся лицо в грошовой рамочке, она вздрогнула, но ее решимость еще больше укрепилась. Сейчас она повернулась к матери Гэри, которая за прошедшие пятнадцать лет очень постарела. Ее спутанные, поредевшие волосы казались нечесаными, платье болталось на похудевшем теле. Кожа сморщилась и обвисла, под ней не было ничего, кроме костей.

– Где же ваши младшие дети, миссис Паркер? Что с ними?

Не мудрствуя лукаво, она рассказала Джейд, что обе старшие дочери замужем и имеют детей. Один из сыновей с женой живет в городе и работает на заводе Патчеттов, другой служит на флоте, третий сын уехал из дому, даже не сказав куда. Последнюю открытку они получили из Техаса.

– Младшенькая все еще здесь, дома, – сказала миссис Паркер устало. – В будущем году она заканчивает школу.

С грустью Джейд вспомнила, как Гэри хотел помочь младшим братьям и сестрам на жизненном пути.

Она услышала звук закрывающейся двери в другой половине дома.

– Должно быть, Отис, – сказала миссис Паркер обеспокоенно. – Ему не понравится, что ты здесь.

– Мне нужно с ним повидаться.

Отис Паркер постарел еще больше, чем жена. Он ссутулится, а остатки волос на голове стали белыми. Невзгоды жизни, усталость, отчаяние и горе оставили на его лице глубокие борозды. Он остановился, увидев Джейд.

– А у нас гости, Отис, – миссис Паркер сняла кухонное полотенце с плеча и мяла его в руках.

– Кто это? – он направился к ней косолапой походкой, но в нескольких футах остановился, всматриваясь в нее близорукими глазами.

– Я – Джейд Сперри, мистер Паркер.

Паркер присвистнул. Джейд представилось, что весь воздух из тела Паркера вышел вместе со свистом, и он сей-

час сплющится. Вместо этого Отис выпрямился во весь свой рост.

– Теперь вижу. Что ты здесь делаешь?

Джейд хотелось подойти к нему и обнять. Ведь это было бы все равно, что снова обнять Гэри. Но она подавила этот порыв. Тогда, во время похорон Гэри, она пыталась разделить их горе, но ее отвергли. Они поверили, как, впрочем, и все остальные, что Гэри привела к самоубийству ее неверность.

– Я слышал, что ты вернулась в город, – сказал Отис – Что ты хочешь от нас?

– Мы можем присесть?

Супруги молчаливо обменялись вопросительными взглядами. Отис, постояв, направился к креслу с грязным пятном на спинке. Миссис Паркер указала Джейд на софу, а сама уселась на стул.

– Вы сказали, будто слышали, что я вернулась в город, – начала Джейд. – А вы знаете почему?

– Слышал, что строишь какую-то фабрику.

– Правильно. – Джейд коротко все объяснила им. – Моя компания предусмотрела несколько вариантов для вкладавания капитала. Для расширения нашей деятельности нам надо иметь больше земли. Вот поэтому я и приехала к вам, мистер Паркер, – сказала она. Затем, набрав побольше воздуха, выпалила: – Я хочу купить вашу ферму от имени корпорации.

Миссис Паркер поднесла руку к губам, но не вымолвила ни слова. Отис продолжал искоса поглядывать на Джейд.

– Эту землю? Для чего?

– Есть несколько возможностей использовать ее, – уклончиво ответила она.

– Например?

– Я не уполномочена обсуждать это, мистер Паркер. И очень прошу вас, держите это предложение строго между нами. – Она взглянула на миссис Паркер, затем опять на Отиса. – Думаю, вы понимаете меня. Абсолютно никто не должен знать.

– Это не имеет значения. Я не заинтересован в продаже земли.

– Я понимаю, что земля находится в собственности вашей семьи долгое время, мистер Паркер. Конечно, существует сентиментальная привязанность, но...

– Земля не продается.

Джейд поджала губы. Конечно, ее появление навеяло горестные воспоминания. Ее присутствие в их доме напомнило им о сыне, которого они так сильно любили и так трагически потеряли. Она испытывала искушение уйти и тем облегчить их горе. Но она заставила себя довести дело до конца.

– Хотя бы позвольте мне провести оценку участка независимым экспертом. Это будет проделано с предельной осторожностью и не побеспокоит вас, я обещаю. Когда я узнаю оценочную стоимость, то хотела бы иметь возможность еще

раз встретиться с вами.

– Нас это совсем не интересует, верно, Отис? – спросила миссис Паркер. Отис смотрел на Джейд злобным взглядом.

– Ты погубила моего сына. Ты разбила ему сердце и душу. Джейд склонила голову.

– Я не могу объяснить вам, что произошло той весной, но вы должны верить, что я любила Гэри всем сердцем. Если бы у меня был выбор, я бы никогда не причинила ему боль.

– Ты думаешь, что, купив эту землю, ты искупишь свою вину и облегчишь совесть? – спросил мистер Паркер.

– Что-то в этом роде.

– Так знай, ни ты, ни твоя зазнавшаяся компания не имеют столько денег, чтобы заплатить нам за Гэри.

– Вы абсолютно правы, мистер Паркер. Его жизнь никогда нельзя будет оценить деньгами. Дело в том, что ваша ферма оказалась на пути дальнейшего развития компании. Корпорация готова заплатить вам очень щедро.

– Земля не продается. Тебе не продается. – Паркер встал и вышел из комнаты.

Джейд тоже встала, чтобы уйти. Миссис Паркер проводила ее до двери.

– Как вы думаете, будет правильно, если я все-таки проведу оценку фермы?

Женщина бросила беспокойный взгляд в глубину дома.

– Он ведь не сказал решительно «нет»?

– Нет, не сказал.

– Тогда, я думаю, все будет хорошо.

– Когда мы все сделаем, можно я приду к вам еще раз?

Тонкие губы миссис Паркер затряслись от волнения.

– Джейд, мы очень любили нашего мальчика. Лучше бы нам не пережить того, что он сделал с собой.

– И мне тоже.

– Его смерть сильно подкосила Отиса. – Она вытерла нос углом полотенца. – Он – гордый, знаешь, как все мужики. А по мне, я считаю, должно же и нам за наше горе что-то хорошее перепасть. Кто-нибудь пусть заплатит за то, что случилось.

Джейд подошла к ней и сжала руку.

– Спасибо вам. Я скоро дам о себе знать. И, пожалуйста, помните: никому ни слова об этом.

XXII

– Так сказать, мам?

– Что так сказать?

Грэм оторвал взгляд от спортивного журнала, который листал, лежа на животе на полу гостиной.

– У тебя это смешно получается. Большинство черных парней так говорят друг другу.

– Однажды я встретила белого человека, который все фразы начинал с «так сказать», и это так меня раздражало, что я отправила его в тюрьму.

Грэм перевернулся на спину и сел.

– Не шутишь?

– Не шучу.

Его темные волосы были взъерошены, глаза блестели. Какое-то время она не стесняясь любовалась им. Джейд все еще не могла наглядеться на него с тех пор, как неделю назад он и Кэти приехали в Пальметто. За шесть недель разлуки она очень по нему соскучилась. Это было самой долгой разлукой для них.

– Если ты мне не веришь, – сказала Джейд, – спроси мистера Берка, когда в следующий раз увидишь его. Он лучше меня знает, что этот человек находится в тюрьме.

– Мистер Берк такой классный.

– Классный?

Джейд попыталась приложить это словечко к Берку. Он работал исступленно и каждый перерыв в работе – из-за погодных условий или некачественных материалов – воспринимал как личное оскорбление. Он возвел добросовестность на уровень фанатизма. Строительство превратилось из-за него в «крестовый поход». Он был одержим фабрикой так же, как и Джейд.

– Я догадываюсь, почему ты называешь его «классным». – Джейд намеренно проговорила это равнодушным тоном.

Она не знала за Диллоном никаких пороков. В ее присутствии он никогда не бывал пьяным и не ругался. Если он и встречался с женщинами, то не в своем вагончике. Насколько она знала, он ни разу не приводил женщин на стройплощадку.

– Когда я впервые встретил его, то подумал, что он мужик – крепкий орешек, – сказал Грэм.

– Орешек?

– Он ведь почти не улыбается.

– Да, думаю, ты прав, – сказала Джейд задумчиво. Несколько раз, правда, она видела, как он улыбается, но то было выражение самоиронии.

– А в первый раз, когда ты взяла меня на стройплощадку, он накричал на меня, когда я забрался на бульдозер.

За короткое время, что он был в Пальметто, Грэм уже трижды побывал с ней на стройплощадке. Он был в восторге от этого. Но сейчас у нее возникли сомнения: возможно, имен-

но Диллон, а не котлован так привлекал Грэма.

– А я рада, что Диллон накричал на тебя. Не дело играть с подобными машинами. Это опасно.

– То же самое утверждает мистер Берк. Он сказал, что у людей, которые заигрывают с опасностью, вместо мозгов – дерьмо.

– Грэм!

– Это он так говорит, мам, а не я. Я только тебе рассказываю, как все было.

– Какие еще приятные выражения ты позаимствовал у мистера Берка?

Грэм хихикнул.

– Мне кажется, что он любит меня, но вся его любовь исчезла, когда он увидел, как я и Ленер взбираемся на кучу гравия.

– Ленер?

– Его собака. Так он зовет ее. Короче, я взбираюсь на кучу, словно скалолаз на вершину горы, как вдруг из вагончика выбегает мистер Берк и кричит, чтобы я слез к черту отсюда. Вот что он сказал, мам. Затем он схватил меня и долго тряс, спрашивая, есть ли у меня хоть капля ума и знаю ли я, что ребята часто гибнут, когда их засыпает гравием. Я ответил ему, что уже не ребенок, Тогда он сказал: «Но ты и не взрослый. И пока ты здесь, будешь делать, что я скажу». Он был жутко напуган, потому что, когда он говорил так спокойно и зло, то под его усами не видно было, как двигаются губы,

понимаешь?

– Да, понимаю. – Джейд еще не видела, как Диллон выходит из себя. Но как и Грэм, часто ловила себя на том, что наблюдает за его губами и усами, стараясь уловить их движение.

– Он тебя не обидел?

– Черта с два! То есть я хочу сказать, как бы не так. Потом он извинился, что схватил меня. Он сказал, что, когда увидел, как мы с Ленером взбираемся на гравий, и представил, что можем провалиться, он так испугался, что от страха чуть в штаны не наделал. – При этих словах Джейд нахмурилась. И снова Грэм простодушно рассмеялся. Мальчику нравилось произносить слова, которые ему обычно запрещалось употреблять. – Он сжал мне руку так, что чуть кости не переломал.

Сила Диллона никогда не вызывала сомнения. Не раз Джейд наблюдала из окна своего передвижного офиса, как он работает, не подозревая, что за ним наблюдают. Широким и уверенным шагом он обходил котлован. Даже на расстоянии она могла отличить его среди других рабочих по шляпе и темным очкам. И, конечно же, по усам.

– ...если можно. Можно, мам?

– Прости, Грэм. Что ты хочешь сделать?

Он вытаращил глаза, как это обычно делают подростки, когда родители демонстрируют непростительную глупость.

– Можно поехать на стройку на велосипеде? Я знаю доро-

гу.

– Но это же несколько миль?

– Пожалуйста, мамочка!

– Можно подумать, что здесь ведут переговоры большие шишки, – сказала Кэти. Она вошла в комнату, неся поднос с печеньем и напитками: стакан молока для Грэма, по чашке кофе для Джейд и себя. – Вам надо подкрепиться, чтобы продолжать.

За короткое время, что они были здесь, Кэти сумела превратить их дом в уютное жилище. Джейд не представляла раньше, насколько Кэти дорога и нужна ей, пока не пожила последние шесть недель без нее. Кэти делала все покупки, готовила на всех и следила за домом. Она любила этим заниматься, и все у нее получалось превосходно. Без суеты и заботы о ком-то она считала бы свою жизнь бессмысленной.

Кэти поставила поднос на чайный столик и села рядом с Джейд на софу.

– Что вы сегодня обсуждаете?

Уплетая свежее шоколадное печенье, Грэм объяснил:

– Мистер Берк сказал, что я могу приехать на стройплощадку, когда захочу. Что в том плохого, если я отправлюсь туда на велосипеде?

– Во-первых, на велосипеде туда ехать далеко. Во-вторых, стройплощадка – не место для игр. Ты будешь мешать рабочим, с тобой может что-нибудь случиться. И потом, тебе надо искать друзей своего возраста.

– Я уже познакомился с соседскими ребятами.

Джейд надеялась, что за лето он с кем-нибудь подружится и осенью легче привыкнет к новой школе. Проводить время с мальчиками его возраста, по ее мнению, было лучше, чем крутиться вокруг этого бирюка – ее генерального подрядчика.

– У мистера Берка много других дел, ему некогда развлекать тебя.

– Но он же сказал, что я могу приезжать, мам. Тебе что, не хочется, чтобы мне было весело? – проворчал Грэм.

Кэти, как хороший дипломат, вмешалась:

– Может быть, мне лучше пригласить мистера Берка поужинать у нас на днях?

– Вот здорово! Как раз то, что нужно, – сказал радостно Грэм.

– Я не уверена, – вспыхнула Джейд.

– Почему, мам?

– Он же никуда не ходит, ужинает каждый вечер в своем вагончике в одиночку, – мягко возразила Кэти. – Я уверена, что он не откажется от домашней пищи.

– Если ему нравится жить как отшельнику, то мы должны уважать его привычки.

Такая деликатная отговорка была неубедительна. Если на их лицах и не отразилось неодобрение, то Джейд все равно поняла это. Правда заключалась в том, что она и Диллон ежедневно слишком много времени проводили вместе. Он

был настолько компетентен, что она поймала себя на том, что советуется с ним по нескольку раз на день. Друг к другу они относились доброжелательно, но строго по-деловому. Именно такими их отношения должны оставаться и дальше.

– Ты так и не ответила. Можно мне ездить туда на велосипеде? – напомнил ей Грэм. – Пожалуйста, мам. Пальметто ведь – не Нью-Йорк. Здесь не может случиться ничего плохого.

Дрожащей рукой Джейд поставила чашку кофе на поднос. Кэти быстро вступилась.

– Дай ей день-два обдумать это, Грэм. Ты уже съел свое печенье, поэтому помоги мне вымыть посуду. Отнеси поднос на кухню, пожалуйста. Я сейчас приду туда. А теперь – брысь!

Грэм неохотно встал, взял поднос и пошел на кухню. Когда он был достаточно далеко, чтобы их не слышать, Кэти положила свои ладони на крепко стиснутые на коленях руки Джейд.

– Джейд, он сказал первое, что ему пришло в голову!

– Но он ведь не знает... Пока эта банда меня не изнасиловала, я тоже думала, что здесь ничего плохого не может случиться.

Кэти осторожно подбирала слова:

– Я знаю, что ты всегда избегала разговоров с Грэмом о его отце...

– Я не изменила своего решения.

– А что, если он узнает об этом от кого-то другого? – встревоженно спросила Кэти. – Что, если в один прекрасный день кто-нибудь подойдет к нему и спросит, который из тех троих его отец?

– Люди, которые знают о случившемся, не будут рассказывать об этом. Да и они не знают, что Грэм – дитя той ночи.

– Твои враги, Патчетты и шериф Джолли, – самые важные люди в городе. Когда они узнают о Грэме, то очень просто решат эту задачку.

– И что потом? Признают, что изнасилование было? Едва ли они решатся...

Кэти смотрела в лицо подруги.

– Джейд, я никогда не вмешивалась в твою личную жизнь. Если бы я настояла, то, может быть, ты бы вышла за Хэнка Ариетта несколько лет назад. Я никогда не позволяла себе советовать, что ты должна и чего не должна делать.

– Теперь это изменится?

Старшая не прореагировала на сарказм младшей и шепнула:

– Пусть все останется как есть.

– Останется что?

– Я не такая глупая, Джейд. Я же понимаю, что не ради каприза ты выбрала Пальметто для строительства фабрики. Разве ты вернулась сюда не для того, чтобы отомстить?

Кэти еще крепче стиснула руки Джейд.

– Твои успехи уже можно считать мстью. Ты преодолела

столько препятствий на своем пути. У тебя есть Грэм. Что еще тебе надо? Пусть так все остается.

– Я не могу, Кэти. – Джейд даже не попыталась опровергнуть ее слова. – Я ждала годы, жила для этого и теперь не могу повернуть назад.

– Я боюсь за тебя. То, что ты задумала, – самоубийство. Они могут уничтожить тебя до того, как ты уничтожишь их.

– Я не хочу никого уничтожать. Если бы я хотела, то просто убила бы их пятнадцать лет назад. Я думала об этом. – Джейд покачала головой. – Убить их – слишком простой выход. Мне надо, чтобы они потеряли то, что для них дороже всего, как я когда-то потеряла свою невинность, парня, которого любила. Я хочу видеть, как рухнут все их планы, как когда-то мои. Но больше всего я хочу отомстить за смерть Гэри. Они убили его, Кэти, даже не поднося пистолета к его голове и не нажав на курок. Я не успокоюсь, пока они не заплатят за его жизнь дорогой ценой.

Джейд говорила тихо, почти шепотом:

– Он был такой идеалист. Мы мечтали сбросить Патчеттов с их трона, покончить с их экономической тиранией над Пальметто. Они издеваются над людьми, у которых нет ни денег, ни силы, ни влияния, Я тоже была в их власти пятнадцать лет назад. Законы – не для них. У этих людей нет совести, и они будут увеличивать число своих жертв и держать город в своих руках до тех пор, пока их кто-нибудь не остановит. – В ее голосе вновь зазвучала решимость. – Пят-

надцать лет я потратила на то, чтобы у меня появилась эта возможность, и теперь не могу все это перечеркнуть.

Какое-то время Кэти молчала, потом умоляющим взглядом посмотрела на Джейд.

– Расскажи Грэму, что с тобой произошло. Ведь эти подлецы не будут сидеть сложа руки. Они будут пытаться добраться до тебя через Грэма. Расскажи ему все раньше, чем это сделает кто-нибудь из них.

Джейд признала, что в словах Кэти есть своя правда. Но она могла бы рассказать ей и о Велте, которая в самоубийстве отца обвиняла дочь. Что, если она расскажет Грэму о том изнасиловании, а он может, не разобравшись, взять на себя вину за свое зачатие? Джейд не хотела взваливать на сына бремя, которое будет давить на него всю жизнь.

– Нет, Кэти, он никогда не должен узнать.

Вопрос о том, разрешить ли Грэму поездки на велосипеде на стройплощадку, Джейд отложила на время, пока Диллон уехал из города для переговоров о поставках бетона.

– Он попросил меня присмотреть, чтобы Ленер без него не голодал, – рассказала она Грэму, вернувшись вечером домой. – Поэтому нет смысла обсуждать вопрос о твоих поездках туда. Мы поговорим об этом, когда мистер Берк вернется.

Грэм упал духом.

– Когда ж это будет? Через сто лет?

– Он сказал, что через две недели.

– Сто лет ждать, – удрученно проворчал Грэм, выходя из комнаты. Он был недоволен тем, как обернулись события, но Джейд в душе радовалась этому. Предостережения Кэти нельзя было сбрасывать со счетов. Стремясь в одиночку осуществить свой план, Джейд упустила из виду возможные ответные меры Патчеттов и Хатча. Со времени их встречи они затаились, но именно это было подозрительно. Сомнения не было – они что-то затевали. Пока Джейд не узнает, что именно, она не может позволить себе расслабиться ни на минуту. Поэтому ей не хотелось, чтобы Грэм разгуливал по городу.

Без Диллона работы на строительстве продолжались: на время своего отсутствия он назначил своим заместителем бригадира землекопов. Зная, как высока требовательность Диллона, Джейд вполне доверяла этому человеку. И все-таки чувствовала себя спокойнее, когда Диллон был рядом.

Стройплощадка привлекала внимание толп любопытных и превратилась в настоящий туристический объект. Редкий день Джейд не давала интервью какому-нибудь журналисту. Лола Гаррисон, репортер из Чарлстона, провела с ней почти целый день. Она написала статью о фабрике «Текстиль» для воскресного приложения. Статью перепечатали несколько ведущих газет Юга.

Весну сменило лето. Дни стали длиннее. Однажды вечером Джейд решила задержаться подольше. Землекопы остановили свои экскаваторы и покинули стройплощадку. Она была так поглощена работой, что потеряла счет времени. На

улице залаял Ленер.

От радостного предчувствия в ее временном офисе стало как будто светлее. «Диллон вернулся», – подумала Джейд. Но кто-то поднимался по ступенькам вагончика не так тяжело, как он, и лай Ленера не был радостным. Дверь распахнулась.

– Привет, Джейд!

– Донна Ди! – В этом возгласе было и удивление от появления ее бывшей подруги, и облегчение, что посетитель не опасный.

Ленер все еще лаял.

– Перестань! – прикрикнула Джейд. Пройдя через комнату, она закрыла дверь. Потом повернулась к неожиданной гостье.

– Ты прекрасно выглядишь, Джейд. – Улыбка Донны Ди была полна горечи и зависти. – Но, впрочем, ты всегда так выглядела.

– Спасибо!

– Не беспокойся. Я не жду от тебя ответного комплимента. Все равно неправду скажешь.

Джейд и не собиралась говорить об этом. Годы не были благосклонны к Донне Ди, которая и раньше не отличалась красотой. Ее привлекательность заключалась в живом характере. Но сегодня и это исчезло. Ее извращенное чувство юмора переросло в злобу.

– Зачем ты пришла?

– Могу я сесть?

Джейд кивнула в сторону стула и вернулась к письменному столу. Донна Ди села, нервно натянула подол юбки на колени. Это движение не было вызвано скромностью – она нимало не беспокоилась, открыты ее колени или нет. Нервозность вызывало что-то другое. Может быть, чувство вины?

– Я была у тебя дома, – начала Донна Ди. – Они мне сказали, что ты задержалась на работе.

– Они?

– Пожилая женщина и мальчик... Грэм?

– Да, Грэм.

Донна Ди опустила взгляд. Джейд заметила, что она обеими руками вцепилась в ремень сумочки, как будто боялась, что сумочку отнимут.

– Я и не знала, что у тебя есть сын. Не знала... несколько дней назад.

– Он был в Нью-Йорке, заканчивал учебный год. Ты откуда о нем знаешь?

– Ты же знаешь, как у нас распространяются слухи.

– Да, знаю. Слишком хорошо.

Донна Ди наклонила голову и поправила прядь волос около уха.

– Он симпатичный мальчик, Джейд.

– Спасибо.

– Похож на тебя.

– И на моего отца.

– Да, я помню его фотографии. – Пальцы Донны Ди перебирали ремешок сумки. – Сколько ему... Грэму?

– Четырнадцать.

Они взглянули друг на друга через всю комнату, как будто через все горькие годы. Наконец Донна Ди нарушила напряженную тишину.

– Могу я спросить тебя?

– О чем?

– Он зачат... той ночью?

– Ты имеешь в виду ночь, когда меня изнасиловали? – неожиданно Джейд встала. – И у тебя с Хатчем будет о чем поговорить за ужином?

Донна Ди тоже встала.

– Хатч и я не будем сегодня ужинать. Мы даже не будем разговаривать сегодня. Он в реанимации, в больнице в Саванне. Он умирает, Джейд!

Ее слова рикошетом отскочили от стен вагончика. Женщины какое-то время пристально смотрели друг на друга. Потом Донна Ди рухнула на стул и обхватила голову руками.

– Он умирает!

Как и Фриц, Хатч был номинальной фигурой со звездой шерифа. Он был марионеткой Патчеттов. До своего возвращения в город Джейд смутно чувствовала это. Но в первый же день в Пальметто она решила проверить эту догадку. Она нарочно превысила скорость и была остановлена.

Когда полицейский стал выписывать ей повестку в суд за

превышение скорости, она запротестовала:

– Мистеру Патчеггу не понравится это. Он мой друг. Он говорил мне, что если я когда-нибудь нарвусь на повестку, то мне нечего беспокоиться. Стоит ему позвонить шерифу и все будет улажено. Зачем доставлять людям столько хлопот? Бессмысленно, не так ли? – роль приятельницы Патчеттов вроде удавалась, и Джейд, сняв темные очки, ослепительно улыбнулась полицейскому.

– Что ж, я рад, что вы меня предупредили, мисс. – Он убрал книжку с повестками в карман. – Шериф Джолли заест меня, если я обижу друга мистера Патчетта. Нила или старшего?

– Выбирайте сами, – сказала она, включая стартер.

– Что-то я не узнаю вас. Как вы сказали, ваше имя?

– Я не говорила, – ответила Джейд и укатила, чувствуя удовлетворение от того, что ее догадка подтвердилась.

На минуту она замерла: теперь у нее не будет возможности выставить Хатча трусом, купленным с потрохами, для которого не так страшно быть осужденным на вечные муки, как быть посмешищем в глазах Патчеттов.

– Я не знала, Донна Ди, – сказала Джейд. – Прости.

Донна Ди презрительно фыркнула.

– Держу пари, если Хатч умрет, двое уже выйдут из игры, останется один, не так ли?

– Точно. Если допустить, что этих трех объединяет одно преступление.

– Это ты обвиняешь их троих. – Донна Ди с любопытством посмотрела на Джейд. – Айвен все равно что мертвый, ты знаешь. Он теперь никогда не поправится после катастрофы. Нил тоже какое-то время был в плохой форме. Сначала все думали, что он останется импотентом. Вот было бы смеху, если первый бабник в Пальметто не смог бы больше этим заниматься. Но оказалось, что это были только слухи. Полно баб, которые уверяют, что он по-прежнему силен, как бык.

– Меня это нисколько не интересует.

Но Донна Ди продолжала, будто не слышала замечания Джейд:

– Фриц и Ламар – мертвы. Айвен – калека. Хатч умирает. Бог мстит за тебя, Джейд. Ты, должно быть, праведница.

– Я не несу ответственности ни за одно из этих несчастий. И что бы ты там ни думала, Донна Ди, я не желаю смерти Хатчу.

– Но ты не собираешься и поплакать на его похоронах, не так ли?

– Нет. Я выплакала все слезы на похоронах Гэри.

Донна Ди вздохнула и сказала, как бы оправдываясь:

– Хатч не имеет к этому никакого отношения. Это Нил рассказал Гэри, а не Хатч.

– Рассказал Гэри что?

– Что ты беременна и отправилась к Джорджии за помощью.

Эта новость, высказанная так неосторожно, ошеломила

Джейд. Она не могла пошевелиться, но мозг работал, как бешеный. Кровь мчалась по сосудам на предельной скорости.

– Нил сказал Гэри, что я поехала делать аборт? – спросила Джейд хрипло. Вопрос, который мучил ее все эти годы, наконец сошелся с ответом. Донна Ди даже не поняла, что ее сообщение – последнее недостающее звено цепи. Но Джейд это поняла.

Джейд мучительно хотелось знать, что толкнуло Гэри на самоубийство. Теперь она знала. Ему сказали, что она беременна, и он воспринял это не только как измену ему, но и как ложь с ее стороны.

Непостижимо, откуда Нил узнал, что она беременна. Возможно ему рассказала Патрис Уатли. И он, не теряя времени, сообщил об этом Гэри. Потеря веры в нее окончательно добила Гэри. Да, вероломству Нила нет предела.

Джейд прижала руки к груди.

– Тебе лучше уйти, Донна Ди.

– В тот день ты не сделала аборта?

– Прошу тебя, уходи.

– Твой сын – тот самый ребенок? Послушай, Джейд. – Она глубоко вздохнула, как бы подбадривая себя, – почти год тому назад Хатч стал постоянно плохо себя чувствовать. Пока он мог, он не хотел видеть симптомы. Ты знаешь, какими упрямыми могут быть мужчины, когда дело касается болезней. Они вечно хотят выставлять себя суперменами. Поэтому, – продолжала Донна Ди, – мы не могли понять, что с ним

происходит, пока у него не отказали почки. Ему поставили диагноз: очень редкое почечное заболевание. С тех пор он постоянно был на диализе. Никто в городе не знал об этом. Мы скрывали, чтобы он не потерял работу. Но даже это теперь не важно.

Она вынула из сумочки носовой платок и вытерла глаза.

– Сейчас его почки почти не функционируют. Диализ тоже не помогает. Единственное, что его может спасти, – это трансплантация.

– Мне вас обоих жаль.

– Джейд, – сказала Донна Ди умоляющим голосом. – Единственной надеждой для Хатча получить почку для трансплантации является твой сын.

– Что? – Она чуть не задохнулась.

Донна Ди встала со стула и подошла к Джейду.

– У нас с Хатчем не было детей. Мы испробовали все, но я не беременела. Дора умерла два года назад, поэтому у Хатча никого из семьи не осталось. Пока мы ищем подходящего донора, он может умереть, Джейд. – Если Хатч – отец Грэма, то Грэм может быть донором.

Джейд рывком освободила руку и отшатнулась от нее, как от зачумленной.

– Ты рехнулась? Никогда, Донна Ди!

– Бога ради, прошу тебя. Ведь речь идет о человеческой жизни!

– Да, о жизни Гэри. Он умер оттого, что Хатч сделал со

мною, как бы ты ни обеляла это для своей совести. Ты прекрасно знала, что в тот день у шерифа я говорила правду. Ты знала, Донна Ди! И после этого ты постоянно подтверждала ложь обо мне.

– Я была тогда восемнадцатилетней засранкой! – закричала она. – Я была в бешенстве, что парень, по которому я сходила с ума, хочет мою подругу, а не меня!

– Это тебя не оправдывает. Твоя мелочная ревность тоже сыграла роль в том, что Гэри покончил с собой.

Донна Ди закрыла уши руками, но Джейд отдернула их.

– Я и не подумаю пожертвовать и каплей крови моего сына для спасения Хатча.

– Ты самоуверенная и самовлюбленная сука! – сказала Донна Ди язвительно. – И всегда была такой.

– Для меня самое главное в жизни – мой сын. Мой сын, Донна Ди! Он принадлежит мне и только мне. И никто не смеет трогать его.

Взгляд Донны Ди был полон такой ненависти, что не будь Джейд такой сильной, он мог бы поколебать ее. Донна Ди повернулась, открыла дверь и вышла. Джейд быстро закрыла дверь на ключ, затем бросилась к телефону.

Кэти ответила после второго звонка.

– Кэти, Грэм дома?

– Конечно. Ужинает. Ты же сказала, чтобы мы тебя не ждали.

– Да, да. Я рада, что вы ждете меня. – Ее колени дрожали.

Она опустила в кресло у стола. – Слушай, Кэти, будет лучше, если сегодня вечером Грэм не будет выходить из дома. Никаких катаний на велосипеде, никаких игр в мяч.

– Мы собираемся смотреть фильм после ужина.

– Хорошо.

– Что случилось?

– Ничего.

– Это связано с посещением миссис Джолли?

– Да, но ты не говори об этом Грэму.

В молчании Кэти она почувствовала неодобрение.

– Он хочет поговорить с тобой.

– Передай ему трубку.

– Привет, мам, когда ты приедешь домой?

– Скоро. Дождись меня.

Что за...

Диллон резко повернул руль, чтобы не наехать на собаку. Ленер выскочил из кювета и бежал по дороге прямо навстречу пикапу. Диллон так резко нажал на тормоз, что колеса завизжали.

– Ах ты глупая дворняга! – закричал он в окно.

Услышав знакомый голос, Ленер бросился к краю тротуара, поднял голову и посмотрел на джип. Потом кинулся к нему с неистовой радостью. Диллон открыл дверцу машины. Ленер вскочил ему на руки, лизнул лицо и забил хвостом по рулю.

– Бессловесная животиная, отстань от меня! Господи, какой ты вонючий. Когда ты последний раз мылся? – Освободив руки от Ленера, он снова включил мотор. Проехав какое-то время, посмотрел на собаку. Ленер ответил ему любящим взглядом. Его язык свешивался из пасти, он часто дышал.

– Я тебе тысячу раз говорил, не люби меня, но ты же не слушаешься.

Про себя Диллон отметил, что это приятно, когда тебя встречают после двух недель отсутствия. Даже если по тебе скучала всего лишь дворняга. Вопреки желанию он все больше привязывался к собаке. Начинал искать пса, если не видел его у вагончика, и беспокоился до тех пор, пока не находил.

Он почесал собаку за ухом.

– Откуда ты бежал? Возвращался домой? Может быть, ходил на свидание? – Ленер перестал шумно дышать и посмотрел на него. – О, неужели? Значит, у тебя есть дама? – Ленер заскулил. Диллон сказал с сочувствием: – Я понимаю тебя.

Он вел машину одной рукой, другой продолжал гладить Ленера. Ночью движение на дороге было небольшим и можно не сосредоточиваться на управлении. Это было хорошо, потому что мысли были заняты другим.

Диллон скучал о ней.

Он сократил свою отлучку на два дня. Неизвестно, зачем он проехал на машине шесть часов, чтобы быть дома к но-

чи, хотя мог бы спокойно приехать и на следующий день к полудню. С каких это пор он начал думать об этом месте – вообще о любом месте, – как о доме?

С тех самых, как там появился кто-то, кого он очень хотел видеть.

Это испугало Диллона. Испугало настолько, что он почти был готов бросить пикап «Текстиля» в Ноксвилле и исчезнуть опять. Но искушение было недолгим.

– Прежде всего потому, – объяснил он внимательно слушавшему его Ленеру, – что бежать от подобных проблем – трусость.

Спасло ли его бегство от людей после смерти Дебры?

Нет. Время только уменьшило боль и дало возможность продолжать жизнь, когда он был абсолютно равнодушен к ней. После того, как он обнаружил их тела, единственное, что привязывало его к жизни, было желание заставить страдать Хаскела Сканлана. Осуществив это, он больше не задумывался о том, будет ли жить.

Но что-то удержало его от ухода за Деброй и Чарли. Как в компьютере, что-то миниатюрное, но очень действенное, скрытое в глубине его сознания, удержало его на поверхности. Теперь он знал что. Это «Текстиль». Он намерен построить эту фабрику. Он верит в это всей душой.

– Я должен закончить строительство. Должен доказать себе, что выдержу это до конца. Понимаешь? – Ленер заскулил и положил голову ему на колено. – Да, я знаю. Жизнь – тя-

желая штука.

Диллон не хотел привязываться к собаке, но комок подкатывал к горлу оттого, что эта глупая дворняжка была рада его возвращению домой. Он также не хотел любить и мальчика, но Грэм был именно таким парнишкой, каким он хотел бы видеть Чарли: любознательным, смышленным, добродушным и в меру озорным.

– Что подельывает Грэм? – спросил он Ленера. – Часто с ним виделся? В следующий раз, когда я надолго уеду из города, попрошу его купать тебя каждую неделю. – Ленер помахал хвостом, как бы поддерживая идею, хотя не был в восторге от купания. – Могу предложить ему за это несколько долларов. Мальчики его возраста всегда нуждаются в карманных деньгах.

Еще перед его отъездом Джейд извинялась за то, что Грэм околачивается на стройке. Она думала, что мальчик мешает Диллону, не отходя от него и задавая бесконечные вопросы. На самом деле Диллону льстило, что Грэм болтается около него. Его вопросы и наблюдения иногда были забавными, иногда очень проницательными. Вопреки самому себе, ему хотелось снова видеть Грэма.

Диллон старался не думать об этом во время этой шестичасовой поездки. Но сейчас, когда до дома оставалось всего ничего, он признался себе в настоящей причине такого стремления попасть домой как можно скорее: он хотел видеть Джейд.

Конечно, ему будет нужно многое ей доложить. Он был уверен, что и она многое ему расскажет. Все, что произошло за время его отсутствия, надо обсудить.

Но разве только работа была единственной причиной, почему он хотел ее видеть? Он надеялся, Господи! – чтобы это было так. Потому что другое казалось ему предательством по отношению к Дебре. Пока он был вне города, ему надо было найти какую-нибудь женщину. Если бы он переспал со страстной красоткой, то сейчас не был бы на взводе и не мечтал бы увидеть Джейд. Может быть, его влечение к ней не было бы таким сильным, не вспоминая он о том, как она выглядела на фоне надвигающейся грозы.

Диллон свернул машину на дорогу, ведущую к его вагончику. Ленер, чувствуя, что они уже дома, встал на сиденье и напрягся от носа до хвоста. Диллон рассмеялся, но сразу умолк, увидев свет в окнах домика Джейд и ее джип.

«Что, черт возьми, она делает здесь так поздно?» Он припарковал пикап и вышел. Ленер выскочил за ним и побежал к миске с водой. Диллон подергал дверь за ручку. Она была заперта.

– Джейд? – Он вынул свой ключ и вставил в замок. Дверь бесшумно отворилась.

Джейд, сидя за столом и положив голову на крышку стола, спала, Диллон на цыпочках подошел к ней.

– Джейд!

Она не пошевелилась. Голова ее лежала на руках. Его

взгляд упал на ладонь Джейд. Пальцы были длинными, но рука – небольшой и хрупкой. Волосы в беспорядке рассыпались пышной волной, покрывая руки и бумаги, над которыми она заснула. Волосы, черные как смоль, прекрасно оттеняли белую кожу.

На щеке, видневшейся из-под волос, алел легкий румянец, брови были ровные и блестящие, как у фарфоровых кукол. Дыхание вырывалось сквозь чуть приоткрытые губы.

Диллону до боли захотелось дотронуться до нее. Стоя над ней, он не мог решить, что делать. Джейд не понравится, что ее застали в таком виде. Им обоим станет неудобно, и это может повлиять на деловые отношения. Он не хотел нарушать их из-за этой случайности.

Все говорило за то, что будет лучше оставить ее здесь. Если она проснется и заметит, что он вернулся, то сама может зайти к нему в вагончик и поговорить, если захочет. С другой стороны, они могут увидеться друг с другом рано утром.

Диллон подумал, что горящая лампа мешает, и решил ее выключить. Он потянулся к ней через стол, чтобы выключить.

В наступившей темноте Джейд внезапно проснулась.

– Нет! – закричала она, чуть не стукнувшись с ним головой.

– Джейд, это я.

– Не трогайте меня! – Она шарила руками по столу, нащупывая лежащие на нем предметы.

– Что с вами?

– Если вы дотронетесь до меня, я убью вас.

Диллон, удивленный такой реакцией, посмотрел на ее вытянутые руки и увидел блеск металла.

– Джейд, – сказал он спокойно, – это я, Диллон. – Он потянулся, чтобы включить лампу.

– Нет! – Она замахнулась в сторону его живота, держа в руке нож для разрезания бумаги.

– Господи!

Видимо, Джейд еще не совсем проснулась или так растерялась, что не понимала, что делает. Чтобы они не причинили друг другу вреда, Диллон наклонился над столом и схватил ее руки. Телефонный аппарат упал на пол, бумаги разлетелись, как осенние листья на ветру. Она откинулась к стене, срывая календарь с гвоздя.

Он тряс ее руки, но она не разжимала ту руку, в которой держала нож. Казалось, что в Джейд вселился бес, и Диллон понимал, что причиняет ей боль, крепко удерживая ее. Потом он извинится, но сначала надо удержать ее от попытки проделать дырку у него в животе.

Диллон еще сильнее сжал ее запястья и поднял ее руки, он прижал ее к стене. Она мотала головой из стороны в сторону.

– Сначала убейте меня!

– Джейд!

– Я вам не дамся. Вам придется сначала меня убить.

– Джейд!

Ему казалось, что он очутился в том ночном кошмаре, от которого она проснулась. Постепенно ее сопротивление ослабело. Она перестала болтать головой, грудь дышала ровнее.

– Кто это?

Он почувствовал ее прерывистое дыхание на своем лице.

– Это Диллон.

– Диллон?

– Ну да!

– Диллон...

– Да!

В изнеможении он склонил голову, прижавшись к ее лбу, перевел дыхание. Затем отпустил запястья. Ее руки безжизненно упали вдоль тела.

– С вами все в порядке? – спросил он хрипло.

Джейд кивнула головой. Он отошел от нее и включил лампу. Она все еще сжимала нож в руке, и он блестел на свету. Все могло кончиться иначе.

– Господи Иисусе, – произнес Диллон, – что, черт возьми, вы пытались сделать этой чертовой вещицей?

Джейд бросила нож на стол и без сил опустилась в кресло.

– Защитить себя.

Она была бледной, дрожала, но уже не выглядела слабой. Увидев, что она пришла в себя, Диллон дал волю своему гневу:

– Вы, черт возьми, чуть не выпустили мне кишки!

Джейд оперлась локтем на стол и откинула прядь волос с лица.

– Вы не должны были подкрадываться ко мне.

– Я не подкрадывался. Я поднял ужасный шум на улице, я дважды звал вас по имени.

– Почему вы меня не разбудили?

– Боялся испугать вас.

– О, поэтому вы просто навалились на меня, словно собирались придушить.

Наконец он потерял терпение и разразился упреками:

– А что вы делали здесь в такое время?

– Который час? – спросила Джейд, явно сконфуженная столь внезапным пробуждением.

– Не так уж поздно, – ответил Диллон. – Только начало двенадцатого.

– О Боже. – Она подняла телефон с пола. Дока она дозванивалась до дома, Диллон стоял около, уставившись на нее.

– Я рада, что вы вернулись вовремя, – сказала она, повесив трубку. – Кэти беспокоилась, но сказала, что не любит звонить и мешать мне, когда я работаю.

– Какого черта вам вздумалось оставаться здесь дотемна? – спросил Диллон сердито. – Скажите спасибо, что это я, а не кто другой вошел в дверь.

– Дверь была заперта.

– Как будто это может остановить того, кто захочет проникнуть сюда со злым умыслом.

– Ну хорошо. Ничего трагического не произошло. Давайте забудем это, договорились?

Этот ее высокомерный тон заводил его с полуоборота. Она вышла из-за стола, но он преградил ей дорогу.

– Мы забудем это тогда, когда я скажу, что пришло время забыть. Для женщины небезопасно находиться здесь одной, вдали от города, да еще в темноте. Не делайте этого больше.

– Могу я напомнить вам, что не вы мой начальник?

– Проклятье, да забудьте вы о чинах! К работе это не имеет никакого отношения. Кроме того, вы давите на меня своим положением только тогда, когда знаете, что не правы.

Она сверкнула на него глазами.

– Если бы здесь появился чужой, Ленер залаял бы и предупредил меня об опасности.

Диллон наклонился к ней поближе.

– Это правда?

– Правда.

– Тогда, к вашему сведению, Ленера не было здесь, – сказал он мягко. – Он прогуливался в поисках подружки. Если бы ему посчастливилось, то он не появлялся бы здесь раньше утра.

Растерянная и удивленная Джейд посмотрела на него.

– Я ценю вашу заботу о моей безопасности.

– Не обольщайтесь. Я вовсе не беспокоюсь. Просто пытаюсь вбить ум в голову, в которой вместо мозгов – дерьмо.

Она резко вскинула голову.

– Я рада слышать, как вы пользуетесь подобными фразочками. Это напомнило мне кое-что. Я должна вас просить не произносить непристойных слов в присутствии моего сына.

– Вы подслушивали мои разговоры с Грэмом?

– Конечно, нет! Он просто цитирует вас, так как считает, что вы просто необыкновенный.

Это доставило Диллону удовольствие.

– В самом деле?

– В самом деле. Поэтому следите за тем, что говорите при нем.

– Я не сказал ничего такого, чего нельзя услышать по кабельному телевидению и, возможно, даже в школе.

– Это не относится к делу, не так ли?

– Нет, относится. Если вы не хотите превратить Грэма в неженку, ослабьте поводок, разрешите ему употреблять некоторые словечки. Вокруг него слишком много женщин. Время, которое он здесь проводит с мужчинами, полезно для него.

– Это напомнило мне еще одно. Не подстрекайте его ездить сюда на велосипеде.

– Я не подстрекал.

– Он сказал, что это вы предложили.

– Нет, я не предлагал.

– Вы никогда не говорили ему, чтобы он приезжал сюда на велосипеде?

– Конечно, вопрос поднимался, но я сказал, что решать

это будете вы.

– Что ж, разрешите поблагодарить вас от имени матери.

Тогда Диллон понял, что не может не поцеловать ее. Это было чистым безумием, но он хотел все равно это сделать. А уж коли решил, то ничто не могло его остановить.

Он запустил пальцы ей в волосы, запрокинул ей голову назад и приблизился к ее рту. От удивления из ее губ вырвался звук, и он почувствовал его на своих губах. Все его мысли куда-то улетучились. Диллон уже не думал о последствиях: поцелуй был им заранее обдуман и он знал, что она его уволит. Он не думал о Дебре. Он вообще ни о чем не думал. Просто повиновался восхитительному эротическому зову, воскресавшему в нем от ее поцелуя.

Кончиком языка он раздвинул ей губы и прижался всем ртом. Джейд была потрясена – так он охарактеризовал ее состояние. Ее тело стало прямым как древко, она перестала дышать. Он не мог допустить, чтобы ее холодность остановила его. Он использовал все, чем овладел много лет назад, и медленно вызывал ответ на ее губах. Его язык то возвращался к губам, то снова и снова двигался вглубь, пока ее дыхание не возобновилось. И в этот момент Джейд подняла руки, чтобы схватить его за руки. – Нет, – прошептала она. – Пожалуйста.

Она не имела в виду прекратить, это была просьба продолжать. И хотя свое «пожалуйста» она предварила словом «нет», он почувствовал ее трепет. Он зарождался где-то глубоко в ее теле. Возбуждение вызывало тепло, которое разли-

валось по ее телу. Он чувствовал ее сквозь одежду. Ее дыхание стало частым и легким.

Диллон сжал голову Джейд своими длинными пальцами и еще немного отклонил назад. Он прильнул к ее обнажившейся шее и поцеловал мягкую, благоухающую кожу под мочкой уха.

– Нет, Диллон, – прошептала она.

– Ты не это имеешь в виду.

Вернувшись к ее губам, он наклонил свою голову и поцеловал ее еще крепче. Страсть и жар пылали в низу его живота. Диллон застонал от этой боли, от силы желания. Проведя рукой по ее спине, он прильнул к ней. Его член уперся в ее промежность. Он потерялся об нее. Она застонала.

Другая его рука потянулась к ее груди. Она была упругая, полная. Сосок под его пальцем напрягся. Он хотел взять его в рот, даже сквозь блузку, и наклонил уже голову.

– Нет!

Джейд отринула от него так стремительно, что оступилась, потеряла равновесие и ударилась о стену комнаты. Она скрестила руки на груди и терла их пальцами, словно стряхивая что-то. Ее глаза были так широко открыты, что белки вокруг ярко-голубых зрачков стали видны полностью.

– Я сказала «нет»! – крикнула она в ярости. – Я говорю вам «нет». Нет! Нет! Вы не поняли? «Нет»!

Пораженный Диллон сделал к ней шаг.

– Джейд, я...

– Не прикасайтесь ко мне. Не надо! – Ее голос накалился до истерики. Она вытянула руку, чтобы оттолкнуть его.

Диллон поднял руки, показывая, что сдается.

– Хорошо, хорошо. Я не трону вас, клянусь!

В подобной ситуации ему еще не приходилось бывать. Иногда женщины сопротивлялись, как бы из-за застенчивости, но ни одна из них не доходила до истерики. Но Джейд не прикидывалась. Если бы он видел, что это всего лишь игра, то разъярился бы. Но это не было игрой. Без сомнения, она на самом деле до смерти испугалась его.

– Вам не надо меня бояться, Джейд, – сказал Диллон ласково. – Я не принуждаю вас ни к чему.

– Я не могу.

– Я вижу.

– Я не могу, – повторила она.

– Успокойтесь, хорошо? А теперь, пожалуйста, перестаньте смотреть на меня, словно я – Джек Потрошитель. Я не собираюсь обижать вас.

Постепенно ее паническое состояние проходило. Джейд перестала тереть свои руки, но все еще держала их, скрестив на груди. В глазах исчезло выражение загнанного зверька, но они все бегали по сторонам. Она держала руку на груди, которую Диллон только что ласкал. Этот чисто женский защитный жест заставил его почувствовать себя каким-то насильником над слабым.

Джейд, избегая его взгляда, быстро взяла сумочку и клю-

чи.

– Лучше я поеду домой, а то Кэти опять начнет волноваться.

– Джейд, что...

Она резко тряхнула головой, как бы пресекая его намерение выяснить причину ее странного поведения.

Почти бегом она покинула комнату и быстро села в свой джип. Диллон стоял на пороге, озадаченно глядя вслед. Он стоял до тех пор, пока темнота не поглотила красные огни задних фонарей ее машины.

XXIII

Идея, которую Джордж Стейн обсуждал с Джейд первого мая, заключалась в том, чтобы построить где-нибудь поблизости от фабрики «Текстиль» административные здания корпорации GSS. В них могло бы разместиться руководство фабрики, а также транспортного, нефтеперерабатывающего и других предприятий корпорации GSS, расположенных на Юго-Востоке. С тех пор в течение месяца он звонил Джейд почти ежедневно, торопя с приобретением земельного участка. Она тянула, ссылаясь на то, что в подборе участка нужно проявить осмотрительность. В последнем разговоре он намекнул, что если ей трудно справиться с этим заданием одной, то он может прислать кого-нибудь на подмогу.

Джейд сразу поняла, что он лишь пугает ее, но также поняла, что тянуть дальше нельзя. Расширение владений было заманчивым делом и неизбежным, но... в свое время. К несчастью, если мистер Стейн загорался какой-то идеей, то требовал немедленного ее воплощения.

На следующий день после возвращения Диллона Джейд решила снова переговорить с Отисом Паркером. Беспристрастно, насколько это было возможно, она произвела оценку его фермы, а также нескольких других земельных участков в самом Пальметто и его окрестностях.

Джейд приехала на ферму рано, как раз тогда, когда Отис

забирался на свой трактор, чтобы выехать в поле.

– Я не отниму у вас лишней минуты, мистер Паркер, – сказала она.

– Если вы насчет покупки моей земли, то только впустую тратите время.

– Пожалуйста, выслушайте меня. – Она выждала, пока он нехотя спрыгнул на землю. – Я никогда не поверю, что вы и миссис Паркер не хотели бы провести остаток своей жизни в достатке. Вы сможете купить красивый дом в городе и уйти на покой. Вы не должны будете надрываться на работе каждый день, а станете трудиться только тогда, когда захотите. И подумайте о том, как много вы сможете сделать для ваших детей и внуков.

Отис глядел на нее с неприязнью.

– Это верно, звучит заманчиво. Но если я и соберусь продавать эту землю, то только не вам.

– Что вы имеете в виду?

Он вытащил из кармана комбинезона мятую красную тряпку и сделал вид, что собирает что-то протереть.

– Я не обязан давать вам какие-либо объяснения.

– Мистер Паркер, я просила вас никому не говорить о моей заинтересованности в вашей земле.

– Я и не говорил. Но вы же должны отлично понимать, как оно бывает в маленьком городке. Все сразу узнают обо всем... Оценщик, которого вы наняли, убрался всего два дня назад, а кое-кто уже заинтересовался...

Джейд торопливо открыла свой кейс.

– Вот что GSS предлагает за вашу собственность, включая дом.

Она протянула ему юридически оформленный контракт и указала на проставленную в конце листа сумму. Он сощурил подслеповатые глаза, зашамкал узким ртом.

– Пятьсот тысяч долларов? Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет, мистер Паркер. Все, что от вас требуется, это встретиться со мной сегодня после полудня в нотариальной конторе и подписать контракт.

– Я не буду, – сказал он, покачав головой.

– Могу вас заверить, мистер Паркер, что больше за вашу собственность вам никто не предложит. Это намного выше данных оценки.

Секунду он смотрел на нее с подозрением, потом снова покачал головой.

– Я ничего не делаю опрометчиво. Я уже говорил вам, что вообще еще не решил, стану ли продавать землю.

Повернувшись к ней спиной, Паркер снова вскарабкался на трактор, включил зажигание, и, сдвинув на лоб соломенную шляпу, выехал со двора.

Джейд положила контракт на ступеньку веранды и прижала его камнем. Она уже собиралась уходить, как услышала скрип отворяемой двери и увидела миссис Паркер.

– Доброе утро.

– Я слышала, люди говорили, что у тебя есть сын, – торопливо и словно бы с трудом произнося слова, сказала миссис Паркер.

– Да, его зовут Грэм.

– Знаешь, было бы замечательно, если бы он оказался ребенком Гэри.

По лицу Джейд пробежала тень сожаления. Надежда и отчаяние, которое она читала на усталом, милом лице женщины, разрывали ее сердце. Ее подмывало солгать и объявить, что Гэри отец Грэма, но она понимала, что в конечном итоге окажется этим дурную услугу и Паркерам, и Грэму.

– Нет, это не так, миссис Паркер, – сказала она с грустью. – Но с того самого дня, когда я узнала, что беременна, я хотела, чтобы ребенок был от него.

Не произнося больше ни слова, изможденная женщина повернулась и ушла в дом, захлопнув за собой дверь.

За считанные минуты Джейд доехала до перекрестка. На встречу ей промчался ярко-красный спортивный «эльдorado». Направляясь в сторону строительной площадки, Джейд настолько погрузилась в мысли о Паркерах, что снова заметила «эльдorado» только когда, развернувшись на сто восемьдесят градусов, машина догнала и поравнялась с ней. За рулем сидел Нил Патчетт.

Улыбаясь, он просигналил, что идет на обгон.

– Пошел к черту!

По-прежнему улыбаясь, он прибавил скорость, так что на

несколько футов обогнал ее «чероки» и круто свернул вправо, подрезая нос машине Джейд. Она нажала на педаль тормоза. Нил развернулся и остановился так, что обе машины как бы образовали букву «Т» на узком шоссе.

Джейд рывком открыла дверь и вышла из автомобиля.

– Какого черта?!

– Я по-хорошему просил тебя притормозить. – Он подошел к ней поближе. Его тон, его хвастливость, его заискивающая ухмылка были теми же, что и раньше.

По иронии судьбы они находились почти на том же месте, где он похитил ее из машины Донны Ди пятнадцать лет назад.

– И как всегда, если не по-твоему, ты навязываешь свою волю.

Он с подчеркнутой вежливостью поклонился.

– Виноват...

– Если ты хотел видеть меня, то должен был об этом договориться.

– Верно, я и пытался, разве не так? Или ты не получила тех сообщений, что я оставил на твоём автоответчике?

– Получила. И не обратила на них внимания.

– И вешала трубку каждый раз, когда я дозванивался до тебя. Ты даже не прислала благодарственной записочки за цветы, что я послал тебе в связи с твоим возвращением.

– Я выкинула их тотчас же, как получила.

Он цокнул языком.

– Джейд, Джейд... Ты уехала на Север и стала там грубиянкой, набралась у этих янки скверных привычек. Что случилось с той милой девушкой, которую мы все знали и любили?

– Она подверглась групповому изнасилованию.

Нил вздрогнул, но это была заранее отрепетированная реакция.

– Я вижу, ты все еще носишь камень за пазухой. Взгляни на жизнь иначе. Если ты будешь горевать по-прежнему, то состаришься раньше времени, появятся ранние морщины на лице... И вообще, к чему сегодня ворошить былое? Ламар умер и похоронен. Хатч почти мертв. А я... Я пришел к тебе как старый друг с трубкой мира в надежде, что ты забыла наше маленькое недоразумение.

Свести насилие над ней и самоубийство Гэри к маленькому недоразумению! От нее потребовалась вся сила воли, чтобы не содрать самодовольную ухмылку с его лица.

– Ты заявился ко мне с перепугу, Нил. Моя компания представляет угрозу здешней феодальной экономике. Ты теряешь свою власть и знаешь об этом. Более того, я знаю об этом.

– Не рассчитывай, что мы, Патчетты, уже выбыли из игры, Джейд.

– Я так никогда не считала. Но на этот раз вам не выиграть.

Она села в машину и захлопнула дверцу. Он нагнулся и заглянул в окошко.

– Ты в этом уверена?

– Абсолютно, черт побери.

Прищурившись, он сказал:

– Знаешь, Джейд, я не поверил своим ушам, когда услышал, что у тебя есть сын, хотя ты и не замужем. На другой же день я пошел к твоему дому: вижу, подросток гоняет баскетбольный мяч по площадке, точь-в-точь в той манере, как это делал я.

Джейд не смогла унять охватившую ее дрожь. Заметив это, Нил продолжал тем же мягким, невозмутимым тоном:

– Он очень симпатичный парнишка, Джейд. Напоминает мне меня самого, когда я был в этом возрасте.

Он наклонился еще ближе.

– И вот что я подумал... Может быть, Джорджия вовсе и не удаляла из тебя младенца в тот день, когда мы видели, как тыходишь в ее дом.

– Мы?

– Ну да. Гэри и я. Мы собирались купить у нее немного самогона и просто поразились, когда увидели, как ты крадешься на цыпочках к ней, сжимая в ладошке пятьдесят долларов.

– Ты не собирался покупать у нее никакого самогона. Патрис Уатли рассказала тебе, что я должна там быть. И ты привел Гэри, чтобы он увидел меня.

– Он прямо взвился, – сказал Нил с мягкой улыбкой.

Джейд передернуло. Она так разозлилась, что едва могла говорить:

– Я думала, что убить тебя было бы слишком большой честью. Я ошибалась. Мне следовало убить тебя пятнадцать лет назад.

Он беспечно хихикнул.

– Знаешь, что я думаю, Джейд? Я думаю, что ты ушла из дома Джорджии все с той же полусотней долларов в руке и с ребенком в животе.

Нил протянул руку в окошко и намотал на палец локон ее волос.

– Я думаю, что в тебе был мой ребенок. И твой парень – мой сын. А все, что мы, Патчетты, считаем своим, мы забираем.

Джейд отдернула голову и одновременно включила заднюю скорость. Машина рванула и чуть не оторвала руку Нила, едва успевшего убрать ее из открытого окошка. Потом Джейд кинула машину вперед, до отказа нажав на акселератор. «Чероки» промчался так, что на волосок проскочил мимо новенького «эльдorado». Пальцы Джейд впились в руль, она стиснула зубы, чтобы не закричать. Будь они прокляты! Патчетты пришли в этот мир, чтобы мучить ее!

Страх и беспокойство еще терзали Джейд, когда она приехала на строительную площадку и поставила машину возле своего передвижного офиса. Внутри помещение было уже полностью оборудовано. Взволнованная, встревоженная, Джейд включила кондиционер и сняла жакет. Она ве-

шала его на плечики, когда дверь открылась.

В потоке яркого утреннего солнца возник силуэт Диллона, крупный и отчетливый.

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе утро.

Трудно было встречаться с ним взглядом после того, что произошло минувшей ночью. Она переключила свое внимание на приготовление кофе. Ее руки все еще дрожали после разговора с Нилом, движения были резкими, неловкими, из-за чего она пролила кофе.

– Вчера у меня не было возможности спросить, как прошла поездка.

– Я думаю, продуктивно.

– Мы не ожидали, что ты вернешься раньше четверга.

– Ты уже решила, с кем заключишь контракт? Сначала я хотел бы обсудить с тобой главных кандидатов.

– Хорошо, займемся этим, как только кофе будет готов.

– Значит, я еще работаю здесь?

Джейд резко обернулась к нему. Одетый в свой обычный рабочий костюм, Диллон не вошел внутрь, а стоял на пороге, словно ожидая разрешения войти.

– Конечно, ты все еще работаешь здесь. И, пожалуйста, закрой дверь, а то охлажденный воздух уходит.

Диллон вошел и закрыл за собой дверь.

– После того, что произошло вчера вечером, я не был уверен, что не потерял работу. Думал, что сегодня утром ты от-

правишь меня упаковывать вещи.

Иногда Джейд хотелось, чтобы он носил чуть больше одежды на себе. Особенно ей хотелось этого сейчас было трудно смотреть на его распахнутую грудь, еще труднее – встречать его напряженный взгляд.

– Уволить тебя было бы нечестно, разве не так? Особенно за такой пустяк, как простой поцелуй?

Джейд умышленно не придавала значения этому поцелую, потому что это был единственно безопасный и умный способ разрядить ситуацию. Иными словами, ей надо было совладать с собой. Если она не сведет на нет значение этого поцелуя, то должна будет считаться с ним. А в этом случае придется преодолевать определенную двусмысленность ситуации. К этому она не была готова.

Джейд призналась себе, что поцелуй Диллона вывел ее из равновесия и даже напугал.

Но к этой реакции, в общем-то для нее нормальной, примешивалось какое-то смятение. Глубоко в душе таилось желание узнать: а что бы произошло, если бы она не остановила его.

Всю бессонную ночь Джейд проигрывала в уме возможные варианты развития событий. Что было бы, если бы у нее не хватило воли подавить это желание? Не имело значения, как она ставит этот гипотетический вопрос перед самой собой. Ответ один: его ласки стали бы более настойчивыми. Очень скоро одежда оказалась бы помехой, и он добился бы,

чтобы она позволила ласкать себя более откровенно. Это вызвало бы у нее сильнейшие ощущения в низу живота... Он познал бы ее тело, а она – его силу, его мощь, его сущность. От самой этой мысли Джейд ощутила дрожь во всем теле, и отнюдь не только от страха. Это-то и смущало ее. Почему она не возмутилась? Почему не оттолкнула его?

Попытки Хэнка ухаживать, даже после ее сопротивления, были мягкими и робкими. В том, как Диллон прижал свои губы к ее губам, не было ничего мягкого, и его язык проник в ее рот вовсе не робко. Никто не целовал ее так со времен Гэри. А если уж быть честной до конца, так ее вообще никто не целовал.

Ее реакция на напор Диллона была вызвана ее психологическими проблемами. Но вчера она не реагировала со своей обычной быстротой и непреклонностью. Она предоставила ему время для действий. Почему? Потому что, несмотря на грубость Диллона, его объятия вызывали у нее отклик там, в таких уголках, которые, как она считала, невосприимчивы к мужской ласке. Ее сердце стучало не только от страха, но и от странного возбуждения. И эта необычность по силе не уступала испугу. Эта неожиданная реакция взволновала Джейд, как и сам поцелуй.

Вот почему сейчас Джейд была растеряна, не знала, как себя вести. Ее стычка с Нилом, его неприкрытые угрозы заставили почувствовать чувство страха и уязвимости. Кэти предсказывала, что они попытаются нанести удар со сторо-

ны Грэма, и Джейд поклялась, что удвоит усилия, чтобы держать его подальше от них.

Но сейчас неотложной проблемой было восстановление рабочих взаимоотношений с Диллоном. Для дела это надо было сделать немедленно.

Оставив на время мысли о Грэме, она заговорила с ним снова:

– Садись, Диллон. Кому, по-твоему, можно отдать подряд на бетон?

Пока Джейд наливала кофе, он уселся на стул. Зная теперь, что он пьет черный, она передала ему дымящуюся кружку, а сама заняла место за своим столом.

– Я отобрал три заявки, – сказал Диллон, передавая ей принесенную с собой папку. – Они тут в произвольном порядке.

Джейд проглядела все три предложения, потом вернулась к первому из них и стала читать более внимательно. Диллон заерзал на своем стуле. Она поняла, что он хочет что-то сказать, прежде чем Диллон произнес хоть один звук.

– Я чувствую, что должен извиниться перед тобой, Джейд. Но не знаю почему и за что.

– Нет никакой нужды в извинениях.

– Я вижу, что ты расстроена.

– Да, я расстроена, но ты здесь ни при чем.

Джейд опустила глаза на страницы, которые держала перед собой, но почти ничего не понимала из того, что читала.

Она не могла сосредоточиться, ей мешало воспоминание о прикосновении его усов к ее губам.

– Ты однажды поставила меня на место. Ну, я имею в виду... насчет поцелуев...

– Я помню тот разговор.

– Да, тогда я поцеловал тебя в лимузине... Я хочу, чтобы ты знала, что вчера вечером все было совсем по-другому. Вчера вечером...

– Не надо объяснений.

– Тем не менее... Ты не должна думать, что я превратно истолковал твое дружелюбие.

– Я так не думала.

– Ты не подавала мне никаких поводов... сексуальных.

– Рада узнать об этом.

– Я вовсе не собирался целовать тебя. Это произошло само по себе.

– Я понимаю.

– Если бы ты мне сказала сразу, что тебе это не нравится...

– Я никогда не говорила, что мне это не нравится.

То, что она сказала, до нее дошло лишь тогда, когда последнее слово уже сорвалось с ее уст. Их глаза встретились. Оба неловко молчали. У нее не было сил выдерживать напряженный взгляд Диллона.

– Значит, тебе это нравится? – спросил он прямо.

– Нет... Я имела в виду... – Джейд отвела глаза. – Я действительно сказала, Диллон, что не могу... Не могу делать

этого...

– Не можешь целоваться с сослуживцами?

– Не могу целоваться ни с кем.

Она слышала, как он поставил свою кружку кофе на стол.

Его рубашка задралась, когда он подался вперед:

– Ты не можешь целоваться ни с кем?

– Да, это так.

– Но почему?

– Это мое дело.

– Теперь и мое тоже, – произнес Диллон, повысив голос.

Джейд храбро подняла голову, взглянула на него и – тут же пожалела об этом. Он наклонился над ней, опершись руками о край стола. Солнце отсвечивало в его волосах. Его обнаженные руки, его широкая грудь, его усы *jn.* немигающие выразительные глаза – все излучало мужское обаяние, которое одновременно очаровывало и отталкивало ее. Так же, как тот его поцелуй.

– Вопрос закрыт, – сказала она хрипло.

– Временно, может быть...

Она взглянула на деловые бумаги на своем столе и откашлялась.

– Я хотела бы обсудить эти заявки, чтобы ты смог принять решение.

– Хорошо, – процедил Диллон.

Он согласился, но пока шел их деловой разговор, продолжал смотреть на нее тем настойчивым, немигающим взгля-

дом, от которого ей стало неуютно и жарко. Он все делал с этим окаянным напором: работал, смотрел и... целовался.

– Черт, как мне все это надоело!

Айвен не имел в виду ни свою физическую немощь, ни инвалидную коляску, хотя и уронил бессильно кисти на подлокотники. Его вывел из себя контракт, лежащий на култых его бедер. Контракт, который Нил украл на ферме Паркеров.

– Кто, находясь в здравом уме, заплатит полмиллиона долларов за этот жалкий клочок земли?

– Похоже, что это придется сделать мне, – мрачно ответил Нил.

– Какого черта он ей так понадобился?

– Может быть, потому, что по этой земле проложат железную дорогу. Если верить газетам, фабрика будет отправлять товары и за океан, через Порт-Ройал. Во всяком случае, для чего бы ей это ни потребовалось, для нас это плохая новость.

Нахмутив брови, Нил изучал контракт.

– Возможно, Джейд сделала только первое предложение. У GSS денег куры не клюют. Она будет поднимать сумму до тех пор, пока Отис не согласится.

– Налей мне, – пробурчал Айвен.

Нил плеснул и себе крепкого бурбона. Сегодня утром он неплохо «наехал» на Джейд. Но в действительности у него от этой встречи осталась заноза в голове. Впервые за всю его жизнь уверенность Нила в себе пошатнулась.

Они с Айвеном обманывали себя, когда полагали, что им будет легко совладать с Джейд. Она терпеливо игнорировала его телефонные звонки. По ее словам, она выбросила розы, которые он послал ей. Благодаря ей по всему городу распространялся жгучий интерес к новой фабрике. У него начинало свербить от предчувствия, что к ней перейдут их лучшие работники.

Его папочка – старый калека. Он еще разевает рот, но кто по-прежнему прислушивается к нему? Сколько ударов предстоит ему вынести, когда новое предприятие войдет в строй? Айвен умел манипулировать людьми, потому что от него зависело, получают ли они работу. Но пройдет совсем немного времени, и, быть может, ему придется просить их, чтобы они работали на него.

Нил обвел глазами комнату: обюссонские ковры, сподовский фарфор, уотерфордский хрусталь – все это было наследство от матери, всему этому не было цены. Нил наслаждался тем, что у него самый большой, самый красивый дом в графстве. Ему нравилось каждый год менять автомобиль. Ему нравилось, что он – Нил Патчетт, и что означало его имя в этом городе. Черт побери, он не желает, чтобы что-нибудь изменилось в его жизни.

Он смотрел на своего отца, скорчившегося в коляске, и сознавал, что их будущее нельзя верить этому старому калеке. Его отец уже не боец, но он научил своего сына всем грязным приемам. Наступила пора и Нилу показать свою си-

лу.

– Вот что я собираюсь сделать, старина. Я пойду в банк и подпишу долговую расписку на пятьсот тысяч долларов.

Айвен метнул в него острый взгляд.

– Подо что?

– Акр⁴ или два здесь, акр или два там. В общей сложности наскребу достаточно, чтобы покрыть расписку.

– Мне это не нравится – продавать землю.

– Тебе вообще никогда не нравились мои идеи, когда надо было внести какое-то разнообразие в делах. Сейчас мы завязли с нашей фабрикой, которая зачахнет рядом с этой новой. Если бы ты позволил мне расширить и модернизировать производство, предпринять меры, которые я намечал, мы бы не были сегодня в таком положении, – зло сказал Нил. – Поэтому заткнись.

Айвен нахмурился, но промолчал. Нил продолжал:

– Джейд проявила интерес к нескольким владениям. Ферма Паркера далеко не самая большая, но почему-то самая важная для нее. И вот что мы сделаем – мы наложим лапу на собственность Отиса.

– Банк может не дать тебе такой крупный заем.

– Они дадут, если я скажу, что заем краткосрочный. Все, что я хочу сделать, это завладеть собственностью Паркера. Затем дамочка должна будет явиться ко мне, размахивая контрактом с буквами GSS. И можешь биться об заклад на

⁴ 1 акр = 0,4 гектара.

свою драгоценную задницу, что цена на эту собственность взлетит за ночь! И не только на участок Паркеров, но и всю окрестную землю, которой мы владеем. Если она готова выложить полмиллиона долларов, то может предложить и больше. Она будет вынуждена купить землю у нас. Забавно, не так ли? Я погашу ссуду банку да еще извлеку и существенную выгоду.

– А что ты скажешь в банке, для чего тебе деньги?

– Придумаю что-нибудь. Я не хочу, чтобы все в городе знали об этом. Я хочу, чтобы для Джейд это стало неожиданно, – гром среди ясного неба.

Нил уже планировал, как использовать прибыль, которую он рассчитывал получить, но не собирался ничего обсуждать с отцом, пока не завершится вся эта кутерьма. Их споры по этому поводу длились годами. Айвен упрямо цеплялся за традиции и с пренебрежением относился к современным технологиям. Может быть, эта встряска изменит его взгляды. Нил взял на себя ведение их дел после той железнодорожной катастрофы. Но Айвен все же оставался важной фигурой. Теперь пришло время, когда все, включая самого старика, должны считать боссом его, Нила.

Он отодвинул недопитый стакан.

– Папа, ты не хочешь, чтобы я снова прислал тебе девочку на вечер?

Глаза Айвена блеснули.

– Эта рыженькая, которую ты прислал ко мне в качестве

подарка ко дню рождения? У нее рот, как щелочка.

– Я узнаю, в городе ли она сейчас.

– Только не сегодня вечером. От всех этих дел у меня голова кругом идет. – Айвен задумчиво потер подбородок. – Мне все кажется, что мы что-то упустили. Как с Отисом? Что ты ему скажешь?

– Поскольку вы знаете друг друга давно, я буду действовать так, как если бы действовал ты.

Айвен хмыкнул.

– Он тупой и упрямый фермер. Но следует напомнить ему, сколько доброго я сделал для него за эти годы. Я скажу, что уж если он надумал продавать землю, то должен продать ее другу. – Айвен сделал паузу, размышляя. – Может быть, будет лучше, если ты попросишь в банке шестьсот тысяч долларов. Кашу маслом не испортишь. А то эта сука Сперри может оказаться более убедительной.

– Хорошая идея.

Нил собрался было уходить, но Айвен задержал его.

– Покажи мне фотографию этого мальчика еще раз.

Айвен был так же потрясен, как и Нил, когда узнал, что у Джейд есть подросток-сын. Нил сделал моментальный снимок Грэма «поляроидом» и принес показать Айвену. Теперь старик, благо время позволяло, часами изучал фотографию.

– Я проезжал сегодня утром мимо их дома и видел, как он косит траву, – сказал Нил. – Возраст подходит...

– Ты говорил мне, что она ходила к Джорджии.

– Она ходила, но вышла, сохранив ребенка.

– Ты не можешь этого знать точно. А Джорджия мертва, ее не спросишь.

– Я столкнулся сегодня с Джейд. Она ничего не отрицает. Но даже если бы и отрицала, я знаю, что прав. Вишенку ее невинности сорвал я. Она не могла быть беременной от Гэри Паркера.

– Черт побери, сынок, – сказал Айвен, наклонившись и почти брызгая слюной на фотографию. – Ты только подумай, что для нас значит, если этот мальчик наш...

– Мне не надо думать. Я знаю, что он мой. – В голосе Нила прозвучали угрожающие нотки. – Я хочу его, папа.

– Вы втроем трахали ее той ночью, – заметил Айвен хмуро. – Он может быть и от Хатча. И даже от Ламара.

– Но он вовсе не похож на них!

– Он не похож и на тебя! – также вскричал Айвен. – Он вылитая копия ее. И не разыгрывай роль «адвоката дьявола».⁵ Почему, черт возьми, ты так уверен, что он твой?

– Он мой!

– Ты так сильно хочешь поверить в это, что убедил сам себя, – со злой ухмылкой сказал Айвен. – Разве не так, парень? Потому что знаешь, что он единственный наследник, которого ты мог иметь.

⁵ «Адвокат дьявола» – официальное лицо в римской католической церкви, которое в ходе процесса канонизации нового святого ставит под сомнение и пытается опровергнуть аргументы в пользу «святости кандидата».

Тыльной стороной ладони Нил вытер губы. Несчастный случай, который отнял у Айвена ноги, его самого лишил способности иметь детей. Товарный поезд смял тогда в лепешку переднюю треть их машины. Нил был зажат обломками на протяжении нескольких часов, пока спасательная команда смогла пробиться через искореженный металл и освободить его. Кровоснабжение его яичек было перекрыто столь долгое время, что в итоге наступила необратимая стерильность. Он не любил вспоминать об этом. Слава богу, он не остался импотентом. Если бы это случилось, он бы убил себя. Но каждый раз, когда вставал вопрос о наследнике, ему делалось не по себе. С колыбели ему твердили: единственное, что он него требуется, – это произвести на свет еще одного Патчетта. Этого от него ждали. Это было единственное, что имело реальное значение. Нил хлопнул Айвена по спине.

– Оставь это мне, папа. Это мой сын, и я намерен получить его. Но сначала мы должны поставить на колени его мать.

Направляясь в город, Нил что-то напевал под нос. Теперь, когда он наметил определенный план, он чувствовал себя лучше. Конечно, его раздражало, что Джейд по-прежнему отвергала его, как паршивую овцу. Много лет назад она предпочла ему Гэри Паркера. До сих пор она смотрит на него, как на какую-то дрянь с помойки. Он не мог простить никакой женщине, считающей, что она может взять над ним верх. Прежде чем он покончит с Джейд Сперри, она горько пожалеет о том дне, когда сделала его своим врагом.

Джейд направила машину к дому. На лужайке перед входом Грэм гонял футбольный мяч.

– Привет, мама!

– Привет!

– Смотри! – он ловко повел мяч по лужайке. Когда их разделяло всего несколько ярдов, Грэм сильно пробил и точно попал в ствол высокой сосны. – Счет открыт! – закричал он, взметнув над головой руки в знак победы.

– Это легко сделать, когда нет противника.

Он смахнул несколько влажных, темных завитков со лба.

– Хм...

– Попробуй снова, я буду вратарем.

– О'кей. – Грэм разыскал мяч и погнал его в дальний конец площадки. Джейд сбросила туфли на высоком каблуке и встала в позу вратаря.

Вместо того чтобы напрямую ринуться к цели, как в прошлый раз, Грэм стал плести по полю замысловатые узоры, ловко обрабатывая мяч. Джейд стояла наготове, но прежде, чем она успела шелохнуться, он мгновенно обвел ее по центру и точно пробил в ствол дерева.

– Гол! – закричал он.

Улыбнувшись, Джейд схватила его и повалила на траву.

– Не по правилам! Не по правилам!

Джейд положила его на лопатки. К ее изумлению, он перевернулся и отбросил ее. Она села, тяжело дыша.

– Где это ты так научился? Еще несколько месяцев назад я могла удерживать тебя на лопатках целый час!

– Я вырос!

Джейд смотрела на него с материнской гордостью.

– Да, конечно.

– Сколько ты вешишь, мама?

– Фу, как невежливо!

– Нет, в самом деле, сколько?

– Килограммов шестьдесят, наверно.

– Я уже тяжелее тебя.

– Хотела бы я знать, что вы там вытворяете вдвоем? – С веранды за ними наблюдала Кэти.

– Играем в футбол, и я проиграла, – уныло ответила Джейд. Грэм встал и помог ей подняться.

– Там тебе звонят, – сообщила Кэти. – Сказать им, чтобы перезвонили, когда закончится тайм?

– Очень смешно, – заметила Джейд, сделав, прихрамывая, несколько шагов. Кэти засмеялась.

– Я налью тебе кока-колы.

– Спасибо, – крикнула Джейд через плечо и, как была в одних чулках, направилась к телефону в холле.

– Хэлло!

– Мисс... Джейд?

– Да.

– Это Отис Паркер.

Прошла неделя с тех пор, как Джейд оставила в его доме

контракт. Все это время она сдерживала себя, чтобы не позвонить ему и была очень рада, что он сам позвонил ей. Но ответила невозмутимо:

– Здравствуйте, мистер Паркер.

– Какой-то парень ответил мне по телефону, когда я набрал номер, который вы мне оставили. Он дал мне домашний номер.

– Это, должно быть, был мистер Берк. Я надеюсь, ваш звонок означает, что вы решили принять мое предложение.

– Нет, не совсем так. Я должен еще подумать некоторое время.

Она сжала трубку обеими руками и рассеянно кивком поблагодарила Грэма, который принес ей кока-колу.

– Мистер Паркер, я готова увеличить сумму моего предложения. – Она должна действовать осторожно, потому что не знала определенно, почему он уклоняется. – Что вы скажете, если я предложу семьсот пятьдесят тысяч?

Он прикрыл трубку. До слуха Джейд доносились обрывки разговора шепотом. Он с кем-то советовался. С миссис Паркер? Спрашивал ее мнения, ее совета? Или его направлял кто-то третий? Отис снова заговорил с ней:

– Вы предлагаете так много... Я хочу сказать, что моя земля не стоит столько.

– И все же я предлагаю вам эту сумму.

– Но почему?

– Я не вправе ответить на этот вопрос.

– Хм... Хорошо, я...

– Прежде чем вы дадите мне ваш ответ... Вам будет предоставлено восемнадцать месяцев для переезда. Иными словами, GSS, как только сделка будет совершена, станет собственником, но не будет требовать выселения нынешних обитателей в течение полутора лет. Это даст вашей семье достаточно времени для переезда на новое место. Вы не обязаны использовать этот срок полностью, но у вас будет выбор.

Джейд сделала несколько глотков кока-колы, пока на другом конце линии шло очередное неразборчивое совещание. Ее пальцы стали такими же холодными, как стекло стакана.

Когда мистер Паркер снова заговорил, она услышала:

– Я перезвоню вам.

– Когда?

– Когда все продумаю.

– Мистер Паркер, если другая сторона...

– Это все, что я могу сказать. До свидания.

Еще долгое время, повесив трубку, она молча глядела на аппарат: она плохо провела эти переговоры, надо было говорить совсем иначе. Так много зависело от того, как она действовала. Ставкой была не только ее гордость, но и ее будущее в GSS.

Отис Паркер повесил трубку и повернулся к своим гостям.

– Хорошо, Отис, что ты скажешь ей, когда перезвонишь? – Айвен глядел на него из-под насупленных бровей.

Отис почесал в затылке и с беспокойством оглянулся на жену, которая молча, с суровым выражением лица сидела на софе.

– Право же, я не знаю, что и делать, Айвен. Она предлагает семьсот пятьдесят тысяч и дает еще больше года на переезд. Ты не можешь так просто перебить ее...

– Мы можем, и мы это сделаем. – Нил выпятил челюсть, которая, казалось, была высечена из гранита. В его глазах дрожал стеклянный блеск. На протяжении всей встречи с Паркерами он отказывался присесть. Доставив сюда Айвена и усадив его в кресле с засаленным изголовьем, он все время стоял, небрежно прислонившись к стене, и старался выглядеть более спокойным, чем был на самом деле.

Это была чертовски тяжелая неделя. Он хотел, чтобы дело наконец завершилось, и чем скорее, тем лучше. Ему не нравилось быть по уши в долгах. Но он уже зашел слишком далеко, и надо было пройти дистанцию до конца. Если для этого потребуется заложить еще какие-нибудь ценности, вроде яхты и пляжного домика на Хилтон-Хэд, он сделает это. Он незаметно кивнул отцу.

– Дай нам еще несколько недель, чтобы мы могли уравнять ее предложение, – сказал Айвен, повернувшись к Отису. – Ты мой должник, после того как я столько раз продлевал твой кредит. – Когда Айвен брался за что-то, он делал это хорошо. Он умел использовать тактику некоего запугивания. – Не скрываю, что разочарован в тебе. Как только Джейд впер-

вые предложила тебе продать эту землю, ты должен был сразу прийти и рассказать. Я бы никогда не узнал об этом, если бы не имел соглядатаев. Сначала я решил, что они меня разыгрывают, когда они рассказали, что ты участвуешь в плане этой девахи Сперри по моему разорению.

– Я не принимал в этом плане никакого участия, Айвен.

– Ладно, черт побери, мне показалось именно так. Но вот мое предложение лежит на этом столе. А вот я сам. Вспомни, что мы были друзьями, что я помог твоему сыну, который работает у меня. И я хотел назначить его на должность мастера, думал о его дальнейшем передвижении. И все это лишь из-за нашей старой дружбы. Ему ведь потребуются деньги при рождении еще одного ребенка.

Он фыркнул, предоставив Паркерам самим догадаться о том, что осталось несказанным.

Нил подал свою реплику:

– Ты готов ехать, папа?

– Да, пожалуй. Хотя лучше было бы не заниматься этим делом, чтобы не заработать приступ к ночи. – Айвен дал знак Нилу подойти и поднять его. – Я устал от твоих колебаний, Отис. Я всегда готов помочь тебе уладить это дело, слышишь?

Отис с несчастным видом кивнул.

Нил подхватил Айвена на руки и поднял с кресла. Отис поспешил к двери и распахнул ее. Когда они выходили, Нил сказал:

– Я не могу поверить, что у тебя какие-то дела с Джейд после того, как Гэри повесился из-за нее. Если ты продашь ей этот участок, он перевернется в гробу.

Миссис Паркер издала едва слышный стон. Нил смерил обоих презрительным взглядом, потом перенес отца через скрипучую веранду и опустил на переднее сиденье «эльдо-радо».

Когда они отъехали от дома, Айвен произнес:

– Хорошая работа. Твоя последняя капля может добить их.

– Но мы не должны на это полагаться.

– Что ты имеешь в виду?

– Деньги более сильный мотив, чем сантименты. Вместо того чтобы тягаться с условиями Джейд, мы должны вернуться к ним с лучшими.

– Но какого черта?

– Она ожидает, что он позвонит ей и даст ответ, не так ли? Мы можем опередить ее, облапошить этого старого олуха и заполучить его подпись, пока он не очухался. Иначе игра эта будет продолжаться до бесконечности. С ее ресурсами она способна поднимать цену до второго пришествия. За всем этим что-то кроется, иначе она с такой легкостью не увеличивала бы сумму.

XXIV

– Вы полагаете, что я смогу играть, как профессиональный футболист, мистер Берк?

– Я же сказал, чтобы ты называл меня Диллоном.

– Я помню, но как-то непривычно.

– Зови меня Диллон. Ты сделал хороший ход конем, Грэм. Что же касается вопроса, то я полагаю, ты можешь стать профессионалом, если захочешь.

– Вот и мама так говорит. По ее словам, я могу всего добиться, если очень захочу.

Им обоим не было видно, как улыбнулась этим словам стоявшая в коридоре Джейд.

– Твоя мама умная женщина...

– Угу... Вы видели ее фотографию в воскресном журнале?

– Конечно. И прочитал всякие хвалебные слова о ней. Ты должен гордиться ею.

– Да... – Энтузиазм Грэма вдруг угас. – Но она все еще не может простить мне, что я ездил на велосипеде на стройку.

– У нее есть на то причины.

– Дурацкие!

– Но не для матери, которая беспокоится за своего ребенка.

«В конце концов, это была не такая уж плохая идея – при-

гласить Диллона к ужину», – подумала Джейд, слушая беседу, которую они вели между собой за партией в шахматы. Кэти так надоела ей своими разговорами о том, что надо было давно пригласить Диллона на ужин, что она сдалась. Джейд постаралась, чтобы приглашение прозвучало как бы между прочим, случайно.

– А почему бы тебе не поужинать сегодня с нами? Грэм очень хочет сыграть с тобой в шахматы.

Диллон колебался несколько секунд, прежде чем согласиться.

– Конечно. Я приду, как только приведу себя в порядок.

– Хорошо. До встречи!

Она старалась держаться легко и беззаботно, так, чтобы он не придал приглашению слишком большого значения.

Ужин прошел весело. Все вели себя по-семейному, как старые добрые друзья. По тому, как они шутили, поддразнивали друг друга, невозможно было бы представить, что всего несколько недель назад он страстно целовал ее губы, что его руки ласкали ее грудь, а все его тело, прижимаясь к ней, дрожало от возбуждения.

Джейд не могла и подумать, что еще много дней спустя его объятия будут возникать в ее памяти так явственно, что эти воспоминания будут вызывать в ней такой же странный отклик, как и сами поцелуи...

– Что ты делаешь здесь, в холле?

Джейд виновато улыбнулась, когда Кэти появилась за ее

спиной, застав ее за подслушиванием.

– Они углубились в свое мужское занятие, и я не хотела прерывать их.

Кэти лукаво взглянула на нее, дав понять, что ее не проведешь, и подтолкнула Джейд к гостиной, где на кофейном столике была разложена шахматная доска.

– Диллон, если ты хочешь, там еще остался персиковый кобблер.⁶

– Спасибо, Кэти, я больше не хочу. Ужин был превосходен.

– И тебе спасибо.

– Мама, Диллон сказал, что, может быть, осенью мы съездим в Клемсон на футбольный матч.

– Там будет видно.

Грэм собирался было потребовать от нее более твердого обещания, когда в дверь позвонили.

– Я открою. – Грэм вскочил на ноги. – Это один из моих приятелей принес мне новый картридж к «Нинтендо». Если хочешь, я научу тебя играть.

Диллон иронично изобразил подобие улыбки.

– От того, что я не умею играть в «Юного Икара», я чувствую себя старым и очень глупым.

– Не глупее, чем я, – ответила Джейд с мягкой улыбкой. – Я все еще не овладела искусством управлять этой игрушкой.

⁶ Кобблер – слабый алкогольный напиток извина с сахаром, лимоном или фруктовым соком и льдом.

Глаза Диллона озорно блеснули.

Джейд услышала, как Грэм крикнул от входной двери:

– Ма-ам! Это снова та тетенька!

Джейд шагнула к холлу, но тут же остановилась: в гостиную вошли Грэм и Донна Ди.

– Мам, она уже приходила однажды, спрашивала тебя.

Донна Ди быстро взглянула на Диллона, потом перевела взгляд на Джейд.

– Должно быть, мне следовало сначала позвонить. Но... можно тебя на минутку?

Джейд четко расставила все по местам во время их последнего разговора. Она не желала повторять спектакль, особенно в присутствии Кэти, Грэма и своего гостя.

– Выйдем на веранду.

Когда они остались одни, Джейд обернулась к Донне Ди и сказала:

– Тебе надо было позвонить. Я бы предупредила, чтобы ты не тратила зря время, являясь сюда.

Донна Ди отбросила все претензии на приличия.

– Не будь такой со мной, Джейд. Я читала, что написали о тебе в воскресном приложении на прошлой неделе. Ты теперь такая важная птица. Гаррисон так лихо расписала тебя. Словно ты самая большая шишка, которая вышла из этих краев. Меня бы даже на аркане не смогли бы притащить к твоей двери, если бы ты не была моей последней надеждой.

– В чем?

– Хатч. Ему стало хуже. Он в критическом состоянии. Бели в течение нескольких дней не отыщется донор, который пожертвует ему свою почку, он умрет.

Джейд опустила взгляд на окрашенные доски пола.

– Сожалею, Донна Ди, но я не могу помочь тебе.

– Можешь! Грэм для него последняя надежда!

– Ты этого не можешь знать. – Джейд постаралась не повышать голос, но в нем уже слышался гнев. – Я возмущена твоей попыткой возложить всю ответственность за жизнь Хатча на плечи моего сына.

– Не на его – на твои. Как можешь ты позволить человеку умереть и ничего не сделать, чтобы помочь ему?

– Не просто человеку. Человеку, который изнасиловал меня. Если бы Хатч горел в огне, я окатила бы его водой. Но ты просишь гораздо большего. Я даже не позволю Грэму пройти необходимое обследование.

Она решительно покачала головой.

– Нет. Категорически нет.

– Даже если Хатч отец Грэма?

– Ш-ш... Он может услышать. Говори тише.

– А что ты собираешься рассказать сыну, когда он захочет узнать о своем отце? Или ты собираешься сообщить ему, что ты из мстительности позволила его отцу умереть?

– Ради Бога, тише!

– Ради тебя, ты это хотела сказать? Ты не хочешь, чтобы Грэм знал, что ты не лучше убийцы. Ты думаешь, он будет

любить тебя, если когда-нибудь выяснит, что ты позволила его отцу умереть и пальцем не шевельнула, чтобы помочь ему?

– Из-за чего весь этот шум?

Джейд резко обернулась. Диллон смотрел на них сквозь стеклянную дверь.

– Где Грэм? – спросила она в страхе, что он тоже расслышал брань Донны Ди.

– Кэти послала его наверх.

Диллон вошел и присоединился к ним.

– Так в чем дело?

– Я пришла ради жизни моего мужа, – сказала, обращаясь к нему, Донна Ди. – Джейд может спасти его, если захочет.

– Это неправда, Донна Ди. Тебе ничего не известно наверх.

– В эту самую минуту Хатч находится в отделении интенсивной терапии, – объяснила Донна Ди Диллону. – Он умрет, если Джейд не разрешит их сыну пожертвовать ему почку. Она отказывает, потому что не хочет, чтобы мальчик знал, кто его отец.

Диллон перевел взгляд на Джейд. Это был пытливый и проникающий взгляд. Она молча покачала головой.

– О'кей, – произнес он, обращаясь к Донне Ди. – Вы сказали все, чего ради приходили. До свидания.

Донна Ди высокомерно взглянула на него. Выражение его лица оставалось непреклонным, и ее бравада испарилась.

Она повернулась к Джейд.

– Если твой сын узнает обо всем, он никогда тебе этого не простит. Я надеюсь, что он возненавидит тебя.

Донна Ди спустилась с веранды, почти пробежала по тротуару и села в свою машину. Когда она скрылась за поворотом, в дверь выскочили Грэм и Кэти, которая шла за ним по пятам.

– Мам, о чем вы тут ругались?

– Ни о чем, Грэм. Тебя это не касается.

– Но она приходила во второй раз, значит, это важно. Скажи, что она хотела от тебя.

– Это личное дело, Грэм.

– Ты можешь сказать мне...

– Нет, не могу. Я не хочу обсуждать эту тему! И хватит!

Грэма привело в замешательство, что мать говорит с ним таким тоном в присутствии его героя – Диллона.

– Ты никогда мне ни о чем не рассказываешь! – закричал он. – Ты обращаешься со мной, словно с глупым ребенком.

Он резко повернулся и убежал наверх.

Кэти готова была вмешаться, но сдержала себя.

– Я буду в своей комнате, если понадобится, – сказала она.

Когда Кэти удалилась, Диллон спросил:

– Хочешь, я поговорю с Грэмом?

Джейд повернулась к нему, готовая под горячую руку излить на него весь свой гнев.

– Нет, спасибо, – сказала она жестко. – Ты сегодня услы-

шал достаточно, не так ли? Я настаиваю, чтобы ты забыл все, что здесь слышал.

Диллон схватил ее за плечи, встряхнул и прижал к себе.

– Ни при каких обстоятельствах... – После этого короткого заявления он освободил ее так же неожиданно, как и прижал. Уходя, бросил через плечо: – Ты знаешь, где найти меня, если захочешь, чтобы я сделал что-нибудь для Грэма. До свидания.

Он не нуждался в подобной чепухе.

Таково было настроение Диллона, когда он подогнал свой старенький пикап к дверям вагончика и заглушил мотор. Ленер не кинулся к нему с приветственным лаем: наверняка носился где-то по своим собачьим делам. Диллон счел, что это даже лучше: сейчас он был совсем не расположен составить компанию даже собаке.

Внутри вагончика было жарко и душно, словно в парилке. Диллон включил кондиционер и, встав под струю холодного воздуха, снял с себя рубашку и расстегнул джинсы, потом подставил под него лоб. Воздух приятно охлаждал потную кожу и шевелил завитки волос на груди.

Как ни ломал Диллон голову, но вынужден был признать, что не в состоянии понять Джейд. Каждый раз, когда ему казалось, что он близок к этому, происходило что-то неожиданное – как сегодня. Он не мог предвидеть, что в доме Джейд появится некая женщина и предъявит какие-то права

на Грэма в связи со своим больным мужем.

Она упомянула Хатча. В местной газете неделю назад была напечатана история шерифа Пальметто Хатча Джолли, который находился в больнице в Саванне в ожидании трансплантации почки. Если только в Пальметто нет другого Хатча, ожидающего донорскую почку, то Хатч Джолли был отцом Грэма. Несомненно, мальчик не подозревал об этом, и Джейд держала его в неведении.

Знала ли Джейд о болезни Джолли до того, как она вернулась сюда? Дразнила ли она смертельно больного человека Грэмом, словно кролика морковкой? Если отцом Грэма был Джолли, то при чем здесь Патчетты? Какова их роль в этой истории? Жена Джолли тоже ненавидит Джейд. Но тому есть объяснение. Обычно все жены отрицают отцовство своих мужей по отношению к незаконнорожденным детям.

По опыту Диллон уже знал: во всем, что касалось Джейд Сперри, есть какая-то тайна.

Несомненно, она нуждалась в помощи. Но когда он предложил свою, Джейд бросила на него убийственный ледяной взгляд и наотрез отказалась. Но какой дурак отказывается от помощи, если в ней так отчаянно нуждается?

Диллон запустил пальцы в шевелюру: «Черт!» Он понимал, почему Джейд ведет себя так глупо: сам был таким же. На похоронах Дебры и Чарли он был откровенно невежлив с Ньюберри и всеми их друзьями. Он отверг все искренние соболезнования и все предложения о помощи, потому что

находиться рядом с людьми, которых Дебра знала и любила, было для него невыносимо больно. Он порвал со всеми, полагая, что найдет успокоение в одиночестве.

Только после того, как он нашел нынешнюю работу, Диллон восстановил отношения с Ньюберри. Он написал им письмо, в котором извинился за семь лет молчания и сообщил о своих делах. Теперь он смог написать на бумаге имя Дебры без ощущения, что в сердце его вонзается нож. Ньюберри ответили ему, выразили свою радость по поводу того, что он объявился, и пригласили в любое время приехать к ним в Атланту.

Теперь Диллон мог вспоминать Дебру живой – любящей и смеющейся, а не лежащей мертвой с сынишкой на руках. Несмотря на упрямое желание цепляться за постигшую его беду, он излечился.

Диллон отрегулировал кондиционер и направился в спальню. Здесь он разделся и голый улегся под простыню на кровать. Закинув руки за голову, уста вился в потолок. Как и он семь лет назад, Джейд отвергала помощь, потому что ее проблемы представляли нечто такое, чему она не в состоянии была противостоять.

– Но что? – Диллон не понял, что размышляет вслух, пока не услышал звук собственного голоса. – Что такое она опасалась доверить другим? Что пугало ее в собственном женском естестве?

До того, как он встретил Джейд, Диллон думал, что слово

«фригидность» было просто термином, характеризующим неопытных и застенчивых пичужек. Фригидными называли во второсортных кинофильмах инженерю, пока они не попадали в умелые руки медоточивых самцов. Это антоним нимфомании, слова, которое применялось во множестве значений, но не имело точного определения. К несчастью, слово «фригидность» имело, видимо, прямое отношение к Джейд Сперри. Ее пугало любое мужское прикосновение.

Может быть, Хатч Джолли убил в Джейд ее права на чувственные наслаждения? Если так, Диллон ненавидит этого негодяя, которого никогда и не видел Джейд была умной, сообразительной, красивой, но у нее была страшная тайна, запытанная в глубинах сознания. Она будет мучить ее, пока кто-нибудь не положит этому конец.

Даже и не думай об этом, – прошептал Диллон в темноте. Ты всего лишь работаешь у нее. Ты не обожатель, не любовник, и вряд ли им когда-нибудь будешь.

Диллон долго не мог заснуть. Он размышлял о том, как раскрыть сердце Джейд и изгнать ее страхи.

Тело, лежавшее в отделении интенсивной терапии, было лишь тенью человека, жизнь в котором поддерживали аппараты.

Джейд смотрела сверху на бывшего одноклассника и своего насильника. Хатч никогда не был красавчиком, но сейчас выглядел пугающе уродливым. Скулы его широкого ли-

ца резко выдавались, щеки впали. Ржаво-рыжие волосы подчеркивали бледность лица. Хатч всегда был сильным крепким атлетом, а теперь его искусственно заставляли дышать. Медицинская техника делала то, с чем уже не справлялось тело.

Пока его биологические сигналы снимались и записывались электронными приборами, пока он боролся за жизнь, две дежурные сестры обсуждали ужасающую жару на улице и исторический фильм о Гражданской войне с Мелом Гибсоном в главной роли, который снимали на натуре где-то неподалеку.

– Только две-три минуты, мисс Сперри, – сказала одна из них, выйдя из палаты.

– Да, благодарю вас.

Джейд всю ночь бессознательно сопротивлялась этому решению, но утром уже знала, что поедет в Саванну и повидает Хатча. Вовсе не потому, что сомневалась в серьезности его состояния. И конечно, она не изменила своего отношения к тому, чтобы Грэма обследовали как возможного донора. Просто Джейд почувствовала необходимость встретиться с Хатчем. Возможно, в последний раз.

Она проникла в отделение усиленной терапии, наговорив всякой всячины, что она родственница, которая проделала долгий путь из Нью-Йорка, чтобы проститься с кузенком Хатчем. К счастью, здесь не было Донны Ди, которая могла бы опровергнуть это.

Джейд была рада, что пришла. Ненависть к этим троим, виновным в самоубийстве Гэри, требовала подпитки энергией. Иногда она становилась настолько испепеляющей, что буквально вырывалась из нее. Завтра у нее будет много энергии, потому что трудно излить всю ненависть на этого человека в постели.

Неожиданно он пошевелился и открыл глаза. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточить взгляд на Джейд, и чуть больше, чтобы понять, кто это. Когда он поднял его, сухие, бледные губы разделились, и он, не веря своим глазам, прошептал ее имя.

– Привет, Хатч.

– Господи! Или я умер?

Джейд покачала головой.

Он попытался облизать губы, но его язык был словно обложен ватой.

– Донна Ди говорила мне, что ты вернулась.

– Уже давно.

Он помолчал, потом сказал:

– Ты выглядишь великолепно, Джейд. Ничуть не изменилась.

– Спасибо.

Настала пауза. Наконец Хатч выдавил:

– Донна Ди говорила, что у тебя сын.

– Верно.

– Подросток?

– Ему будет пятнадцать.

Его лицо скривила гримаса боли. Когда он вновь открыл глаза, лицо его было уже спокойно.

– Мой?

– Как я могу это знать, Хатч, – простонала она, – когда вы изнасиловали меня втроем? Я не хочу и знать, кто его отец. Он мой! – воскликнула Джейд.

– Я не могу возражать тебе. Просто хотел знать.

– И не узнаешь, даже если проживешь еще пятьдесят лет.

Он грустно улыбнулся.

– Это не тот случай...

– Мисс Сперри, я вынуждена просить вас уйти.

Джейд кивнула сестре, что поняла ее. Потом тихо произнесла:

– Прощай, Хатч.

– Джейд. – Он приподнял высохшую руку, чтобы остановить ее. – Донна Ди помешалась на своей идее. Она хочет просить тебя, чтобы твой сын пожертвовал мне почку.

– Она приходила ко мне два раза.

Он снова скривился от боли.

– Я говорил ей, чтобы она не делала этого. Черт возьми, я скорее умру, чем доставлю неприятности этому мальчику. Я не хочу втягивать его в это дело. Не позволяй ей даже говорить об этом. Не позволяй тревожить его.

Его страстность поразила Джейд. Слезы, выступившие на глазах Хатча, так не сочетались с его мужественным лицом.

Хатч несколько раз судорожно проглотил комок в горле.

– Если он мой сын, я не хочу, чтобы он что-либо знал обо мне... – По его исхудалой щеке скатилась слеза. – Я чертовски хотел бы, чтобы... того никогда не было... Но ничего не исправить. Просто я хочу сказать сейчас... прости меня, Джейд.

– Это не так-то легко, Хатч.

– Я и не жду прощения. Мне даже не нужно твоего сочувствия. Только хочу, чтобы ты знала: наши жизни после той ночи уже никогда не были такими, как прежде. Мой отец знал, что поступил нечестно, и никогда не мог простить это себе. Мы никогда не говорили с ним об этом, но я знаю. И Ламар был убежден, что небо покарало его за это. – Хатч собрался с силами, чтобы перевести дыхание. – Я хочу сказать тебе, Джейд, что мы все пострадали из-за этого. Та авария с поездом, в которую попали Айвен с Нилом, тоже была карой Господней.

– Нил?

– Он бесплоден. Не может иметь детей. Никто об этом не знает, даже Донна Ди. Нил признался мне в этом однажды, когда был очень пьян.

– Вы, может быть, и страдали, но Гэри умер.

Он покаянно кивнул головой.

– Да... Это тоже на моей совести. Я с этим умру. – На глазах Хатча снова выступили слезы. – Я никогда не собирался делать то, что сделал, Джейд. Я ужасно сожалею обо всем.

Они обменялись долгим взглядом.

В палату неожиданно вошла Донна Ди. Увидев Джейд у постели мужа, она остолбенела. Потом ядовито заметила:

– Если ты пришла позлорадствовать, то тебе не повезло.

Мы нашли донора.

Она прижала к груди руку мужа и продолжала:

– Сегодня на рассвете разбился двадцатилетний парень на мотоцикле.

Она рассмеялась сквозь слезы.

– Доктор сказал, что его ткани соответствуют. Они немедленно начинают подготовку к операции.

Донна Ди наклонилась и поцеловала Хатча в лоб. Он, ошеломленный новостью, казалось, утратил дар речи. Донна Ди выпрямилась и взглянула Джейд прямо в глаза.

– Мы больше не нуждаемся в твоём сыне, – сказала она со злостью. – И я этому очень рада. Мне никогда не придется быть тебе обязанной за спасение моего мужа.

Диллон ворочался до середины ночи, пытаясь сопоставить известные ему факты. Когда он наконец заснул, ему снились странные сны, большей частью эротические. Проснувшись, он решил, что может отложить свои субботние дела и заботы и поехать в Саванну.

Дело было не в смене обстановки. Ему была нужна информация. Если он не получил ее от Джейд, то, может быть, сумеет вытянуть что-нибудь из Донны Ди.

Формально личная жизнь Джейд его никак не касалась. Если он попытается проникнуть в нее, Джейд просто выбросит его вон. Но Диллон все же хотел использовать свой шанс. Вольно или невольно, но он уже вовлечен в ее дела, пускай даже односторонне.

Диллон приехал в больницу как раз в тот момент, когда Джейд выходила из отделения интенсивной терапии.

Столкнувшись с ним в коридоре, она не скрыла своего раздражения:

– Что ты здесь делаешь?

В ярком свете больничных ламп ее лицо казалось мертвенно-бледным. Фиолетовые тени только подчеркивали огромность и яркость ее глаз. Джейд выглядела привлекательно: на ней была джинсовая юбка, белая полотняная блузка под красным кожаным ремнем и красные босоножки.

– Я мог бы задать тебе тот же вопрос, – ответил Диллон. – После того, что вчера мне пришлось услышать, я полагал, что могу встретить тебя где угодно, только не здесь.

– У меня были на то основания. У тебя – нет.

– Ну, считай, что я просто любопытный.

За спиной Джейд он увидел, как в коридоре появилось вдруг множество людей явно из медицинского персонала.

– Что тут происходит?

– Для Хатча нашелся донор.

У Диллона все внутри словно оборвалось.

– Нет, не Грэм. Это жертва аварии. – Она взглянула в по-

следний раз на дверь палаты и направилась к выходу. Диллон последовал за ней.

– Этот Хатч Джолли – отец Грэма?

Не задумываясь, и не замедляя шага, Джейд ответила:

– Я не знаю.

– Боже мой! – воскликнул он и преградил ей путь. – Так он отец или нет?

– Какого черта ты лезешь в мою личную жизнь? Твое чрезмерное любопытство выводит меня из себя!

– Кто тебе миссис Джолли?

Раздраженная Джейд глубоко вздохнула и призналась:

– Донна Ди и я были лучшими подругами.

– До каких пор? Почему вы перестали быть ими? Когда Хатч сделал тебе ребенка? Они уже были тогда женаты?

– Конечно, нет! Как можно...

Она закусил губу, чтобы не сказать лишнего.

Диллон понял, что Джейд находится на грани нервного срыва. Не следовало дальше натягивать струну. Он взял ее под руку, и, направляясь к выходу, уже вполне миролюбиво сказал:

– Если бы ты была более откровенной, я бы не лез так грубо тебе в душу.

– Все это абсолютно тебя не касается.

– А я полагаю, что касается.

– Но почему?

Он остановился и взглянул ей прямо в глаза. Отступить

уже было некуда. Диллон отвел ее в сторону и зло прошептал:

– Потому! Я хочу знать, почему тебя охватывает страх каждый раз, когда я прикасаюсь к тебе? Черт побери, Джейд, меня влечет к тебе. Но я не могу быть рядом и видеть, что ты словно приносишь себя в жертву, а у меня на руках остается свежая кровь после этого добровольного заклятия.

– Я не хочу всего этого слышать.

– Ты можешь не хотеть слышать, но так оно и есть. И ты знаешь это. И по тому, как я целовал тебя, ты прекрасно поняла, что я хочу быть с тобой.

– Хватит! Замолчи!

– Джейд!

– Запомни раз и навсегда! – выкрикнула она. – Между нами никогда ничего не может быть!

– Потому что ты платишь мне зарплату?

В ее растерянных глазах блеснула искра гнева.

– И по этой причине тоже. Но главным образом, из-за чего-то, чего я не могу объяснить.

– Но чего именно? Я хочу понять. Скажи мне – из-за чего?

Она покачала головой. Ее упорство было непробиваемо. Диллон выругался про себя и уступил ей дорогу к выходу.

Было уже за полдень, когда Джейд подъезжала к окрестностям Пальметто. В зеркале заднего обзора она видела, что Диллон следует за ней от самой Саванны, не пропуская боль-

ше одной машины между ними.

По обе стороны извилистой проселочной дороги стояли густые леса. По всей видимости, она упиралась в заброшенное плантаторское поместье. Табличка с надписью «Продается» стояла здесь так давно, что едва была видна за разросшейся высокой травой. Некоторые буквы выгорели. Само здание еще производило впечатление, хотя и находилось в явном запустении. С коринфских колонн облезла краска, ставни на окнах обвисли, а кое-где валялись на земле. Часть крыши была сметена последним ураганом и лежала рядом. Однако поросшие мхом, мощные виргинские дубы вокруг дома не пострадали. Их верхушки беззвучно качались под легким береговым бризом. Между высокими соснами летали птицы. Порой они опускались, чтобы напиться из затянутого ряской каменного фонтана. Ветви миртовых кустов с тяжелыми гроздьями цветов клонились книзу, словно головы дремлющих украдкой уставших служанок. Джейд вылезла из своего «чероки».

– Чудесное местечко, – заметил с улыбочкой Диллон, выйдя из пикапа.

– Правда, красиво? Я собираюсь купить его.

Не обращая внимания на его явную иронию, Джейд направилась к дому и осторожно поднялась на веранду, окружавшую дом с трех сторон. Ее шаги гулко отзывались эхом, когда она обходила дом, заглядывая в оконные проемы. Кое-где еще уцелели стекла с потеками соли: до берега океана

здесь было не далее полумили.

– Ты это в шутку? – спросил Диллон, следуя за ней по пятам.

– Почему же? Вполне серьезно.

– Не слишком ли этот домик велик для троих?

– Это не для нас Я хочу его купить для GSS.

Он хмыкнул.

– Сначала никудышная ферма. Теперь эти развалины... Думаю, Джордж Стейн не давал тебе полномочий распоряжаться чековой книжкой компании.

Оставив без внимания его замечание, Джейд направилась к зарослям с восточной стороны дома. Когда-то здесь был цветник. Выложенные морскими ракушками тропинки и некогда тщательно ухоженные клумбы давно уже заросли сорняком. В дальнем уголке сада высился одинокий дуб. На одной из ветвей висели качели. Узлы у сиденья были толщиной с кулак. Джейд села на доску и оттолкнулась каблуками от земли.

Закрыв глаза, она подставила лицо солнечным лучам, жадно вдыхая горячий воздух, наполненный ароматом жимолости и гардении.

– Ты здесь бывала раньше...

Она открыла глаза. Засунув руки в карманы джинсов, Диллон стоял рядом и внимательно смотрел на нее.

– Несколько раз. Я не шутила, когда сказала, что хочу купить это поместье. Мне бы хотелось, чтобы здесь было место

отдыха для сотрудников нашей корпорации, где можно провести день-другой...

– Я полагал, что ты присматриваешь участки для расширения предприятия.

– Ну, это будет просто дополнительное приобретение. Представь только, сколько удовольствия получают наши сотрудники и клиенты, отдыхая здесь. Я уже получила план этого дома от агента по продаже недвижимости и послала Хэнку.

Диллон встречался с Хэнком в Нью-Йорке: они обсуждали некоторые вопросы, касающиеся фабрики «Текстиль».

– Я сказала ему, что хочу реконструировать этот дом, но сохранить все очарование и прелесть Юга. Представляешь, если мы выйдем на зарубежные рынки, то сможем привозить сюда гостей в конных экипажах и устраивать на веранде званные обеды.

Диллон подошел к ней, взялся за веревки и стал раскачивать качели, не очень сильно, но все же достаточно, чтобы порывы воздуха шевелили ее волосы.

– Ты уже обсуждала эту идею с Джорджем?

– Еще нет. Я хочу, чтобы Хэнк сделал сначала несколько акварельных эскизов.

– Похоже, вы с Хэнком очень близки.

– Мы с ним друзья с колледжа.

– Хм-м...

Джейд не обратила внимания на его хмыканье.

– Я также попросила Хэнка сделать проект дома с бельведером. Там мы могли бы проводить вечеринки, пикники и приемы. И мы сможем, когда этот дом на пляже не будет нужен нам самим, сдавать его внаем, чтобы оправдать расходы.

– Джорджу понравится эта идея. Представляю, как твои иностранные гости, сидя на веранде, станут потягивать виски со льдом и слушать негритянские песни времен рабства.

Джейд вытянула ноги и, уткнув носок в землю, остановила качели. Потом подняла голову так, что почти коснулась затылком его груди.

– Ты меня опекаешь?

Диллон не двинулся с места, хотя ему было бы проще разговаривать, если бы он обошел качели кругом и встал к ней лицом.

– Выходит, что так.

– Спасибо хотя бы за признание.

– Пожалуйста.

– Ну, мне пора. Ты не считаешь меня сумасшедшей?

– Считаю... что ты загадочная, – ответил он после некоторого усилия, подбирая правильное слово. – Честно, Джейд, у меня от тебя голова кругом идет.

В его голосе звучала горечь. Она постаралась разрядить ситуацию.

– Ты и сам достаточно сложная натура.

Его усы расползлись в широкой улыбке.

– Я?

– Ага... Для живущего в одиночестве холостяка ты ведешь себя не совсем типично...

– Ничего загадочного. Мой требовательный босс не оставляет мне времени для развлечений.

– Ты не встречаешься с женщинами.

Диллон поднял брови.

– Ты что, следишь за мной?

– Я просто полагала, что ты, как любой мужчина, время от времени нуждаешься в женском обществе.

– Ты имеешь в виду секс?

– Да, секс, – неохотно подтвердила Джейд. Неожиданно жара показалась ей еще более невыносимой, чем раньше. Даже комары куда-то исчезли. Горячий воздух стал плотным. Одежда прилипла к коже, волосы так нагрелись, то обжигали шею. Солнечные лучи расплывались в удушливом мареве. Было ощущение, что они очутились в сауне, разве что не были обнаженными.

Джейд вдруг ощутила, как близко к ней стоит Диллон: ее плечи почти касаются его бедер. Всего несколько дюймов отделяло его руки на веревках. Запах его кожи смешивался со многими другими, но она безошибочно выделяла именно этот.

– Вот что я хочу сказать, – произнесла Джейд почти беззвучно. – Мне кажется, что твое нежелание иметь контакты с другими людьми как-то связано с потерей жены и ребенка.

Его усы дрогнули. Он опустил руки и отошел от качелей,

повернувшись к ней широкой спиной.

– С чего ты взяла?

– Я поняла это сразу, как только мы встретились в Лос-Анджелесе.

– Оставь при себе свои предположения, – сказал Диллон грубо, обернувшись к ней.

– «Текстиль» был для меня жизненно важным делом. Я не имела права ошибиться и проверяла тебя как основательно, как только могла.

Он сердито глядел на нее несколько секунд, потом его плечи дрогнули.

– Полагаю, то, что ты знаешь, не имеет никакого значения.

– Но все же, что случилось?

– Зачем спрашиваешь? Тебе же все известно.

– Только в общих чертах.

Диллон оторвал веточку от дерева, повертел ее между пальцами.

– Мы жили в Таллахасси. Я работал на одного мерзавца, и работа была за городом. Я мог приезжать домой только на выходные. Дебре это страшно не нравилось, мне – еще больше. Но в то время у меня не было выбора. Ее это очень угнетало, поэтому мы старались каждые выходные превратить в маленький праздник. Так должно было быть и в тот холодный вечер в пятницу, когда я спешил домой...

Монотонно, бесстрастно он рассказывал Джейд о том, что увидел тогда на кровати в их спальне.

– Они лежали так спокойно, – хрипло выдавил Диллон, – словно спали. Никакого беспорядка, никакой крови... – Он махнул рукой. – Я подумал, что они спят.

– И что ты сделал?

Его глаза были холодными.

– Для начала я вышиб душу из того сукиного сына, из-за которого был оторван от своей семьи.

– Понятно...

– Потом я несколько месяцев пил и перестал общаться с людьми, как ты уже заметила. Был период загула, когда я хватал любую женщину, которая говорила «да». Толстую, костлявую, уродливую, красивую, старую, молодую – это не имело значения, понимаешь?

Джейд кивнула головой.

– Тебе надо было бы быть мужчиной, чтобы понять меня.

– Может быть.

– В общем, я как-то перебивался и оставался одиноким, пока ты не предложила мне эту работу.

Диллон пронзительно взглянул в ее глаза.

– А теперь впервые за семь лет у меня появился интерес к жизни. Я признателен тебе за это, Джейд.

– Ты мне ничего не должен. Если не считать той тяжелой работы, которую ты делаешь за деньги, что я плачу тебе. И до сих пор у меня не было повода для разочарования.

Он отбросил веточку и отряхнул руки.

– Мне надо было быть дома с ними.

– Но почему? Чтобы ты тоже умер во сне? Так было бы лучше?

– Я должен был проверить заслонку.

– А она не должна была зажигать огонь, не проверив.

– Не будь такой рассудительной.

– А ты не сходи с ума, Диллон. Это была трагическая случайность. В том некого винить. Ты не можешь жить всю жизнь и терзать себя за то, в чем нет твоей вины.

Джейд пристально посмотрела на него.

– То, что я сейчас услышала, объясняет, многое. Я знала, что строительство этой фабрики очень важно для тебя, но не понимала, до какой степени.

– Для меня это был последний шанс. Я не хотел упускать его. Теперь ты знаешь, почему я здесь. А каковы твои причины?

– Фантастическое жалованье. Положение и уважение в мужском мире.

– Гм-м... Но зачем ты приехала именно в Пальметто?

– Потому что GSS нуждалась в этой территории, а эта территория нуждалась в этой фабрике. Ты же видишь, какая здесь отсталая экономика. Многие живущие здесь до сих пор не знают, что такое водопровод в доме. Они существуют на те жалкие гроши, какие могут здесь заработать. «Текстиль» даст работу сотням людей. Даже до того, как фабрика войдет в строй, я организую мастерские и учебные классы. Там их научат работать, научат профессии. Тем, кого мы возь-

мем, будут платить часть их будущего заработка на все время обучения. Мы откроем ясли, чтобы оба родителя могли работать. У нас будет...

– Это все чепуха, Джейд.

– Но почему? – изумленно воскликнула она.

– Потому что чепуха, хотя звучит великолепно. Если судить поверхностно, – сказал он, – то это выглядит как альтруизм. Но если копнуть глубже, то мне кажется, что твой план построить фабрику именно здесь не имеет никакого отношения к экономической отсталости этого района.

Диллон стоял перед ней, широко расставив ноги, держа обеими руками веревки качелей. Она отвернула лицо в сторону.

– Все это связано с твоей бывшей подругой и ее мужем – шерифом. Он, может быть, и есть отец Грэма, а может быть, и нет. В этом деле как-то за мешаны и Патчетты. И ведь неспроста откровенная неприязнь между тобой и шишками этого города.

– Уже поздно, мне пора ехать.

Она встала. При этом их тела соприкоснулись. Джейд попыталась нырнуть у него под рукой, но не успела. Он схватил ее за руку и развернул лицом к себе.

– Это не все, Джейд.

– Я тебе честно изложила причины, по которым хочу, чтобы фабрика была построена именно здесь.

– Не сомневаюсь...

– Тогда почему ты не удовлетворишься тем, что я сказала? Почему не успокоишься?

– Потому что концы с концами не сходятся. Кто-то жалостливо вымаливает, чтобы ее супругу пожертвовали почку...

– Я никогда не позволю оперировать Грэма, чтобы взять его почку...

– Разумеется... Особенно если учесть, что реципиент женат на твоей бывшей лучшей подруге и, возможно, является отцом твоего сына.

Диллон придвинулся к ней почти вплотную.

– А может быть, Джолли свалил от тебя к Донне Ди, когда ты была беременна, и ты все еще влюблена в него?

– Я его ненавидела.

– Уже кое-что... Почему?

– Оставь меня в покое, Диллон!

– Не оставлю, пока не разберусь, в чем дело.

– Ты не сможешь этого понять.

– Почему ты отскакиваешь каждый раз, когда к тебе приближается мужчина?

– Никуда я не отскакиваю...

– Еще как, – сказал Диллон мягко. – Вот только что ты едва не упала в обморок, когда твоя грудь чуть коснулась моей... Видела бы ты выражение своего лица, когда поняла, что я не принимаю твои объяснения.

– Я этого не заметила...

– Неправда!.. Это Хатч Джолли – тот, из-за которого ты стала фригидной?

– Я не фригидна.

– Да ну? Меня не обманешь.

– Может быть, ты меня не привлекаешь.

Он положил ладони на ее шею. Кожа там была чуть влажной от жары.

– Это еще одна ложь, Джейд. – Диллон коснулся усами ее губ. – Ведь в душе ты признаешь, что тебе приятен мой поцелуй.

– Ничего подобного.

– Врунишка.

Диллон осторожно, кончиком языка тронул уголок ее рта. Легкая, дразнящая ласка привела ее в трепет. Джейд вцепилась пальцами в рубашку на его груди, ощутив под одеждой сильные мышцы. Она была не в состоянии сопротивляться, он мог легко и просто раздавить ее. Его запах, запах мужчины, одновременно притягивал и отталкивал ее. В ней боролись влечение и страх.

– Не делай этого, Диллон, – шепнула она ему в губы. – Я не смогу заменить ее, ни одна женщина не сможет.

Он откинул голову.

– Что ты сказала?

– Я не хочу быть одной из тех женщин, с которыми ты хотел забыться от тоски по жене.

– Так ты считаешь, что я отношусь к тебе, лишь как к оче-

редному развлечению?

– А разве так не может быть?

Диллон выругался про себя.

– Слушай, если бы мне нужно было только это, то каждую ночь у меня была бы какая-нибудь голая баба.

– И чтобы у нее был сын-подросток?

– А, понял, – грубо отрезал он. – Грэму отводится роль потерянного сына.

– Ты уже провел кое-какую подготовку, чтобы добиться его расположения.

Диллон еле сдерживал свою ярость. Он смерил Джейд откровенным взглядом с головы до пят, за державшись на бедрах и груди. Потом взглянул в глаза:

– Ты не веришь сама в себя, Джейд. Есть у тебя Грэм, нет ли его, я все равно хочу с тобой спать.

Диллон повернулся и направился к своему пикапу Джейд, теперь уже сама разозлившись, кинулась ему вдогонку. Она настигла его, когда он усаживался за руль...

– Если ты будешь говорить мне подобные вещи, мне ничего не останется, как уволить тебя.

– Ну и валяй, – отрезал он запальчиво.

Возможно, он ответил так просто сгоряча или просто хотел напугать ее. Но это подействовало. Мысль о том, что он может сейчас бросить работу над проектом, отрезвила Джейд. Где она еще найдет такого прекрасного подрядчика? И что она объяснит Джорджу Стейну, который говорил

о Диллоне только в восторженных тонах?

Она решила изменить тон.

– Я по-прежнему убеждена, Диллон, что никто лучше тебя не сможет справиться с этой работой.

– Благодарю.

– Ты не находишь, что это будет не слишком умно... стать любовниками. Даже если... я смогу.

– А я никогда и не говорил, что это умно.

– Это будет сказываться на работе. Ты же не хочешь этого, правда?

– Да.

– «Текстиль» значит для нас обоих слишком много. Мы не можем позволить, чтобы наш личный конфликт отражался на работе.

– Раз ты так говоришь...

– Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Ты даешь слово, что больше не станешь преследовать меня?

– Никоим образом.

До этого мгновения он избегал смотреть в лицо Джейд. Когда их взгляды все же встретились, ей показалось, что ее словно ударили под дых. Диллон надел свои темные очки, и она уже не могла видеть его глаз.

XXV

– Сволочь. – Грэм пнул ногой спустившееся колесо велосипеда. – Черт, дерьмо...

Он наслаждался, выговаривая слова, которые слышал на стройке иногда даже и от Диллона, когда тот думал, что Грэма нет поблизости. Если бы мама услышала, как он выражается, то не выпускала бы его из дома по крайней мере целую неделю. Однако рядом не было никого, поэтому он произнес еще одну тираду ругательств. Грэму все-таки удалось добиться согласия матери ездить на велосипеде до стройплощадки и обратно. Она просила только, чтобы он звонил ей перед выездом и не делал никаких незапланированных остановок по пути. Он съездил всего несколько раз, но вдруг испортилась погода. Дождь шел целую неделю. Когда прояснилось, он не смог ездить, потому что чем-то отравился и его целый день рвало. Весь следующий день он пролежал пластом.

После его болезни Джейд запретила ему всякие физические нагрузки.

– Если это был летний грипп, у тебя может быть возврат болезни.

– Но мам, я чувствую себя великолепно.

Она осталась непреклонной.

Это был первый день почти за две недели, как ему разре-

шили съездить на стройку. И вот некстати этот прокол.

Грэм мрачно посмотрел на осевшую шину. Если он поедет на ней, то окончательно dokonает ее. Видимо, надо катить велосипед домой, но это значит, что на стройплощадку сегодня он не попадет. Если же он покатит его на стройку, то не успеет к назначенному времени и мама будет волноваться.

Как ни крути, он попал в переделку.

Мимо пронеслась машина, подняв за собой столб пыли. После недавних дождей наступили очень жаркие дни, и земля опять стала сухой. Грэм вытер пыль с лица и показал водителю средний палец: «Пошел ты...»

Мгновенно засветились задние огни машины.

– А, черт, – прошептал Грэм в страхе. К его ужасу, машина начала подавать назад. – А, дерьмо... – Он облизал пыль с пересохших губ и вытер вспотевшие руки о шорты.

«Эльдорадо» красного карамельного цвета остановился около него. Тонированное стекло дверцы водителя автоматически открылось.

– Привет, парень.

Грэм нервно проглотил слюну.

– Привет.

– Если я не ошибся, ты меня слегка послал.

Колени Грэма подкосились. Ему ужасно захотелось помочь.

– Да, сэр.

– Почему?

– Я, э-э-э... чуть не задохнулся от вашей пыли. – Затем, не желая быть полным занудой, добавил. – Я думаю, вы неслись слишком быстро.

Водитель рассмеялся.

– Черт возьми, парень. Я всегда так езжу. Мне надо побывать во многих местах и встретиться со многими людьми. – Он кивнул в сторону велосипеда. – Похоже, у тебя проблемы.

– Проколот шину.

– Куда ты направлялся?

– Туда, где строят фабрику «Текстиль».

– А-га. – Водитель спустил солнечные очки на нос и посмотрел на Грэма поверх оправы. – Это в противоположном направлении от того места, куда мне надо. Но думаю, я могу подвезти тебя.

– О нет, спасибо. Я...

– Твой велосипед поместится в багажник.

– Спасибо, но я думаю, что лучше не надо.

– Ты сын Джейд, да?

На мгновение Грэм смутился.

– Да, сэр. Откуда вы знаете?

– Как бишь тебя зовут?

– Грэм.

– Да, правильно, Грэм. Мы с твоей мамой знаем друг друга со школы. Может быть, она упоминала обо мне – Нил Патчетт?

Имя было смутно знакомо. Грэм был уверен, что мама го-

ворила о каких-то Патчеттах.

– Она знает вашего отца тоже?

– Конечно. – Нил ответил, широко улыбаясь. – Его зовут Айвен. Ты знаешь, что товарным поездом ему отрезало обе ноги?

Как и большинство ребят его возраста, Грэма завораживал вид крови.

– Да ну? Вы шутите?

– Нет, точно. Прямо выше колен. Это было жуткое дело. – Нил нажал кнопку на панели, и крышка багажника поднялась. – Положи велосипед туда и залезай в машину. Я с удовольствием подвезу тебя.

Джейд запрещала Грэму соглашаться на предложения покататься от незнакомых людей, но он знал имя этого человека, и мама знала его. Если он не поедет с ним, то застрянет на дороге и неизвестно, что тогда делать. Во всяком случае, это был наилучший вариант.

Грэм подкатил велосипед к машине и уложил его в багажник. Ему пришлось переложить там рыболовные снасти и два ружья, пока он наконец смог запихнуть велосипед и закрыть крышку.

Шикарная кожаная обшивка машины напомнила ему о его пыльных кроссовках. Его потные голые ноги прилипали к сиденью. Но после жаркого солнца здесь было чудесно.

– Все в порядке?

– Да, сэр.

– Не называй меня сэр. Зови меня просто Нил.

– Хорошо.

Нил спросил, как ему нравится в Пальметто. Грэм вежливо отвечал на все его вопросы. Они проехали около километра, когда он неуверенно сказал:

– Господин Патчетт, нам надо развернуться. Стройка в противоположном направлении.

– Я знаю, черт возьми. Но я подумал, что лучше починить велосипед, пока мы здесь. Я знаю механика, который сделает это бесплатно. Пока ждем, мы выпьем чего-нибудь холоденького. Нравится тебе такая мысль?

– Думаю, что да.

Выпить воды было бы действительно чудесно. В горле пересохло. Возможно, из-за ремонта он приедет в мамину контору немного позднее. Но Грэм утешил себя мыслью, что починка велосипеда не займет больше времени, чем если бы он ехал на стройку на велосипеде. Как только они выйдут из гаража, он попросит господина Патчетта поторопиться. Машина домчит их до стройплощадки моментально, намного быстрее, чем если бы он крутил педали.

– Я позвоню маме из гаража и предупрежу, что опаздываю, – сказал Грэм с неожиданным воодушевлением.

– Конечно, если ты считаешь это необходимым. – Нил посмотрел на него сбоку. – Она все еще ездит к Паркерам?

– Куда?

– На ферму Паркеров.

– Я не знаю.

– А-а. Я видел ее там и подумал, что она, может быть, упоминала об этом.

– Я знаю, что она покупает недвижимость для своей компании, – предположил Грэм, желая быть полезным.

– Она удачливая, да?

Принимая это за комплимент, Грэм ответил со счастливой улыбкой:

– Она такая.

Когда они подъезжали к гаражу, человек в замасленной одежде вышел встретить их. Он улыбнулся господину Патчетту, обнажив три желтых от никотина зуба. Пока будут ремонтировать колесо, они могут войти в контору, где прохладнее.

Грэм вошел вслед за Нилом в захламленную комнату. Там было лишь немного прохладнее и пахло окурками, колесной мазью и моторным маслом. Грэму показалось бы это неприятным, если бы его взгляд не упал на лоснящуюся обнаженную девицу на стенном календаре. Он никогда не думал, что соски могут быть такими большими и красными, а лобковые волосы такими густыми и темными.

– Здесь есть телефон. Ты можешь позвонить маме.

Грэм, по существу, не делал ничего дурного, но чувствовал себя не готовым к разговору с мамой.

Кроме того, он не хотел, чтобы Пил Патчетт подумал, что он маменькин сынок.

– Не-а. Все в норме.

Нил поцеловал пальцы и похлопал по круглому задку девицы на календаре.

– Что надо, правда? Когда я был в твоём возрасте, то приходил сюда, чтобы поглазеть на календари. Потом я покупал здесь «резину». Быстрее, чем в аптеке, знаешь. Там в туалете есть автомат, если тебе очень срочно нужно.

Не произнеся ни слова, Грэм оторвал взгляд от календаря и уставился на Нила.

– Ты, конечно, знаешь, что такое «резина», парень?

Грэм глупо кивнул головой. Затем откашлялся и, придя в себя, сказал:

– Да, черт возьми, я знаю, что такое «резина».

– Я так и думал. Тем не менее сколько тебе лет?

Ему льстило, что господин Патчетт разговаривал с ним как мужчина с женщиной. Он гордо заявил:

– Мне будет пятнадцать.

– Когда это?

– Двадцать седьмого ноября.

Нил глянул на него удивленно, затем расплылся в широкой улыбке.

– В районе Дня Благодарения.

– День Благодарения раз в семь лет.

– Надо же. Ну, что ты будешь пить? – Он открыл автомат с напитками. Такого Грэм никогда не видел. Это был ящик с охлажденным воздухом. Бутылки стояли в ряд на металли-

ческой решетке.

Нил стукнул по ящику кассового аппарата, и тот открылся. Он схватил горсть монет. Грэм уставился на деньги, затем нервно посмотрел в окно.

– А хозяин не будет против?

– Мой отец так много для него сделал, что не будет. Не волнуйся об этом. Что ты будешь пить?

Грэм стал искать что-либо знакомое среди этикеток.

– У них есть «Доктор Пеппер»?

– «Доктор Пеппер»? Похоже, что нет. «Грапит», «Орандж Нехи», «Биг Рэд», и «Шоколадный солдат».

– «Шоколадный солдат»? Что это?

– Ты хочешь сказать, что дожил до четырнадцати лет и никогда не пробовал «Шоколадного солдата»?

От удивления Нила Грэм почувствовал себя неловко. Тем не менее ответил резко:

– В Нью-Йорке мы пили яичную крем-соду. Ее можно купить у уличных торговцев.

Нил кинул две монетки по двадцать пять центов.

– Яичную крем-соду? Если это не подходит для янки, то я заплачу за вранье.

«Шоколадный солдат» был восхитителен. Господин Патчетт предложил угостить его еще одним, но Грэм отказался. Он волновался, что время идет.

– Как долго, вы думаете, придется ждать, пока он починит колесо?

– Похоже, что он уже заканчивает. – Нил открыл дверь в ремонтное помещение. Грэм успокоился, что они скоро поедут.

– Я уже должен быть на месте. Если я опоздаю, мама будет волноваться.

– Хорошо, – протянул Нил. – Ты же знаешь, каковы женщины. Они наложат в штаны из-за любого пустяка. – Он дружелюбно похлопал Грэма по плечу.

– Перестань оправдываться передо мной, как перед другими клиентами. – Джейд улыбнулась в телефонную трубку. – Тогда хоть что-то покажи. Когда сможешь?

– Ты хорошо знаешь, что нельзя давить на художника, – сказал Хэнк Арнетт. – Это мешает творчеству.

– Когда? Я не хочу ничего предлагать нашему общему другу Джорджу, пока не заброшу его твоими рисунками.

Планы Джейд купить старую плантаторскую усадьбу для GSS не изменились. Они подолгу разговаривали по междугородному телефону с Хэнком. Ему с самого начала понравилась эта идея, но он сказал, что не может ничего обещать, пока не увидит фотографии усадьбы и интерьеров. Джейд договорилась с агентом по продаже недвижимости, чтобы войти внутрь здания. Фотоснимки были немедленно отосланы Хэнку. Он заявил, что обдумывает некоторые идеи. Ей не терпелось посмотреть на них.

– При всей сдержанности палитры некоторые из моих ак-

варелей будут неплохой приманкой, – признался он. – Ты знаешь, Джордж без ума от моих работ.

– Тогда слезай с дивана и начинай работать.

– Дай мне еще две недели.

– Десять дней.

– Ты зудишь хуже, чем Дейдра, – пожаловался Хэнк.

– Твоя жена настоящий ангел. Кстати, как там поживают мои крестники-близнецы?

Диллон вошел в конторку в тот момент, когда она вешала трубку.

– У тебя счастливый вид.

– Я разговаривала с Хэнком.

– Он всегда заставляет тебя так улыбаться? – спросил он кисло.

– Иногда.

Диллон язвительно хмыкнул. У него было плохое настроение с тех пор, как начались дожди. Стройплощадка превратилась в болото. Диллон наконец уступил и прекратил рытье котлована, пока земля не высохнет.

Задержка означала срыв графика. Диллон считал это неприемлемым и сейчас подгонял себя и других, чтобы наверстать упущенное время. Сегодня он был в самом скверном расположении духа.

Спереди его рубашка была в пятнах от пота, ботинки и джинсы в пыли. Свою каску он оставил на улице, но пришел с темными очками. Он крутил их за дужку, и этот жест

выражал не столько праздность и расслабленность, сколько напряженную неудовлетворенность. Его губы были плотно сжаты под усами.

Диллон не дотрагивался до Джейд с того дня в заброшенном доме. Их разговоры сводились только к делам. Однако то, что он сказал ей перед расставанием, засело в голове Джейд. Если она сомневалась в решимости, которая прозвучала в этом «Никоим образом», то сейчас вынуждена была посмотреть в его глаза.

– Ты хотел меня видеть по какому-то определенному делу, Диллон?

– Да. Пообедать.

– Прости, не понимаю?

– Пообедать. Давай пообедаем.

– Прекрасно. Я позвоню Кэти. Я уверена, что она не будет против поставить еще одну тарелку.

– Я не об этом. – Он подошел к столу. – Давай вместе пообедаем. Только ты и я.

– Ты имеешь в виду свидание?

– Именно свидание.

– Когда?

– В ближайшее время.

– Почему?

– Почему бы и нет?

Они опалили друг друга взглядами.

Джейд подняла руку к горлу и начала теревить брошь на

блузке. Он положил кулаки костяшками вниз на край стола и наклонился над столом.

– Хорошо? – потребовал Диллон сердито. – Что такого, если мы вместе пообедаем? Или же тебе не нравится, что мужчина платит?

Она оскорбилась, в ее голосе зазвучал явный холодок:

– Я спрошу у Кэти, когда ей будет удобнее всего остаться с Грэмом. Тогда я... – Она оборвала себя на полуслове. – Диллон, Грэм уже здесь?

– Думаю, что нет.

– Ты его не видел?

– Сегодня нет. Не видел с тех пор, как он заболел. Ты ждала его сегодня?

Она выскочила из-за стола, бросилась к двери вагончика и открыла ее. Ленер дремал в тени на ступеньке. Он поднял голову и посмотрел на нее безразлично. Если бы Грэм был здесь, Ленер бы ходил за ним хвостом по жару, а не дремал в тени. Она огляделась вокруг, но нигде не было видно ни Грэма, ни его велосипеда.

– Сколько сейчас времени? – Вокруг было много часов, и на руке были часы. Ее вопрос был чисто рефлекторным.

– Около пяти. А что?

Она вернулась к столу и подняла трубку.

– Уже больше часа, как Грэм звонил мне, – сказала Джейд, набирая номер домашнего телефона. – Он должен был быть уже здесь.

– Может быть, он выехал не сразу после звонка?

Она покачала головой.

– Он рвался сюда изо всех сил, чтобы успеть приехать до конца смены.

– Привет, Кэти. Грэм там? – Услышав ответ, который она боялась услышать, Джейд сжала пальцами телефонный провод. – Да, я знаю, он звонил, но еще не приехал.

– Что она сказала? – спросил Диллон, когда Джейд повесила трубку.

– Именно то, чего я боялась. Он уехал, как только позвонил мне. Кэти стояла рядом. Она помахала ему. Она сейчас выезжает, чтобы попробовать найти его по дороге.

– Может быть, кто-то из друзей остановил его.

– Он очень обязательный, знает, что я его жду. Он бы был здесь... если что-то не случилось с ним.

Диллон схватил ее за плечи, когда она опять бросилась к двери.

– Джейд, ему четырнадцать лет. Мальчишки его возраста легко отвлекаются и теряют чувство времени. Грэм может позаботиться о себе. Не паникуй.

– Он слишком боится, что я не разрешу ему сюда ездить, чтобы попусту тратить время. С ним что-то случилось. – Она высвободилась из его рук и вышла из вагончика. Четкого плана действий не было, но нужно что-то делать, действовать, искать Грэма немедленно.

– Куда ты?

– Искать. – Джейд села в свой «чероки».

– Ты не можешь носиться по всей округе, – не согласился с ней Диллон. – Если Грэм появится, как мы узнаем, где ты?
– Давай сначала найдем его.

Она уже собиралась закрыть дверцу, как увидела «эльдо-радо», сворачивающий с шоссе. Узнав его, она мгновенно выскочила из машины.

Нил еще не успел остановиться, а Джейд уже ухватила за ручку дверцы и рванула ее.

– Грэм! – Ее ноги чуть не подкосились. Она стащила его с кожаного сиденья и сжала в объятиях, Ленер бегал вокруг и лаял как сумасшедший, пока Диллон не приказал ему успокоиться.

– Мам, ты меня задушишь, – пробормотал Грэм с юношеским смущением.

Держа за плечи, она оттолкнула его на расстояние вытянутой руки.

– Где ты был?

– Я проколол шину по дороге. Господин Патчетт подобрал меня и отвез в гараж починить ее. Затем мы приехали прямо сюда.

Она смерила Нила убийственным взглядом. Он улыбнулся ей поверх своего автомобиля.

– Тебе было нужно позвонить мне из гаража, Грэм.

– Я не подумал об этом, – пробормотал он.

– Где твой велосипед? – спросил Диллон, – Он у меня в

багажнике. – Нил подошел к машине и открыл багажник. Лернер настороженно принюхивался к нему.

Диллон вытащил велосипед и коротко сказал:

– Спасибо.

– Не благодари его, – зло выпалила Джейд, едва выговаривая слова от гнева.

– Мам, он меня подвез.

Ей хотелось хорошенько всыпать Грэму за то, что он встанет на защиту Нила. Чтобы сдержаться, она опустила руки вдоль тела и вонзила ногти в ладони так сильно, что стало больно.

– Ты же прекрасно знаешь, что нельзя садиться в машину к незнакомому человеку, Грэм.

– Но он же не незнакомый. Ты его знаешь. И он тебя знает. Я подумал, что все будет хорошо.

– Ты подумал неправильно!

– Джейд!

– Замолчи, Диллон. Это мое дело. Я сама справлюсь с этим.

– Хорошо, но ты чертовски плохо с этим справляешься.

Дальнейшую дискуссию прервала Кэти, подъехав на полной скорости. Она быстро выскочила из машины.

– Ты напугал меня и маму до умопомрачения, Грэм Спери. Где ты был?

Джейд сказала:

– Он расскажет тебе об этом по дороге домой.

– Домой? – взвыл Грэм. – Я должен ехать домой?

Джейд сурово посмотрела на него и тем самым пресекла возражения. Даже Кэти не осмелилась что-либо спросить. Она обняла Грэма за плечи и отвела в свою машину.

Как только они уехали, Джейд повернулась к Нилу.

– Тебя надо бы посадить за это.

– Ты уже когда-то угрожала этим мне, но испугалась, помнишь? Когда ты поймешь, Джейд, что у меня ты не сможешь выиграть никогда?

– Держись подальше от моего сына. Если ты хоть пальцем его тронешь, я убью тебя.

– Я трону? – спросил Нил вкрадчиво. – Зачем мне причинять зло своей плоти и крови?

– О чем, черт возьми, вы говорите? – вмешался Диллон, делая угрожающий шаг в сторону Нила. Чувствуя настроенное своего хозяина, Ленер начал рычать.

Нил не испугался ни того, ни другого.

– Я отец этого мальчика. Разве Джейд не рассказывала тебе?

– Это ложь! – закричала Джейд.

– Позвонить в участок или мне самому с ним разобраться? – спросил Диллон. Нил отозвался насмешливо:

– Да, Джейд. Что ты хочешь, чтобы он сделал? Хочешь, чтобы он околачивался здесь и услышал все гнусные подробности нашего старинного романа? Если теперь он ублажает тебя, то ему будет интересно.

– Ты, паршивая сволочь! – Диллон был готов броситься на него с кулаками, но Джейд встала между ними.

– Нет, Диллон. Именно этого он и хочет. Я уже видела нечто подобное. Оставь меня с ним наедине.

– Черта с два! – рявкнул Диллон, все еще стараясь испробовать свои кулаки на Ниле.

– Пожалуйста, не спорь со мной!

Он посмотрел ей в лицо, как будто не понимая. Затем, выругавшись, шумно прошагал к вагончику и с грохотом закрыл за собой дверь.

– Утихомирь это грубое животное, – сказал Нил. Ленер все еще крутился вокруг него, рыча. Джейд приказала собаке лечь.

– Итак, что ты хочешь сказать, Нил?

Он протянул руку и погладил ее по щеке, до того как она успела отбросить его руку. Затем ухмыльнулся, когда она сделала это.

– Ты не боишься, что я что-то сделаю этому мальчику. Ты боишься другого – что я потребую его, или, вернее, что он потребует меня.

Нил был бесплоден. Династию Патчеттов ожидало угасание. В этот ужасный момент Джейд вдруг поняла, как важно для них существование Грэма. Они попытаются сделать его таким же, как они. Скрыв свой страх, она сказала:

– Не надейся, что это произойдет.

– Нет? Я ему понравился, Джейд. Спроси его.

– Не сомневаюсь, что ты очаровал его. Мальчики его возраста падки на все дурное.

Нил коротко рассмеялся.

– Почему бы тебе не упростить все? Одно твое слово – и я предложу выйти за меня замуж, что и должен был сделать еще пятнадцать лет назад. Мы могли бы стать счастливой семьей, живя в отцовском доме, – три поколения Патчеттов с новой хозяйкой дома.

– Держись подальше от моего сына, – сказала она недобрым голосом. – Я тебя предупреждаю, Нил.

– Джейд, – проворковал он, – ты лучше, чем кто-либо другой в Пальметто, знаешь, что единственное предупреждение, которое чего-либо стоит, может сделать только Патчетт.

Нил подошел к ней ближе и взял ее за подбородок.

– Позволь мне предупредить тебя: не борись со мной. Я получу своего сына с тобой или без тебя. – Он многозначительно улыбнулся ей. – Я бы предпочел вместе. – Он подмигнул – Ты когда-то попробовала, каков я, и это было не так уж плохо, не так ли?

Джейд выдернула голову из его рук и отшатнулась.

– На сегодня все, – сказал Нил, все еще улыбаясь. – Я опаздываю на встречу.

Послав ей воздушный поцелуй, он сел в свой «эльдorado» и уехал. Джейд сохраняла бесстрастное выражение лица до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем молча оперлась на стену вагончика. Диллон высунулся из двери.

Его лицо было суровым, мрачным и злым.

– Ну все! Я был мил, был терпелив. Но мне безумно надоела вся эта чертовщина. Я хочу знать, что, черт возьми, происходит, и почему? Ты не уйдешь отсюда, пока я этого не узнаю.

XXVI

Взяв Джейд за руку, он потянул ее вверх по лестнице. Затем запер дверь, отключил телефон и указал на кушетку.

– Садись?

– Диллон, у меня еще много работы.

– На сегодня хватит. Во всяком случае, мне все равно, что там у тебя намечено. Нам надо поговорить. Садись.

Джейд опустилась на кушетку, закрыв лицо руками, подчиняясь скорее из-за нервного напряжения, чем из-за послушания.

– Хочешь что-нибудь выпить?

Она покачала головой. Диллон выдвинул складной стул, поставил его в нескольких сантиметрах от ее колен и сел на него задом наперед, положив руки на спинку.

– Ладно, выкладывай!

– Что выкладывать?

– О Боже, – раздраженно воскликнул он. – Мы что, опять будем играть в кошки-мышки?

– Это ты играешь. Я ни во что не играю. Я хочу уехать домой.

– Минуту тому назад ты хотела работать.

– Перестань надо мной издеваться!

– Тогда рассказывай.

– Что ты хочешь знать?

– Для начала объясни, почему два человека заявляют о том, что Грэм – их сын?

– Потому что каждый из них здорово бы выиграл, если бы Грэм оказался их сыном. Хатч получил бы почку, а Нил – наследника. – Когда Диллон с удивлением посмотрел на нее, она ответила: – После того несчастного случая, когда Айвену отрезало ноги, Нил не может иметь детей.

Диллон наконец понял, однако не был удовлетворен ее объяснением.

– Все равно я не могу понять, Джейд. Мужчины не так-то просто признают свое отцовство. Обычно все бывает наоборот.

– Тут необычные обстоятельства.

– Ты что, спала с ними обоими?

– Нет.

– Значит, у них нет оснований претендовать на Грэма?

Она промолчала.

– Кто отец Грэма, Джейд?

– Я не знаю!

– Значит, ты все-таки спала с ними обоими?

– Нет!

– Черт подери, – завопил Диллон. – Ты мне что-нибудь объяснишь?

– Они меня изнасиловали.

Эти слова в маленькой комнате прозвучали оглушительно громко. Они еще звучали в ушах Диллона, а когда он молча

уоставился на Джейд, она закрыла лицо руками.

– Они меня изнасиловали, – сказала она тихо. – Они меня изнасиловали.

Диллон запустил все десять пальцев в свою шевелюру и откинул волосы со лба. Затем опустил руки и хлопнул ими по бедрам. Он хотел знать, он заставил ее рассказать, но не рассчитывал услышать такое!

Он думал услышать признания исправившейся непутевой девчонки или застенчивой и скрытной девушки, которая боролась с собственной робостью, вступая в случайные связи. Наконец о бунтарке, протестующей против деспотичных родителей. Но такого он не ожидал!

– Когда же это было, Джейд?

– В феврале, когда я училась в выпускном классе. В тот день я узнала, что нас с Гэри наградили полной стипендией для учебы в университете.

– *Гэри!* – Черт побери, он уже думал, что знает всех участников этой драмы, а тут она назвала еще одного.

– Гэри Паркер, – сказала Джейд. – В школе мы очень любили друг друга. Но это было большее, чем просто первая любовь. Мы собирались пожениться и вместе изменить мир.

Тихо, монотонно, бесстрастно Джейд поведала ему об их отношениях.

– Мы так много ждали от будущего. Я очень его любила.

– А он не мог быть отцом Грэма?

Джейд взглянула в окно, которое к этому времени превра-

тилось в лиловый квадрат.

– Нет. Когда они меня изнасиловали, я была девушкой.

– Черт возьми! И они двое вышли сухими из воды?

Она опять взглянула на Диллона.

– Их было трое. Третий – Ламар Гриффит. Застенчивый, робкий парнишка, пошел с ними, чтобы не ударить в грязь лицом перед Нилом.

– Он тоже все еще живет в Пальметто?

Она рассказала ему о судьбе Ламара. После продолжительного молчания Диллон произнес:

– Я понимаю, что это была затея Нила.

– Да! – гневно согласилась Джейд. – Он у них был заводила. Если бы не он, ничего бы не случилось. Однако Хатч и Ламар могли бы остановить его. Вместо этого они тоже приняли участие в насилии и бросили меня там.

– Бросили тебя?

– Мы с Донной Ди ехали к Гэри. Я хотела ему сказать о стипендии. По дороге у нас кончился бензин...

Диллон выслушал ее рассказ о том ужасном дне. Она не упустила ни одной подробности. Хотя прошло столько лет, Джейд помнила все, как будто это случилось вчера.

– Когда они увезли меня, я была просто в бешенстве. Мне стало страшно, когда Нил не свернул к дому Гэри. Вместо этого они поехали к каналу, где раньше ловили рыбу. Он приказал всем выйти из машины. Я не хотела, но они выволокли меня силой.

– А те двое так и вели себя как покорные овечки?

– Ты не представляешь, насколько они были под влиянием Нила. Они бы сделали все, что угодно. Он всем раздал банки с пивом. Я отказалась. Когда они выпили, я спросила, можем ли мы ехать. Нил ответил. «Пока нет» Я спросила. «Почему?» – и он ответил... – Голос у Джейд осекся. Она посмотрела вниз. – Он сказал. «Потому что, прежде чем мы поедем, мы все трое тебя трахнем»

Диллон сцепил руки и, поставив локти на спинку стула, прижал кулаки ко рту. Он прикрыл глаза, жалея, что вызвал Джейд на этот страшный разговор. Больше всего на свете ему хотелось при удобном случае съездить по самодовольной роже Нила.

– Я ни минуты не сомневалась, что он действительно собирался это сделать. – Голос Джейд звучал глухо. Диллон чувствовал, что она сейчас не здесь, а там, в том холодном, дождливом февральском вечере.

– Я повернулась и побежала, но Нил догнал меня и схватил за волосы. Мне было больно. Я закричала, на глазах выступили слезы. Я пыталась освободить волосы, но не смогла. Руки у меня были подняты, и он обхватил меня за талию и бросил на землю. Было холодно и мокро, – она поморщилась, – очень плохо пахло, какой-то тухлой рыбой. Хатч закричал: «Нил, ты что, с ума сошел?» А Нил ответил: «Мы сделаем то, что я сказал. Заткнись и помоги мне. Держи ей руки».

Я плакала и кричала: «Нет, нет!» Кроме Нила, я никого не видела. Я ударила его, тогда Хатч сел рядом с моей головой и схватил меня за запястья. Он прижал их к земле у меня за головой. Нил наклонился надо мной и велел заткнуться. Он несколько раз ударил меня по лицу.

Ламар сказал: «Нил, ты что, взбесился?» Нил обернулся, посмотрел на него и сказал: «Лучше помоги, а не веди себя как тряпка. Ничего с ней не будет». Ламар отступил. Я не видела его, но слышала, как он сказал: «Она же плачет». Тут Нил просто рассвирепел и сказал: «Хочешь получить свою порцию или нет? Если нет, вали отсюда подальше».

Нил навалился на меня. Он раздвинул мне ноги и уперся коленом в бок. Я закричала. Он опять меня ударил. Я пыталась брыкаться. Тут-то и Ламар взял меня за ноги. Я не могла пошевелиться. Я стала умолять их не делать этого.

«Заткните ее, – сказал Нил. – Я не могу слышать этот вой, бабские вопли». Хатч схватил мои запястья одной рукой, а другой закрыл мне рот. Я повернула голову и старалась глазами умолить Хатча помочь мне, но он не смотрел мне в глаза. Он смотрел на Нила.

Диллон сидел с каменным лицом. Он ничего не говорил. Секунду Джейд теребила застежку на ручных часах. В комнате стало так тихо, что было слышно, как они тикают.

– Нил разорвал мою блузку. Бюстгальтер застегивался спереди. Он расстегнул его и сдернул. Я помню... я помню, мне было невыносимо стыдно лежать в таком виде. Я закры-

ла глаза. Я так сильно прикусила язык, что почувствовала вкус крови. Он сказал: «Неплохо смотрятся сиськи Джейд Сперри».

Она всхлипнула, но слез не было.

– Я думала, что умру. Я хотела умереть от обиды и унижения... Нил, которого я ненавидела... – Джейд закрыла рот ладонями, как будто ее тошнило, однако продолжала, речь звучала глухо. – Он положил на меня свои руки. Он мял, и щипал, и сжимал меня. Это было ужасно: очень больно и унижительно. Затем он нагнулся и впился в мой сосок. Было очень больно.

Диллон вскочил со стула. Он засунул руки в задний карман своих потрепанных джинсов и начал метаться по комнате, как бы ища выход. Внутри него все клокотало. Ему хотелось ударить по чему-нибудь, что-то разбить, размозжить. Джейд, по всей вероятности, не замечала его реакции. Она продолжала свой жуткий рассказ:

– Нил смеялся, когда встал на колени и расстегнул брюки. Он спустил их и взял руками член. Сказал: «Хорошенький, правда? Клянусь, твое гнездышко горит от нетерпения». В это время Хатч заволновался: «Ладно, Нил, поразвлекся и хватит. Отпусти ее». – «Отпустить? – сказал Нил. – Черта с два. Развлечение еще впереди». Нил задрал мне юбку. Я крутилась во все стороны, чтобы он не смог снять колготки. Он торопился. Ламару пришлось помогать ему. Затем Нил...

Диллон стоял у окна, невидяще глядя в небо. Когда она

замолчала, он обернулся и посмотрел на Джейд. Она сидела, подперев голову одной рукой, другой массировала виски.

Диллон подошел к стулу, повернул его и сел к ней лицом. Он молчал и с трудом подавил в себе желание дотронуться до нее. Одно его присутствие поддерживало ее. Он все принял очень близко к сердцу. Она опустила голову и, облизнув сухие губы, продолжала:

– Нил плюнул себе на ладонь и размазал слюну по члену. Он сказал: «Могу побожиться, что ты любишь сосать петушок. Небось сосала у Паркера? Придется тебе постараться и для меня. – Джейд закрыла глаза, как бы благодаря Бога. – Он этого не сделал, – сказала она охрипшим голосом. – Ему было нелегко, но он вошел в меня. Я думаю, он удивился, что я девушка, потому что посмотрел мне в лицо и рассмеялся. Потом наклонился ко мне и прошептал: „Славная победа. Значит, все-таки твоя ягодка достанется мне“. Причем сказал таким тоном, как будто мы заговорщики. Затем он... – Джейд еще ниже опустила голову. – Он нажал очень сильно, и мне стало очень больно.

На стройке загорелось автоматическое освещение. Сине-белый свет частично проникал сквозь окна, но основная часть помещения была погружена во мрак, в котором тихо шелестел ее голос.

– Я думала, этому никогда не будет конца. Потом я поняла, что он кончил довольно быстро. Когда он оторвался, то вымазал спермой мне живот. Потом взглянул на Хатча

и усмехнулся: „Я тебе лыжи смазал“. Они поменялись местами. Когда Хатч убрал руку от моего рта, я опять попыталась закричать, но у меня не было сил. Мне еле удалось поднять руку. Когда Хатч склонился надо мной, я расцарапала ему лицо. Он выругался и схватился за щеку. На его пальцах осталась кровь. Это его разозлило. Он буркнул: „Нил, держи ей руки“. Нил схватил меня за руки и держал их у меня над головой. Хатч был единственный, кто меня поцеловал. Сначала я подумала, что этим все и кончится. Он чуть не раздавил меня, и его язык все дальше проникал мне в рот. Меня тошнило. Внутри меня все кричало, но единственный звук, который я могла издать, был слабый писк, вроде кошачьего мяуканья. Я слышала, как сзади гогочет Нил. „Давай, начинай, Хатч. О черт! Я уже опять захотел. Даже у Ламара встал“. Ламар нервно захихикал. Я закричала, когда в меня вошел Хатч. Он был намного грубее, чем Нил. Мне казалось, что у меня внутри все разрывается, из меня текла кровь. Я чувствовала это.

– Скоты, – прошипел Диллон. Его лицо исказилось, он стучал кулаками по коленям.

– Когда Хатч кончил, он откинулся и издал мерзкий звук, как крик осла. Я как сейчас вижу его обнаженные зубы. Он был такой безобразный, такой противный. Затем он свалился на меня. Я не могла дышать, но чувствовала на шее его горячее дыхание. От него несло пивом, и я почувствовала приступ тошноты, но боялась, что если не сдержусь и меня

вырвет, то захлебнусь. Поэтому я сдержалась.

Последним был Ламар. К тому времени у меня не было сил сопротивляться. Мне показалось, что Ламар готов заплакать, когда посмотрел на меня. Он расстегнул брюки, но стоял в нерешительности. Нил сказал: „В чем дело? Дай посмотреть, как ты справишься с этим делом“. – „Я не знаю, Нил, стоит ли?“ Голос Ламара дрожал и звучал неуверенно. Это было на него похоже.

Поскольку Хатч уже доказал свои способности, то чувствовал себя игриво. „Черт возьми, мы так и думали, что этот размазня попытается увильнуть“.

– „Я не размазня“ – закричал Ламар. Думаю, что даже тогда он в душе боролся со своей сексуальной двойственностью. Он понимал, что ему необходимо или участвовать в этом, или же он станет объектом их постоянных насмешек, поэтому он... тоже...

Когда он натянул брюки, двое других заплодировали. Я знала, что для Ламара это был первый опыт. Он не знал, как и куда... Он все время тыкал в разные места. Мне было больно, все болело. Когда он попал, он действовал быстро и энергично, как животное. На лице выступил пот. Нил все время отпускал шуточки и смеялся над „техникой“. Наконец и он кончил.

Он засмеялся оттого, что справился с задачей, но, когда увидел мое лицо, улыбка исчезла. Я думаю, Ламар понимал, что они натворили. В его глазах была мольба о прощении.

Но я не простила его ни тогда, ни когда встретила с ним через несколько лет.

– Когда это было? – спросил Диллон. Она коротко рассказала ему о похоронах Митча Хирона и о неожиданной встрече с Ламаром.

– Я до сих пор не простила его, никого из них не простила. После продолжительного молчания Джейд подняла голову.

– Ты не передашь мне салфетку? – Диллон нашел коробку с салфетками на краю стола и передал ей. – Спасибо.

Она взяла салфетку не для того, чтобы вытереть глаза: за время всего рассказа она не пролила ни единой слезинки. Она вытерла вспотевшие ладони.

– И они тебя там оставили?

– Да. – Джейд горько рассмеялась. – Как в дешевом боевике. Нил перед тем, как уехать, выкурил сигарету. Я помню запахи – серы от спички и табачного дыма. Я свернулась клубочком. В этот момент я как бы окаменела, Я помню не столько боль, сколько это чувство оцепенения. Они обсуждали, что со мной делать, и решили, что у меня хватит сил добраться до города. Ламар спросил: „А что мы скажем, если кто-нибудь узнает, что произошло?“ Нил ответил: „А кто расскажет? – Ты?“ „Нет, конечно“. – „Тогда чего ты волнуешься?“

Хатч спросил, что им делать, если я расскажу обо всем. Нил просто рассмеялся. Он сказал, что я не расскажу, пото-

му что не захочу, чтобы мой „любимый“ – они имели в виду Гэри – узнал об этом. Он сказал, что я сама напрашивалась на это, потому что заигрывала с ними со всеми. Конечно, Хатч с Ламаром согласились с ним, потому что именно этого он от них и хотел, ну и также чтобы оправдаться в собственных глазах за свой поступок.

Я думаю, что у Нила не было никаких угрызений совести и что он не чувствовал никакой вины. Он абсолютно аморален. У него нет совести. Он хотел проучить меня за то, что я любила Гэри, а не его. И кроме того, он хотел отомстить Гэри за то, что тот одержал над ним победу в дурацкой драке. Так что одним поступком он сделал два дела. Он считал, что имеет такое право, потому что он Патчетт.

– Тебе надо было сразу обратиться в полицию.

Джейд снова горько рассмеялась.

– Диллон, ты ведь меня мало знаешь. Как только я смогла двигаться, я доползла до шоссе. Я должна была дожить до того момента, как их настигнет возмездие. Мне было все равно, умру я после этого или нет.

Она рассказала о своем появлении в больнице и о том, что произошло на следующий день в приемной шерифа Джолли. Диллон не мог поверить своим ушам.

– Значит, это дело о групповом изнасиловании было прикрыто и все всё забыли?

– До сегодняшнего дня.

– Понятно. Спустя пятнадцать лет ты вернулась сюда, что-

бы отомстить. Ты хочешь заставить их за платить за то насилие?

– Не только за это.

– Разве было еще что-то?

– Гэри.

– Да, конечно, я совсем забыл, – добавил он мягко, – мальчишки всегда очень переживают, если происходит что-нибудь в этом род.

– Гэри очень переживал. Особенно когда Нил с приятелями представили меня шлюхой. Нил не мог успокоиться Он дразнил Гэри, изводил его гнусными намеками, пока не довел его до точки.

Когда Джейд рассказала ему о смерти Гэри, Диллон не смог вымолвить ни слова. Он опять запустил пальцы в волосы и едва сдержался, чтобы не сказать о том, что Гэри должен был больше доверять девушке, которую любил. Джейд эта мысль не понравилась бы.

– После самоубийства Гэри я не могла оставаться в Пальметто. Но поклялась, что однажды вернусь сюда и уж тогда я стану хозяйкой положения.

– Ты уже насолила Айвену и Нилу. Они видели надпись „мене, текел, фарес“. Они знают, что новая фабрика означает для них.

– У них на душе немало грехов. Я не единственная, кому они причинили зло.

– Ты знала до своего приезда, что Хатч болен?

– Нет. Я собиралась разоблачить коррупцию в управлении шерифа.

– Там действительно коррупция?

– Могу поспорить на что хочешь. Он покрывает Патчеттов в их делишках, как делал и его отец.

– И все-таки вопрос довольно спорный, ведь так?

– Думаю, ты прав...

Первые признаки говорили о том, что пересадка почки Хатчу прошла успешно. Врачи еще опасались делать окончательные выводы, пока не пройдет угроза инфекции, но предварительный прогноз был обнадеживающим. Чтобы предотвратить отторжение, Хатчу вводили большие дозы лекарств. Побочных явлений как будто не наблюдалось, но даже если все обойдется, он вряд ли сможет в будущем выполнять какую-нибудь серьезную работу.

– А как насчет Донны Ди? Она виновата не меньше этих троих.

– Она всегда любила Хатча. Если бы я доказала коррумпированность Хатча, на нее так же легло бы пятно позора, как и на него. Но она явилась ко мне умолять спасти ему жизнь, как в свое время я умоляла ее рассказать правду в приемной шерифа Джолли. Я не поэтому отказала в ее просьбе. Но теперь она тоже знает, что значит отчаяние, когда покидает последняя надежда.

– А у Ламара есть здесь родные?

– Мать. Насколько мне известно, она ничего не знает об

его участию.

– Значит, там некому мстить?

– Да. Но Грэм может быть ее внуком, причем единственным.

– Ты действительно не знаешь, кто из них может быть отцом?

– Нет.

– Грэм не знает об?..

– Нет! И я не хочу, чтобы он знал.

– Да, но ведь он наверняка спрашивал о том, кто его отец?

– Я не очень о нем распространялась. Грэм знает, что у него только один родитель – это я.

Диллон посмотрел на нее с сомнением.

– Сейчас, может, так и есть, а что потом? Чем старше он будет, тем больше вероятность, что он захочет узнать правду.

– Если такое время наступит, я честно скажу ему, что не знаю.

– Но существуют способы определения. Генетическая экспертиза, по-моему.

– Я не хочу этого знать. Для меня это не имеет значения. Он мой. Мой! – подчеркнула Джейд. Голос ее дрогнул. – Если бы я знала о болезни Хатча и о бесплодии Нила, возможно, оставила бы Грэма в Нью-Йорке. Я никогда не предполагала, что он может стать козырем в их игре. Это испугало меня, Диллон. Ты думаешь, я перегнула палку сегодня? Нет, я знаю, на какие подлости способны Нил и его отец.

Было видно, что Джейд действительно напугана. Инстинктивно он потянулся к ней. Так же инстинктивно она отпрянула от него.

– Черт подери, мне бы не хотелось, чтобы ты воспринимала меня как угрозу. Я просто хочу обнять тебя. – В темноте голос Диллона звучал более хрипло. – Просто обнять тебя, Джейд. Больше ничего.

Прошло несколько секунд, прежде чем она прошептала:

– Думаю, что не буду возражать, если ты обнимешь меня.

– Я бы никогда не сделал тебе больно, – сказал он, вставая со стула и усаживаясь на кушетку рядом с ней. – Никогда.

– Я верю.

Диллон обнял ее и откинулся назад на диванные подушки, увлекая ее за собой. Интимность обстановки испугала ее. Она схватила его за руки.

– Все в порядке, – прошептал он. – Все в порядке. Как только ты скажешь, я тебя отпущу. Ты хочешь этого? Скажи мне.

После заметного колебания Джейд покачала головой и прислонилась к нему. Очевидно, ее не очень смущало то, что его майка была несколько коротковата. Она положила голову ему на грудь. Ее волосы скользнули по его коже, и Диллон чуть не застонал от удовольствия. Ее ладонь доверчиво лежала на его руке.

– Джейд?

– А?

– И с той ночи ты ни с кем не могла быть близка?

– Не могла и не хотела.

– Не хотела даже попробовать?

– Я пробовала, с Хэнком.

– Хэнком Арнеттом? – Он почувствовал укол ревности.

– Он любил меня. Я знала, но не хотела этого. Я не хотела причинять ему боль. Все время говорила ему, что все бесполезно, что я не смогу измениться, умоляла его не надеяться понапрасну на мое выздоровление. Но он был очень упрям и слушать не желал.

– В конце концов убедился?

– Это заняло не так много времени. Мне хотелось ответить на его чувства, начала даже посещать психолога. Вскоре даже смогла совершенно спокойно поцеловать его.

– Тебе нравилось целоваться с ним?

– Насколько позволяло мое состояние.

Ревность Диллона несколько поутихла. Однако, признавшись, что ей нравилось целоваться с Хэнком, она опять подлила масла в огонь.

– Когда умер Митч, – продолжала Джейд, – на похоронах появился Ламар. С ним вернулись все мои страхи, и я сказала Хэнку, что не смогу быть близка ни с ним, ни с кем другим. Это невозможно.

– Ты ему объяснила почему?

– Нет. Поэтому он рассердился и несколько месяцев не появлялся. Однажды он вернулся, и с тех пор мы стали хо-

рошими друзьями. Он принял мои условия.

Диллон не стал говорить о Хэнке, уверять, что он отличный парень. Хэнк был в Нью-Йорке, а Диллон – здесь и держал Джейд в объятиях.

– Почему ты рассказала об изнасиловании мне, Джейд? – Когда она подняла голову и посмотрела на него, Диллон понял, что у него нет причин ревновать ее к Хэнку или к кому-либо еще.

– Потому что ты не принял меня такой, какой я есть, без объяснений.

– И?

– И потому что для меня очень важно, чтобы ты понял, почему я такая.

Чтобы не поцеловать ее, он прижал ее голову к своей шее.

– То, что сделали с тобой, было преступлением. Гнусным, подлым и жестоким. Но это не имеет ничего общего с интимной близостью.

– Я это понимаю.

– Близость между людьми, которые любят друг друга...

– Это нечто совсем другое, – закончила она за него. – Психолог говорил мне это столько раз, что я уже больше не могла этого слышать. У меня нет чувства собственной вины. Да, я так же ненавижу законодательство в области сексуальных преступлений, как и тех парней. Нет, я не считаю, что все мужчины скоты, у меня нет склонности к лесбиянству, я не хочу, чтобы всех мужчин кастрировали...

– Уже легче...

Джейд повернула к нему голову и, когда их взгляды встретились, рассмеялась. Диллон тоже. Они смеялись несколько минут, и этот смех был очистительным, потому что ни один из них не мог плакать. Ослабев от смеха, они прижались друг к другу.

Они перестали смеяться одновременно. Еще секунду назад просто умирали от смеха, а теперь смотрели в глаза друг другу, затаив дыхание и чувствуя неловкость.

Диллон почувствовал, как сердце его сжимается. Он опустил глаза и посмотрел на ее губы. Они прошептали:

– Диллон?

Он быстро закрыл глаза.

– Боже, как я хочу поцеловать тебя. Хочу быть с тобой, и это будет первый раз в твоей жизни. Я хочу показать тебе, как это может быть, как это бывает. Я хочу, чтобы ты была моей.

Когда Диллон открыл глаза, Джейд смотрела на него с испугом, ее губы дрожали. Ему хотелось прижаться к ним и узнать, почему она так смотрит на него. Он надеялся, что из-за того, что он вызвал у нее возбуждение, а не отвращение.

Диллон погладил ее по волосам. Ему хотелось успокоить ее, нежно целовать и разгладить складочку между бровей. Хотелось, чтобы она неровно дышала от страсти, а не от страха. Хотел подарить ей радость любовной близости, которой она была лишена.

Но если он сделает что-то не так, то может все бесповоротно испортить. Диллон отпустил ее, встал, помог встать и ей. И произнес с сожалением:

– Как-нибудь в другой раз.

В доме было темно. Диллон, настоявший на том, чтобы проводить ее, не отъезжал, пока Джейд не вошла в дом. На кухонном столе Кэти оставила записку, что легла спать пораньше из-за головной боли. Там также говорилось, что в холодильнике ждет запеканка. Джейд нужно только разогреть ее в микроволновой печи. Однако она решила, что не настолько голодна, чтобы с этим возиться. Проверив все запоры, она пошла вверх.

Из-под двери Грэма виднелась полоска света. Она постучала и вошла. Он лежал в кровати и что-то смотрел по телевизору, на ее взгляд, малоинтересное.

– Можно войти?

– Это твой дом.

Не обращая внимания на дерзость, она подошла к кровати и села на краешек.

– Намек понят. Ты на меня злишься?

Он колебался: то ли продолжить дуться, то ли дать выход своему гневу. Последнее победило.

– А ты разве не злилась бы на меня, если бы я тебя так же опозорил? Черт! Мам, ты разговаривала со мной, как с младенцем. И это – при Диллоне и мистере Патчетте.

– Тебе может показаться, что я вела себя неправильно, Гр-

эм, но я была невероятно расстроена.

– Ты устроила скандал из-за пустяка! Я приехал совсем не поздно.

– Дело не в этом. Я расстроилась, потому что ты был с Нилом.

– Почему? Он такой славный. И потом, он твой знакомый, так что не из-за чего было поднимать шум.

– Я подняла шум, потому что слишком хорошо его знаю. Он совсем не славный.

– Мне он показался таким, – сказал Грэм упрямо.

– Ничуть не сомневаюсь. Он просто источает обаяние, но он порочен до мозга костей. Можешь мне поверить. Держись от него подальше. Он может быть опасным. – Сын насмешливо фыркнул. – Я говорю серьезно. Если он опять подойдет к тебе, дай мне знать немедленно.

Упрямый, как и все подростки, Грэм внимательно посмотрел на нее.

– Ты изменилась, мама.

– Изменилась?

– С тех пор как мы сюда приехали, ты все время в напряжении.

– У меня очень много работы, Грэм. В дополнение к фабрике „Текстиль“ я собираюсь приобрести кое-какую собственность для компании, делая...

– Ты хочешь купить землю у людей по фамилии Паркер? Джейд посмотрела на него с удивлением.

– Откуда ты знаешь?

– Мистер Патчетт говорил об этом сегодня.

Джейд не имела никаких сведений от Паркеров после телефонного разговора с Отисом. Она не знала, стоит ли позвонить и надавить на него, или дать ему время обдумать ее предложение. Грэм подтвердил ее подозрения о том, что Патчетты за ней следят.

Возвращаясь мыслями к Грэму, она сказала:

– Ты знаешь, как я занята. Мне надо сделать массу важных дел. Ты уже достаточно взрослый, чтобы это понимать.

– У тебя всегда было очень много работы. Когда мы жили в Нью-Йорке, ты так не лезла вон из кожи. Что же произошло?

Джейд наклонилась к нему и пригладила ему волосы.

– Если я и кажусь тебе немного не в себе, то только потому, что хочу осуществить свой план. И хочу, чтобы ты был счастлив здесь. Ведь тебе хорошо здесь, правда? Тебе нравится этот дом?

– Да, все хорошо, только...

– Что только?

– Мне все время надо все объяснять своим новым друзьям.

– Объяснять?

– Ну, например, почему у меня нет папы. И еще про Кэти, ведь она нам не родственница. Я все время должен объяснять всю эту чепуху. – Он стал кусать засохший заусенец. –

Я знаю, что ты всегда говорила, что мы особая семья. Уникальная. – Он поднял на нее печальные голубые глаза. – Я не хочу быть особым, мам. Мне надоело быть уникальным. Я хочу, чтобы мы были нормальной семьей, как все.

– Не существует таких вещей, как норма, Грэм.

– Ну все-таки большинство людей более обычны, чем мы.

Несмотря на то, что он был уже большой, Джейд обняла его и прижала голову к своей груди.

– Иногда в нашей жизни происходят вещи, которые мы не можем контролировать. Мы стараемся строить свою жизнь на том, что имеем. Больше всего на свете я хочу, чтобы у нас была обычная семейная жизнь. Но ничего не получается. Мне очень жаль. Я старалась сделать все, что могла. И сейчас пытаюсь сделать как можно лучше, – добавила она, думая о совете Диллона и Кэти рассказать Грэму об изнасиловании. Она не могла. Ее сыну и так было нелегко привыкать к новому дому, к проблемам переходного возраста. Жестоко было бы обрушить на него и эти новые переживания.

– Я знаю это, мама. Забудь о том, что я сказал. – Грэм отстранился от нее и слабо улыбнулся.

– Прости, что поставила тебя в неловкое положение перед Диллоном. Обещаю, что это не повторится.

– Ты с ним была сегодня вечером?

– Да. А почему ты спрашиваешь?

– Так просто.

– Да? – засмеялась она. – А чего ты так хитро ухмыляешь-

ся?

– Мне кажется, что ты нравишься Диллону, вот и все.

– Конечно, я ему нравлюсь. Мы не могли бы работать вместе так успешно, если бы я ему не нравилась.

– Да ладно. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

– Мы просто друзья.

– Ну, конечно. – Сын снисходительно улыбнулся. – Ты считаешь, я буду таким же высоким, когда вырасту? – Он взглянул на фотокарточку в рамке, стоящую на бюро. – А дедушка Сперри был высоким?

Когда Грэму исполнилось тринадцать лет, Джейд торжественно вручила ему Медаль Почета его деда и фотографию, которую бережно хранила. Еще с тех пор, как он совсем малышом сидел у нее на коленях, она рассказывала ему истории о мужестве его деда во время корейской войны. Она никогда не говорила, что его дедушка покончил с собой.

– По-моему, под два метра.

– Значит, я буду не ниже.

– Возможно. – Она наклонилась к нему и поцеловала в лоб. – Только не торопись, ладно? Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Мам?

– Да? – она обернулась к нему в дверях.

– А мой папа был высокого роста?

Думая о трех насильниках, она ответила глухим голосом:

– Примерно среднего.

Грэм удовлетворенно кивнул, затем потянулся, чтобы вы-

КЛЮЧИТЬ СВЕТ НАД ИЗГОЛОВЬЕМ.

– Спокойной ночи.

XXVII

Джейд сидела у себя за столом, когда в комнату без доклада, и даже не постучав, вошел Нил. Ленер не предупредил ее, что кто-то пришел. Грэм ловил рыбу на ближайшем ручье и взял с собой собаку.

Нил улыбнулся ей, как будто они накануне расстались лучшими друзьями.

– Привет, Джейд.

– Что ты здесь делаешь?

– Я привез отца. Он хочет поговорить с тобой.

– О чем?

– Хочу, чтобы он сам сделал тебе сюрприз.

Любой сюрприз, подготовленный Патчеттами, может быть только гадостью.

– Я не хочу его видеть.

– У тебя нет выбора.

Прежде чем выйти из комнаты, он подпер дверь складным стулом. И вернулся, держа на руках Айвена. Он посадил отца на кушетку. Джейд, вся напрягшись, стояла у стола. Нил отодвинул от двери стул и сел на него. С самоуверенным и наглым видом он положил ногу на ногу.

– Что вам здесь надо? – спросила Джейд.

– Даже не хочешь поинтересоваться моим здоровьем? – усмехнулся Айвен. – Ни слова любезности? Никакой свет-

ской беседы?

– Нет. – Она скрестила на груди руки. Этот жест выражал у нее нетерпение. – Если у вас есть что сказать, выкладывайте. Если нет – убирайтесь.

– Я так с людьми не разговариваю.

– С вами я так разговариваю.

Айвен погладил гладкую изогнутую ручку своей трости.

– Я видел фотографии твоего сына. Очень симпатичный парнишка.

Она вспомнила манеру Айвена смотреть на собеседника из-под кустистых бровей. Он и сейчас пытался внушить ей страх таким образом. Было нелегко делать безразличный вид, особенно после того, как он заговорил о Грэме. Его гнусная сущность еще больше усиливалась его физической неполноценностью.

Стараясь говорить спокойно и холодно, Джейд ответила:

– Я тоже так считаю.

– Он похож на тебя. Мне так показалось издали. Мне бы хотелось посмотреть на него поближе.

Сердце ее сильно стучало, но она промолчала, сохраняя бесстрастное выражение лица.

– Джейд, почему бы тебе не сесть?

– Я лучше постою.

– Как хочешь. – Рука Айвена, покрытая старческими веснушками и синими венами, полезла в карман пиджака и вытащила оттуда конверт. Он протянул его Джейд. Она с подо-

зрением посмотрела на него.

– Что это?

– Открой и увидишь. Чего ждешь?

Джейд взяла конверт, открыла его и вынула купчую. Она быстрым взглядом пробежала по странице, затем внимательно прочитала наиболее важную часть: подписи лиц, заключивших сделку о передаче собственности.

– Отис Паркер, – прошептала она. Ее напряженность исчезла.

– Правильно. – Айвен облизнул губы, напомнив ей хищника, только что сожравшего свою добычу. – Теперь мы владем этой землей. Сделка была заключена вчера.

Как в трансе, Джейд прошла к своему столу и села. Расправила страницы купчей. Она была заверена нотариусом. Безусловно, это был официальный документ. Неудивительно, что Отис избегал ее. Он не отвечал, когда через миссис Паркер Джейд передавала, что хочет переговорить с ним. Миссис Паркер всегда очень волновалась, когда слышала ее голос. Джейд как-то подъехала к их дому, однако никто не открыл дверь, хотя она знала, что они дома.

– И сколько вы им дали? – спросила она угрюмо.

– Миллион долларов.

– Миллион?

– Вот именно.

Откинувшись на спинку стула, Нил сказал:

– Мы предоставили Отису такие же льготы, которые пред-

лагала и ты. Ему не надо будет выезжать в течение двух лет, если он не захочет. Так что у него будет время собирать урожай в течение двух лет. Хотя и не думаю, чтобы ему так уж нужны были деньги, которые он сможет выручить за его продажу, – добавил он со смешком.

– Как... каким образом вы смогли достать такую большую сумму?

Он подмигнул ей.

– Продал кое-какое имущество, заложил кое-что и взял краткосрочный кредит. Когда являешься членом совета директоров местного банка, такие дела нетрудно проверить. – Он посмотрел на нее сочувственно. – Так что, Джейд, ты еще увидишь, как мы, ребята с Юга, умеем вести дела.

– Ты приехала сюда и начала строить из себя нечто, – с недоброй ухмылкой произнес Айвен. – Эти нью-йоркские ублюдки, которых ты представляешь, просто слепые котята по сравнению со мной. – Он стукнул себя в грудь.

Джейд взволнованно облизнула губы.

– Каковы условия выплаты?

Нил взглянул на отца и рассмеялся.

– Ты думаешь, мы только вчера родились? Мы не оставили тебе возможности для маневра. Мы завершили сделку, выдав ему чек на полную сумму. Отис чуть в штаны не наложил, когда я дал ему чек.

Джейд удалось сохранить невозмутимое выражение лица. Она аккуратно сложила купчую, положила ее обратно в кон-

верт и положила на угол стола.

– Поздравляю.

Как бы желая показать, что беседа закончена, она взяла ручку и стала заниматься тем, что делала до их прихода.

– Ну и как?

Джейд посмотрела на Нила с вопросительной улыбкой на губах.

– Что?

– Ты ничего не хочешь сказать?

– О чем?

– О земле, черт побери! – заревел Айвен. – Что ты думаешь? Ты ее хотела, а мы купили, – вставил Нил, разводя руками. – Так что можешь больше не подлизываться к Отису. Он вне игры. Теперь то, за чем охотилась твоя суперважная компания, принадлежит мне.

Джейд отбросила ручку и положила подбородок на сложенные руки.

– Ты ошибаешься. Моя компания совершенно не заинтересована в той собственности, которая ранее принадлежала Паркерам, а сейчас принадлежит вам. – Она мило улыбнулась.

Айвен рассмеялся.

– Она теперь будет разыгрывать спектакль, чтобы снизить цену.

– Совсем нет, мистер Патчетт. Я говорю совершенно искренне. У меня нет абсолютно никакого желания покупать

эту землю. Теперь, будьте так добры, извините меня...

Нил вскочил со стула.

– Ты, лживая сука! Я прекрасно знаю, что эта собственность тебе нужна. С того самого дня, как ты появилась в городе, ты облазила их участок, измерила его, просила его оценить. И не пытайся отрицать. За тобой следили.

– Да, я так и думала, – спокойно согласилась Джейд. – Собственно говоря, я на это и рассчитывала.

В легких Айвена послышался свист, когда он с трудом пытался втянуть в них воздух.

– Черт бы тебя побрал! – Он с ненавистью посмотрел на нее. Его гнусная душа издавала запах. Это был запах мерзости. – Ты стерва. Ты обманула...

– Заткнись! – прикрикнул Нил на отца. Двумя прыжками он преодолел расстояние между собой и Джейд, схватил ее за руки и заставил встать. Он говорил сквозь зубы. – Ты хочешь сказать, что никогда не собиралась покупать землю Паркеров?

– Совершенно правильно. Я хотела, чтобы вы захотели приобрести ее.

– Она провела нас, как последних идиотов! – взревел Айвен. – Мы потратили миллион долларов на кучу свиного дерьма.

Джейд повернула голову к старику и посмотрела на него своими дымчато-голубыми глазами.

– Не большая компенсация за жизнь Гэри. А вы как счи-

таете?

Нил выдернул ее из-за стола и начал ее трясти.

– Ты уничтожила нас.

– Так же, как вы уничтожили меня и Гэри.

Он ударил ее по лицу. Она вскрикнула. Дверь распахнулась так неожиданно, что в комнате просвистел ветер. Выражение лица Диллона и его поза были воплощением бога-громовержца, однако он сказал леденящим душу спокойным голосом:

– Ты об этом пожалеешь.

Потом ринулся в противоположный угол комнаты, схватил Нила за шею и швырнул его о стенку. Айвен ударил своей тростью Диллона сзади по ногам. Тот закричал от неожиданной боли, быстро повернулся и выдернул трость из рук Айвена. Сначала Джейд испугалась, что он размозжит этой тростью голову, но Диллон наступил на нее и сломал пополам, как прутик.

Отшвырнув обломки трости и услышав предупреждающий крик Джейд, Диллон резко повернулся, чтобы встретить налетавшего на него сзади Нила, Нил всегда в драках подначивал других, сам стараясь уклониться. Для Диллона же уличные драки были способом выжить. Его движения были выверенными и быстрыми. Он сильно ударил Нила локтем в живот, а потом нанес ему сокрушительный удар в лицо, ломая хрящ и раздирая кожу.

Нил откатился назад, ударился о стену и сполз по ней на

пол. Диллон, тяжело дыша, склонился над ним.

– Убирайся отсюда сию же минуту и забирай с собой эту старую мразь! Или же можешь остаться и дать мне возможность вытряхнуть из тебя душу.

Нил попытался слизнуть кровь с подбородка, но она ручьем текла из разбитого носа и пачкала рубашку. Стараясь сохранить остатки достоинства, он с трудом встал на ноги. После ударов, полученных от Диллона, ему было нелегко поднять и нести Айвена.

Джейд проводила их до двери, зная, что наступил момент, которого она ждала пятнадцать лет: Патчетты были побеждены и уничтожены.

Нил привязал Айвена к сиденью своего „эльдorado“. Джейд стояла около блестящего хромированного радиатора, когда он подошел к ней. Она шлепнула ему в ладонь купчую:

– Надеюсь, что до конца своих дней ты не будешь знать, что такое спокойная жизнь.

Он смял купчую в кулаке.

– Ты еще пожалеешь об этом. Еще как пожалеешь.

С трудом он втиснулся на сиденье. Джейд смотрела, как они уезжают, прикрыв глаза от солнца, и даже не закашлялась от пыли, поднятой колесами машины.

Ее колени подогнулись, и она села прямо на землю, вцепившись руками в землю.

– Я отомстила. Я отомстила.

Диллон опустился на корточки рядом с ней.

– С тобой все в порядке?

– Да, я чувствую себя превосходно. – Джейд улыбнулась ему. Лицо его было покрыто потом и грязью, лоб пересекала красная полоса – след от шляпы. Под глазами видны были полукруглые следы от солнечных очков. Это придавало ему озабоченный вид. – Спасибо, Диллон.

– Я увидел их машину и сразу же прибежал. – Он слегка тронул ее губу. Она распухла, но крови не было. – Только вот немного опоздал.

– Даже не болит. – Джейд посмотрела в сторону уехавшего автомобиля и осевшего облачка пыли. – Я отомстила, – опять прошептала она.

– Как?

Джейд рассказала ему о своем плане.

– Я так боялась, что они не попадутся на мою удочку, догадаются, что моя заинтересованность в ферме Паркеров – игра.

– А если бы они не заглотнули наживку?

– Митч оставил мне значительную сумму. Я даже не знала об этом, пока не было обнародовано его завещание. Если бы это не сработало, я бы использовала эти деньги, чтобы самой купить землю Паркеров.

Диллон с досадой покачал головой.

– Ты вытащила меня сюда, заставила обмерить весь участок, как последнего дурака. И все это был спектакль?

– Признаю, что использовала тебя. Прости.

– После того, что Патчетты сделали с тобой, – сказал он, – не нужно объяснять свои мотивы или методы.

– Это моя личная месть. Я не хотела посвящать в это тебя или кого-либо другого больше, чем было необходимо. – Она опять посмотрела вдаль. День был теплый и сырой, хотя лето шло на убыль. Перемены были неизбежны.

– Гэри ненавидел бедность, – сказала Джейд с грустью. – Как свою бедность, так и бедность своей семьи. Он не раз говорил, что когда-нибудь вернется в Пальметто и положит отцу на колени миллион долларов. – Она повернулась к Диллону. Лицо ее светилось радостью. Она протянула руки и взяла его за плечи. – Диллон, я сделала это за него.

Обхватив ее за талию, он встал, увлекая за собой. Губы под густыми усами расплылись в искренней и такой редкой для него улыбке.

– Я думаю, это надо отметить.

Экономка заглянула в комнату, чтобы спросить, когда мистер Айвен и мистер Нил будут ужинать. Нил запустил в нее хрустальным графином с бренди. Она еле успела увернуться, ей хватило ума больше не входить к ним.

В комнате пахло бренди, растекшимся со стены на ковер, но оба слишком много выпили, чтобы обращать на это внимание.

– Вот стерва, – пробормотал Нил, наливая себе еще. – Оно того не стоило. Не так уж с ней было хорошо – она была то-

гда еще паршивой девственницей. – Он широко развел руки, в одной из которых был стакан. – Больше ничего и не было, ты же знаешь. Тогда Хатч, Ламар и я немного поразвлеклись с ней. Откуда нам было знать, что она это воспримет так серьезно или что ее парень из-за этого повесится?

– Сядь и заткнись! – Рывкнул на него Айвен. Голова его сидела на плечах очень низко, как будто тело засасывало шею. Под мохнатыми бровями светились злобные маленькие глазки. – Ты пьян.

– У меня есть уважительная причина. – Нил, покачиваясь, дошел до кресла отца и навис над ним. – Может ты забыл, папочка, но у нас не осталось даже ночного горшка. Кроме всего прочего, мы заложили и доход по ломбардным кредитам на следующий год.

– И чья же это была блестящая идея?

– Она должна была сработать, – ответил, защищаясь, Нил.

– Так вот, она не сработала.

Их отношения стали такими еще тогда, когда Нил был подростком. Он был нагл и самоуверен, пока не попадал в какую-нибудь неприятность, тогда он бежал к отцу за помощью, и тот выручал его.

– Где же нам достать денег, па, – заныл он. – Чем мы будем платить рабочим? Придется закрыть фабрику.

Айвен посмотрел на сына с нескрываемым презрением.

– Чего ты дергаешься? Скоро у нас совсем не будет рабочих. Они все будут работать на „Текстиль“, на Джейд Спер-

ри. Фабрика Патчеттов уйдет в историю.

Избитая физиономия Нила скривилась гримасой отчаяния.

– Не говори так, па.

– Она с самого начала это задумала. Хотела, чтобы мы закрылись, хотела разорить нас. – Айвен смотрел на какую-то точку на противоположной стене с такой яростью, как будто хотел испепелить ее взглядом. – И она этого добилась.

Нил рухнул на диван и прикрыл глаза руками.

– Я не знаю, что значит быть бедным. Я не хочу быть бедным!

– Прекрати ныть, черт подери!

– Конечно, тебе плевать, что случится. Это мне придется ковыряться в этом дерьме, поскольку жить-то мне. Твой врач говорит, что твои сердце и легкие ни к черту не годятся. Так что ты все равно скоро помрешь.

– Я это и без врача знаю. – Однако Айвен не был похож на умирающего. В глазах светился адский огонь. – Но я уверен в одном. Я не умру, пока не расквитаюсь раз и навсегда. Эта паскуда Сперри так просто не отделается. Ни черта! Пусть немного попразднует. Зато мы получим нечто гораздо более важное.

Сразу протрезвев, Нил поставил стакан на кофейный столик.

– Ее сын?

– Ты прав, сынок. Мы, Патчетты, может быть, и ранены, но

еще живы. Завтра прямо с утра мы позвоним... Майраджейн Гриффит и пригласим ее сюда.

Диллон возился на дворе с жаровней.

– Очень симпатичная рыбка, – сказал он помогавшему ему Грэму.

– Спасибо, – сказал тот, гордо улыбаясь. – Каждый раз, когда я рыбачу на этом месте, обязательно что-нибудь да поймаю.

– Как дела в школе?

Грэм уже две недели посещал занятия, и до сих пор все было в порядке. Он сказал Диллону:

– Думаю, меня возьмут в футбольную команду. На следующей неделе будет отбор.

– Уже образовалась корочка. – Диллон перевернул рыбу. – Ты не скучаешь по Нью-Йорку?

– Не очень. Мне даже нравится жить в маленьком городе. А вам?

Прежде чем ответить, Диллон бросил взгляд на дом. Грэм тоже посмотрел в ту сторону. Сквозь кухонное окно была видна мама.

– Да, мне здесь нравится, – сказал Диллон, опять возвращаясь к жаровне.

– Что вы будете делать, когда достроите фабрику? Останетесь здесь или поедете еще куда-нибудь? – Поскольку разговор пошел по этому руслу, Грэм был рад возможности спро-

силь Диллона о его будущем. Было бы здорово, если бы его будущее и будущее Диллона каким-то образом совпали.

– До конца строительства еще далеко, – сказал Диллон. – Не один год. А потом я не знаю, что буду делать. Я так далеко не заглядываю.

– Как это?

– Просто ничего хорошего из этого не получается. Из задней двери дома показалась голова Джейд.

– Все уже готово. Мужчины, ждем только вас.

– Уже не ждете. Рыба готова, – откликнулся Диллон. – Грэм, выключи, пожалуйста, газ.

– Конечно. – Мама так некстати перебила их. Ответ Диллона озадачил его, потому что противоречил убеждению матери, что человек должен иметь цель и идти к ней, несмотря на трудности. Кроме того, он хотел убедиться, что Диллон еще долго пробудет здесь, с ними.

– Проверь, чтобы ручка была повернута до конца, – предупредил Диллон.

– Да, обязательно.

Диллон положил жареную рыбу на блюдо и понес через заднее крыльцо на кухню. Джейд открыла дверь, Грэм смотрел, как она понюхала жареную рыбу, наклонившись над тарелкой, и облизнулась, предвкушая божественный вкус. Диллон сказал что-то, что рассмешило ее.

Грэм неожиданно почувствовал, как у него поднимается настроение. Он всегда любил, когда Диллон ужинал с ними.

Но сегодня в доме была какая-то особая, праздничная атмосфера. Он не знал, что именно они празднуют, ему было все равно. Было важно, что мама казалась веселой и оживленной, впервые за все время, что они жили здесь. Может быть, она учла то, что он сказал ей недавно о том, что она чересчур напряжена. Сегодня она просто светится от счастья.

Придя с работы, Джейд переоделась. Теперь на ней было просторное платье из легкого белого материала. Друзья Грэма говорили, что у него мама – высший класс. И это было правдой. Когда они садились за стол, она казалась ему необыкновенно красивой.

Грэму велели прочитать молитву, и он быстро пробормотал благодарственные слова. Когда еду раскладывали по тарелкам, он спросил:

– А мы сегодня вечером поиграем в дурака? Мы с Диллоном будем играть в паре, как в прошлый раз.

– Никогда! – воскликнула Джейд. Она постучала ножом по столу. – В прошлый раз вы оба жульничали.

– Ну я бы не стала называть это жульничеством. Так, некоторые сигналы пальцами, – дипломатично заметила Кэти.

– Нет, это было жульничество, – стояла на своем Джейд.

– Я глубоко оскорблен. Возьми свои слова обратно.

Диллон нагнулся в ее сторону и схватил за шею. Она инстинктивно подняла плечо и наклонила голову, зажав его руку между щекой и плечом.

Вдруг Грэм заметил, что выражение лица матери резко

изменилось. У нее был такой изумленный вид, как если бы Диллон залез на стол и начал танцевать голышом. Она выпрямилась и посмотрела на Диллона.

– Беру свои слова обратно.

Голос тоже звучал необычно, словно онахватила глоток неразбавленного виски. На щеках появился румянец. Она тяжело дышала, как будто после занятий аэробикой. Мама и Диллон смотрели друг на друга даже после того, как он медленно убрал руку с ее шеи. Когда они наконец опустили глаза, Диллон начал намазывать масло на кукурузный початок. Мама была какой-то растерянной. Она смотрела в свою тарелку и перебирала в руках серебряные нож с вилкой, словно никогда их прежде не видела и не знала, что с ними делать.

Грэм улыбнулся про себя. Если он не круглый дурак, то его мама и Диллон влюблены друг в друга.

– Я все еще никак не могу поверить. Каждый раз, как подумаю об этом, хочу себя ущипнуть, чтобы убедиться, что это действительно произошло. – Джейд повернулась к Диллону. Он сидел рядом с ней на недавно установленных у входа качелях. – Но ведь это была правда? Это не сон.

– Для Паркеров, безусловно, сон. А вот для Патчеттов – скорее кошмар. Они бежали в панике.

– Да, я уж могу напугать людей до смерти, – засмеялась Джейд.

– Ты можешь. У меня от страха во рту пересохло в тот

вечер, когда ты вытащила меня из тюрьмы.

– Я? Это у тебя была густая борода и мрачный взгляд.

– Но хозяйкой положения была ты. После смерти Дебры я жил, как придется. Твое хладнокровие и знание дела напугали меня. Как ты думаешь, почему я вел себя грубо?

– Был уверен в своем неотразимом обаянии.

Криво улыбаясь, Диллон покачал головой.

– Это был страх в чистом виде.

Джейд окинула взглядом свой сад. Лунный свет отбрасывал на траву густые тени от деревьев. Звенели цикады. Легкий ветерок доносил запах моря.

– Жаль, что моя мать не знает того, что произошло сегодня. – В ее голосе не было горечи, лишь сожаление.

– Я никогда не слышал, чтобы ты говорила о своих родителях. Что с ними?

– Ты еще пожалеешь, что спросил. – Джейд рассказала ему о своих сложных отношениях с матерью, о самоубийстве отца, и как по-разному оно подействовало на них обоих. Диллон был потрясен, узнав, что Велта считала Джейд отчасти виноватой в насилии.

– Нет, я прав, что спросил, – сказал он, когда она закончила рассказ. – И рад, что все это узнал. Также рад, что не имел счастья познакомиться с твоей матерью.

– Всю жизнь мне хотелось, чтобы она меня любила. Но этого так и не произошло. Она была несчастлива, что я появилась на свет. И так продолжалось всю жизнь.

– Когда она обо всем узнает, то, наверное, будет завидовать тебе, Джейд. И даже если она никогда не признается, будет уважать тебя.

– Может быть. Можно завоевать уважение, когда тебе тридцать, но не в тринадцать лет. Или даже в восемнадцать. Я никогда не была такой, какой она хотела меня видеть.

– Какой?

– Жеманной красоткой с Юга, которая бы сделала удачную партию. В Пальметто это означало поймать на удочку Нила Патчетта.

Диллон выругался.

– Мои цели были настолько далеки от всего этого, что она не только не понимала, но даже и не видела их.

– Что бы она сейчас ни делала, она не может не понимать, что была не права. Возможно, и раскаивается в том, что сделала.

– Жаль, что я не могу повидать ее и поговорить. Не хочу, чтобы она извинялась передо мной. Мне хочется, чтобы она увидела, как мы с Грэмом живем. Интересно, нашла ли она что-то или кого-то, кто бы сделал ее счастливой.

– Ты говоришь так, будто простила ее.

Джейд задумалась над словом „простила“. Затем решила, что оно не очень подходит. Ее мать уже в какой-то другой жизни. У Велты нет ни сил, ни возможностей причинить зло.

– Мне бы только хотелось, чтобы она узнала, что я выполнила задуманное. Сожалеет ли она, простила ли ее я – это

не имеет значения. Это уже в прошлом. После сегодняшнего дня я хочу смотреть вперед, а не назад.

Диллон сошел с качелей и встал около ограды, окружавшей веранду. Они не заметили, как стемнело. В доме было тихо. Кэти и Грэм уже легли. Казалось, Диллон не торопится уходить. Он положил руки на ограду и наклонился вперед.

– В последние дни я много думаю о прошлом.

– О чем-нибудь конкретном?

– Угу. Я пришел к тому же выводу, что и ты. Пора дать прошлому уйти. А самим идти вперед. Он повернул к ней лицо, все еще держась за ограду.

– Всю жизнь я считал, что если человек сам по себе хороший, если он работает на совесть, если не нарушает гармонии в природе, то он будет вознагражден. Все у него будет хорошо. И наоборот, если человек совершает ошибку, он дорого платит. С ним происходит беда. В последнее время я начал думать, что моя теория неверна.

Джейд не видела, а скорее чувствовала, как его глаза смотрели на нее в серебристой темноте.

– Ты говоришь о жене и сыне?

– Да.

– Когда происходят подобные несчастья, Диллон, человеку свойственно искать объяснение. И поскольку нужно найти виноватого, то мы виним себя. Это вполне естественно.

– Но я построил на этом целую философию. Это началось, когда мои родные погибли. Помню, как я не находил себе

места, мучаясь вопросом, чем же так прогневил Бога» что он так жестоко обошелся со мной. Это было еще до того, как детские психологи начали объяснять детям, что если что-то не так, то их вины в этом нет.

Диллон поднес к лицу ладонь и стал рассматривать мозоли.

– Если начинаешь думать так еще в детстве, то эта мысль сопровождает тебя и в юности, и в зрелости. Я постоянно жонглировал, уравнивая грехи хорошими поступками, чтобы судьба не отвернулась от меня. Если я делал что-то не так, то ждал, что на меня обрушится удар.

Он повернул голову, Джейд стал виден его профиль.

– Когда умерли Дебра и Чарли, я решил, что совершил что-то действительно ужасное. – Диллон невесело рассмеялся. – Наверное, это верх самоуверенности считать, что можешь влиять на судьбы людей, правда? Но все эти годы я считал себя виноватым в их смерти. Думал, что это возмездие за что-то, что я сделал или чего не сделал.

Джейд подошла к веранде и встала рядом с ним у ограды, однако не перебивала. Он грустно покачал головой.

– И в конце концов я пришел к выводу, что дерьма в жизни хватает. С хорошими людьми происходят трагедии, а счастье улыбается гнусным подонкам. – Его глаза встретились с ее взглядом. – Я даже не могу передать тебе, что я испытал, когда освободился от чувства вины.

– Дебра и Чарли были жертвами несчастного случая, Дил-

лон. Так же, как и ты.

– Спасибо, что помогла мне понять это. – Он поднял руки к ее лицу, давая ей время привыкнуть к мысли, что хочет обнять ее. Затем осторожным движением отвел темные пряди волос с ее лица.

– Ты такая красивая, Джейд.

У нее внутри все замерло, как окаменело. Поскольку она не почувствовала того страха, который обычно охватывал ее, когда ее касался мужчина, то не решалась ни моргать, ни сглатывать, ни дышать, вообще не делать ничего, что могло бы опять спровоцировать чувство страха.

Она старалась сосредоточить внимание не на своей реакции, а на Диллоне. Что он видит, когда смотрит на нее своими внимательными серо-зелеными глазами? Кажутся ли ему шелковистыми ее волосы, когда он касается их кончиками пальцев? Есть ли у него это сжимающее сердце предчувствие, которое испытывает она?

«Предчувствие чего?» – подумала Джейд.

Но эта мысль так не вязалась с ее настроением, что она отбросила ее. Нет, надо дышать ровно, никаких сердечных перебоев, никакого волнения.

Диллон протянул вперед правую руку над ее плечом и оперся на колонну за ее спиной. Оказавшись между ним и колонной, Джейд почувствовала приступ панического ужаса. Но когда он назвал ее по имени, его тихий глубокий голос успокоил ее.

– Джейд?

– Гм-м?

– Я хочу сделать то, что ты мне не раз запрещала.

Внутри у нее что-то екнуло. Она почувствовала его теплое и влажное дыхание на своем лице. Ее глаза были открытыми до тех пор, пока она могла это делать. Усы Диллона щекотали ее губы. Он касался их самым кончиком языка так легко, что вначале она подумала, будто ей показалось.

– Я хочу узнать, какая ты, Джейд.

Диллон наклонил голову и коснулся своими губами ее губ. К удивлению Джейд, они с готовностью раскрылись. Он издал низкий звук и стал протискивать язык между ее зубами. Это было мягко и вполне приятно. Она почувствовала, как он вбирает в себя ее губы. Его язык проник внутрь, но это было очень деликатно.

Темная теплота ночи окутала ее вместе с волшебством его поцелуя. Чувствуя, как у нее кружится голова, Джейд инстинктивно стала искать опору, рукой обхватила руку Диллона, все еще упирающуюся в колонну.

Он выдохнул ее имя и слегка согнул локоть. Это движение сблизило их, они касались друг друга.

Осторожно Диллон положил свою руку ей на талию. Губами он гладил ее губы, щекотал их усами, потом слегка прикусил ее нижнюю губу. Затем опустил голову и поцеловал ее в шею.

Джейд слегка охнула.

– Я боюсь.

– Меня?

– Всего этого.

– Не надо бояться.

Джейд закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать.

Он подождал.

– Все в порядке? – Диллон поднял голову и посмотрел ей в глаза. – Джейд?

Она положила руку на взволнованно вздымающуюся грудь.

– Я не могу дышать.

Уголок его рта чуть дрогнул.

– Это хорошо или плохо?

– Я сама не знаю.

– Я думаю, что это хорошо.

– Ладно.

– Расслабься. – Диллон чуть-чуть нажал на ее плечи, пока она не оперлась спиной о колонну. – Дыши глубже.

Как ребенок, Джейд делала то, что он ей велел. Закрыв глаза, она глубоко вдыхала ночной воздух. Это успокаивало. Открыв глаза, она увидела его лицо совсем рядом. И опять почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– Я чувствую себя так глупо.

– Не надо. Тебе необходимо избавиться от того страшного кошмара, который приходится на долю женщины.

– Я хочу избавиться от него. – Джейд с трудом произно-

сила слова. – Я действительно хочу, Диллон.

– Хорошо. Это просто здорово, – сказал он глухим голосом. – Мы добьемся этого. Я думаю, нам нужно провести вместе несколько выходных дней. Только ты и я. И полная свобода. Ничего заранее не планировать. Просто забыть привычное окружение, чтобы можно было расслабиться. Что ты скажешь на это?

– Нет.

Диллон опустил руки и отступил на шаг. На его лице отразалась смесь гнева и разочарования.

– Тогда я не могу больше целовать тебя, Джейд. Потому что рано или поздно я потеряю голову. Мое тело будет принимать решение за меня и в конце концов все кончится тем, что ты будешь бояться меня. Я этого не хочу.

Он отвернулся от нее и сбежал вниз по ступенькам. Джейд догнала его прежде, чем он успел дойти до своего пикапа.

– Диллон, ты не понял меня.

– Нет, я понял. Честное слово, понял. Только... – Он провел рукой по ее волосам. – Боже, я больше не могу.

Она схватила его за рукав.

– Ты меня не понял. Я не то хотела сказать. Я не хочу ждать выходных. Я хочу попытаться сегодня. – Она нервно облизнула губы и посмотрела на него умоляюще: – Сейчас, Диллон.

XXVIII

– Куда мы едем? – спросила Джейд. – То есть я знаю куда. Но зачем? – Подожди и увидишь. Свет автомобильных фар освещал аллею, которая в конце концов уперлась в плантаторский дом. Джейд недавно купила его под административное здание. Двор был залит лунным светом. Лишь под деревьями таились глубокие тени. Дом казался белым и величественным и смотрелся намного лучше, чем при ярком свете дня.

Беря фонарик из машины, Диллон загадочно улыбнулся.

– Пошли. Все в порядке. Хозяин – мой личный друг.

Вместе они прошли через двор и поднялись по ступеням крыльца. Старые доски скрипели под ногами.

– Нужно будет закрепить их, пока никто не покалечился, – заметил он, вынимая ключ из кармана.

– Откуда у тебя ключ?

– Если ты не перестанешь задавать вопросы, ты испортишь весь сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Еще один вопрос.

Затхлый воздух нежилых помещений пахнул на них, как только Диллон открыл дверь и пропустил Джейд в просторную прихожую. Фонарик осветил пол, выложенный итальянской плиткой.

– Прямо как в музее.

Джейд сложила руки на груди.

– Днем мне здесь нравится гораздо больше. Тут мрачно-вато.

Она была озадачена и немного разочарована. Когда они отъехали от дома, Джейд решила, что Диллон повезет ее прямо в свой вагончик. Остаться дома было невозможно. Даже если бы им удалось незаметно для Грэма и Кэти прошмыгнуть в дом, Джейд не могла бы чувствовать себя там спокойно. Сегодня ей ничто не должно мешать.

А здесь и вовсе она может потерять всю свою решимость. Заброшенный старый дом, в котором много лет уже никто не жил, не очень-то поднимал ее настроение. Кроме того, почему эта задержка? Неужели весь его пыл так быстро улетучился?

– Возьми меня за руку и не споткнись.

Джейд протянула ему руку. Диллон пошел наверх. Удивительно, как он хорошо ориентировался и не наступал на сломанные или ненадежные ступени.

– Ты бывал здесь раньше?

– У-гу.

– Без меня?

– У-гу.

– Когда?

– Осторожно, здесь торчит гвоздь.

Когда они поднялись на площадку, Диллон повернул на-

право, освещая себе путь фонариком. Все двери были открыты, кроме одной, в конце коридора. К этой-то двери Диллон и вел ее. Прежде чем повернуть фарфоровую ручку и распахнуть дверь, он с надеждой посмотрел на нее.

Джейд перешагнула порог и вошла в комнату. В отличие от остальных помещений, здесь было убрано. Паутины не было ни в углах высокого потолка, ни на подвесках хрустальной люстры. Пол не был натерт, однако был чисто выметен.

Никакой мебели, кроме медной кровати. Джейд еще во время их первого посещения этого дома восхищалась ею, хотя от времени кровать уже безнадежно потускнела. Теперь же, под лучом фонарика Диллона, она ярко блестела. Высокую спинку украшали какие-то завитушки в викторианском стиле. К ней прислонены подушки в белых чистых наволочках, кровать застелена чистыми простынями, сверху лежало одеяло. С потолка спускалась противомоскитная сетка...

Ошеломленная, Джейд смотрела на все это, пока Диллон зажигал свечи на мраморной каминной доске. Он обошел всю комнату, зажигая повсюду десятки свечей, пока стены не засветились в мягком свете, а латунная кровать под сеткой не загорелась ярким блеском. Когда была зажжена последняя свеча, Диллон загасил спичку, бросил ее в камин и повернулся к Джейд. Вид у него был робкий и застенчивый.

– И что ты думаешь?

Она уперлась руками в бока, открыла рот, но не могла найти слов.

– По вечерам мне обычно нечем было заняться, – сказал он. – С тех пор, как ты купила этот дом, я приходил сюда и кое-что тут делал.

Со смущенным видом Диллон взглянул на кровать.

– Это, наверное, кажется слишком самонадеянным, я понимаю. Но я знал, как тебе нравится это место. И подумал, что если ты когда-нибудь... что если мы... Черт. – Он потер одной рукой затылок и засунул другую за пояс своих джинсов. – Понимаешь, я не мог привести тебя в свой паршивый вагончик. Это настолько лишает отношения романтики. И я думал, что тебе необходимо... ты заслуживаешь того, чтобы была романтика. – Диллон пробормотал какое-то ругательство. – Наверно, я похож на идиота? Я чувствую себя последним придурком. Последним романтическим поступком в отношении женщины, который я совершил после смерти Дебры, было спросить сначала ее имя. – Он с видимым отвращением выдохнул. – Наверно, эта комната – не самая лучшая идея. Если хочешь, уйдем отсюда.

Джейд молча покачала головой.

– Я не хочу быть дураком, честное слово, – сказал Диллон. – Если хочешь все прекратить, то давай.

Она подошла к нему.

– Мне кажется, это ты трусишь, Диллон.

– Ты права. Я боюсь, что ты раздумаешь. – Чуть охрипшим голосом он добавил. – Я очень не хочу этого.

– Боюсь, что я опять окажусь не на высоте.

Огонь свечей отражался в его напряженном взгляде.

– Это невозможно.

С некоторой неловкостью, Джейд посмотрела на кровать.

– Такая изумительная комната. Правда. Это такой заботливый и... и романтический поступок.

– Спасибо.

Джейд опять повернулась к нему и застенчиво улыбнулась.

– Я рада, что это будешь ты, Диллон.

Он схватил ее руку и сжал. Его большой палец ласкал ее ладонь.

– Я тоже. Но почему я?

Она опустила ресницы, чтобы прикрыться от его настойчивого взгляда.

– Я еще не уверена, что смогу пройти через все это, но... Ты первый мужчина, который заставил меня захотеть этого. Первый раз в жизни. Мне кажется, что стоит рискнуть.

Подняв ее руку к своим губам, он поцеловал ее.

– В любую минуту, пока мы вместе, тебе стоит только сказать «перестань», и я перестану. Может быть, я буду ругаться, может быть, даже заплачу, – сказал Диллон, слегка улыбаясь. – Но перестану.

Джейд не хотела, чтобы он переставал ласкать ее ладонь. Когда он говорил, то держал ее у своих губ, и Джейд чувствовала его теплое дыхание. Он повернул ее ладонь и слегка прикусил подушечку под большим пальцем.

Закрыв глаза, Диллон целовал центр ладони, зарываясь в нее ртом. Его губы были теплыми и серьезными, в то время как язык был игрив и шаловлив. Указательным пальцем Джейд он водил по своим усам, от одного изгиба губ до другого, обводя кончиком пальца свою верхнюю губу.

Он слегка покусал зубами ее указательный палец. Джейд почувствовала щекотание и в пальце, и где-то в низу живота. Покусывая, лаская языком, он проделал это по очереди с каждым ее пальцем.

Джейд наслаждалась не только своими ощущениями от его ласк, но и видом Диллона. Огонь свечей падал на светлые пряди его волос, темные прямые ресницы отбрасывали тень на щеки, на которых были чуть заметны тонкие морщинки. Его рот с пухлой нижней губой под густыми усами выглядел чрезвычайно мужественным и привлекательным. Когда она смотрела на него, то где-то внутри у нее возникало ощущение, какое, наверное, бывает у кошки, удовлетворенно потягивающейся после долгого сна. Диллон поцеловал ее запястье, затем его губы двинулись вверх по руке до сгиба локтя. Джейд чувствовала влажность его языка и гладкую поверхность его зубов, когда он слегка втягивал ее кожу. Голова коснулась ее груди. Она испугалась, что былой страх вернется. Но чувство, постепенно идущее изнутри, из ее тела, сказала ей, что это хорошо и приятно.

– Говорят, они должны напрячься.

Джейд не осознавала, что произнесла эти слова вслух, по-

ка Диллон не поднял голову.

– Что?

– Ничего.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что... что говорят, они должны напрячься.

– Кто они?

– Соски.

Он взглянул на ее грудь.

– Ну и как?

Она кивнула.

– Когда ты коснулся их головой.

– Тебе было приятно?

– Да.

– Я сделал что-нибудь, что тебе было неприятно?

– Да.

– Что?

– Много болтаешь.

Он тихо засмеялся.

– Вот видишь. Старая привычка. Я всегда жду чего-нибудь плохого, когда больше всего на свете желаю, чтобы все было хорошо.

Диллон положил ее руки себе на плечи, как будто этот медленный ритуал они проделывали каждый вечер. Слегка придерживая за талию, он привлек ее к себе, ближе, пока их тела не соприкоснулись. Когда они тесно прижались друг к другу, Джейд не могла скрыть своего удивления.

– Не только твои соски напряглись, Джейд, – напомнил он ей громким шепотом. Прижав свой лоб к ее лбу, Диллон продолжал тем же спокойным голосом: – Это лишь плоть, это я. Ведь ты не боишься меня, правда?

Он ждал ее ответа. Наконец она покачала головой, не отрывая свою голову от него.

– Пожалуйста, не бойся меня.

– Я не боюсь.

– Тогда поцелуй меня. – Диллон откинул голову и посмотрел на нее. – Поцелуй меня, Джейд.

– Я уже целовала.

– Нет, это я тебя целовал. А это не одно и то же.

Джейд хотела доказать ему, что не струсит. И что еще важнее, хотела доказать это себе самой. Она запустила пальцы ему в волосы и притянула его голову к себе, встав на цыпочки. Потом прижалась к его губам.

Однако его реакция была более чем спокойной. Это задело ее.

– Было бы легче, если бы ты ответил на мой поцелуй.

– Ты меня не целуешь. Мы просто касаемся друг друга губами. Это не считается.

Ее страх перед близостью боролся с желанием преодолеть его. Опять встав на цыпочки, Джейд провела языком по его твердым губам. Губы разомкнулись, и неожиданно для себя она почувствовала, что ее язык ласкает внутреннюю поверхность его рта, трется о его язык, чувствует его вкус. Она еще

сильнее притянула к себе его голову. Его рот сомкнулся на ее губах.

Случилось что-то необычайное, что-то возбуждающее. Они оба это почувствовали. Издав гортанный звук, он обеими руками обнял ее за ягодицы, прижимая к себе. Джейд чувствовала, что она еще контролирует ситуацию, и позволила ему это. Ей было приятно чувствовать жар и упругость его тела.

Впервые за пятнадцать лет Джейд дала волю своим ощущениям. Она наслаждалась вкусом и прикосновением его рта. Получала невыразимое и новое для себя удовольствие от прикосновений к его волосам и коже. Ее уши наслаждались гортанными вибрирующими звуками, рождающимися в его горле. Его сила не пугала ее. Было приятно гасить ее своей мягкостью и податливостью. В каждой точке, где соприкасались их тела, она чувствовала жар.

Они целовались не переставая. Возбуждаясь, она все глубже проникала языком в его рот. Он отвечал ей тем же, каждый поцелуй стал актом любви.

Наконец Джейд, еле дыша, оторвалась от его губ и, совершенно ослабев, прислонилась к нему.

– Диллон, может быть, мы сядем?

– Лучше ляжем.

Она отпрянула от него.

В глазах Диллона был огонь и напряженность, но голос звучал спокойно и ободряюще.

– Давай?

Мысль о том, чтобы лечь рядом с ним, заставила сердце Джейд громко и учащенно биться. С опаской она посмотрела на кровать.

Диллон тыльной стороной руки дотронулся до ее щеки и повернул ее лицо к себе.

– Просто ляжем рядышком. Я не буду сверху.

Она облизнула губы. Они имели вкус Диллона – необыкновенный вкус.

– Хорошо. Ляжем рядом. – Диллон кивнул и начал расстегивать свою рубашку. – Я еще не готова снимать свою одежду, – сказала Джейд торопливо.

– Ну и прекрасно.

Однако это не повлияло на него. Он сдернул с себя рубашку и бросил ее на пол. У него не было ремня. Пояс его старых джинсов был вытерт до белизны. Верхняя их часть немного завернулась, отставая от тела. Между ними и его гладким, слегка покрытым волосами торсом был дразнящий зазор. Откинув москитную сетку, Диллон сбросил ботинки, носки.

Он лег на спину. Его загорелая кожа резко выделялась на фоне белых простыней и горы подушек. Сквозь сетку он протянул к ней руку. С некоторой дрожью в теле Джейд прилегла рядом с ним. Сняла босоножки – единственная уступка, которую она сделала, прежде чем задернуть сетку.

Без рубашки он казался еще мужественней. Это испугало

ее. И дурманящая эйфория, вызванная его поцелуями, стала понемногу исчезать. Искорки, как бы кружащиеся в ее голове, начали гаснуть одна за другой, как гаснут огни фейерверка. Джейд почувствовала, как погружается в черный страх. Очевидно, Диллон тоже это понял. Он тихо сказал:

– Я сделан из той же материи, что и ты, Джейд. Только слеплен по-другому.

Джейд взглянула на его широкую, волосатую грудь, глубокую впадину живота под грудной клеткой, загадочный пупок и отчетливо различимый бугор в джинсах.

– Да уж, действительно.

Указательным пальцем он чуть тронул ее сведенные брови.

– Ведь не так все плохо, правда?

– Совсем не так плохо, – ответила она чуть охрипшим голосом. – Мне нравится твоя внешность. Ты мне еще тогда понравился, когда я смотрела на тебя в бинокль в первый раз.

Диллон озадаченно нахмурился.

– В бинокль? – Его крупная ладонь от кончика мизинца до большого пальца была шириной с ее спину. Он стал водить ею вверх-вниз по ее спине.

– Помнишь, когда в Лос-Анджелесе я нанимала тебя на работу, я сказала тебе, что в течение нескольких дней наблюдаю за твоей работой. Я смотрела на тебя из окна гостиницы в бинокль. Ты мне очень понравился. – Голубые глаза Джейд

встретили его взгляд и не отрывались от него. – У меня просто дух захватило.

Его рука прекратила движение по ее спине и, казалось, своим жаром вот-вот прожжет тонкую ткань блузки.

– Я не знала, как реагировать на те чувства, которые испытывала из-за тебя, – призналась Джейд охрипшим голосом.

– А сейчас?

– Я и сейчас не знаю, как реагировать.

– Постарайся.

– Как?

– Погладь меня. Обещание остается в силе, – добавил Диллон. – Я не буду тебя касаться, если только ты сама этого не захочешь.

Джейд с опаской посмотрела на его обнаженную грудь.

– Я лучше еще просто поцелую, если не возражаешь.

В его улыбке чувствовалось некоторое напряжение.

– Думаю, что смогу это выдержать. – Он потянулся к ней, чтобы пододвинуть ее к себе поближе, но она вскочила. Диллон взял ее за руки, чтобы успокоить.

– Если мы будем целоваться, то наши губы должны быть на одном уровне. Лежи спокойно, Джейд.

После нескольких напряженных секунд она осторожно легла. Он взял ее лицо в ладони и привлек к себе. Их губы слились в страстном и влажном поцелуе. Он был нежным, чувственным и возбуждающим. Дразнящий язык Диллона то проникал ей в рот, то исчезал. Вскоре поцелуя ей показалось

мало. Захотелось большего.

Джейд было легче гладить его, когда она не смотрела ему в глаза. Она робко положила руку ему на грудь. От неожиданности и радости Диллон издал невнятный звук, не прекращая поцелуя.

Его кожа была теплой. Волосы на груди казались жесткими и живыми. Сосок был крупным и твердым. Джейд чувствовала его в центре ладони. Несколько минут она не могла заставить себя пошевелиться. Но его поцелуи снимали ее тревогу, вызывая беспокойное любопытство и желание.

Джейд слегка пошевелила пальцами. Почувствовала твердые мышцы, волосы. Большим пальцем погладила его сосок. Диллон резко втянул в себя воздух и задержал его. Рука Джейд замерла, – Я не хотел пугать тебя, – с трудом проговорил он, – продолжай.

– Я не ожидала, что трогать тебя так...

– Так – что, Джейд?

– Так... приятно.

Тихо рассмеявшись, Диллон зарылся лицом в ее волосы и сильнее прижал ее к себе. Он повернул ее так, что она оказалась сверху. Изменение позы было таким неожиданным и резким, что Джейд не успела подготовиться к тому, что будет лежать у него между ног. Замерев, она не отрывала взгляда от его лица.

– Если тебе так не нравится, мы можем лечь, как раньше, – сказал Диллон серьезно.

Проанализировав свои ощущения, Джейд поняла, что испытывает скорее возбуждение, чем страх. Прошло так много лет с тех пор, когда они с Гэри Паркером ласкали друг друга. Прошло так много времени, и она не сразу узнала те чувства, которые испытывала тогда.

Однако невозможно было сравнивать давние детские ласки с тем, что происходило сегодня. Гэри был еще совсем мальчиком, а Диллон – настоящий мужчина, да и она не девочка. Она уже много лет была женщиной, однако Диллон стал первым мужчиной, который заставил ее понять свою женскую сущность. Это было стремительное и восхитительное пробуждение.

Низом живота Джейд чувствовала его отвердевший член. Из этой точки шли токи, расходящиеся по всему ее телу. Она почувствовала лихорадочную дрожь: что-то пульсировало внутри, вызывая сладостное чувство. Джейд чувствовала томление, и чувство это было прекрасно.

– Мне хорошо, но я не знаю, что мне делать, – сказала она прерывающимся шепотом.

– Делай, что хочешь, Джейд. Это же не экзамен. Я не собираюсь ставить тебе отметки. Ты не можешь сдать или завалить его. Все, что ты сделаешь, будет правильным.

Она склонила голову к его губам, чтобы поцеловать еще раз. Диллон сильно сжал ее голову руками, их губы слились в еще одном безумно-страстном поцелуе, после которого они долго не могли отдышаться. Джейд откинула голову назад,

чтобы набрать воздух в легкие. В этот момент он ткнулся носом ей в шею, поднял руку и дотянулся до верхней пуговицы ее блузки.

– Что?.. Нет.

Не убирая руки, Диллон сказал:

– Без этого нельзя, Джейд.

– Я знаю, но...

– Я хочу видеть тебя. Позволь мне дотронуться. – Они не сводили друг с друга глаз. Наконец он сказал: – Ладно, если ты не хочешь.

– Нет, подожди. – Джейд секунду помедлила, провела рукой по его груди и животу. Затем, сев на колени между его ног, потянула Диллона, чтобы он сел, и его рукой дотронулась до своей груди.

– Не сделай мне больно.

– Никогда. Я никогда не причиню тебе боль. Я, хочу показать тебе, как приятно, когда тебя ласкают.

Она кивнула в знак согласия и отпустила его руку. Он растегнул верхнюю пуговицу, следующую. Движения его были неторопливы. Покончив с пуговицами, он выдернул край блузки из-под корсажа юбки. Просунув руки ей под блузку, обнял.

– Можно я попробую поласкать твою грудь, Джейд?

Рука казалась прохладной, ладони были шершавыми и мозолистыми, но их прикосновение было таким нежным.

– Да.

Диллон обхватил ладонью ее левую грудь.

– Скажи мне, если будет больно. Скажи мне, когда надо остановиться.

– Я не боюсь, что ты сделаешь мне больно. Я боюсь, что не смогу вынести это. Боюсь, что вернутся воспоминания, и они убьют все.

– Ты ни о чем сейчас не думай. Сосредоточься на своих ощущениях. – Он нежно массировал ее грудь через бюстгальтер. Затем слегка коснулся ее соска. Тот напрягся. Джейд непроизвольно издала какой-то мурлыкающий звук.

– Можно расстегнуть твой лифчик?

Она кивнула.

Диллон протянул руки ей за спину и расстегнул крючок. Затем его рука скользнула вперед и обхватила ее грудь. Она выдохнула его имя.

– Ты хочешь, чтобы я прекратил?

Она молча покачала головой.

Его руки трогали ее грудь, ласкали и сжимали ее. Когда ласка сосредоточилась на соске, Джейд закусил губу. Сосок был набухшим и твердым еще до того, как Диллон дотронулся до него.

– Боже, Джейд, ты великолепна. – Диллон продолжал кончиком большого пальца поглаживать твердый сосок, едва касаясь его. Ее бросало то в дрожь, то в жар.

Джейд, ослабевшая, положила голову ему на плечо. Она обняла его, ее ногти впились в его упругую спину.

– Джейд, я хочу поцеловать тебя. Сюда. – Он нажал на сосок. – Можно?

Она лишь едва кивнула в знак согласия.

Диллон раскрыл ее блузку и снял бюстгальтер. Джейд почувствовала на обнаженной груди дуновение свежего ветра из открытого окна. Он казался таким прохладным и охлаждал ее разгоряченное тело. Поцелуй был нежным, волнующим. Губы Диллона покусывали кожу, язык дразнил. Он слегка коснулся напрягшегося соска своими усами, и ей показалось, что она сойдет с ума от невыразимого блаженства.

Затем его губы втянули сосок в себя, и Джейд почувствовала жаркие, всасывающие движения его рта. Каждое такое движение рождало в глубине ее чрева бурные отклики. Они были восхитительны, захватывающи, заставляли забывать все на свете. Инстинктивно Джейд подалась вперед, чтобы ему было удобнее. Диллон взял ее грудь двумя руками, как будто пил из драгоценной чаши жизни. Когда он отрывался, то терся носом о ее шею и шершавой щекой о ее щеку. Затем опять припадал к груди.

Одежда мешала ему и раздражала ее.

– Если я спущу блузку с плеч, ты освободишь руки из рукавов? – спросил Диллон охрипшим голосом. – Пожалуйста, Джейд.

Она кивнула.

Он стянул ее блузку вниз. Неожиданно, словно чего-то испугавшись, она прижала бюстгальтер руками. Какое-то мгно-

вание они не сводили глаз друг с друга. Джейд заметила, как на виске у Диллона бьется жилка, зубы его были сжаты.

– Значит, на этом остановимся?

– Я... Нет, наверное, нет. – Джейд отдернула руки, и лифчик упал ему на колени.

– О Боже, спасибо тебе, – произнес Диллон с глубоким волнением. Он обеими руками провел по ее волосам, затем по лицу, тронул губы, распухшие от поцелуев. Его пальцы гладили ее горло, шею, груди. Он смотрел на нее, как на волшебное создание.

– Покажи мне, что ты хочешь, чтобы я делал, Джейд.

Взяв обеими руками его голову, она приблизила ее к своей груди и смотрела, как губы Диллона погружаются в ее плоть.

Издав стон, он упал на спину, сбросил с колен ее бюстгалтер и нащупал застежку джинсов. Глаза Джейд расширились от ужаса.

– Я не собираюсь делать ничего такого, чего бы ты не захотела, – поспешно объяснил Диллон. Он поднял левую руку и ухватился за завитушку на спинке кровати. – Я ничего не могу делать одной рукой, правильно? Но мне тесно, Джейд.

Он судорожно боролся с неподдающимися пуговицами. Наконец, справившись с застежкой, расстегнул джинсы. В треугольном отверстии Джейд видела только белые хлопчатобумажные трусы. Однако форма и размер его набухшей плоти говорили о степени возбуждения. Джейд со страхом смотрела на него.

Выполняя обещание, Диллон держался одной рукой за спинку кровати, другой погладил ее по щеке.

– Да, он встал. Это естественно. Но встал не потому, что я хочу совершить над тобой насилие, или сделать тебе больно, или доказать тебе мое физическое превосходство. Он встал, потому что у тебя необыкновенно голубые глаза, в которых хочется утонуть. Он встал, потому что у тебя потрясающие ноги, от которых я не могу оторвать глаз с того самого вечера, как мы ехали в том дурацком лимузине. Он встал, потому что у тебя прелестный рот, а твои груди нежны и упруги. Я знаю, что сейчас твое лоно уже увлажнилось. – Диллон поморщился от своего высокопарного монолога. С трудом он проговорил, скорее простонал: – Я не хочу совращать тебя. Я хочу любить тебя.

Скрестив руки на груди, Джейд обхватила себя за плечи.

– Я знаю это, Диллон. Сердце говорит мне то же. Но мой разум...

– Перестань слушать свой разум. – Он почти сорвался на крик. Однако тут же сдержал себя. – Что тебе сейчас хочется? Послушай свое сердце. Что оно тебе говорит?

– Оно говорит, что я хочу быть твоей. Но боюсь, что, как только ты сделаешь попытку войти в меня, я одеревею.

Он провел рукой по ее волосам.

– Тогда я даже и не буду пытаться. Я знал, что для этого понадобится время. И рассчитывал, что мы будем действовать постепенно. Каждый раз мы будем продвигаться на один

шаг. Я даже и не буду пытаться пойти на большую близость, пока ты не будешь готова к этому.

– Это нечестно по отношению к тебе.

– Я не страдаю. – Она бросила взгляд, полный сомнения, на его бедра. Он невесело рассмеялся. – Страдание страданию рознь. Я сяду, ладно?

Когда она опять оказалась сидящей на коленях между его ног, он медленно отнял руки от ее груди.

– Ты так красива, – прошептал он.

Один поцелуй переходил в другой, и было невозможно определить, где кончается один и начинается другой. Его руки непрерывно двигались: они ласкали ее шею, спину, талию, груди. Джейд уже не стеснялась. Его грудь была для нее неизведанной территорией, и она гладила ее ладонями и пытливыми, но осторожными губами.

– Продолжай, – прошептал Диллон, когда ее губы замедлили движение около его соска.

Джейд слегка лизнула его и почувствовала, как это волнуется ее. Ей было тридцать три года, и это было первое мужское тело, которое оказалось в ее распоряжении. Это был новый мир, новые впечатления для глаз, рук, рта.

Время от времени губы Диллона возвращались к ее груди. Он целовал ее, быстрым кончиком языка доводил Джейд до исступления. Она обхватила его голову руками и крепко прижала к себе, наслаждаясь ощущением от прикосновения его густых волос к своей нежной коже и теплого влажного

прикосновения его рта.

Где-то в глубине своего тела Джейд почувствовала томление. Ее лоно набухло от прилива крови и желания. Чтобы снять болезненное напряжение, она выгнула таз и прижалась к нему.

Он выругался.

Джейд даже не заметила, как его руки скользнули к ней под юбку, пока не почувствовала его ладони на своих бедрах.

– Так можно, Джейд?

В ответ она простонала что-то нечленораздельное.

Его руки скользили по ее ягодицам, обхватывая их, привлекая к себе. Затем он опустил голову и сквозь юбку ткнулся носом ей в бедра.

– А-а-а, – только и могла выдохнуть Джейд, испытывая необычайное наслаждение от этой неожиданной ласки. Почувствовав, как ее бедра увлажнились, она сильно сжала его за плечи. Диллон положил одну руку на ее ягодицы, другая скользнула к ее трусикам. Пальцы нырнули под кружевную ткань и оказались в густых упругих завитках, обрамляющих лоно.

Джейд даже и в голову не пришло испугаться. Она издала прерывистый вздох и склонилась к нему.

– Разведи немного ноги, Джейд.

Диллон не делал грубых движений, не пытался проникнуть в нее. Его пальцы нежно, но настойчиво поглаживали. Их прикосновение было легким, как касание крыльев бабоч-

ки. Она развела ноги еще на несколько сантиметров.

– Вот так, – сказал он одобритительно. – Боже, ты вся мокрая. Такая нежная влага. – Он приподнял ее грудь и уткнулся в нее ртом.

Его пальцы скользнули между набухшими губами ее лона, но не вошли внутрь. Неторопливо, мягко он развел их и медленными, слегка вращающимися движениями стал допрагиваться до самой чувствительной точки. Инстинктивно Джейд начала раскачиваться в такт его движениям.

Освещенная огнями свечей комната начала уменьшаться в размерах. Весь мир был сосредоточен в центре кровати, в центре ее тела, там, где она, благодаря Диллону, испытывала самое большое наслаждение в жизни. Наслаждение, которое она даже не могла себе представить до этого. Его язык ласкал ее сосок, в то время, как его палец поглаживал ее увлажнившийся клитор.

В животе ее что-то клокотало, грудь вздымалась все сильнее. Не испытывая ни малейшего стыда, Джейд села верхом на его руку. Когда напряжение стало невыносимым, когда ее тело превратилось в бушующее пламя, она вцепилась зубами в его мускулистое плечо, чтобы не закричать. Наконец наступило судорожное облегчение.

Диллон упал на подушки, увлекая ее за собой. Она оказалась распростертой на нем, ее ноги лежали между его ног. Он поглаживал ее по спине, ягодицам, массировал плечи.

Джейд лежала, уткнувшись головой в его шею, тяжело

дыша, вдыхая смесь его пота, своих духов и его одеколona. Внутри все дрожало.

Наконец Диллон обхватил ее лицо руками и поднял его, чтобы увидеть.

– Ты была просто чудо, – хриплым шепотом произнес он.

Джейд огорченно опустила голову.

– Я никогда не думала, что это будет так... так...

– Именно это я и хотел сказать. – Они тихо засмеялись.

Затем нежно поцеловались. Потом поцеловались страстно, их языки сплелись. Диллон расстегнул юбку и спустил ее к ногам Джейд. Его рука скользнула под ее трусики. Шершавая ладонь прижалась к ее ягодицам, привлекая ее к нему.

– Я хочу чувствовать тебя рядом с собой, Джейд. Твою влагу, твоё тепло – рядом со мной. Клянусь, что мой петушок останется на своем месте, но, черт побери...

Джейд тоже хотела чувствовать его. Еще секунду назад она думала, что все ее желание уже исчерпано, однако поцелуи Диллона опять начали пробуждать то же томление, такое новое и уже знакомое.

Джейд сбросила с себя одежду и легла на него сверху. Руки Диллона коснулись ее обнаженного тела. Он застонал и подтянул ее так, чтобы его рот мог дотянуться до ее груди.

Ее ноги совершенно естественным образом раздвинулись, коленями она обняла его за талию. Он обхватил руками ее бедра и гладил их вверх и вниз. Джейд почувствовала, что слабеет.

– Диллон, пожалуйста...

Они и сама не знала, чего именно хочет от него. Однако не могла и предположить, что он сделает. Схватив ее руками за бедра, Диллон с силой подтянул ее к себе, упав при этом лицом вперед. Он уткнулся в упругие курчавые волосы на ее лобке. Чтобы не потерять равновесие, она уцепилась за спинку кровати над его головой.

Он целовал темные жесткие завитки.

– Диллон...

Он нагнулся ниже и опять поцеловал ее страждущими и пылкими губами. Джейд чуть не потеряла сознание, когда почувствовала его язык – ищущий, находящий, щекочущий, ласкающий. Его руки в это время гладили ее бедра, ягодицы.

Джейд почувствовала, как в ушах нарастает шум. Сердце учащенно билось. Розовое облако поднималось вверх от лона к напрягшимся соскам.

Сейчас это опять произойдет. Она хотела этого. Но все же...

– Нет! – Джейд отпрянула от него. – Диллон, не надо. Перестань.

Услышав ключевое слово, он отпустил ее, но вид у него при этом был недоуменный и тревожный.

– Но почему, Боже праведный?

– Я хочу к тебе.

Она стянула с него трусы и склонилась к кончику его пениса, уже блестящего от выделений.

– Нет, Джейд, дай я...

– Нет, дай я! – сказала она с чувством. Она уже ощущала приближение первых судорог, когда ввела гладкую головку в свое лоно.

Диллон застонал и обнял ее за ягодицы. Его пальцы пробрались сквозь густую поросль ее завитков и нажали на набухшую маленькую точку ее плоти под ними.

Сотрясаемая оргазмом, она шептала его имя. Почувствовав, как он входит в нее, обессиленная упала ему на грудь, все еще ощущая горячие волны во всем теле. Диллон обхватил руками ее хрупкое тело. Для того чтобы кончить, ему достаточно было лишь войти в нее.

Стены комнаты, освещенной свечами, отражали тихие возгласы радости, стоны наслаждения и, наконец, вздохи удовлетворения.

XXIX

В больничной палате все дышало близкой смертью. Врач, стоявший в ногах кровати, уже не скрывал своего пессимизма. Посмотрев сначала на пациента, затем на его жену, он сказал:

– Очень сожалею... Мы сделали все, что могли.

Некоторое время после его ухода никто не произносил ни слова. Потом Хатч оторвал голову от подушки и тронул пальцами руку Донны Ди.

– Что ж, такие дела...

– Нет! – Ее маленькое, заострившееся личико скривилось в попытке сдержать слезы. – Это новое средство против отторжения должно подействовать.

– Ты слышала, что он сказал, Донна Ди.

– Он сказал, что это лекарство еще экспериментальное, и он не надеется. Я слышала каждое слово. Это не значит, что я этому верю. Я отказываюсь этому верить.

– У тебя всегда была манера не верить в то, во что ты не хотела верить.

Хатч утомленно закрыл глаза.

– Что ты имеешь в виду?

Он лежал, не отвечая. Она дернула его за руку:

– Хатч?

Он открыл глаза. Было заметно, что это потребовало от

него усилий. Тусклым голосом Хатч произнес:

– Ты никогда не хотела верить тому, что в действительности произошло с Джейд.

– С Джейд?

– Мы изнасиловали ее, Донна Ди. Именно так, как она говорила.

Донна Ди попыталась вырвать руку, но он удержал ее с силой, поразительной для умирающего человека. Она отчаянно попробовала сменить тему разговора:

– У тебя есть более важные причины для беспокойства, чем то, что случилось пятнадцать лет назад, Хатч.

– Мне есть о чем беспокоиться целую вечность, когда я буду гореть в аду. Я изнасиловал ее. И подтолкнул Гари Паркера к тому, что он покончил жизнь самоубийством.

– Хатч! Это доктор подействовал на тебя так угнетающе. Ты бредишь. А теперь помолчи!

– Перестань обманывать себя, Донна Ди. – Он дышал тяжело, с присвистом. – Я повинен в смертном грехе. Мы все виноваты.

– Джейд спровоцировала тебя на это, Хатч. Я знаю.

Из его груди вырвался долгий, страдальческий вздох.

– Ты все знаешь лучше всех.

– Может быть, она не делала это напрямую, но...

– Мой отец сказал мне на следующий день после всего, что произошло, что я должен был сожалеть об этом по-настоящему до того, а не после. Он был прав. – Хатч поднял

глаза к потолку. – Я рад одному... Что я отказался от почки этого мальчика, сына Джейд.

– Почему ты так говоришь? – спросила она обиженно.

– Потому что, если он мой сын, а мне бы хотелось так думать, я бы не желал, чтобы он мне пожертвовал что-нибудь. Джейд была права, сказав тебе «нет». Никто из нас не имеет прав на ее сына. Мы все недостаточно хороши для этого.

Донна Ди ощутила укол зависти и ревности лишь от одного упоминания имени Джейд. Она схватила мужа за руку.

– Почему ты сделал это, Хатч? Это Нил заставил тебя? Может быть, была ситуация, когда теряешь контроль над собой?

– Да, Донна Ди, – пробормотал он безучастно. – То была одна из тех ситуаций, когда теряешь контроль над собой.

Она была готова скорее простить ему насилие над Джейд, чем желание обладать ею.

– И у тебя не было никакой другой причины, почему ты... взял ее?

Хатч поколебался, потом тихо ответил:

– Нет... Никаких других причин не было.

Но Донна Ди еще меньше поверила этим словам, чем вымученной улыбке...

Луч солнца коснулся лица Диллона. Но солнечный свет никогда не проникал в окно спальни его вагончика. Какое-то мгновение он не мог сообразить, где находится и почему ему

так чертовски хорошо.

Он приоткрыл один глаз, увидел противомоскитную сетку и внезапно вспомнил, почему должен сегодня чувствовать себя властителем мира. Он освободил Джейд от ее демонов.

На нем не было ничего – кроме счастливой улыбки на лице и отросшей за ночь щетины. Он повернулся на другой бок с пылким желанием прижать свое тело к ее и снова вступить в схватку с демонами прошлого. Но в постели рядом с ним никого не было.

Встревоженный, он сбросил простыню и откинул полог сетки. Потом громко произнес ее имя. Только эхо откликнулось в стенах пустого дома. Диллон подошел к окну. На нем не было ни штор, ни занавесок, только жалюзи. Он выглянул во двор – от беспокойства стиснуло грудь.

Увидев ее, он испустил глубокий вздох облегчения, затем перегнулся через подоконник, чтобы насладиться зрелищем. Джейд была одета, но босиком. Солнечные лучи радугой играли в ее распущенных волосах. Сложив ладони рупором у рта, Диллон позвал ее.

Она подняла взор к окну.

Ее сияющая улыбка соперничала с утренним солнцем. Джейд несколько подняла подол своей юбки и собирала туда персики.

– Персики свежие. Прямо с дерева – к завтраку. Я уже съела один. Они очень нежные.

«Но не такие нежные, как ты», – заметил про себя Диллон.

Отвернувшись от окна, он нащупал в ногах постели джинсы и торопливо натянул их на себя. Не утруждая себя застегиванием пуговиц, он скатился вниз по шаткой лестнице и выскочил в парадную дверь.

Двор был пуст.

– Черт!

Тут его осенило, где можно ее найти. Диллон обежал сад и, как и следовало ожидать, нашел Джейд сидящей на качелях под виргинским дубом.

Добежав до нее, Диллон почувствовал, что задыхается. Больше от возбуждения, чем от быстрых движений. Он схватился за веревки, поддерживающие доску, и наклонился, чтобы поцеловать Джейд, – в первый раз при свете наступившего дня. Ее рот был влажен от сока персика. Хотя их губы едва соприкоснулись, поцелуй оказался страстным. Когда он оторвался от нее, его глаза излучали желание. Джейд завязала концы блузки на животе, не застегивая ее. К его удовольствию, он мог видеть соблазнительную ложбинку между грудями.

– Мне нравится ваша экипировка, мисс Сперри.

В явном противоречии с этим официальным обращением, он просунул руку ей под блузку и накрыл ладонью теплую от солнца грудь. Джейд всегда являлась на работу, одетая как светская дама, как женщина, успешно делающая карьеру. Даже в обычной одежде она сохраняла деловой вид.

Эта Джейд, босоногая, взъерошенная, с сияющим лицом,

была настоящим открытием. Хотя нынешним утром не требовалось слишком многого, чтобы поразить его.

Она склонила голову к плечу Диллона и счастливо вздохнула от его откровенной ласки.

– Я не нашла своего нижнего белья.

– Это очень кстати. Ты мне нравишься такой...

Щеки Джейд приобрели цвет персиков, лежащих на ее коленях. Диллон засмеялся, почувствовав себя удивительно хорошо. Было впечатление, что за минувшую ночь с его плеч свалился камень весом в сотню фунтов. Он ощущал себя освобожденным. Он был счастлив. И – он понимал это – влюблен до безумия.

Поместье, казалось, находилось в каком-то ином мире. Старый, пустой дом, островок их уединения, выглядел уютно и романтично. Даже птицы еще не проснулись, словно взяли выходной. Воздух был тепл и свеж. Стояло туманное и ленивое утро, когда все, что жило и дышало, должно было заниматься любовью. Диллону хотелось остановить время и каждую минуту заниматься этим же с Джейд.

– Встань и позволь мне сесть.

– А куда я сяду? – дерзко спросила она.

– На мои колени.

Идея, похоже, ей понравилась. Она уступила ему место на раскачивающейся доске, а сама пристроилась у него на коленях.

– Хочешь персик? Последние в этом сезоне.

Джейд поднесла плод к его рту и он откусил немного. Сладкий, ароматный сок брызнул, струйка сбежала по ее руке на его подбородок, потом на обнаженную грудь.

– Вкусно? – спросила она.

– Хм... Хм... – Диллон обнял ее за шею, откинул голову и поцеловал с нескрываемым вождением. И только после этого выдохнул:

– Очень вкусно.

Он поднес ее руку к ее же рту, и Джейд тоже откусила кусочек персика. Он заставил ее откусывать еще и еще, пока рот Джейд не наполнился сладкой мякотью и сок не потек по подбородку на шею. Когда капли сока упали на ее грудь, Диллон наклонился и слизнул их. Потом развязал узел на блузке, распахнул полы и открыл ее грудь солнечным лучам и собственным жадным губам.

Забыв о персике, Джейд обняла его за шею и откинулась назад, сама предложив ему шею и груди. Он целовал их поочередно, продвигаясь выше. Когда их губы сомкнулись, Диллон застонал от вождения.

Он посадил Джейд лицом к себе и раздвинул ее бедра на своих ногах. Когда они целовались, ее тело тесно прижалось к нему и он почувствовал, что сходит с ума. Она прошептала ему в ухо:

– Ты не подумаешь, что я распущенная, если...

– Нет, вовсе нет...

Рука Джейд исчезла под юбкой, пальцы коснулись его те-

ла. Когда она сжала в ладони его мошонку, Диллон вскрикнул и пробормотал невразумительную смесь молитвы и проклятий. Она высвободила его член из джинсов. Диллон крепко поцеловал ее.

Джейд медленно вбирала в свое лоно его твердую плоть, дюйм за дюймом, до самого основания.

Диллон оттолкнулся ногой от земли. Доска качнулась вперед, и от этого он погрузился в нее еще глубже. Наслаждение было огромным. Потом доска качнулась назад, и Джейд надавила на него еще сильнее. Обхватив ее обеими руками, Диллон крепче прижал Джейд к себе.

– Только бы тебе не было больно, – прошептал он.

– Мне не больно. Так я могу чувствовать тебя глубже, чем ночью.

– И я глубже...

– Да... Да...

Доска продолжала раскачиваться. Каждый раз, когда она замедляла ход или совсем останавливалась, Диллон сильным толчком снова приводил ее в движение. Он был готов кончить раньше ее, но сдерживал себя. Нагнувшись, касался языком ее соска, ласкал его, пока не почувствовал, что ее тело облегло его, словно мягкая перчатка. Джейд издала несколько отрывистых, глухих вскриков, и они слились в долгом оргазме.

Мокрые от пота и липкие от выделений и сока персика, они прижались друг к другу. Потом Диллон откинул влаж-

ные пряди с ее раскрасневшихся щек.

– Я проснулся сегодня утром, – начал он нежно, – и раньше, чем понял, где нахожусь, поразился, как мне хорошо.

– Я тоже чувствую себя хорошо, Диллон. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за...

Он прижал палец к ее губам.

– Все наслаждение было моим.

– Не все твоим...

– Это было изумительно, Джейд. Но это и что-то большее.

Диллон взял ее голову в ладони.

– Мне нравится, когда ты спишь рядом со мной.

– Мне это тоже нравится, – призналась Джейд, словно в тумане. – Очень нравится. Я впервые в жизни спала с мужчиной и не предполагала, что при этом чувствуешь себя так покойно. Неудивительно, что люди придают этому такое большое значение.

– Неудивительно, – улыбнулся он и привлек ее к своей груди. Джейд опустила голову ему на плечо.

– Диллон...

– Да?

– Прошлой ночью, когда я... подошла, ну, ты понимаешь, ж первый раз... – сказала она и запнулась.

– Да?

– Ты сказал: «Нет, Джейд». Почему ты так сказал?

– Я собирался сначала надеть презерватив.

– А-а! Я об этом даже не подумала.

– А должна была. Но поскольку ты этого не сделала, позволь мне заверить, что у тебя нет никаких оснований для паники. Самое худшее, что может случиться, – ты забеременеешь.

Джейд подняла голову и взглянула на него.

– Я никогда не свяжу тебя ребенком.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Ничто не могло бы быть лучше.

Переведя дыхание, она спросила:

– Ты хочешь сказать, что любишь меня?

– Именно это я и говорю.

– Я тоже люблю тебя, Диллон. Я тоже люблю тебя.

Джейд нежно поцеловала его в губы, и снова опустила голову ему на плечо.

Единственные звуки, которые доносились до их слуха, были стук сердца и скрип старых веревок. Они еще долго раскачивались на качелях, пока те не остановились.

Майраджейн Гриффит запарковала свой серый «форд» на дугообразном подъездном пути напротив дома Айвена Патчетта. Приглашение от Нила к завтраку было для нее как гром с ясного неба. Май-раджейн вышла на пенсию два года назад. С тех пор она ничего не слышала о Патчеттах и не видела их. Она часто думала, как это похоже на них: подарить ей золотую брошку, пожать руку и после этого напрочь забыть о ней, проработавшей на Патчеттов тридцать пять лет.

Конечно, Ламар виноват в том, что люди избегали ее. Кто захочет дружить с матерью человека, который умер опозоренный, в богомерзком городе? Она не верила ни одному слову из тех, что люди говорили о ее сыне. Ламар не мог быть извращенцем. Он не мог заниматься теми невыразимыми гадостями, которые ему приписывали. Он умер от пневмонии и редкой формы рака кожи.

До сих пор Майраджейн отказывалась верить в чудовищные признания, сделанные сыном на смертном одре. Его слова не могли быть правдой, потому что его разум помутился от болеутоляющих лекарств, а мозг был промыт бесовскими усилиями врачей. В Сан-Франциско все были так перепуганы СПИДом, что любой заболевший человек верил, что заражен именно этой напастью.

Очевидно, Патчетты, как и она, больше не верили в эту ложь, иначе бы никогда не пригласили ее в свой дом.

Глядя на внушительный фасад, которому она всегда завидовала, миссис Гриффит натянула белые нитяные перчатки. Ее ладони вспотели от нервного возбуждения.

С чего бы это Айвену захотелось ее увидеть? Нил намекнул, что дело важное и срочное. Она и предположить не могла, что бы это значило. Но приглашение ей льстило.

Ее муслиновое платье с цветами как нельзя лучше подходило для утреннего визита. Ему было уже несколько лет, но оно превосходно сохранилось. Отец всегда говорил ей, что лучше иметь одну хорошую вещь, чем дюжину посредствен-

ных. Когда Майраджейн выбиралась в город, она всегда обращала внимание на то, как теперь одеваются женщины. Похоже, их вообще не волновало, во что они одеты. Невозможно было отличить уважаемых граждан от всякой швали, потому что все были одеты плохо.

Благопристойность и скромность канули в прошлое – так же, как династия Коуэнов, как и фамильное поместье. Она слышала, что поместье было недавно продано. По слухам, банк был счастлив избавиться от него. Когда Майраджейн узнала об этом, то залилась горячими слезами.

К сожалению, многого уже не вернешь. Ей никогда снова не жить в их фамильном доме, но до своего смертного часа она будет придерживаться прекрасных традиций прошлого. Например, никогда не носить брюк на людях и не появляться в обществе без перчаток и носового платка.

Поднимаясь по ступеням веранды, Майраджейн поправила свою широкополую соломенную шляпу, которая будет приличествовать до традиционного чаепития в пять часов. Никто никогда не скажет о Коуэнах, что они не знают, как себя вести с достоинством и соблюдать приличия. Последняя из оставшихся в живых Коуэнов, Майраджейн приняла на себя ответственность за поддержание репутации своей девичьей фамилии.

Когда экономка Айвена открыла дверь, гостя протянула ей пригласительную карточку:

– Я Майраджейн Коуэн Гриффит. Мистер Патчетт ожи-

дает меня.

Когда они подъехали к ее дому, Джейд пригласила Диллона войти.

– Но я в таком виде... – запротестовал он, – небрит, и волосы на груди слиплись от персикового сока.

– Ты выглядишь не хуже, чем я. Пожалуйста. Мне хочется приготовить для тебя завтрак.

– А я тебя даже ужином не угостил для начала.

– Что значит «для начала»?

Диллон засмеялся в ответ на голубую молнию, сверкнувшую в ее глазах.

– Ладно, я зайду. На чашку кофе, по-быстрому.

Обняв друг друга за талию, они поднялись к парадной двери.

– Как ты полагаешь, Грэм и Кэти не встретят меня с заряженными дробовиками?

– Они будут счастливы за нас, – ответила Джейд, улынувшись ему.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я счастлива. – Джейд пошла вперед и почти столкнулась со спешащей навстречу Кэти. – Доброе утро!

– Слава богу, ты уже дома, – задыхаясь, сказала старая женщина. – Я только что проснулась и нашла записку от Грэма. Он поехал на велосипеде встречать тебя и Диллона у его вагончика.

Джейд не обратила внимания на любопытство, прозвучавшее в конце этой сентенции.

– Он прекрасно знает, – сказала она рассерженно, – что ему нельзя уезжать из дома без разрешения, даже в субботу. Придется посадить его на прикол на целую неделю.

Диллон положил руки ей на плечи и повернул к себе.

– А может, он беспокоится о тебе? Ты об этом не подумала? С нашей стороны было безответственно не позвонить ему. Если Грэм направился на площадку, я встречу его по дороге.

– Я думала, ты останешься, чтобы выпить кофе.

– Так я и хотел.

– Но...

– Почему бы мне не поехать и не догнать Грэма. Когда вы с Кэти оденетесь, мы все встретимся у меня. Я угощу всех оладьями с орехами в «Вафельной хижине».

– Звучит соблазнительно. – Джейд не могла удержаться от улыбки. Не могла она больше сердиться и на Грэма. Злиться в это утро вообще было невозможно.

– А ты, Кэти?

– Я согласна.

– Вот и хорошо, – сказал Диллон. – Увидимся позже.

Он тронул пальцем подбородок Джейд и чуть приподнял ее голову для нежного поцелуя. Словно в тумане Джейд смотрела, как он пересек лужайку и забрался в свой пикап. Диллон помахал ей рукой и уехал. Обернувшись, она увиде-

ла, что Кэти проникательно смотрит на нее.

– Я в изумлении, – произнесла наконец Кэти. – Вот уж не ожидала, что им станет кто-то вроде Диллона.

– Им?

– Человеком, который принесет тебе освобождение. Я предполагала, что это будет человек прямо противоположный ему, кто-нибудь более тонкий.

– Диллон очень чувствительный человек.

В порыве чувств Кэти тронула взъерошенные волосы Джейд.

– Он должен перебороть твои страхи.

– С тех пор, как погибли его жена и ребенок, его терзает собственный дракон. Я должна быть добра к нему в той же степени, как и он ко мне. Это самое главное.

Кэти скептически взглянула на беспорядок в ее одежде.

– Ты уверена, что это главное?

Джейд рассмеялась громким, хриплым, чувственным смехом. Еще вчера это было бы совершенно невозможно. Господи, как же здорово стать, наконец, полноценной особью рода человеческого! Не быть скованной страхами и опасениями, способной на такие чудесные сумасбродства!

Кэти, должно быть, прочитала в сияющих глазах Джейд ответы на множество своих вопросов. В ее собственных блеснули слезы.

– Ты прямо светишься, Джейд.

– Я счастлива, как никогда, – ответила она без колебаний.

Тем утром они не попали в «Вафельную хижину».

Джейд и Кэти приехали на строительную площадку через сорок минут после Диллона. Радуюсь их приезду, Ленер стал с лаем описывать круги вокруг джипа. Едва они успокоили собаку, из вагончика вышел Диллон.

Сердце Джейд учащенно забилося, когда она впервые увидела своего любовника после недолгого расставания. Любовник. Станным образом это слово вошло в ее словарь. Она повторила его про себя несколько раз, стараясь привыкнуть к его звучанию и значению. В груди расцвело чувство гордости и собственничества. Радость закипала от вырывающейся наружу вновь обретенной любви.

Но Диллон сказал:

– Джейд, Грэма здесь нет.

Ее оживление сразу угасло.

– Его здесь нет?

– Господи, – пробормотала Кэти. – Это я во всем виновата. Я не должна была проспать.

– Мальчишки любят побродить. Я уверен, что с ним все в порядке.

По складке, собравшейся между бровей Диллона, Джейд могла догадаться, что он не слишком уверен в своих словах.

– Где он может быть?

– Не знаю. Я следовал его обычным маршрутом и нигде не встретил. Думал, когда приеду, то застану его здесь. Но Гр-

эма не было. Миска Ленера была пуста, поэтому я полагаю, что Грэм вообще не приезжал сюда. Ведь сразу, как только приезжает, он кормит собаку, неважно, хочет она есть, или нет. Я съездил на другую сторону площадки, но и там не нашел его.

Джейд охватила ладонями локти. Солнце стояло уже высоко и день был слишком жарким, но ее зазнобило.

– Может быть, он отправился ловить рыбу, – произнесла она неуверенно.

– Может быть. Я как раз собирался заглянуть на его любимое местечко на канале, когда вы приехали. – Диллон ободряюще положил ладонь на ее руку. – Оставайся здесь. Я вернусь через пять минут.

Он сел в пикап и уехал.

– Пойдем и подождем у тебя в офисе, – предложила Кэти.

Джейд позволила увести себя в домик, но когда они очутились внутри, не могла и минуты усидеть спокойно. Каждые несколько секунд она кидалась к окну в надежде увидеть Диллона, возвращающегося с Грэмом.

– Его записка не могла быть подделана? Ты не думаешь, что он написал ее под принуждением?

– Конечно, нет, – ответила Кэти. – Грэм подсунул записку под дверь моей спальни и оставил на кухонном столе открытую коробку с кукурузными хлопьями. Думаю, он поехал именно сюда. Хотел увидеть Диллона и тебя, как и написал в записке.

– Где же он в таком случае?

– Он мог сбиться с пути и остановиться где-нибудь.

– Он нигде не должен останавливаться без разрешения.

– Дети иногда забывают. Иногда не подчиняются нарочно.

– Но не в данном случае, – упорствовала Джейд. – Кроме

того, Грэм не ребенок. Внезапно ее поразила новая мысль.

– Ты не думаешь, что он вышел из себя, потому что я провела всю ночь с Диллоном?

– Сильно сомневаюсь в этом. Грэм влюбился в Диллона много раньше, чем ты. Джейд бросила на нее быстрый взгляд.

– Чему ты удивляешься, Джейд? Тому, что Грэм полюбил этого человека, или тому, что ты влюбилась в него? Или тебя изумляет, что я знала о том, что происходит между тобой и Диллоном, раньше, чем ты сама это поняла? В тот самый день, когда я увидела Диллона, мне стало очевидно, какое чувство он испытывает к тебе, и что ты влюбляешься в него. Ты думаешь, что такой чувствительный мальчик, как Грэм, не заметил эти признаки? Он без ума от Диллона и в восторге от того, что вы наконец вместе.

Джейд отвлек шум снаружи.

– Он вернулся!

Она выскочила в дверь, когда зазвонил телефон.

– Кэти, ответь!

Грэма в пикапе не было.

– Я не нашел его, – сказал Диллон. – Проехал по всему

берегу канала, никаких признаков ни Грэма, ни его велосипеда.

Джейд зажала ладонью рот. Он привлек ее к себе.

– Только не впадай в панику. Где-то он ведь есть. Мы найдем его.

– Джейд! – крикнула Кэти в открытую дверь. – Тебя к телефону.

– Сама поговори.

– Это Нил Патчетт.

XXX

Диллон вел машину, сосредоточившись только на одном, – быстрее, быстрее!

– Сукины дети! Что такое они придумали, что сбили его с маршрута?

– Не знаю. Нил не сказал. – Джейд не отрывала глаз от дороги. – Он только сказал, что Грэм и Майраджейн Гриффит находятся в его доме, и что между ними произошел разговор, который, по его мнению, заинтересует и меня.

– Эта Майраджейн...

– ...мать Ламара Гриффита.

Диллон сильно стиснул ее руку.

– Они больше не могут причинить тебе никакого вреда, Джейд.

– Они захватили моего сына.

– Они не посмеют коснуться его и пальцем.

– Может быть, физически и не тронут. Но, поверь мне, они найдут другие способы. Ты не знаешь их так, как я знаю.

Выслушав леденящее сообщение Нила, Джейд, прежде чем направиться к двери, быстро вынула что-то из маленького сейфа под столом.

– Я еду с тобой, – заявил Диллон. – Кэти, пожалуйста, запри офис. Отгони домой машину Джейд и жди нас там. Как только сможем, мы тебе позвоним.

Диллон перехватил Джейд у ее «чероки» и повел к своему пикапу.

– Это моя проблема, Диллон. Моя борьба. Я веду ее.

– Вместе со мной. Поэтому не будем терять времени. Садись.

Теперь она была рада, что Диллон поехал с ней. Его присутствие придавало ей силу и уверенность. Кроме того, он вел машину более решительно, чем сумела бы она, и сохранял притом полное присутствие духа.

Они домчались до поместья Патчеттов немислимо быстро. Джейд выскочила из пикапа, едва он затормозил. Бегом поднялась по ступенькам и пересекла веранду. Диллон следовал за ней до самой входной двери.

– Грэм!

Только эхо отозвалось от стен и потолка.

– Он где-то здесь.

Обстановка парадной гостиной выглядела обманчиво невинной, словно театральная декорация. На низеньком столике были расставлены серебряный чайный прибор, вазочки с бисквитами и джемом, свежий фруктовый компот. На большой деревянной тарелке лежали ломтики тончайше нарезанной запеченной ветчины. Но все было нетронуто.

Майраджейн восседала в кресле с высоким изголовьем, ее цветастое платье никак не сочеталось с узорами обивки. Нанесенный неумелой рукой румянец выглядел на бледном, морщинистом лице как два расплывчатых пятна. На коленях

лежала пара белых нитяных перчаток. На ней была нелепая шляпа... Убийственный, ненавидящий взгляд был устремлен на Джейд.

Сидящий в инвалидном кресле Айвен казался бесформенной массой, прикрытой лишь больничной одеждой. Он улыбался хитро и злобно. Его глубоко запавшие глаза походили на двери в ад.

Несмотря на свой распухший нос и разбитый подбородок, Нил выглядел таким же выхоленным и невозмутимым, как всегда. Одетый в серые брюки в полоску и розовую оксфордскую рубашку, он стоял возле мраморного камина, небрежно опираясь на резную облицовку. В руке он держал, слегка покачивая, высокий стакан, наполненный, видимо, «Кровавой Мэри».⁷

Джейд окинула всех быстрым взглядом, потом остановила взор на своем сыне, сидящем одиноко в сторонке на стуле. Она подошла к нему.

– Грэм, с тобой все в порядке?

Он вскочил со стула, развернул его и поставил между ними. Его дрожащие руки сжимали спинку стула, украшенную вырезанными по дереву цветками кизила.

– Отойди от меня! Я тебя ненавижу! Джейд отпрянула, – Грэм! Что ты говоришь?

– Ты позволила ему умереть. Я мог помочь ему, но ты не

⁷ «BloodyMary» – популярный в США крепкий напиток, смесь водки с томатным соком.

позволила мне это сделать, поэтому он умер.

– Кто?

– Хатч, – сообщил ей Нил. – Его больше нет с нами.

Джейд была ошеломлена. В голове мелькнула мысль о Донне Ди, она почувствовала легкую жалость к ней.

– Хатч умер?

– Донна Ди сообщила нам эту печальную новость по телефону вчера поздним вечером.

– Ты убила его! – вскричал Грэм.

– Не смей разговаривать с матерью в таком тоне, – резко произнес Диллон.

– А вы, а вы заткнитесь! – неистовствовал Грэм, изо всех сил пытаясь не разреветься, как маленький ребенок. – Она проститутка. Теперь вы тоже это знаете. Должно быть, она трахала вас всю ночь.

– Хватит! – рявкнул Диллон.

– Я как дурак надеялся, что вы поженитесь. Сегодня утром я поехал к вам, чтобы сказать, что буду этому рад. Но теперь этого не будет, потому что теперь вы знаете, что моя мать шлюха.

– Грэм, выслушай меня, – сказала Джейд, – я...

– Нет! Ты самый плохой человек, которого я только знаю. Ты позволила умереть человеку, который, возможно, был моим отцом. Я мог пожертвовать ему свою почку, но ты даже ничего не сказала мне.

– Но почему ты так думаешь? Он мог вовсе и не быть тво-

им отцом!

– Вот поэтому ты и есть проститутка! – Грэм показал на Айвена и Нила. – Они рассказали мне, что моим отцом могли быть три человека. Они сказали мне, что ты имела дело с ними всеми. Двое из них сейчас мертвы, и я бы никогда даже не узнал об этом из-за тебя. Эта старая леди может быть моей бабушкой. Только ты не хотела, чтобы я даже познакомился с нею.

– Да, я не хотела, чтобы ты знал своего отца.

– Почему? – вскричал он.

– Потому что он совершил грех.

– Грех? – Грэм запнулся. – Я не верю тебе.

– Это правда.

– Ты лжешь. Ты бы никогда ничего не сказала мне о моем отце, потому что тебе было стыдно. Я больше никогда не поверю тебе. Никогда.

Вчера Джейд думала, что ее враги потерпели поражение. Но теперь они воспрянули и мстят ей. Они оказались достаточно умны, чтобы ударить ее в самое уязвимое место – Грэм.

Она читала на его юном лице страх, смущение и муку. Весь мир вокруг него обрушился. Ее образ в глазах сына был вдребезги разбит злобной ложью. Если она немедленно не вернет Грэма, то почти наверняка потеряет его навсегда.

Только правда способна вернуть его.

– То, что они тебе оказали, Грэм, правда. Любой из трех

мужчин может быть твоим отцом. Потому что они втроем изнасиловали меня. Я родила тебя после того, как была изнасилована тремя мужчинами.

Из его губ вырвался сдавленный вздох.

– Я никогда не хотела, чтобы ты узнал об этом, потому что не желала, чтобы ты нес на себе это пятно. Я не хотела, чтобы ты корил себя за то, в чем нет твоей вины. То был их грех, Грэм. Их. Не мой, и, конечно же, не твой.

Джейд подошла к нему ближе.

– Я бы не сказала тебе об этом и сейчас, если бы не страх, что, не сделав этого, потеряю твою любовь и доверие. Ты должен поверить мне. Эти трое мужчин отняли мою девственность и опоганили юность. Они отняли у меня мою первую, прекрасную любовь, мальчика по имени Гэри Паркер. Он убил себя после того, что они совершили. Твоя бабушка бросила нас после того, что случилось.

Джейд подняла руку.

– Я не позволю им отнять и тебя, Грэм. Они извратили факты, чтобы я выглядела плохой. Но я никогда не была плохой. И ты никогда не был. Я люблю тебя. Я знаю, что ты любишь меня. И потому ты должен поверить, что все, что я говорю тебе, – правда.

Грэм с подозрением взглянул на Патчеттов, потом снова встретился взглядом с Джейд.

– Ты была изнасилована?

– Это так. Мне было всего восемнадцать. И единственно

хорошее, что из этого последовало, – ты.

Он колебался лишь мгновенье, потом отбросил прочь стул и кинулся к ней. Джейд схватила его и так тесно прижала к себе, словно никогда больше не хотела выпускать его из своих объятий.

– Он остановил меня на дороге... Он сказал, что ты будешь здесь, мама... Он сказал, что я должен пойти с ним...

– Я знаю, каким убедительным он может быть.

– Прости, что я наговорил тебе эти вещи. Я так не думаю.

– Я знаю... – Через плечо Грэма Джейд с отвращением взглянула на Нила. – Мы любим друг друга, и ничто не может изменить это. Никогда.

Диллон обнял их обоих.

– Пошли отсюда к чертям...

Они направились к выходу.

– Не торопитесь, – сказал Нил, – мы еще не кончили. Мы должны еще многое обсудить с Джейд, что вас не касается, Берк.

Джейд ответила раньше, чем Диллон успел раскрыть рот.

– Мне нечего обсуждать с тобой, кроме возможного обвинения в киднэппинге.⁸

– Но нельзя похитить своего собственного ребенка, – сказал Нил.

– Что он имеет в виду, мама?

⁸ «Kidnapping» – «похищение ребенка». Преступление, караемое в США по федеральному закону весьма сурово.

– Бьюсь об заклад, ты бы хотел встретить своего настоящего папу, – обратился к Грэму Айвен. – Разве не так? Узнать своего папу и своего дедушку?

– Хватит! – вскричала Джейд. – Или вы мало напакостили для одного дня?

Грэм бросил на Нила яростный взгляд.

– Значит, это вы были тем другим? Вы насильовали мою мать?!

– Так она утверждает, – мягко возразил Нил. – Но теперь ты должен знать, как лгут женщины, сынок!

– Не называйте меня так!

– Все было совсем иначе, Грэм. Не так ли, Джейд? – спросил он, подмигнув ей.

– Ты омерзителен. – Джейд взяла Грэма за руку и повернулась, чтобы уйти. Но тут всех ошеломила Майраджейн, поднявшись на ноги и впервые заговорив.

Ткнув длинным, высохшим пальцем в Грэма, она завопила:

– Он Коуэн! Я вижу в нем моего отца! Это сын Ламара, и он нужен мне!

– Вы не получите его. – Джейд взглянула сначала на Айвена, потом на Нила. – Зачем вы втягиваете ее в это дело? Чтобы ухудшить положение?

Ответил Айвен:

– Если это мальчик Ламара, то Майраджейн имеет на него права так же, как и мы, если он от Нила.

Майраджейн пересекала комнату, приближаясь к ним. Глаза ее пылали фанатичным огнем.

– Он моя плоть и кровь! Он Коуэн! Он один из нас!

Глядя на Джейд, она прошипела:

– Как ты могла прятать от меня этого ребенка все эти годы? Как смела заставлять меня думать, что мой род угас?

– Она несет чушь. – Диллон тронул локоть Джейд. – Уйдем.

– Это не кончится добром, если вы уведете мальчика с собой, – сказал Айвен. – Тем более если вы вздумаете его спрятать. Мы намерены передать дело в суд, если вы так поступите.

– С какой целью?

– Учреждения опеки.

Джейд глядела на них, не веря своим ушам.

– Ни один суд в этой стране даже не примет это дело к слушанию.

– А ты подумай о том, какая вонь при этом поднимется, – сказал Айвен со злобным присвистом. – Тебе ведь не хочется такого скандала? Не думаю, что та контора из евреев и янки, на которую ты работаешь, обрадуется, когда газеты наполнятся историями о тебе и трех одноклассниках, с которыми ты занималась групповухой.

Майраджейн, задыхаясь, с трудом ловила ртом воздух, но никто не обращал на нее внимания.

– А может быть, одноклассников было четверо, папоч-

ка? – насмешливо спросил Нил. – Не забудь о Гэри.

– Заткнись! Не смей так говорить о моей матери!

Прежде чем Джейд или Диллон успели остановить его, Грэм кинулся к Нилу со сжатыми кулаками. Диллон все же поймал его в последний момент.

– Сначала я врежу ему, – процедил он. Джейд преградила им путь.

– Вы оба уйдите отсюда.

Грэм бился в руках Диллона, стараясь высвободиться, чтобы добраться до Нила. Диллон и сам, похоже, готов был убить его.

– И оставить тебя наедине с ними? Черта с два!

– Не прогоняй меня, мама! – протестовал и Грэм.

– Грэм, я должна. Пожалуйста.

Диллон, глядя на ее лицо, раздумывал.

– Пожалуйста, – прошептала Джейд настойчиво. Наконец он сдался и подтолкнул Грэма к выходу. Мальчику это не понравилось, но Диллон не слушал его. Прежде чем выйти, Диллон повернулся и ткнул угрожающе пальцем в сторону Нила:

– Если ты хоть дотронешься до нее, я убью тебя. И ничто не доставит мне большего удовольствия.

Услышав, что входная дверь захлопнулась за ними, Джейд вернулась в комнату. Ей предстояла самая важная схватка в ее жизни. Она молила Бога, чтобы он дал ей мужества для победы.

«Никогда ничего не бойся, Джейд».

– Это дело никогда не попадет в суд, – сказала она Нилу ровным, многозначительным тоном. – У тебя нет прав на моего сына.

– Но он может быть также и моим сыном.

– Ты об этом никогда не узнаешь.

– Существует анализ генетического кода.

– Я ни за что не разрешу Грэму пойти на это. Любое твое притязание на него будет равносильно признанию в изнасиловании.

– Мой сын никогда никого не насиловал! – пронзительно завопила Майраджейн. Джейд повернулась к ней.

– Он это сделал, миссис Гриффит. Когда вы приехали на похороны Митча Хирона, Ламар просил меня простить его за это.

Она снова обратилась к Нилу:

– Итак, можешь подавать свой иск в суд, если хочешь. Вот что я засвидетельствую – что моя беременность была результатом группового изнасилования под твоим подстрекательством.

– Никто не поверит этому бреду.

– Может и не поверит, но, как сказал твой отец, это, безусловно, подымет большую вонь...

– Про тебя.

– И тебя тоже. Ты помнишь женщину по имени Лола Гаррисон?

– Кто она, черт побери? – ворчливо спросил Нил.

– Она помнит тебя очень хорошо, Нил. Она должна была быть подружкой невесты на твоей свадьбе, которая так и не состоялась из-за твоей выходки. Перед тем как покинуть зал, где шла подготовка к твоему прощальному холостяцкому обеду, ты очень тесно ознакомился с нею в туалетной комнате ресторана. Вспомнил теперь?

– Смутно. И что из этого?

– Мисс Гаррисон сейчас независимый журналист. Несколько недель назад она потратила целый день, интервьюируя меня для статьи в воскресном приложении.

– Я читал ее, – произнес он с деланной скукой. – И что из этого?

– Между делом она упомянула, что единственными людьми, которых она знала в Пальметто, были Патчетты. Она рассказала мне, при каких обстоятельствах встретила с тобой и назвала тебя грязным, мерзким сукиным сыном, которого она бы с удовольствием изобличила. Похоже, что после того, как ты намеренно нарушил помолвку, ты злобно похвалялся, что поймел подружку невесты под самым ее носом. Твое признание разрушило дружбу.

– Плевал я на эту дружбу! – сказал Нил глумливо. – Лола, или как там ее зовут, сама вешалась на меня. И с кем она там дружила?

– Я имела в виду дружбу не между девушками, а между их отцами. Они были деловыми партнерами. Эта трещина до-

рого обошлась отцу мисс Гаррисон. Он так никогда не оправился от нее ни в финансовом, ни в эмоциональном отношении. Она считает, что ты лично виноват в его крахе. Уверена, что она очень внимательно выслушает мой рассказ о той ночи на канале.

В комнате повисло напряженное молчание, которое нарушил Айвен.

– Мне надоела эта дурацкая возня, – сказал он. – Если ты хочешь соревноваться в клевете в газетах, валяй. У нас тоже есть кое-что. Пока эта дамочка будет на людях полоскать грязное белье, мы обвиним тебя в мошенничестве.

– Мошенничестве?

Нил подхватил слова своего отца.

– Ты взвинтила цену имущества Паркера без намерения приобрести его.

– Докажи это, Нил, – ответила она с вызовом. – Отис Паркер подтвердит, что я внесла залог в десять тысяч долларов для покупки собственности. И как ты собираешься доказать, что я не намеревалась купить это имущество?

– Я только что дал ему миллион долларов, – крикнул Айвен. – Если я попрошу его, Отис подтвердит, что у Нила не яйца, а сладкий горошек.

– Вклад был сделан по доверенности на счет третьего лица. Об этом есть соответствующие записи. И если вы рассчитываете, что провернете какую-то махинацию с ними, как это сделали с медицинским освидетельствованием после из-

насилования, то не утруждайте себя. Этот счет находится в моем нью-йоркском банке.

Отец и сын тревожно переглянулись. Они были похожи на двух людей, уцепившихся за спасательную лодку, которая дала течь. То небольшое, за что они могли ухватиться, медленно ускользало из их рук. Джейд уловила их страх, и это было приятно.

– В финансовом отношении вы разорены, – продолжала она. – Через несколько месяцев ваша фабрика закроется из-за нехватки оборотных капиталов. Вы не сможете запугать людей угрозой увольнения, потому что «Текстиль» обеспечит их работой на лучших условиях, труда и с большей заработной платой. Я организую компанию и проведу честного человека вместо Хатча в офис шерифа. Ваши дни диктатора в Пальметто истекли, Айвен.

Джейд взглянула на Нила.

– У тебя больше нет сил причинять людям зло. Твое обаяние давным-давно исчерпалось. Думаю, что ты им никогда и не обладал вовсе.

Он кинулся к ней, словно змея при последнем издыхании, и больно схватил за руку.

– Но я еще могу предъявить права на ребенка! И это причинит тебе кучу страданий.

Джейд выдернула руку и оттолкнула его прочь.

– Еще раз повторю. Единственный способ предъявить права на Грэма – это признать себя виновным в совершении

изнасилования.

Нил хихикнул.

– Каков бы там ни был срок давности, в любом случае сейчас он уже истек.

– В таком случае я предъявлю тебе гражданский иск. И я это сделаю, если ты меня к этому вынудишь. Мне безразлично, какой при этом разразится скандал. Я не верила, что тебя можно засадить в тюрьму просто потому, что не хотела обнажать перед Грэмом всю правду. Но теперь, когда ты вынудил меня раскрыть все перед ним, это меня уже не пугает. Только подойди к нему еще раз, – произнесла Джейд с угрозой, – и ты отправишься в тюрьму за изнасилование.

– Это будет всего лишь твое заявление против моего, – усмехнулся он. – Ты никогда не сможешь этого доказать.

Джейд открыла свою сумочку и вынула оттуда видеокассету.

– Это находилось в моем сейфе с того дня, как я вернулась в Пальметто. Еще одна копия хранится в абонированном сейфе банка в Пальметто, а другая в банке в Нью-Йорке. Доступ к ней имеет только мой поверенный. Смотреть ее больно. Надеюсь, что мне никогда не придется ее использовать. Но ни минуточку не сомневайтесь, что я сделаю это, если вы меня к этому принудите.

Нил дурашливо захлопал в ладоши.

– Красивый ход, Джейд. Я весь дрожу в предвкушении. И что же на этой кассете?

– Ламар.

Майраджейн испустила тихий, страдальческий возглас.

– Он сделал эту запись за несколько дней до смерти. По требованию Ламара его компаньон переслал ее мне после его смерти. Это саморазоблачение, но в то же время и раскаяние в том, что он, вместе с Хатчем и тобой, сделал со мной. Он признался в своем преступлении – твоём преступлении, Нил. Как умирающий, он просит меня простить его и ужасается за свою бессмертную душу. Он заявляет, что та ночь преследовала его, как привидение, всю оставшуюся жизнь. Это звучит исключительно сильно. Никто, увидев эту пленку, не усомнится, что этот человек говорит правду.

Джейд положила видеокассету на кофейный столик и обернулась к Майраджейн.

– То, что они с вами сделали сегодня, мерзко. Они использовали вас. Вам никогда не следовало знать об этом. Но даже несмотря на все, вы не можете предъявить никаких прав на Грэма, потому что вы никогда не любили своего сына, миссис Гриффит. Вы сделали Ламара слабым и робким. Им было легко манипулировать. Именно таким он был и в ту ночь, когда Нил предложил насиловать меня по очереди. Вот почему я не испытываю никаких угрызений совести за то, что купила ваше фамильное поместье для моей компании. Оно будет полностью отреставрировано и заселено, но не Коузнами.

Высохшее лицо Майраджейн сморщилось, словно кисет, стянутый шнурком.

– Голос крови, – сказала она ядовито.

– Надеюсь, что нет, миссис Гриффит. Не у моего сына, во всяком случае, – мягко ответила Джейд.

Повернувшись к ней спиной, Джейд мельком взглянула на Айвена. Он тяжело, со свистом дышал, сидя в своем кресле-каталке. Его достоинство и сила были так же раздавлены, как и его тело. Она взглянула на него, как на нечто, не стоящее внимания, и этим нанесла ему самый сильный удар, какой только могла. Глядя в упор на Нила, Джейд сказала:

– Коснись только моего сына, Нил, и ты сядешь в тюрьму. Попробуй еще раз доставить мне неприятности, и я предъявлю тебе гражданский иск и за себя, и за Гэри. Твое преступление наконец-то выплывет наружу, и ты получишь по заслугам. Советую – постарайся не увеличивать своих потерь. Когда я вернулась в Пальметто, я намеревалась засадить тебя за решетку. Я могла это сделать, имея эту кассету, могла. Но потом поняла, что есть нечто большее, чем месть, нечто, приносящее большее удовлетворение. Я обрела новую жизнь, новую любовь, у меня есть мой сын. Они сейчас в центре моего мира. Отсюда я хочу смотреть вперед, а не назад. Пятнадцать лет моя жизнь была сфокусирована на тебе. – Джейд произнесла последние слова с презрительной усмешкой. – Но теперь ты не стоишь того, чтобы даже думать о тебе еще хоть секунду. С тобой покончено. И этого достаточно. Все.

– Ни черта! Я не боюсь твоих угроз. Тебе не запугать меня,

сука.

– Я уже сделала это, Нил, – спокойно ответила Джейд. – Я теперь твой самый жуткий ночной кошмар. Я та, кто ни капельки не боится тебя.

Джейд в последний раз взглянула на них, затем повернулась и вышла из комнаты. Она шла длинным коридором по дому, на который уже лег неуловимый, но несомненный налет распада и запустения. Патчеттов ждали их проблемы. У Джейд были свои.

Выйдя из дома, она улыбнулась Диллону и Грэму, которые в нетерпении ждали ее возле пикапа. Грэм с явным любопытством кинулся к ней. Познание правды не отразилось на его любви к ней. Теперь, когда факты о его зачатии перестали быть секретом, с ее плеч свалился невыносимый груз.

– Мам, что произошло?

– Я сказала им, что если они еще раз побеспокоят тебя, им придется пожалеть об этом.

– И это все? – спросил он немного разочарованно.

– В основном.

Он с опаской взглянул на нее.

– Ты должна была рассказать мне обо всем.

– Возможно, Грэм.

– Или ты думала, что я не пойму?

– Вовсе нет. Я старалась уберечь тебя. Не хотела, чтобы ты думал плохо о себе из-за того, что сделал твой отец. Кто бы он ни был.

– Диллон говорит, что я личность уже сам по себе. Я не нуждаюсь в том, чтобы знать, кто из них мой отец.

– Ты Грэм Сперри, – сказала Джейд взволнованно, дотрогнувшись до его щеки. – Это единственная определенность, в которой я нуждаюсь.

– Я тоже.

– И вот еще, что ты должен знать... Я навестила Хатча незадолго до его смерти. Он не только не просил, чтобы ты стал его донором и пожертвовал свою почку. Он отказался даже обсуждать эту тему. Ты не должен чувствовать себя виноватым в чем-либо.

Грэм оглянулся на дом.

– Эти Патчетты... Жаль, что ты не позволила нам с Диллоном отлупить их.

Улыбнувшись, она обняла Грэма и взглянула через его плечо на Диллона.

– Я оценила идею...

Диллон наклонился и поцеловал ее в губы.

– Ты черт, а не женщина.

– Это из-за последней ночи... Благодаря тебе.

Его широкие усы раздвинулись в улыбке.

– А теперь домой.

Они ехали по ровной и узкой дороге, обсаженной замшелыми виргинскими дубами вперемежку с высокими, устремленными в небо соснами.

– Знаешь, Грэм, что говаривал мой отец?

– Дедушка Сперри?

– Ага... Он часто повторял: «Никогда ничего не бойся, Джейд». Я думала, что он говорил о смерти. Сегодня мне кажется, что он имел в виду другое. Он наставлял меня не бояться жить. Умереть, если сравнивать, подчас легче, чем жить. Моя мама не смогла выстоять и предпочла сбежать. Папа вообще не обладал мужеством жить. Я им обладаю.

С юношеской неспособностью надолго задерживать на чем-то свое внимание Грэм вращал ручку радиоприемника, не вникая глубоко в то, что говорила Джейд.

Диллон, однако, вникал в каждое слово. Он протянул руку и вытер слезу у нее со щеки. Это была первая слеза, которую она обронила за пятнадцать лет. Она поцеловала его ладонь и прижалась к ней.

Когда они подъехали к дому, Джейд сказала Грэму:

– Пойди, скажи Кэти, что все в порядке и что мы вернемся к обеду.

– А ты куда?

– Диллону и мне еще предстоит кое-куда съездить.

– Куда? Я хочу с вами.

– Тебя не приглашают.

– Вы просто хотите остаться вдвоем, чтобы нацеловаться всласть.

– Пошел!

Грэм выдал Диллону понимающий взгляд – как мужчина мужчине – и вылез из пикапа.

– Расставь шахматы, мы сыграем после обеда, – крикнул ему вдогонку Диллон. Грэм улыбнулся и направился к дому.

– Он прошел через это испытание молодцом, Джейд.

– Да, слава Богу, – прошептала она.

– Может быть. Но, в основном, благодаря тебе. Джейд выждала, когда Грэм скроется за входной дверью, и повернулась к Диллону.

– Я хочу, чтобы ты отвез меня туда. Ему не надо было спрашивать, куда она хотела направиться. Он не знал только, как туда проехать. Джейд указала ему дорогу.

Когда по обе стороны замелькал знакомый ландшафт, Джейд поняла, как мало в ней сходства с той наивной девочкой, которая ехала по этой самой дороге с лучшей подругой в тот холодный февральский вечер. Но она не была уже и целеустремленной женщиной, которая успешно прокладывала путь в мир бизнеса, словно футболист, стремительно вырвавшийся вперед. Она забила свой гол и больше не нуждалась в самоутверждении.

Две ипостаси Джейд Сперри слились в одну.словно несколько сортов рыбы в кипящем бульоне, отдельные части ее сущности сварились вместе, образовав со временем странную смесь, необычную по составу и вкусу.

После многих лет продвижения к одной цели Джейд вернулась туда, откуда начинала. Жители Пальметто, помнившие Джейд, больше не видели в ней девушку, покинувшую городок после громкого скандала. Они относились к ней с

уважением, соответствующим ее нынешнему положению. Те же, кто раньше не знал Джейд, почитали ее как героиню, делавшую великое дело для общества.

Джейд с изумлением обнаружила, что все, что ей должно было казаться ненавистным, на самом деле дорого: местная пища и уклад жизни маленького городка, летний воздух, такой плотный, что его было трудно вдыхать, и мягкий бриз, который благоухал одуряющим ароматом цветов и животворным запахом морской воды.

Этот мирок нельзя было порицать за то, что он взрастил нескольких негодяев. Деловая женщина, мать, друг, любовница – кем бы еще она ни была, она оставалась женщиной Юга. Ее сердце билось в одном ритме с его тяжелой поступью.

Уходящая от дороги колея проселка заросла травой. Здесь давно уже никто не ездил. Джейд хотелось думать, что тут никого не было с той ночи. Берега канала при свете дня выглядели совсем иначе. Мягкий плеск воды в канале не казался зловещим. И не было пугающих теней, скрытого движения в темноте.

Диллон терпеливо стоял неподалеку, пока Джейд оглядывалась вокруг, вспоминая и... забывая. Наконец она подошла и встала перед ним.

– Займись со мной любовью, Диллон.

– Здесь?

– Да.

– Но почему?

– Я не хочу до конца моей жизни вспоминать это место, как место насилия. Что бы я ни делала, то унижение и гнев возвращались вновь. А я хочу вспомнить это место, как связанное с теплом, сиянием солнца. И с мужчиной, которого люблю.

Диллон погрузил пальцы в ее волосы.

– Я хочу, чтобы ты любила меня. Ты уверена, что любишь именно меня, а не то, что я сделал для тебя?

– Я уже любила тебя, но думала, что никогда не смогу выразить этого. Но если бы так и не сумела, все равно любила бы тебя.

Джейд положила ладони на его щеки.

– Я люблю тебя. А наша близость – это награда.

Шепча ее имя, Диллон привлек Джейд к себе. Он обнял ее сильно и нежно. Их губы слились в страстном влечении друг к другу, в жажде любви и обладания. Они раздевали друг друга, бросая одежду на траву. Их руки вновь открывали и возбуждали друг друга. Он поднял ее груди к своему рту, и ее соски отвердели и зарделись. Она ласкала теплую тяжесть его члена, Джейд опустилась на траву и привлекла его к себе...

– Сюда.

Он встал на колени между ее бедер и медленно лег на нее.

– Если тебе не понравится, скажи мне, и я остановлюсь, – прошептал он.

– Люби меня, Диллон.

Неспешно, постепенно он погрузился в нее. Он совершал каждый толчок, как отдельный акт любви, почти выходя из нее и вновь возвращаясь, вызывая в ней невыразимое ответное возбуждение. И вот она уже начала вздымать бедра навстречу медленным его погружениям. Он ускорил темп. Инстинктивно Джейд изменила положение ног, ее руки скользнули по его спине к ягодицам и прижали к себе ближе, сильнее, глубже.

Когда они достигли оргазма, Джейд выгнулась, подставляя себя его губам, исторгавшим хриплые стоны любви и удовлетворения.

Она прижала любимое лицо к своей шее. Перебирая его волосы, она взирала сквозь очистительные слезы на солнце и ощущала его теплые лучи на своих улыбающихся губах.